

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Издание Редакціонной Комиссіи.

Томъ XLIV. 1915 годъ.

ИРКУТСКЪ.

Типографія Т-ва Печатнаго Дѣла. Мало-Блиновская, уголь Графа-Кутайсова.

1915.

32 г.

г.

Печатается по постановлению Распорядительного Комитета Восточно-Сибирского Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.
Правитель дѣлъ *О. Ширяевъ.*

1958

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музееведѣнія

Л-2743/5

81

А. П. Дѣтищевъ. † 3 августа 1914 г.

А. П. Дѣтищевъ и П. И. Долгополовъ.

«Вчера ночью замерзли въ горахъ во время экскурсіи руководитель экскурсіи Дѣтищевъ и сотрудникъ его Долгополовъ». Такъ телеграфъ сообщилъ 4 августа 1914 г. Восточно-Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о неожиданной драмѣ, разыгравшейся на Хамарь-Дабанѣ.

Уже второе лѣто работала въ этой почти вовсе неизслѣдованной и суровой мѣстности небольшая экспедиція, снаряженная Отдѣломъ; ближайшими задачами экспедиціи было поставлено изученіе этого края въ физико географическомъ, главнымъ же образомъ,—геологическомъ отношеніи. Результаты экскурсіи 1913 г. вчернѣ уже были обработаны, доложены на общихъ собраніяхъ членовъ Отдѣла и привлекли къ себѣ вниманіе такихъ выдающихся представителей науки, какъ, напр, проф. Вернадскій, проф. В. А. Обручевъ, проф. Б. И. Дыбовскій, проф. томскаго университета Орловъ и др. Экскурсія 1914 года обѣщала дать матеріаль болѣе обильный, результаты ея ожидались, въ недалекомъ будущемъ, осязательнѣе, потому что условія работы въ этомъ году были гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ 1913 году. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ и твердыми надеждами на счастливый исходъ работъ ожидалъ Отдѣлъ возвращенія въ Иркутскъ своихъ работниковъ.

Но достаточно было нѣсколькихъ часовъ съ рѣзкимъ измѣненіемъ погоды, чтобы руководитель экскурсіи и его юный ученикъ и другъ П. И. Долгополовъ погибли навсегда.

Погибшіе путешественники вышли въ горы изъ становища 31-го іюля, предполагая вернуться обратно 2-го числа вечеромъ. Погода была прекрасная, путь довольно длинный, необходимо было взять съ собою порядочно инструментовъ для

работы, провизію; у пѣшеходовъ, такимъ образомъ, уже скапливалось достаточно ноши, которая обѣщала значительно возрасти во время переходовъ, такъ какъ предполагалось собирать образцы разныхъ горныхъ породъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ взять съ собою про запасъ теплую одежду путники не пожелали, хотя и были хорошо освѣдомлены о капризномъ характерѣ погоды на Хамарь-Дабанѣ. Извѣстную роль сыграла здѣсь, конечно, и молодость, увѣренность въ своихъ силахъ и надежда на счастье. Но 2-го числа утромъ погода рѣзко измѣнилась, пошелъ снѣгъ съ вѣтромъ и дождемъ. А путниковъ въ становищѣ все еще нѣтъ... Снарядили людей для поисковъ и оказанія помощи, быть можетъ, пострадавшимъ отъ непогоды натуралистамъ. Но розыски увѣнчались успѣхомъ лишь на утрѣ 3-го августа, когда путники въ помощи уже не нуждались: они были найдены заснувшими навѣки.

И 9 августа останки погибшихъ друзей нашли себѣ вѣчный покой въ Иркутскѣ на Іерусалимскомъ кладбищѣ.

Покойный Анатолій Павловичъ послѣ окончанія Вологодской духовной семинаріи вступилъ на естественно-математическій факультетъ юрьевского университета, по окончаніи котораго занялъ мѣсто преподавателя въ частной женской гимназіи, а черезъ два года прибылъ въ Иркутскъ, гдѣ собственно и началась его научная работа. Здѣсь онъ служилъ преподавателемъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не прекращая дальнѣйшаго самообразованія. Такъ онъ посѣтилъ Цюрихъ, гдѣ проходилъ техническій анализъ у старика Лунге, въ Гёттингенѣ и Гейдельбергѣ изучалъ анализъ, расчетъ и устройство оптическихъ приборовъ, спеціально посвящая себя минералогіи и геологіи. Желая создать въ Иркутскѣ собственную мастерскую по изготовленію шлифовъ, онъ работаетъ у Fues'a и у Voigt & Hochgesang'a. Обладая, такимъ образомъ, солидной теоретической и практической подготовкой, онъ работаетъ въ учительскомъ институтѣ, гдѣ всей душой отдается развитію будущихъ учителей, не прекращая въ то же время изученія мало изслѣдованныхъ въ геологическомъ отношеніи сосѣднихъ съ Иркутскомъ уголковъ Восточной Сибири. На работы свои онъ не жалѣетъ ни матеріальныхъ средствъ, ни времени, ни силъ и здоровья. Можно было только удивляться работоспособности молодого ученаго, когда онъ отдыхъ замѣнялъ только смѣной работы. Единственное время въ теченіи дня, въ которое,—какъ онъ говорилъ,—позволялъ себѣ покейфовать и принимать друзей, было съ 5 до 7

вечера, когда его окружали ученики, занятые практическими работами по физикѣ, ботаникѣ, зоологіи и минералогіи.

Но, работая въ институтѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ мѣстнаго Отдѣла географическаго общества; здѣсь геологическій отдѣлъ музея и лабораторія брали его досуги цѣлыми мѣсяцами. Работая надъ изученіемъ геологическихъ коллекцій, опредѣленіемъ еще не приведенныхъ въ порядокъ, покойный организовалъ маленькую мастерскую по изготовленію шлифовъ, требовавшихся учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Доходы отъ мастерской шли въ кассу Отдѣла. Кромѣ того, какъ членъ Распор. Комитета, Анатолій Павловичъ занималъ первое мѣсто по организаціи въ музеѣ объяснительныхъ чтеній и лекцій; въ издательской дѣятельности Отдѣла онъ принималъ участіе составленіемъ каталога геологическихъ коллекцій музея.

Хорошимъ памятникомъ любознательности покойнаго осталась солидная библіотека, гдѣ нѣтъ ни одной книжки и, пожалуй, даже главы безъ соотвѣтствующихъ помѣтокъ Анатолія Павловича. Въ личной жизни онъ былъ чрезвычайно скромный, но за то не жалѣлъ средствъ на нужные ему приборы и книги. По желанію жены покойнаго, спеціально научныя книги его сдѣлались достояніемъ музея, образовавъ солидный отдѣлъ геологіи и минералогіи, а учебники сдѣлались достояніемъ библіотеки Иркутскаго О-ва «Общедоступные курсы». И чрезвычайно жаль, что покойному не удалось осуществить свою завѣтную мечту—уйти цѣликомъ въ науку. Онъ долго лелѣялъ эту мечту и собиралъ средства, отказывая себѣ во многомъ, чтобы имѣть возможность оставить преподавательскую дѣятельность и уѣхать поработать надъ собранными имъ матеріалами въ Москвѣ и за границей, но по злой ироніи судьбы ни полного развитія способностей почившаго, ни законченныхъ работъ его намъ увидѣть не удалось.

Одновременно съ А. П. Дѣтищевымъ погибъ его ученикъ и другъ Павелъ Ивановичъ Долгополовъ, надежда старика-отца, одинъ изъ лучшихъ учениковъ и товарищей въ институтѣ.

На могилѣ П. И. Долгополова рѣчи его товарищей звучали и тяжелой грустью о безвременно погибшемъ товарищѣ, и выраженіями самой теплой, искренней дружбы. Предъ этимъ юношей, такъ же, какъ и предъ его учителемъ, лежалъ широкій и плодотворный путь научной и общественной дѣятельности, вступить на который ему не удалось.

Вѣчная память жертвамъ труда, науки и долга.

В в е д е н і е.

Изученіе Хулунбуирской области было поставлено мнѣ въ задачу Восточнымъ Институтомъ еще въ 1908 году, съ какою цѣлью я и былъ командированъ на лѣтнія практическія занятія въ Хулунбуиръ и Монголію по маршруту: г. Хайларъ, рѣка Керулень, г. Урга и Кяхта,—но тогда, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, мое знакомство съ Хулунбуиромъ ограничилось лишь его Прихинганской частью съ г.г. Хайларомъ, Ганчжуромъ и нѣкоторыми монастырями.

Въ началѣ марта 1911 года мнѣ представился случай вновь отправиться по тому же маршруту и, дабы пополнить свои свѣдѣнія о Хулунбуирѣ свое путешествіе на этотъ разъ я началъ отъ ст. Маньчжурія, обошелъ озеро Далай съ восточной стороны до устья рѣки Керулени, по которой и слѣдовалъ дальше на г. Ургу.

Хулунбуирская область*), по которой пролегалъ мой путь до рѣки Керулени, не имѣетъ рѣзко выраженныхъ границъ на югѣ и служитъ какъ бы продолженіемъ Монголіи, но отъ послѣдней она издавна отрѣзана условной границей, выдѣлена въ особую административную единицу, входящую въ составъ Хэйлунцзянской провинціи (одной изъ 3-хъ провинцій Маньчжуріи), и до настоящаго времени считается чисто китайской территоріей. Въ началѣ 1912 года, въ связи съ отложеніемъ отъ Китая Внѣшной Монголіи, народностями Хулунбуирской области проявлено было рѣзкое движеніе въ пользу присоединенія къ независимой Халхѣ, но это движеніе не имѣло рѣшающихъ послѣдствій, почему и разсматривать названную область отдѣльно,

---

*) Территорію эту называютъ также округомъ, но, принимая во вниманіе ея разноплеменный составъ населенія, выдѣленный территориально въ отдѣльныя административныя единицы, именуемыя туземцами также округами, болѣе правильнымъ будетъ оставить за Хулунбуиромъ названіе области.

какъ часть Монголіи, а не Китая, было бы преждевременнымъ, и въ своемъ описаніи я постараюсь представить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до начала 1912 года.

Хулунбуиръ, не смотря на одинаковыя климатическія и топографическія условія (по крайней мѣрѣ, въ южной своей части) съ сосѣдной Халхой, рѣзко отличается отъ послѣдней, какъ по своему племенному составу населенія съ чисто военной организаціей и административному устройству, такъ и по своему, сравнительно, высокому экономическому благосостоянію; богаче Халхи торговыми центрами, путями сообщеній и проч., но все это для дальневосточной литературы составляетъ terra incognita, не имѣется до сихъ поръ даже отдѣльнаго описанія области. По этимъ причинамъ, прежде чѣмъ печатать свой дневникъ путешествія по вышеуказанному маршруту, я предпсылаю ему «Краткое историко-географическое и статистическое описаніе Хулунбуирской области», куда вошли матеріалы, какъ добытые мною во время путешествій по области, такъ и позаимствованные изъ литературныхъ источниковъ, а именно:

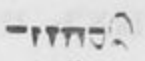

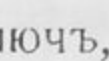
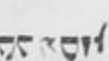
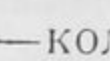
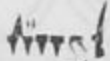
Пѣвцовъ М. В. «Очерки путешествій по Вост. Монголіи»,
Доброловскій «Хэйлунцзянская провинція»,

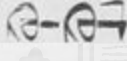
Чжанъ-му и Хэ Цю-тао «Мэн-гу-ю-му-цзи» (Записки о монгольскихъ кочевьяхъ въ переводѣ П. С. Попова),

Гр. А. Беннигсенъ «Нѣсколько данныхъ о Монголіи» и др.

Съ нѣкотораго времени русская печать, говоря о Хулунбуирской области, стала именовать ее «Барга», а населеніе ея «Баргуты». Русское же населеніе Забайкалья и въ особенности приграничное казачье населеніе—земель Хулунбуира не отличается отъ Монголіи и называетъ ихъ «Земли Мунгальскія», жителей просто мунгалами, а языкъ ихъ называютъ солонскимъ. Названіе баргутъ дано было населенію Хулунбуира впервые Халхаскими монголами, которые, принявъ буддизмъ, стали относиться къ инородцамъ, обитавшимъ къ сѣверу отъ Халхи, какъ къ шаманистамъ, съ презрѣніемъ и называть ихъ баргутами, подразумевая подъ этимъ словомъ нѣчто вродѣ нашего нехристь,— точнѣе слово «Барга», происходя отъ монгольскаго *баргу* (баргу) въ переводѣ значитъ—грубый, невѣжественный, некультурный и т. д.; въ данномъ случаѣ значеніе его вполне соот-

вѣтствуетъ русскому «хохолъ»*), когда говорятъ о Малороссіи, называя ее Хохландіей, а малоросса хохломъ. Но какъ въ китайской, такъ и въ монгольской литературѣ для данной области существуетъ одно общее и опредѣленное названіе—Хулунбуиръ и, казалось бы, игнорировать послѣднее и вводить въ нашу литературу названіе другое, унижительное и сбидное,—названіе, которое упоминается среди невѣжественнаго элемента кочевниковъ лишь изрѣдка, съ цѣлью уязвить—вводить его нѣтъ нужды. При этомъ можно удивляться тому, что эпитетовъ въ родѣ Барга и Баргутъ даже наше пограничное населеніе, столь щедрое на всякія злословія—не только не употребляетъ, но и не знаетъ, кажется, объ ихъ существованіи.

Исходя изъ сказаннаго, въ своей работѣ я постараюсь придерживаться литературнаго названія для области—Хулунбуиръ и жителей буду называть—Хулунбуирскіе монголы, или монголо-бурята (какъ они называютъ сами себя), различая ихъ, въ частности, по народностямъ на Чипчинъ, Солонъ, Орочень и проч. Кромѣ того буду избѣгать повторенія синонимовъ, встречающихся въ большинствѣ случаевъ при географическихъ именахъ въ русской транскрипціи, на примѣръ: Озеро Далай-нуръ, озеро Буиръ-нуръ, озеро Олонъ-нуръ и проч. Слово нуръ происходитъ отъ монгольскаго литературнаго (нагуръ), перешедшаго на основаніи ассимиляціи гласныхъ въ разгов. языкъ въ нуръ**),—въ переводѣ значитъ озеро, прудъ. Такимъ образомъ приведенныя въ примѣрѣ слова нужно понимать: озеро Далай озеро,—озеро Буиръ озеро, озеро Олонъ озеро и проч.; рѣка Керулень (къ примѣру) голъ отъ —рѣка, ручей Чжиргаланту-булукъ отъ слова —ключъ, источникъ. колодезь Убуръ-худукъ отъ слова или —колодезь. родникъ Шинэ-шанда „ „ —родникъ,

*) Слово хохолъ взято русскими съ монгольскаго (хохолъ), что въ переводѣ значитъ—коса, длинные волосы, челка у лошади, хохолъ у птицъ.

**) Монгольскій разговорный языкъ отличается отъ письменнаго ассимиляціей гласныхъ. Въ данномъ случаѣ долгій гласный звукъ а (нагуръ) ассимилируетъ съ собой слѣдующій гласный звукъ у, а звукъ г послѣ ассимилирующаго выбрасывается и получается въ разговорѣ: нагуръ, сокращенное въ нуръ.

гора Богдо-ула	„ „	ᠪᠣᠭᠳᠣᠤᠯᠠ — гора,	разгов. ула.
скала Ундуръ-хада	„ „	ᠤᠨᠳᠤᠷᠢᠬᠠᠳᠠ — скала,	
степь Ирэнъ-тала	„ „	ᠶᠢᠷᠡᠨᠲᠠᠯᠠ — степь небольшихъ раз-	мѣровъ.

Гобійская степь, отъ монгольскаго слова ᠭᠣᠪᠢᠰᠢᠭᠢ гоби— степь обширныхъ размѣровъ, каменистая, безтравная и безлѣсная; при переводѣ этого слова получаемъ «Степная степь»,— и т. д.

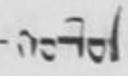
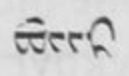
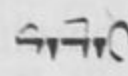
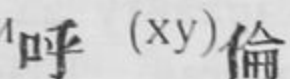

И такихъ словъ, затемняющихъ смыслъ рѣчи и создающихъ, главнымъ образомъ на картахъ, которыми руководствуются наши путешественники по Монголіи, громадную путаницу,—ихъ накопилось постепенно довольно много, и всѣ эти слова являются ничѣмъ инымъ, какъ пресловутымъ Бутундэ 1-я, Бутундэ 2-я и проч., съ которыми путешественникъ, въ особенности незнакомый съ языкомъ, является въ Монголію и при объясненіяхъ съ туземцемъ возбуждаетъ у послѣдняго смѣхъ и непониманіе въ ущербъ дѣлу и времени,—наконецъ, по возвращеніи на родину онъ также пишетъ, повторяетъ ошибки своихъ предшественниковъ и, въ свою очередь, заполняетъ дальневосточную литературу исковерканными словами и фактами, добытыми отъ некультурныхъ переводчиковъ и изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Въ концѣ описанія приложена карта Хулунбуирской области съ дѣленіемъ на «хошуны», въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Авторъ.

Хулунбуирская область.

ко
про-
ни
об-
Название области чисто монгольское, происходит отъ двухъ самыхъ большихъ озеръ, расположенныхъ въ южной ея части— (Хулунъ, что въ переводѣ значитъ бѣлая тыква, коромысло, лопатка и пр.) и (Буиръ—самецъ выдры, самецъ и пр.). Монголы говорятъ, что названіе «Хулунъ» озеро получило еще въ древности вслѣдствіе своей формы, которая въ дѣйствительности и теперь напоминаетъ собою тыкву. Впослѣдствіи это озеро получило еще другое названіе (Далай, т. е. море, океанъ, озеро), удержавшееся за нимъ до настоящаго времени среди монголь,—первое же названіе осталось у китайцевъ и транскрибируется ими въ современной литературѣ іероглифами (ху) (лунь).

Относительно озера Буиръ у монголь существуетъ сказаніе, будто въ немъ нѣкогда водились морскія животныя выдры, иные же утверждаютъ, что такія животныя водятся въ озерѣ и теперь, и отсюда, будто бы, взято само названіе озера. Подобное утвержденіе весьма правдоподобно, если принять во вниманіе значительную глубину озера, а также указанія нѣкоторыхъ изслѣдователей на то, что весь уголь Хулунбуира являетъ всѣ признаки нѣкогда существовавшаго здѣсь залива отъ Великаго Средиземнаго Монгольскаго моря*), отъ котораго и могли остаться морскія животныя, постепенно вымершія, или вымирающія. Современная китайская литература транскрибируетъ названіе озера іероглифами (Бу) (и) (эрль), или (Бэй) (эрль).

*) См. Е. Тимковскій „Путешествіе въ Китай черезъ Монголію 1820—21 гг.“. Г. Овсяный. „Матеріалы къ статистикѣ Приаргунскаго края за 1888 годъ“.

Границы.

Хулунбуирская область входитъ въ составъ Хэйлунцзянской провинціи, одной изъ 3-хъ провинцій Маньчжуріи,—на востокѣ граничитъ Хинганскимъ хребтомъ, идущимъ отъ рѣки Амура въ южномъ направленіи до горы Соелчжи (по кит. Со-яо-лэ-чжи-шань). Отъ этой точки къ югу расположенъ Чжеримскій сеймъ*), восточнѣе хребта—мѣстность Бутха или Бутхаское фудутунство. Отъ горы Соелчжи условная граница направляется на с.-западъ до рѣки Халха, по которой слѣдуетъ къ озеру Буиръ. Отъ истоковъ р. Оршунъ (кит. У-эрл-шунъ-хэ) граница направляется на югъ (по монгольскимъ картамъ отъ устья р. Халха граница пересѣкаетъ озеро Буиръ пополамъ въ юго-западномъ направленіи) къ караулу Дерису-булукъ, находящемуся у самой южной оконечности озера Буиръ. Отсюда граница дѣлаетъ большой полукругъ къ югу, проходя по монгольскимъ карауламъ Чжамчи-худукъ, Модонъ-хашіату и Ару-булукъ (см. 40 в. карту,—Ару-булукъ находится на сѣверномъ берегу сѣвернаго изъ 2-хъ озеръ у урочища Эрдени Тологой); далѣе граница направляется къ южному изгибу р. Керулени черезъ карауль Хашикту въ мѣстность Хапчилга, гдѣ у р. Керулени стоитъ пограничный столбъ «Хайчи-обо», пересѣкаетъ рѣку и направляется почти въ перпендикулярномъ направленіи къ русской границѣ черезъ караулы: Хархайту за р. Керуленью, Буркеръ, Чжирикъ-ула, Аралту, Хапчигай, Шаборте-булукъ и Керимте-шире, откуда пересѣкаетъ озеро Торгунъ-Цаганъ и выходитъ на русскую границу у пограничнаго караула Тарбага-даху, отстоящаго отъ озера Хара въ десяти верстахъ къ востоку.

Къ югу и западу отъ этой границы начинаются владѣнія Халхаской Монголіи и аймакъ Цэцэнхана,—къ сѣверу Россіи—Забайкальская область.

Отъ кар. Тарбага-даху условная граница съ Россіей идетъ по прямой линіи къ востоку до Абагайтуйевскаго караула и далѣе къ с.-с.-в. по рѣкѣ Аргуни до впаденія ея въ р. Шилку.

**Устройство
поверхности.**

Вся площадь Хулунбуирской области исчисляется въ 140 тыс. квадр. верстъ. Заключенная въ указанныхъ предѣлахъ область по своему устройству поверхности представляетъ плоскогоріе, подъ названіемъ Хулунбуирскаго, которое на югѣ и за-

*) Самый сѣверный изъ 4-хъ сеймовъ Восточной Монголіи, въ составъ котораго входитъ 10 княжествъ. См. схему.

падѣ составляетъ продолженіе монгольскихъ степей (Монгольскихъ Гоби), на сѣв.-востокѣ ограничивается теченіемъ рѣки Гень*), а на востокѣ постепенно сливается съ предгоріями Большого Хингана. Поверхность плоскогорія волнообразная, достигаетъ средней абсолютной высоты до 2000 футовъ, сильно всхолмленная къ сѣверу отъ рѣки Хайларъ невысокими пологими предгоріями Хингана, которыя расходятся отъ послѣдняго вѣеромъ къ рѣкамъ Хайлару и Аргуни; на югѣ поверхность имѣетъ болѣе равнинный характеръ съ одинокими горнообразными возвышеніями, какъ на примѣръ: на западѣ озера Далай хребетъ Ольчинъ, къ востоку отъ него гора Баинъ-Цаганъ, Буржи и проч. Плоскогоріе изрыто глубокими долинами въ нѣсколько верстъ ширины и различной величины впадинами, образующими озера, часто съ горько-соленой и соленой водой. Грунтъ плоскогорія состоитъ большей частью изъ глины и гравія и на значительныхъ пространствахъ пропитанъ солями; это подтверждаетъ предположеніе, что плоскогоріе было нѣкогда окраиной огромнаго внутренняго Монгольскаго моря**). Вслѣдствіе испаренія почвы, соли выступаютъ на поверхность и покрываютъ ее иногда сплошнымъ пластомъ бѣлаго порошка кристаллической соли отъ 1 до 3 вершковъ толщины, какъ на примѣръ, на равнинѣ Соелчжи, къ югу отъ Старо-Цурухайту, къ югу отъ озера Далай и т. д.

Прѣсныхъ источниковъ, за исключеніемъ системы рѣкъ Хайларъ, Халха и Оршунъ, мало, благодаря чему растительный покровъ бѣденъ. Общій видъ плоскогорья представляетъ пустыню, мало оживляемую даже такими крупными, сравнительно, источниками прѣсной воды, какъ упомянутыя рѣки съ ихъ притоками. Сопровождающіе же рѣку Хайларъ песчаные увалы, ориентированные въ направленіи господствующихъ вѣтровъ отъ с.-з. къ ю.-в., покрыты кое-гдѣ, и то мелкой, травяной растительностью. Существуетъ предположеніе, что эти песчаные холмы находятся въ постоянномъ поступательномъ движеніи на востокъ.

Въ гидрографическомъ отношеніи Хулунбуирская область представляется слабо орошенной прѣсными источниками и въ

*) а не Ганъ, какъ названа эта рѣка на 40 верстн. картѣ изд. Главнаго штаба.

**) См. Тимковскій «Путешествіе въ Китай черезъ Монголію».

большой степени солеными, такъ какъ имѣетъ много небольшихъ, но разбросанныхъ повсюду озеръ съ соленой и горько-соленой водой. Хинганъ даетъ плоскогорію на всемъ протяженіи большое количество незначительныхъ рѣкъ, изъ которыхъ выдѣляются болѣе крупныя: Халха, Оршунъ и Хайларъ. Но эти рѣки, вслѣдствіе насыщенія почвы солями, не могутъ оказывать благотворнаго вліянія на растительное царство области. Кромѣ этихъ рѣкъ съ юго-запада своимъ нижнимъ теченіемъ прорѣзываетъ плоскогоріе рѣка Керуленъ, вытекающая изъ Кэнтэйскихъ горъ, но вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, окрестности ея бѣдны растительностью.

Рѣка Хайларъ.

Р. Хайларъ, вытекающая изъ становой цѣпи Большого Хингана, на плоскогоріи появляется верстахъ въ 70 выше г. Хайлара и течетъ по болотистой низинѣ, окаймленной слѣва песчаными буграми и справа холмистыми возвышенностями сѣверныхъ предгорій. Не доходя до Абагайтуя около 6 верстъ, Хайларъ разбивается на двѣ протоки, по соединеніи которыхъ принимаетъ названіе Аргунь. По выходѣ на равнину, называемую Чжаламутуй, рѣка разливается до 35 сажень ширины и имѣетъ настолько значительную глубину, что бродовъ отсюда и до слиянія ея съ р. Шилкой уже не встрѣчается. Судя по этому, по рѣкѣ возможно судоходное движеніе, хотя туземцы и не пользуются ею для этой цѣли. Изъ притоковъ Хайлара болѣе или менѣе значительны и глубоки: Кулдуръ, Чжадунъ, съ притокомъ Унуръ, Ибенъ, составляющійся изъ рѣкъ Хуинъ и Эминъ, и Мэргэнъ.

Озеро Далай.

Непосредственно къ югу отъ мѣста переименованія рѣки Хайлара въ Аргунь находится обширный бассейнъ—озеро Далай, наибольшее изъ озеръ Хулунбуира, занимающее до 1000 квадр. верстъ и служащее резервуаромъ рѣчныхъ системъ сѣверо-восточнаго угла плоскогорія Гоби. Озеро въ настоящее время сильно мелѣетъ и все болѣе и болѣе разобщается съ системой рѣки Хайларъ, и только рядомъ канавъ (Мутная протока), и то въ дождливое время года, соединяется съ ней на нѣкоторое время. Изслѣдователями Монголіи *) уже давно замѣчено, что

*) См. Г. Овсяный «Матеріалы къ статистикѣ Приаргунскаго края за 1888 годъ».

страна, орошаемая системой Аргуни и въ особенности пространство между караулами Абагайтумъ и старымъ Цурухайтумъ, являютъ всѣ признаки того, что эта котловина нѣкогда служила ложемъ мелѣющаго и высыхающаго нынѣ озера Далая. Глинисто-солончаковые берега озера на значительномъ разстояніи отъ этого ложа окаймлены съ запада обрывающимися въ него горами, а съ остальныхъ сторонъ песчаными скатами нагорья Гоби. Съ юго-запада въ озеро вливается тремя неглубокими илистыми рукавами рѣка Керуленъ и съ юго-востока рѣка Оршунъ, вытекающая изъ озера Буиръ.

рѣка Оршунъ.

Рѣка Оршунъ въ сухое время года проходима въ бродъ и только въ нижнемъ своемъ теченіи достигаетъ значительной глубины, гдѣ для переправы употребляютъ лодки. Теченіе рѣки тихое, вода прѣсная и мутная. Съ сѣвера рѣка окаймлена высокими песчаными берегами, отходящими отъ ея русла иногда на значительное разстояніе, вслѣдствіе чего, во время разливовъ, рѣка достигаетъ 5--6 верстъ ширины. Юго-западные берега Оршуни круты и обрывисты, и русло рѣки почти на всемъ протяженіи придерживается этой стороны. Рѣка изобилуетъ рыбой: сазанъ, щука, карась и пр.

озеро Буиръ.

Озеро Буиръ занимаетъ площадь до 600 кв. верстъ, очень глубокое, имѣетъ прѣсную прозрачную воду и изобилуетъ рыбными богатствами. Берега озера песчано-каменистые, круто спускающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ него иногда подъ угломъ въ 30—40°. Восточной своей половиной озеро входитъ въ предѣлы Халхи, западной—въ предѣлы Хулунбуира. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро съ восточной стороны, заслуживаетъ вниманія р. Халха съ притоками: Тулай, Делгиръ, Боро и Будунъ. Съ сѣверной стороны широкимъ русломъ изъ озера вытекаетъ рѣка Оршунъ, связывающая его съ бассейномъ Далая.

рѣка Халха.

Беретъ свое начало на Б. Хинганѣ и, протекая на разстояніи приблизительно 200 верстъ въ юго-зап. направленіи, откло-

няется къ сѣверо-западу, течеть въ этомъ направленіи около 50 верстъ и затѣмъ впадаетъ въ оз. Буиръ. Въ обычное время глубина рѣки незначительна, 2—2¹/₂ аршина, но въ половодье рѣка разливается на значительное разстояніе и дѣлается въ бродъ проходимой лишь въ немногихъ мѣстахъ.

Рѣка Аргунь.

Рѣка Хайларъ, какъ сказано выше, послѣ сліянія нѣсколькихъ протоковъ, берущихъ начало изъ оз. Далая, принимаетъ названіе Аргуни, которая въ верхнемъ своемъ теченіи, до пріятія р. Гэнь, имѣетъ крайне извилистое и глинистое ложе съ болотистыми берегами; средняя глубина ея здѣсь около сажени и ширина отъ 15—до 20 саж.; долина покрыта тонкимъ илистымъ грунтомъ и ограничивается горными цѣпями на разстояніи отъ 4 до 12 верстъ.

Въ среднемъ теченіи отъ устья р. Гэнь до Урюпинской станицы (378 вер.) рѣка расширяется до 70—100 сажень, при средней глубинѣ 4 фута. Берега здѣсь болѣе доступны, дно каменистое, благодаря чему въ сухіе годы черезъ рѣку бывають броды. Вблизи Урюпинской станицы ложе усѣяно камнями, по которымъ рѣка течеть шумнымъ потокомъ. Въ нижнемъ теченіи (150 вер.) ширина Аргуни достигаетъ 150 саж., дно усѣяно большими камнями (бойцы), которые въ засуху выступаютъ рифами надъ водой; среди нихъ рѣка шумно перекатывается съ чрезвычайной силой и быстротой. Берега все время сжаты горными кряжами, которые обрываются въ рѣку скалистыми утесами и дѣлають ее по большей части неприступной.

На 50 верстъ отъ сліянія съ Шилкой въ Аргунь заходятъ амурскіе пароходы. подниматься же далѣе опасаются изъ-за указанныхъ «бойцовъ».

Рѣка Гэнь.

Изъ притоковъ Аргуни наиболѣе значительный Гэнь; въ низовьяхъ имѣетъ не широкую (до 2 вер.) съ роскошной растительностью долину; притоки р. Гэнь и другія рѣки къ сѣверу имѣють богатая мѣсторожденія золота (Келарійскіе, Анпингаскіе, Араканскіе и друг. пріиска).

имать.

Климатическія условія Хулунбуирской области въ значительной степени зависятъ отъ вліянія на нихъ воздушныхъ теченій изъ обширныхъ степныхъ пространствъ центральной Азіи, которыя, вслѣдствіе своей способности быстро нагрѣванія и охлажденія, вызываютъ процессы образованія максимума или минимума барометрическаго давленія. Лѣтомъ, съ мая по сентябрь, когда давленія эти сокращаются надъ центральной Азіей до минимума,—начинается непрерывный циклонъ, т. е. течение воздуха со всѣхъ сторонъ къ центру Азіи, почему на Хулунбуирскомъ плоскогоріи преобладаютъ сначала юго-восточные, а затѣмъ сѣверо-восточные вѣтры. Когда же, къ началу осени (сентябрю), почва по ночамъ начинаетъ выдѣлять большее количество теплоты, чѣмъ въ состояніи поглотить таковое за день,—надъ центральной Азіей возникаетъ максимумъ высокаго давленія и, воздушныя теченія расходятся отсюда по всѣмъ направленіямъ; тогда въ Хулунбуирѣ начинаютъ преобладать сначала юго-западные, а затѣмъ сѣверо-западные вѣтры.

Къ второстепеннымъ факторамъ, оказывающимъ вліяніе на климатическія условія области, нужно отнести особенности устройства ея поверхности, какъ-то: большое протяженіе Хингана и обиліе его лѣсовъ на востокѣ,—равнинныя солончаковыя пространства со скудной растительностью въ западной части района и проч. Эти особенности и придаютъ здѣсь климату своеобразный характеръ.

сна.

Весна начинается слишкомъ поздно,—только со второй половины апрѣля повышается дневная температура, ночью же продолжаются заморозки. по западному склону Хингана начинается таяніе снѣговъ, которое задерживается до іюня, вслѣдствіе чего въ это время происходитъ рѣзкое колебаніе температуры, теплый день смѣняется ночнымъ холодомъ, что, главнымъ образомъ, тормозитъ развитіе растительности.

При объѣздѣ съ восточной стороны озера Далая*) съ 15 го апрѣля по 6-е мая 1911 года, наша экспедиція испытывала по

*) См. мой дневникъ путешествія по Монголіи за 1911 годъ.

ночамъ невыносимую стужу, ежедневно дулъ столь сильный и порывистый сѣверо-западный вѣтеръ, что, отошавшій за зиму на подножномъ корму скотъ валился съ ногъ, и для спасенія отъ стужи при остановкѣ на ночлегъ приходилось врываться въ землю. Отъѣзжая отъ озера 7-го мая, мы оставили на немъ потемнѣвшій и только что начавшій таять ледъ. За весь указанный періодъ безоблачныхъ дней было всего 5. Температура днемъ повышалась до $+15^{\circ} \text{R.}$, но вѣтеръ носилъ въ воздухѣ столбы пыли и крупнаго песку, и пронизывалъ насквозь; по ночамъ же температура падала до $-5-6^{\circ} \text{R.}$ Подобными непривѣтливими явленіями всегда сопровождается въ Хулунбуирѣ короткая весна, которая, вслѣдъ за окончаніемъ таянія снѣговъ на Хинганѣ и льда въ озерахъ, быстро смѣняется лѣтомъ.

лѣто.

Лѣто начинается въ концѣ мая; вѣтры стихаютъ и появляются первые дожди; степи покрываются зеленью и температура становится знойной, доходящей до $+40^{\circ} \text{R.}$, но ночная температура зачастую спускается до 0°R. Количество атмосферныхъ осадковъ значительно разнится по годамъ и мѣсяцамъ, и опредѣлить таковое, хотя бы приблизительно, не представляется возможнымъ.

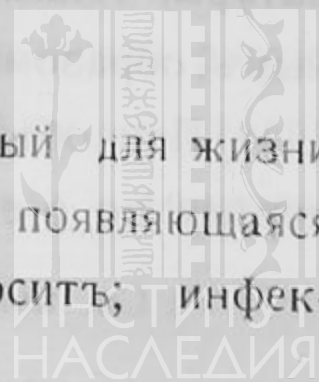
сень.

Съ половины августа начинается осень. Ночи становятся холодными, иногда съ приморозками; дневная температура падаетъ; преобладавшіе до сихъ поръ сѣверо-восточные вѣтры постепенно переходятъ въ сѣверо-западные, рѣзко—холодные; въ степяхъ желтѣетъ трава, въ лѣсахъ западнаго склона Большого Хингана опадаетъ листва, и въ первыхъ числахъ сентября нерѣдко вершины Хингана покрываются снѣгомъ.

има.

Въ октябрѣ замерзаютъ рѣки и начинается холодная безснѣжная и продолжительная, до 5-ти мѣсяцевъ, зима, съ морозами, усиливающимися при вѣтрахъ до -40°R.

Несмотря на столь суровый и неблагоприятный для жизни климатъ, его можно считать здоровымъ, сырость, появляющаяся здѣсь лѣтомъ въ періодъ дождей, вреда не приноситъ; инфек-

ціонныхъ заболѣваній, въ особенности въ южной части области, почти не наблюдается, за исключеніемъ развѣ дебрей Большого Хингана, гдѣ лѣтомъ бываютъ частыя и вредныя для здоровья испаренія. Но изъ сказаннаго нельзя выводить заключеніе, что путешествія по Хулунбуиру, въ виду рѣзкаго колебанія температуры, особенно сильнаго весной и въ концѣ лѣта, при отсутствіи теплой одежды, какъ-то: валенокъ, тулупа и проч., не затруднительны и не опасны, въ особенности для непривыкшихъ къ тамошнимъ климатическимъ условіямъ путешественниковъ.

Историческій очеркъ Хулунбуирской области.

О земляхъ Хулунбуирской области китайскіе историки упоминаютъ еще за два вѣка до Р. Х. *) и съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе частныхъ политическихъ пертурбацій, онѣ переходили отъ одного племени къ другому и дѣлались достояніемъ то одного, то другого государства. До конца 16-го столѣтія эта область входила въ составъ Чингисовой Монголіи, о чемъ свидѣтельствуютъ историческіе памятники, —напримѣръ: остатки вала Чингисъ-хана у стараго Цурухайтуя, —у китайскихъ историковъ **) находимъ, что послѣ Чингисъ-хана Хулунбуирская область досталась въ удѣль его брату Хабуту-хасару, гдѣ и кочевалъ его родъ, но по смерти Хабуту-хасарова потомка въ 15-мъ поколѣніи Бурхая, кочевавшаго тамъ же и давшего своему аймаку ***) названіе Уратъ, этотъ удѣль раздѣлился на 3 удѣла или аймака; потомки Бурхая вслѣдъ затѣмъ поддались Маньчжурскому дому и перекочевали къ Ордосамъ. Есть объ этомъ много и другихъ указаній. Съ конца же 16-го столѣтія Хулунбуирская область подчиняется вліянію возвышавшихся въ то время Маньчжурскихъ племенъ. Съ другой стороны изъ за Амура въ сѣверныя части Маньчжуріи началось движеніе русскихъ казаковъ, которое на общій ходъ событій въ Хулунбуирской области оказало не малое вліяніе, т. к. казаки при

*) См. Хэйлунцзянь-тунъ-чжи гл. 1-я.

**) См. стр. 44, 45 Мэн-гу-ю-му-цзи.

***) аймакъ—совокупность нѣсколькихъ родовъ или княжествъ, происходящихъ отъ одного предка.

своихъ набѣгахъ тревожили, главнымъ образомъ, сѣверныхъ инородцевъ, облагая ихъ ясакомъ, чѣмъ и привлекали вниманіе возвышавшихся маньчжуръ. Для борьбы съ казаками маньчжуры, (утвердившіеся на китайскомъ престолѣ въ 1632 году) въ лицѣ энергичнѣйшаго изъ государей этой династіи императора Канси, въ 1683 году рѣшаютъ учредить Амурскую провинцію съ главнымъ городомъ Хэйлунцзянь (Айгунь), которая должна была давать отпоръ сѣвернымъ завоевателямъ мѣстными средствами. Хэйлунцзянская провинція при учрежденіи ея раздѣлилась въ административномъ отношеніи на 4 округа: Айгунскій, Мэргэньскій и Цицикарскій съ фудутунами во главѣ и Бутхаскій, подъ управленіемъ 4-хъ ухеридъ, или по китайски цзунъ-гуанъ'ей *).

Что же касается Хулунбуирской области, то для управленія ею былъ командированъ изъ Пекина съ особыми полномочіями чиновникъ, а въ 1744 году область была преобразована въ фудутунство съ главнымъ городомъ Хайларъ (по-монгольски Амбань-хото) и подчинена командующему войсками Хэйлунцзянской провинціи (цзянь-цзюню). Впослѣдствіи въ 1895 году изъ Хэйлунцзянской провинціи образовано 7 фудутунствъ: 1) Цицикарское, 2) Айгунское, 3) Мэргенское, 4) Хуланское, 5) Тункэньское, 6) Бутхаское и 7) Хайларское.

Административное устройство.

Административное устройство Хулунбуира было основано на принципѣ знаменной организаціи, соотвѣтственно съ другими фудутунствами провинціи, съ той лишь разницей, что административному дѣленію здѣсь соотвѣтствуетъ еще и территориальное, т. е. всѣ кочевыя племена разбиты на знамена, съ правомъ кочевать только на опредѣленномъ знаменномъ участкѣ земли, называемомъ здѣсь еще хошуномъ **). Эти знаменные участки,

*) Ухерида—слово маньчжурское, опредѣляетъ чинъ 2-го класса 1-го разряда, т. е. полковникъ. Монголы передѣляли его въ—угурда и въ такой транскрипціи внесли во всѣ знаменные войска.

***) Не надо смѣшивать съ хошунами въ Монголіи вообще, гдѣ хошунъ является удѣльнымъ княжествомъ во главѣ съ родовымъ княземъ.

или хошуны управляются угурдами, которые являются ближайшими помощниками фудутуна*), стоящаго во главѣ управленія всей области. Угурда въ Хулунбуирѣ управляетъ 4-мя знаменными участками, или хошунами (кромѣ Олотскаго, вѣдающаго всего лишь однимъ хошуномъ—олотскимъ) и имѣетъ въ своемъ непосредственномъ подчиненіи 2-хъ помощниковъ, называемыхъ гольда'ми**). Каждый гольда, въ свою очередь, управляетъ 2-мя хошунами и имѣетъ свою канцелярію съ соотвѣтствующимъ штатомъ подчиненныхъ.

Должностей угурды въ Хулунбуирѣ 5.

1) Солонскій угурда управляетъ четыремя хошунами (или знаменами) племени солонъ.

2) Чипчинскій угурда управляетъ двумя солонскими и двумя старыми монголо-бурятскими хошунами. Въ первыхъ двухъ хошунахъ съ солонами слились немногочисленные Дауры,—во вторыхъ двухъ—Чахары съ бурятами.

3) Монголо-бурятскіе угурды управляютъ каждый четыремя хошунами.

4) Олотскій угурда управляетъ однимъ не полнымъ олотскимъ хошуномъ.

Такимъ образомъ въ Хулунбуирѣ насчитывается всего 17 хошуновъ,—каждый хошунъ, т. е. территорія съ племенемъ, имѣетъ свое знамя установленнаго цвѣта, и по цвѣту своего знамени отличается отъ другого хошуна въ разговорѣ и письмѣ. Поэтому и называютъ: хошунъ солонскаго желтаго съ каймой знамени и пр. или хошунъ угурды такого то (называютъ фамилію угурды).

---

*) Фудутунъ—должность 1-го класса 2-го разряда, соотвѣтствуетъ чину генералъ-лейтенанта; обыкновенно въ этой должности бываетъ губернаторъ въ Китаѣ.

***) Отъ маньчжурскаго слова ильхида, соотвѣтствующаго китайскому фугуань'ю—должность 2-го класса 3-го разряда, равная приблизительно чину подполковника.

Название хошуновъ (знаме

Название хошуновъ по-русски.*)	Название хошуно ратур
1) Хошунъ знамени желтаго съ каймой.	ᠬᠡᠰᠢᠨᠠᠨᠢ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
2) " " сплошного бѣлаго.	ᠪᠡᠯᠠᠭᠠ
3) " " сплошного желтаго.	ᠵᠡᠯᠲᠠᠭᠠ
4) " " сплошного краснаго.	ᠰᠢᠷᠠᠨᠠᠭᠠ
5) " " краснаго съ каймой.	ᠰᠢᠷᠠᠨᠠᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
6) " " синяго съ каймой.	ᠰᠢᠨᠢᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
7) " " бѣлаго съ каймой.	ᠪᠡᠯᠠᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
8) " " сплошного синяго.	ᠰᠢᠨᠢᠭᠠ
9) " " желтаго съ каймой.	ᠵᠡᠯᠲᠠᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
10) " " сплошного желтаго.	ᠵᠡᠯᠲᠠᠭᠠ
11) " " сплошного краснаго.	ᠰᠢᠷᠠᠨᠠᠭᠠ
12) " " краснаго съ каймой.	ᠰᠢᠷᠠᠨᠠᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
13) " " синяго съ каймой.	ᠰᠢᠨᠢᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
14) " " бѣлаго съ каймой.	ᠪᠡᠯᠠᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
15) " " сплошного бѣлаго.	ᠪᠡᠯᠠᠭᠠ
16) " " желтаго съ каймой.	ᠵᠡᠯᠲᠠᠭᠠ ᠵᠡᠨᠢᠮᠡᠨᠢ
17) " " сплошного синяго.	ᠰᠢᠨᠢᠭᠠ

*) См. въ концѣ карту Хулунбуирской области съ дѣленіемъ на хошунъ.

нбуира по ихъ цвѣтамъ.

скомъ лите-	Названіе хошуновъ въ монгольскомъ разговорномъ языкѣ.	Народности.
э-шира*) .	Кувó шира́ хошú(н)	<p>С о л о н ы . 6 хошуновъ.</p>
и-цаганъ) .	Гúли цага́нъ „	
и-шира) .	Гúли шира́ „	
и-улаганъ) .	Гúли ула́нъ „	
э-улаганъ) .	Кувó ула́нъ „	
э-хухэ) . .	Кувó хúхэ „	
э-цаганъ) .	Кувó цага́нъ „	<p>Ч и п ч и н ы . (старые монголо-буряты). 2 хошуна.</p>
и-хухэ) . .	Гúли хúхэ „	
э-шира) : .	Кувó шира́ „	<p>О л о т ы . 1 хошунъ.</p>
и-шира) .	Гúли шира́ „	
и-улаганъ) .	Гúли ула́нъ „	<p>Новые монголо-буряты. 8 хошуновъ.</p>
э-улаганъ) .	Кувó ула́нъ „	
э-шира) . .	Кúво хúхэ „	
э-цаганъ) .	Кувó цага́нъ „	
и-цаганъ) .	Гúли цага́нъ „	
э-шира) . .	Кувó шира́ „	
и-хухэ) . .	Гúли хúхэ „	

Handwritten note:
— 24495

аньчж. Кубухэнь, поэтому въ разговорн. языкѣ передается, какъ кубу или кобу шира.

ИНСТИТУТЪ НАСЛЕДІЯ

Олотскій хошунъ стоитъ обособленно, и его угурда является помощникомъ фудутуна по административной части. Остальные хошуны группируются во фланги: два правыхъ фланга называются даскунъ (отъ маньчжурскаго дасханъ) и два лѣвыхъ —цзэвуль (отъ маньчжурскаго чжэбэлэ).

Каждый хошунъ дѣлится на 3 сумуна, кромѣ олотскаго, дѣлящагося на 2 сумуна, т. е. эскадрона, и эскадронъ состоитъ изъ 50 всадниковъ *). Во главѣ сумуна стоятъ цзангины **), всѣхъ цзангиновъ въ Хулунбуирѣ 50, при каждомъ изъ нихъ находится по одному хабану (или по мѣстному кундуй) ***), за исключеніемъ олотскихъ, имѣющихъ по два хабана; кромѣ того въ своемъ подчиненіи цзангины имѣютъ по нѣскольку бошо-ху (разгов. бошхо), т. е. унтеръ-офицеровъ.

Всѣ должностныя лица Хулунбуира назначаются изъ мѣстнаго населенія, за исключеніемъ фудутуна, который назначается Пекиномъ.

Войска Хулунбуира, или какъ ихъ принято называть въ виду ихъ свирѣпости въ разговорѣ —баргутскія войска, до послѣдняго времени считались наилучшими изъ провинціальныхъ войскъ Китая и несли по указаніямъ Пекинскаго правительства тяжелую службу въ походахъ въ Центральной Азіи для подавленія мятежей, какъ, на примѣръ, усмиреніе дунганъ въ 1872 г. и проч.****), а въ 1900 году во время боксерскаго возстанія они выступали противъ русскихъ на Хинганѣ*****).

Выдающіяся боевыя качества хулунбуирскія войска приобрѣли благодаря постоянному пребыванію подъ знаменами и участію въ ежегодныхъ общихъ смотрахъ въ Хайларѣ, гдѣ

*) Въ халхаскихъ сумунахъ насчитывается до 150 всадниковъ.

**) Есауль, капитанъ,—сотенный или ротный командиръ (по кит. цзо-линъ) должность 3-го класса I-го разряда.

***) Поручикъ, сотникъ (по кит. пай-чжанъ),—должность 3-го класса 2-го разряда.

****) См Потанинъ. Очерки Сѣв. Зап. Монголіи.

*****) Въ 1901—1902 годахъ въ г. Иркутскѣ покончилъ самоубійствомъ выдающійся хулунбуирскій генераль чжанъ, солонъ по происхожденію, совершившій со своими войсками нѣсколько труднѣйшихъ по пустынѣ походовъ въ Западную Монголію. Въ Россію генераль Чжанъ скрылся, какъ приверженецъ ея, послѣ боксерскаго возстанія. Послѣ его смерти, по просьбѣ Китайскаго правительства тѣло генерала было отрыто и увезено изъ Иркутска въ Монголію специально командированными для того изъ Урги чиновниками и нашимъ консульствомъ. (См. Записки Д. П. Першина).

они тренировались и представлялись въ лучшемъ видѣ; они существовали далеко не номинально, не на бумагѣ, какъ это цѣлыми столѣтіями наблюдалось въ провинціяхъ Китая, въ Монголіи и въ особенности въ Халхѣ, а были и въ дѣйствительности закаленными солдатами, съ однимъ лишь недостаткомъ—отсутвіемъ современнаго оружія.

Китайская администрація опредѣляетъ кочевья каждого племени слѣдующимъ образомъ:

Олоты. Мѣстность олотъ раздѣляется на 2 сумуна,—на сѣверной окраинѣ этой мѣстности протекаетъ рѣка Си-ни-кэнь-хэ (Шиніинъ-голь), южную границу составляетъ гора Би-лу-тэ-хо-шу-шань (Билуть-хошу-ула) и на востокѣ границей служитъ правый берегъ упомянутой рѣки.

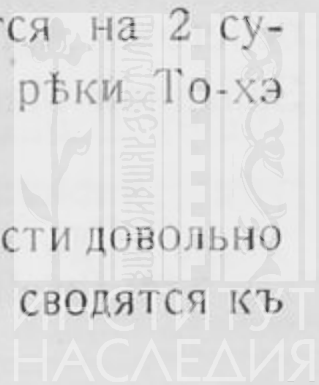
Солонь. Западная сторона (лѣвое крыло) ихъ кочевій раздѣляется на 12 сумуновъ, земли которыхъ граничатъ рѣками: на сѣверѣ Хуинъ-хэ (Хуинъ-голь), на югѣ Куй-тунъ-хэ (Куйтунъ-голь) и на западѣ Хуй-хэ (Хуй-голь). Восточная сторона (правое крыло) земель солонъ раздѣляется на 6 сумуновъ, къ нимъ примыкаютъ кочевья старо-бурятъ, въ количествѣ 6 сумуновъ. Границами служатъ рѣки: на сѣверѣ Гэнь-хэ, на югѣ Си-ни-кэнь-голь (Шиніинъ-голь), на востокѣ Чжа-дунъ-хэ (Чжадунъ-голь) и на западѣ находится мѣстность На-хань-тай.

Ново-буряты (или Шинэ-Барга). Восточная сторона (лѣвое крыло) мѣстности, занимаемой ново-бурятами, раздѣляется на 12 сумуновъ, границу составляютъ: на сѣверѣ гора Да-гань-дело-шань, на югѣ мѣстность Хань-да-гай-ту-линь, на востокѣ рѣка Хуй-хэ и на западѣ рѣка Эрр-шунъ-хэ (Оршунъ-голь).

Западная сторона мѣстности, занимаемой ново-бурятами, т. е. правое крыло, раздѣляется также на 12 сумуновъ. Границей служатъ: на сѣверѣ карауль гора Си-ла-чань-шань, на югѣ озеро Би-эрр-пао (Буиръ-норъ), на востокѣ западный берегъ Эрр-шунъ-хэ (Оршунъ-голь) и на западѣ примыкаетъ къ карауламъ Халхи.

Орочень (*До-лунъ-чунь*). Мѣстность раздѣляется на 2 сумуна, для пастбищъ и для охоты является раіонъ рѣки То-хэ и Хинганъ.

Племенной составъ населенія Хулунбуирской области довольно разнообразный, но всѣ входящія въ нее народности сводятся къ

бленіе
ць ко-
кажда-
емени.

донасе-

3-мъ основнымъ группамъ: 1) тунгузско-маньчжурской, 2) монгольской и 3) китайской.

Провинціальная администрація дѣлитъ первую на даурь, солонь и ороченъ, вторую изъ нихъ на буряты и олотъ, третью же народность составляютъ китайцы,—пришлые чиновники, купцы и ремесленники. Многіе авторы, составлявшіе описанія Хэйлунцзянской провинціи, относятъ почти весь составъ ея населенія къ маньчжурскому племени, но такая ошибка вызывается трудностью различія его по этнографическимъ и лингвистическимъ признакамъ,—больше же данныхъ за то, что самое названіе «маньчжуръ» есть понятіе общее, относящееся съ незапамятныхъ временъ вообще къ различнымъ мелкимъ племенамъ тунгузскаго происхожденія, кочевавшимъ по Амуру и нагорьямъ Хингана и объединявшимся подъ этимъ названіемъ въ 17 вѣкѣ для покоренія Китая. Прослѣдимъ по возможности, историческое прошлое cadaго племени въ отдѣльности и появленіе ихъ въ Хулунбуирѣ.

Чипчины или
старые мон-
голо-буряты.

Вопросомъ о происхожденіи чипчинъ или старыхъ бурятовъ занимались многіе европейскіе ориенталисты, но взгляды ихъ на этотъ счетъ весьма разнообразны.

По мнѣнію знаменитаго Палласа*), въ старину всѣ вообще монголы дѣлились на собственно-монголовъ и ойратовъ, ойраты же состояли изъ 4-хъ ордъ: укгэлэть (т. е. калмыковъ), хойтовъ, туметовъ и баргу-бурятовъ. Подтвержденій на счетъ дѣленія ойратовъ на орды мы у другихъ ориенталистовъ на встрѣчаемъ. Иногда перечисляютъ четыре поколѣнія, на которыя, будто-бы, раздѣляется народъ ойратъ.

Сенанъ-Сецэнъ**) указываетъ четыре племени: угледь, багатудъ, хойтъ и кергутъ, происшедшихъ, будто-бы, отъ 4-хъ сыновей Дуа-Сохара.

Но всѣ изслѣдователи говорятъ объ ойратахъ разно, за исключеніемъ *Тимковскаго*, который, соглашаясь съ Палласомъ, называетъ такъ монголъ, кочующихъ въ области между правымъ берегомъ Аргуни, къ сѣверу отъ рѣки Халхи и на границѣ Западной Маньчжуріи, собственно на земляхъ солоновъ.

*) См. его Собраніе историческихъ записокъ гл. I, стр. 5.

**) См. Исторія Вост. Монголіи 57.

Эти ойраты или буряты съ незапамятныхъ временъ кочевали по горамъ и долинамъ Прибайкальской Сибири, но вслѣдствіе, будто-бы, повелѣнія преемниковъ Чингисъ-Хана, они убралась къ солонкамъ, оставивъ возлѣ Прибайкаля нѣсколько родовъ своихъ единоплеменниковъ, изъ которыхъ потомъ развились наши инородцы, баргузинскіе буряты, считающіеся однокостниками чипчинъ. Удалившись изъ Прибайкаля, буряты долгое время кочевали въ предѣлахъ Халхи, преимущественно въ Цеценхановскомъ аймакѣ, но, отличаясь по племени, нарѣчію и религіи, они не могли ужиться съ халхасцами и оставались въ постоянныхъ враждебныхъ съ ними отношеніяхъ.

Въ 1680 годахъ началось движеніе Чжунгарскаго князя Галдана, который со своими полчищами произвелъ страшныя опустошенія по всей Халхѣ и, естественно, что на переселившихся въ Халху буряты обрушилась вся тяжесть налоговъ для пополненія княжеской казны; этимъ и вызвано было ихъ негодованіе, а затѣмъ и бѣгство изъ Халхи, частью обратно въ Забайкалье, а частью за Хинганъ, къ Цицикару.

Въ концѣ 17-го столѣтія, перекочевавшіе за Хинганъ буряты наравнѣ съ другими племенами, по указу императора Канъ-си были прикрѣпощены къ землямъ и вошли въ составъ знаменныхъ войскъ Маньчжуріи, образовавъ военно-пахотныя поселенія. Но такое распоряженіе властей не вязалось съ укладомъ жизни кочевниковъ, которые вскорѣ взбунтовались и начали разбойничать. Поэтому въ 1732 году возставшіе буряты въ составѣ 5 сумуновъ (4 сумуна осталось у Цицикара), а съ ними солонки и частью дауры, были переселены обратно за Хинганъ въ Хулунбуирь, гдѣ они и заняли подъ свои кочевья восточную часть его. Здѣсь эти буряты получили свое новое названіе *чипчинъ*, сохранивъ наравнѣ съ другими племенами кочевой образъ жизни и шаманскую религію.

Кочевья старыхъ буряты, т. е. восточная часть Хулунбуира, въ разговорѣ называется еще Хучинъ-баргой, т. е. Старой баргой въ отличіе отъ Новой барги т. е. западной части Хулунбуира-же.

Изъ чипчинъ въ военномъ отношеніи образовано 2 хошуна, составляющіе вмѣстѣ съ 6 ю солонскими 8 хошуновъ, дѣлящихся въ свою очередь на 2 крыла, каждое крыло управляется угурдою.

Новые Монголо-буряты.

Притѣсненія халхасцами буряты, оставшихся въ Халхѣ послѣ ухода чипчинъ, вызвали новую эмиграцію ихъ въ 1735 году изъ Халхи къ озеру Далай, куда они прибыли въ числѣ 8 сумуновъ и заняли подъ свои кочевья западную часть Хулунбуира. Здѣсь они получили названіе Новыхъ монголо-буряты, въ отличіе отъ старыхъ, переселившихся изъ Халхи раньше.

Кочевья ново-буряты монголы называютъ иногда Шинэ-баргу, т. е. Новой баргой*); всѣ жители ея скотоводы и исповѣдуютъ буддизмъ—ламаизмъ,—въ военномъ отношеніи они раздѣлены на 8 хошуновъ (знаменныхъ участковъ), которыми управляютъ 2 угурды, вѣдающіе 4-мя хошунами каждый.

Солоны.

По свидѣтельству синолога Лангэ, солоны и донинѣ составляютъ народъ загадочнаго происхожденія, а европейскіе писатели надѣляютъ ихъ разными именами, какъ-то: манчжу-солоннами, хамнега-солоннами, даурскими тунгузами и проч. По китайскимъ источникамъ**), солоны представляютъ одно изъ 18-ти хэ-шуйскихъ поколѣній, обитавшихъ въ Хейлунцзянской провинціи еще въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. Всѣ предположенія по этому вопросу сводятся къ тому, что солоны—тунгузскаго племени, отличались издревле храбростью, какъ звѣроловы, и поэтому въ позднѣйшее время явились наилучшимъ элементомъ для военной службы въ маньчжурскихъ войскахъ.

Говорятъ солоны на такомъ же тунгузскомъ языкѣ, какъ и подвластные Россіи звѣроловы-тунгузы, съ большою примѣсью монгольскихъ словъ и, несомнѣнно, что еще въ древности этотъ народъ (солоны) подвергался сильному вліянію монгольскихъ племенъ. По свидѣтельству *Я. Шимарева****), солоны, пріѣзжающіе въ Ургу или отправляющіеся на службу въ Пекинъ, говорятъ по-монгольски не хуже, чѣмъ на своемъ природномъ языкѣ****). Главное занятіе солонъ, какъ сказано выше,—военная

*) Населеніе Забайкалья, а также казаки пограничныхъ карауловъ не различаютъ населенія Хулунбуира по народностямъ, они ихъ называютъ просто „мунгалы“, а ихъ земли „землями мунгальскими“.

**) Хейлунцзянь-тун-чжи, гл. I.

***) См. рукоп. записки о пути изъ Урги до В.-Ульх. караула Въ Зап. В.-С. отдѣла И. Р. Г. Общ. кн. 8. 1865 г.

****) Русскіе казаки, какъ сказано выше, вообще всѣхъ инородцевъ Хулунбуира называютъ мунгалами, но языкъ, на которомъ говорятъ послѣдніе, называютъ солонскимъ, самихъ же солонъ язвительно называютъ ороченами; очевидно послѣднее слово взято въ виду того, что орочены считаются наименѣе культурнымъ племенемъ Хулунбуира.

служба, но они занимаются также скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ (послѣднее въ зародышѣ).

Изъ предыдущаго видно, что солоны пришли въ Хулунбуирь вмѣстѣ со старо-бурятами и разсѣялись на западномъ склонѣ Хингана и по сѣверной окраинѣ Гоби. Но они встрѣчаются также въ окрестностяхъ Далая и восточнѣе Хингана, у гор. Цицикара.

Нѣкоторые оріенталисты насчитываютъ въ Монголіи пять солонскихъ поколѣній: баргу-солонь, чипчинь-солонь, уцзумчи-солонь, бортогонь-солонь и орчень-солонь. Солоны въ военномъ отношеніи составляютъ 6 хошуновъ, во главѣ ихъ стоитъ 1 угурда, который управляетъ 4 хошунами, — двумя же остальными хошунами управляетъ старо-баргутскій или чипчинскій угурда.

рочены. Вслѣдствіе того, что орочены, какъ по языку, такъ и религіи не отличаются отъ солонь, ихъ считаютъ одного происхожденія, но въ сравненіи съ солонами они стоятъ на болѣе низкой ступени развитія. Орочены ведутъ бродячій образъ жизни, преимущественно въ лѣсахъ и долинахъ рѣкъ сѣверной Маньчжуріи, и занимаются исключительно охотой и рыболовствомъ. Ихъ можно встрѣтить въ горахъ Хингана, по рѣкамъ: Хайлару и его верховьяхъ, Кулдуря, Чжидунь-голу, Гэнь-голу, Нуминь-голу, Яль и проч.

По переписи 1907 года въ Хулунбуирѣ (Хайларскомъ фудунствѣ), орочень зарегистрировано 132 семейства и 620 человекъ, которые раздѣлены на 2 сумуна, выдѣляютъ 117 человекъ солдатъ и образуютъ хошунъ Кувотъ Хухэ, т. е. синяго съ каймой знамени.*

Каждый сумунъ здѣсь также управляется цзангиномъ*), выбираемымъ изъ мѣстныхъ жителей; помощникомъ ему является одинъ кундуй (хабань) и по 2 бошко, какъ помощники кундуя.

оты (или йраты). Олѣты появились въ Хулунбуирѣ, какъ отрывка политическихъ осложненій въ 17 столѣтіи, послѣ набѣга на Халху полчищъ Чжунгарскаго князя Галдана-Бошокту; по предположеніямъ, они были взяты военноплѣнными послѣ того какъ Галданъ былъ разбитъ китайскими войсками и бѣжалъ.

*) См. выше.

Олөты составили въ Хулунбуирѣ одинъ хошунъ во главѣ со своимъ угурдой, равнымъ съ прочими, но считающимся помощникомъ Хайларскаго фудутуна по дѣламъ гражданскаго управления. Раздѣленъ хошунъ на 2 сумуна, въ 49 конниковъ каждый; по цвѣту знамени хошунъ называется Кувотъ-шара, т. е. желтаго съ каймой знамени.

Дауры. Въ Хулунбуирской области ихъ совсѣмъ нѣтъ и если они, какъ говоритъ исторія, перекочевали изъ за Хингана въ 1732 году вмѣстѣ съ солонами въ незначительномъ количествѣ, то успѣли ассимилироваться съ послѣдними настолько, что ихъ уже не различаютъ.

Китайцы. Китайцы составляютъ здѣсь пришлый и немногочисленный классъ чиновниковъ, торговцевъ и ремесленниковъ. Живутъ, главнымъ образомъ, въ гор. Хайларѣ, пос. Маньчжурія и по ж.-дор. станціямъ.

Русскіе. Русскіе обслуживаютъ, главнымъ образомъ, линію желѣзной дороги и живутъ въ полосѣ отчужденія; за исключеніемъ войскъ, численность ихъ незначительна.

Численность населенія. Основываясь на рукописи 1888 года, *И. А. Доброловскій**) опредѣляетъ въ 1906 году численность народонаселенія Хулунбуирской области въ 50 тысячъ**). Если принять во вниманіе, что монголо-буряты и чипчины составляютъ $\frac{3}{5}$ всего состава населенія Хулунбуира, солонь $\frac{1}{3}$, то можно сдѣлать также приближенный подсчетъ населенія къ тому же 1906 году по народностямъ, а именно:

Новыхъ монголо-бурятъ	23200 чел.
Чипчинъ	5800 „
Солонъ	16000 „
Орочень	1000 „
Олөтъ	1000 „
Китайцевъ	3000 „
<hr/>	
Итого	50000 чел.

Извѣстно, что при земледѣльческой культурѣ приростъ удваиваетъ численность народонаселенія приблизительно въ 60

*) Хейлунцзянская провинція, стр. 99.

**) Авторъ даетъ зарегистрированную властями фудутунства цифру орочень около 4-хъ тысячъ, но это невѣрно, т. к. черезъ годъ, т. е. въ 1907 г. фудутунъ Сунъ исчисляетъ орочень въ 132 семейства, въ 620 душъ, не приблизительно, а точно.

лѣтній періодъ, но для кочевого быта, а, слѣдовательно, и неблагопріятнаго, такой періодъ долженъ быть слишкомъ малымъ. Къ сожалѣнію, въ дальневосточной литературѣ не существуетъ никакихъ статистическихъ данныхъ, каковъ приростъ населенія у кочевыхъ народовъ, и намъ до сихъ поръ приходится довольствоваться очень приблизительной цифрой о. Іоакинфа о численности народонаселенія, данной имъ сто лѣтъ тому назадъ для всей Монголіи,—въ 3 милліона. Не имѣя такимъ образомъ никакихъ данныхъ предполагать, что за послѣднихъ нѣскольکو лѣтъ численность народонаселенія въ Хулунбуирѣ возросла, или уменьшилась, оставимъ выводы г-на *Доброловскаго* безъ измѣненія.

редства
страны.

Не смотря на близость Хулунбуирской области къ русскимъ границамъ и исконное общеніе ея инородцевъ съ нашимъ казачествомъ, не смотря и на то, что за послѣднее десятилѣтіе центръ края перерѣзался съ запада на востокъ желѣзной дорогой, всегда являющейся разсадникомъ культуры, въ странѣ не измѣнился ея образъ жизни. Здѣсь не наблюдается поднятія благосостоянія страны путемъ развитія различныхъ стадій экономическаго быта въ европейскомъ смыслѣ; какъ и прежде, такъ и теперь, слишкомъ невысокій и стоящій на точкѣ замерзанія уровень культуры коренного населенія страны ограничиваетъ кругъ его потребностей и сводитъ дѣятельность его, главнымъ образомъ, къ пастушеству и отчасти звѣроловству, хотя по своимъ естественнымъ богатствамъ эта область имѣетъ массу данныхъ для развитія, какъ добывающей, такъ и обрабатывающей промышленности*). Если за послѣдніе годы русскими внесена своя лепта въ этомъ смыслѣ, то коренное населеніе своего участія до сихъ поръ здѣсь не проявляетъ. Причина—всѣ помыслы кочевника искони сосредоточены на пастушескомъ хозяйствѣ, главнымъ образомъ—скотоводствѣ, въ связи съ кочевымъ бытомъ,—слишкомъ малая плотность населенія по сравненію съ занимаемой площадью, и отчасти разность племенного его состава.

скотоводство.

Первое мѣсто по значенію въ общемъ ходѣ экономической жизни области, какъ уже упоминалось, принадлежитъ скотоводству. Развитію его способствуютъ обширныя степныя пространства плоскогорія, покрытыя питательными солончаковыми травами и являющіяся лучшими пастбищами для рогатаго скота и

*) Напр., добыча каменнаго угля, развитіе сельскаго хозяйства, что наблюдается уже въ полосѣ отчужденія жел. дороги у русскихъ и китайцевъ.

овець. Скотоводство развито, главнымъ образомъ, къ югу отъ желѣзной дороги въ болѣе равнинной мѣстности, въ сѣверной же части развито слабо, вслѣдствіе гористой мѣстности, прѣсной почвы съ водянистыми, менѣе питательными травами. Война 1904—1905 года своими крупными закупками значительно убавила естественные запасы скота въ Хулунбуирскомъ районѣ, съ окончаніемъ же войны, если запасъ этотъ нѣсколько и пополнился, то и спросъ на скотъ со стороны русскихъ съ тѣхъ поръ значительно сталъ превышать ту норму, которая существовала до войны, какъ вслѣдствіе увеличенія въ Забайкальѣ войскъ, такъ и вслѣдствіе постройки Амурской дороги и проч. Какъ ближайшую къ нашему времени цыфру, служащую показателемъ количества скота въ Хулунбуирѣ приводимъ здѣсь данныя, собранныя Хайларскимъ фудутуномъ Суномъ въ 1907 году для cadaго племени въ отдѣльности*).

Количество
скота: у солонъ [запад.
стор., лѣвое
крыло].

Лошадей	61745	головъ.
Рогатаго скота	26317	”
Верблюдовъ	569	”
Овецъ	289158	”
Козъ	5985	”
<hr/>		
Итого	383774	”

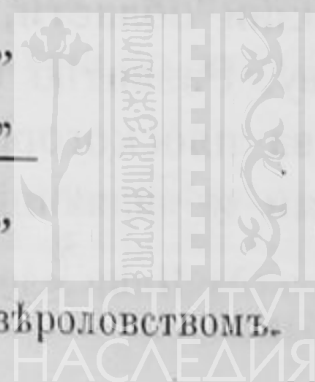
У чипчинъ
[вост. стор.,
прав. крыло]

Лошадей	4925	головъ.
Рогатаго скота	4412	”
Верблюдовъ	36	”
Овецъ	28036	”
Козъ	4828	”
<hr/>		
Итого	42237	”

ново-бурятъ
[вост. стор.,
лѣв. крыло].

Лошадей	65079	головъ.
Рогатаго скота	53887	”
Верблюдовъ	3062	”
Овецъ	662288	”
Козъ	20992	”
<hr/>		
Итого	805308	”

*) За исключеніемъ ороченъ, которые занимаются звѣроловствомъ.

ново-бурятъ
апад. стор.,
ав. крыло].

Лошадей	35346	головъ.
Рогатаго скота	36362	„
Верблюдовъ	5286	„
Овецъ	327955	„
Козъ	19402	„
<hr/>		
Итого	424351	„

У олотъ.

Лошадей	1307	головъ.
Рогатаго скота	1684	„
Верблюдовъ	58	„
Овецъ	6424	„
Козъ	840	„
<hr/>		
Итого	10313	„

китайцевъ
роживающ.
Хулунбуирѣ.

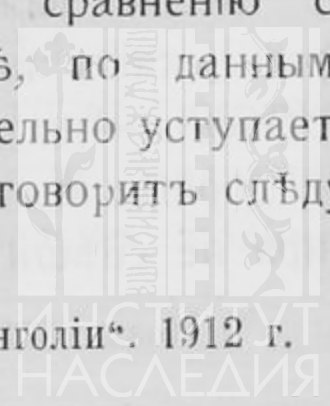
Лошадей	2410	головъ.
Рогатаго скота	1736	„
Овецъ	3735	„
Козъ	13	„
<hr/>		
Итого	7894	„

Общій итогъ количества скота въ Хулунбуирскомъ фудунствѣ за 1907 годъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

Лошадей	170812	головъ.
Быковъ—коровъ	124398	„
Верблюдовъ	9011	„
Овецъ	1317596	„
Козъ	52060	„
<hr/>		
Итого	1673877	„

Такія цифры въ достаточной степени характеризуютъ главнѣйшее изъ средствъ, которымъ располагаетъ страна, а именно скотоводство, и эту цифру для столь малаго количества народонаселенія нужно признать громадной, по сравненію съ цифрой сосѣдней Монголіи, а именно Халхи, гдѣ, по даннымъ графа *А. Беннигсена**), количество скота значительно уступаетъ таковому же въ Хулунбуирѣ, о чемъ наглядно говоритъ слѣдующая таблица:

*) См. его „Нѣсколько данныхъ о современной Монголіи“. 1912 г.

Сравнительная таблица количества скота въ Хулунбуирской области и въ Халхъ на одного человека.

Родъ скота.	Число головъ скота.		При общемъ кол. народонас.		Приход. на одного чел. скот.	
	Въ Хулунбуирѣ.	Въ Халхѣ.	Въ Хулунбуирѣ.	Въ Халхѣ.	Въ Хулунбуирѣ.	Въ Халхѣ.
Лошадей	170812	500000			3,5	1,0
Крупнаго рогатаго скота	124398	470000	500,000	500,000	2,5	0,95
Верблюдовъ	9011	100000			0,2	0,2
Овецъ	1317596	4000000			26,5	8,0
Козъ	52060				1,0	

Цѣны на скотъ и до- льствіе мя- сомъ.

Если вспомнить цѣны на скотъ, существовавшія въ Монголіи двадцать лѣтъ тому назадъ*), а такія можно приблизительно считать для того времени и въ Хулунбуирской области, и сравнить тѣ цѣны съ настоящими, то увидимъ, что онѣ возросли въ два раза. Въ 1911 году въ Хулунбуирской области пудъ говяжьяго мяса (живого скота) стоилъ отъ 4-хъ руб. до 4 руб. 25 коп., и 3 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп.—баранина. Эти цѣны нужно считать преувеличенными, что вызвано мѣстными требованіями, а именно постройкой Амурской желѣзной дороги, спросомъ на мясо переселенческимъ управленіемъ и пр. Постройка Маньчжурской желѣзной дороги въ 1899 году,—войны, главнымъ образомъ, Русско-Японская,—вызвали столь большой спросъ на монгольскій скотъ для довольствія войскъ, что цѣны возросли до чудовищныхъ размѣровъ и въ особенности онѣ были высоки въ Хулунбуирѣ. Вообще говоря, скотоводство здѣсь, какъ и во всей Монголіи, надо признать экстенсивнымъ и, съ повышеніемъ пульса жизни въ Маньчжуріи, нельзя ждать тенденціи къ пониженію цѣнъ на скотъ.

Весьма важную роль въ регулированіи цѣнъ на продукты страны, какъ извѣстно, играютъ спросъ и удобство путей сообщенія,—но послѣдняго, за исключеніемъ линіи желѣзной дороги, мы не находимъ въ Хулунбуирѣ. Житель Хулунбуира не снѣшитъ съ продажей скота и не гонитъ его изъ

*) Позднѣвъ. Монголія и монголы. т. I стр. 108—110.

своихъ кочевій въ торговые центры, каковыми могли-бы явиться станціи вдоль линіи желѣзной дороги, главнымъ образомъ, Хайларъ, ст. Маньчжурія и др. Происходитъ это вслѣдствіе того, что жизненные запросы туземца слишкомъ, ограничены, и нужды въ обмѣнѣ предметовъ пастушескаго хозяйства на предметы культурной необходимости у него не ощущается. Только въ недавнее время, съ проведеніемъ жел. дороги, Хулунбуирскіе монголы начали разбираться въ значеніи денежныхъ знаковъ*) для своего хозяйства, но и то лишь вблизи торговыхъ центровъ, гдѣ скотоводство въ домашнемъ хозяйствѣ кочевника перестаетъ играть первенствующую роль. Въ глухихъ же мѣстахъ, напр., у Хингана, попрежнему существуетъ мѣновая торговля. Такая инертность населенія создала въ Забайкальѣ и по линіи желѣзной дороги цѣлую армію русскихъ скотопромышленниковъ, которые раннею весною проникаютъ во всѣ уголки страны для закупки скота на мѣстѣ, а нѣкоторыя болѣе крупныя фирмы держатъ въ кочевьяхъ круглый годъ своихъ агентовъ-перехватчиковъ.

Каждое кочевье, насчитывающее 5—6 юртъ, можетъ съ успѣхомъ въ годъ продать 10—15 головъ крупнаго и до сотни мелкаго скота, т. е. овецъ и козъ, а на случай нужды въ скотѣ для войны,—если принять во вниманіе сдѣланныя уже нами вычисленія о количествѣ скота на одного человѣка,—хулунбуирскій монголъ изъ своихъ 35 головъ, полученныхъ нами въ среднемъ выводѣ, можетъ безъ ущерба для своего хозяйства уступить $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ часть скота, что, за вычетомъ лошадей и верблюдовъ, составитъ приблизительно 5—6 головъ. Другими словами Хулунбуирская область можетъ отдать при большомъ напряженіи одну треть головъ крупнаго и мелкаго скота, а именно 300 тысячъ.

эмледѣліе.

Въ Хулунбуирской области оно имѣетъ небольшое и подсобное значеніе для добывающей промышленности, какъ за отсутствіемъ осѣдлаго образа жизни населенія, такъ его инертности и соотвѣтствующаго орошенія. Очень недавно на земляхъ хошуна солонъ у Хингана появились пашни, засѣяныя гречихой, просомъ, овсомъ и другими злаками, но и то въ ограниченномъ количествѣ,—а такъ какъ эти занятія не являются постоянными, то опредѣлить хотя бы приблизительно количе-

*) Роль денегъ до сихъ поръ замѣнялъ кирпичный чай.

ство засѣваемыхъ десятинь не представляется возможнымъ. Къ сѣверу отъ линіи желѣзной дороги, возлѣ киларійскихъ присковъ, до 1907 года русскіе казаки тайно засѣвали болѣе 5 тысячъ десятинь земли, но по вступленіи въ должность фудутуна Суна, эта запашка земель запрещена. При этомъ фудутунъ Сунъ писалъ*), что по вступленіи на должность былъ командированъ въ Килари чиновникъ, для того, чтобы, отстаивая интересы Китая, выдворилъ русскихъ; послѣдніе какъ бы согласились оставить ту мѣстность и уйти къ себѣ за границу, но обѣщанія не исполнили и попрежнему продолжали свои занятія. Сунъ неоднократно командировывалъ чиновниковъ, чтобы понудить русскихъ уйти за границу, а также посылалъ для переговоровъ по этому поводу чиновника къ атаману отдѣла, но послѣдній подъ разными предлогами отклонялъ вопросъ. „Тогда, говоритъ Сунъ, я командировалъ офицера съ солдатами, который, возвратясь, донесъ мнѣ, что уже оттуда, т. е. изъ Килари, болѣе ста русскихъ семействъ вернулись обратно въ Россію постройки ихъ сожжены, и можно надѣяться, что вскорѣ поступятъ и остальные семейства такъ же“. Сунъ находитъ, что всѣ земли Хулунбуира можно съ успѣхомъ колонизировать и только печалуется о томъ, что жители области—скотоводы и имъ не останется способа къ дальнѣйшему существованію. Къ сѣверу отъ желѣзной дороги, по рѣкамъ Чжагинъ, Унэнъ, Голдеръ и Гэнъ, для цѣлей колонизаціи былъ снятъ планъ сѣвернаго берега этихъ рѣкъ, при этомъ было опредѣлено количество возможныхъ запашекъ и мѣста, гдѣ туземцамъ возможно продолжать занятіе скотоводствомъ; въ 1906 году были установлены правила для колонизаціи и посланы въ Пекинъ на утвержденіе. Со стороны правительства вскорѣ послѣдовало полное одобреніе, и Сунъ обнародовалъ правила, приглашая желающихъ арендовать землю; но зажиточный народъ не сталъ брать участковъ, бѣдные же люди, хотя и изъявили свое желаніе, но за отсутствіемъ средствъ для начала дѣла, хлѣбопашествомъ заняться не могли.

Огородничество.

Огородничество существуетъ только вдоль линіи желѣзной дороги, гдѣ занимается имъ русское населеніе и отчасти китайцы. Оно является большимъ подспорьемъ въ процессѣ питанія мѣстнаго населенія, но способно удовлетворить только мѣстныя

*) См. его описаніе Хулунбуира 1907 г.

потребности. Возлѣ Хайлара въ 1902 году однимъ русскимъ предпринимателемъ былъ произведенъ опытъ посадки картофеля и послѣдній былъ собранъ въ количествѣ 10000 пудовъ. Къ сожалѣнію, площадь посадки не извѣстна,—опытъ же, по отзывамъ, считался очень удачнымъ. Вообще же песчаная почва для культивировки картофеля считается очень благопріятной и надо полагать, что при правильномъ хозяйствѣ можно было бы достигнуть существенныхъ результатовъ.

провіантъ.

Изъ сказаннаго видно, что земледѣліе и огородничество въ странѣ еще въ зародышѣ, слѣдовательно, и запасовъ провіанта, имѣющагося у мѣстныхъ жителей, можно найти очень незначительное количество, могущее удовлетворить только единичныя потребности. При этомъ надо принять во вниманіе, что жители Хулунбуира, какъ и вообще монголы, хлѣба не ѣдятъ и замѣняютъ его поджаренной мукой, всыпаемой въ чай на подобіе толокна, или жаренымъ просомъ (буда). Свои небольшіе запасы муки они пополняютъ или при желѣзнодорожныхъ станціяхъ или же въ странствующихъ по кочевьямъ китайскихъ лавочкахъ. Вообще же, возлагать какія либо надежды на мѣстныя средства въ отношеніи, напримѣръ, войскъ хлѣбнымъ провіантомъ не приходится, и его необходимо будетъ подвозить изъ нашихъ предѣловъ по желѣзной дорогѣ изъ Харбина, въ виду того, что Забайкалье бѣдно хлѣбомъ и не вывозитъ его.

фуражъ.

Отсутствіе въ краѣ земледѣльческой культуры, естественно, не говоритъ за возможность удовлетворенія путешествующихъ даже малой численности зерновымъ фуражомъ мѣстнаго производства,—его цѣликомъ, поэтому, нужно везти при себѣ. Что же касается сѣна, то запасовъ его въ Хулунбуирѣ нельзя найти, такъ какъ заблаговременной его заготовкой мѣстные жители не занимаются и круглый годъ пасутъ свои стада на подножномъ корму. Вся область, за исключеніемъ прихинганскихъ небольшихъ песчаныхъ перекатовъ и въ гобійской части, покрыта превосходными густыми травянистыми пространствами, за избытокъ которыхъ говоритъ и присутствіе у населенія сравнительно большого процента скота. Солончаковая почва придаетъ этимъ травамъ особый вкусъ, благодаря чему, онѣ составляютъ питательный и очень цѣнный для скота кормъ. Къ сожалѣнію, эти богатства страны остаются не использованными населеніемъ.

Обыкновенно въ зимнее время снѣга въ западной части Хулунбуира почти не бываетъ, или онъ выпадаетъ до $\frac{1}{2}$ вершка толщины, но бываютъ годы, когда толстымъ слоемъ снѣга покрывается вся область, или вдругъ послѣ оттепели настааетъ гололедица,—тогда, за отсутствіемъ сѣнныхъ запасовъ, скотъ голодаетъ и зачастую гибнетъ въ большомъ количествѣ, что значительно подрываетъ благосостояніе хулунбуирскаго монгола. Напримѣръ, въ 1900 году монголы потеряли, какъ говоритъ фудутунъ Сунъ, нѣсколько десятковъ тысячъ головъ рогатаго скота. Съ проведеніемъ же желѣзной дороги лучшія травянистыя пространства отняты на всемъ протяженіи линіи верстъ на 100 въ стороны; жители не пасутъ своего скота на всемъ этомъ пространствѣ благодаря появленію кавказцевъ или, какъ называютъ ихъ по мѣстному, „черкезъ“, которые и до сего времени наводятъ страхъ на кочевниковъ своими грабежами скота и заставляютъ ихъ, поэтому, откочевывать отъ полосы желѣзной дороги въ глубь страны. Объ этомъ же говоритъ и фудутунъ Сунъ, при чемъ онъ находитъ, что группировка скота въ однихъ пастбищахъ вслѣдствіе этого пагубно отзывается на его питаніи и мѣшаетъ жителямъ, за недостаткомъ пастбищъ, вести правильное скотоводство. Въ теплое время года для населенія, кочующаго къ югу отъ линіи желѣзной дороги, пастбищъ хватаетъ, но съ наступленіемъ зимы въ нихъ ощущается недостатокъ. Сунъ неоднократно сносился съ халхаскими правителями, дабы тѣ разрѣшили хулунбуирскимъ монголамъ перекочевывать въ зимнее время въ ихъ земли для прокорма скота до весны, а затѣмъ возвращаться обратно. Но какъ сообщили намъ, въ 1911 году хошунъ Санъ-Бэйсэ, граничащій на юго-западѣ съ Хулунбуиромъ, фудутуну въ этомъ отказалъ. Въ 1904 году русскими предпринимателями были сдѣланы довольно удачныя попытки сѣнокошенія близъ ж.-д. станціи Далайноръ. Двумя сѣнокосилками оѣи скосили 40,000 пудовъ, при заготовительной стоимости 12 коп. за пудъ.

По рѣкѣ Аргуни на сторонѣ хулунбуирскихъ земель въ обширныхъ размѣрахъ заготовкой сѣна занимаются наши казаки; напримѣръ, абагатуевскіе казаки ежегодно заготавливаютъ сѣна на рѣкѣ Мутной до 30000 пудовъ, которое сбываютъ на

станцію Маньчжурія по цѣнѣ 14—15 коп. за пудъ. Къ востоку отъ Хайлара русскіе предприниматели недавно организовали крупное предпріятіе по заготовкѣ сѣна съ примѣненіемъ конныхъ сѣнокосилокъ и прессовальныхъ машинъ. Къ сожалѣнію, количество заготавливаемого ими сѣна въ теченіи лѣта не выяснено.

пливо.

Равнинныя части Хулунбуирской области вообще безлѣсны, лѣсныя же пространства начинаются только въ предгоріяхъ Хингана. Вслѣдствіе этого къ западу отъ горъ, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ для передвиженія по странѣ путешественниковъ, топливо является однимъ изъ самыхъ важныхъ тормозовъ, такъ какъ его приходится или возить съ собою, или дѣлать соотвѣтствующія заготовки на мѣстахъ заранѣе.

Въ безлѣсныхъ пространствахъ Хулунбуира, какъ и вообще въ гобійскихъ степяхъ Монголіи, топливомъ для мѣстныхъ жителей служитъ „аргаль“ или высохшій на солнцѣ конскій или коровій пометъ,—предпочтительнѣе послѣдній, такъ какъ онъ даетъ большое количество жару и наименѣе ѣдкій дымъ. Аргаль собирается лѣтомъ большею частью съ наступленіемъ надобности, на зиму же еще съ осени дѣлаются соотвѣтствующіе запасы, при чемъ на мѣстахъ лѣтнихъ кочевокъ онъ собирается и складывается въ кучи, а затѣмъ свозится въ зимовки. Значительныхъ запасовъ, могущихъ удовлетворить нужды большихъ экспедицій нельзя найти въ степи, кромѣ большихъ монастырей и княжескихъ ставокъ, для чего населеніе несетъ своего рода натуральную повинность по сбору и доставкѣ аргала.

Однако этого рода топливо имѣетъ громадный недостатокъ въ томъ отношеніи, что во время дождя оно отсырѣваетъ и дѣлается мало пригоднымъ къ употребленію, почему приходится иногда самимъ монголамъ сидѣть по цѣлымъ днямъ безъ огня и горячей пищи. Крытыхъ же помѣщеній въ Монголіи не существуетъ и, если есть запасы аргала возлѣ монастырей, то и они находятся подъ открытымъ небомъ, и мокнуть подъ дождемъ и снѣгомъ. Вообще отличительнымъ свойствомъ аргала является его значительная гигроскопичность.

Такимъ образомъ вопросъ о топливѣ въ степной Монголіи требуетъ къ себѣ самаго внимательнаго отношенія и его разрѣшать приходится всегда заранѣе.

Устранить это серьезное препятствіе для путешественниковъ возможно выработкой особаго типа походной кухни, съ керосиновымъ отопленіемъ, какъ и приспособленія для портативныхъ выючныхъ запасовъ керосина; а въ виду того, что вопросъ этотъ новый и существенно важный, особенно теперь, вслѣдствіе возрожденія Монголіи,—его слѣдовало бы обсудить специалистамъ техникамъ.

Опытные купцы, ѣдущіе для закупки скота въ Монголію, непременно берутъ съ собою лампу „Примусъ“ безъ фитиля. Удобство ея въ степи незамѣнимо, ибо она можетъ служить и для варки пищи, и для обогрѣванія отъ холода; для растопки такой лампы требуется одинъ моментъ, а для согрѣванія чайника съ широкимъ дномъ въ 12 стакановъ требуется 7—8 минутъ, и керосина расходуется $\frac{1}{2}$ фунта въ часъ, стоимостью 3 копейки. Нѣчто вродѣ „Примуса“ можно бы примѣнить и въ большемъ масштабѣ, но непременно съ керосиновымъ отопленіемъ, какъ наиболѣе дешевымъ и безопаснымъ.

Пути сообще-
нія.

Хулунбуирская область съ историческихъ временъ прорѣзывалась важнѣйшими дорогами, связывающими Россію съ Китаемъ 1) черезъ Цицикаръ, 2) въ юго восточномъ направленіи черезъ Ганчжуръ-Долоноръ*) и 3) въ южномъ направленіи—съ Халхой.

Узломъ всѣхъ грунтовыхъ дорогъ области является г. Хайларъ, какъ административный центръ—съ крупнымъ скотопромышленнымъ рынкомъ и складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ товаровъ китайскаго и русскаго происхожденія, имѣющихъ доступъ въ несложное домашнее хозяйство монголо-бурята. Съ проведеніемъ черезъ область желѣзной дороги, несмотря на сравнительно слабо населенные пункты, замѣтно усилилась торгово-промышленная дѣятельность въ районѣ области, а также увеличилось торговое движеніе по грунтовымъ дорогамъ къ жел.-дор. линіи.

Грунтовая дорога во всей области по своему характеру могутъ быть раздѣлены на двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части: горную, у Хинганскаго хребта, и степную къ западу отъ него, по всему Хулунбуирскому плоскогорію. Предгорья

*) Путь этотъ пройденъ въ 1882 г. Д. П. Першинымъ и П. Евтюгинымъ.

Хингана бѣдны хорошими проѣзжими дорогами; районъ этотъ гористъ, безлюденъ и прорѣзывается большей частью вьючными тропами. Отсутствие въ области дорожной повинности отражается на состояніи дорогъ, которыя находятся въ тѣсной зависимости отъ состава почвы, количества атмосферныхъ осадковъ и проч. Не мало, поэтому, встрѣчается препятствій для движенія по грунтовымъ дорогамъ въ этой нагорной области, какъ и на всемъ Хинганѣ, въ виду того, что по дорогамъ вдругъ встрѣчаются лужи и, главнымъ образомъ, топкіе подступы къ горнымъ рѣчкамъ, не имѣющимъ ни гатей, ни мостовъ. Вообще же говоря, лѣтнее движеніе даже по большимъ дорогамъ въ этой части области въ высшей степени затруднительно, и мѣстные жители предпочитаютъ совершать дальніе переѣзды и перевозить грузы поздней осенью и зимой.

Грунтовая дорога степной части области носятъ одинаковый характеръ съ таковыми же въ Гобійской Монголіи. Здѣсь нѣтъ дорогъ въ нашемъ смыслѣ слова—широкихъ, торныхъ, и имѣющихъ всегда опредѣленное русло; здѣсь можно встрѣтить цѣлую группу рядомъ идущихъ узенькихъ тропъ, то появляющихся, то вновь теряющихся въ степныхъ пространствахъ, и только въ опредѣленныхъ кочевьяхъ, возлѣ колодцевъ или монастырей, онѣ соединяются другъ съ другомъ. Вообще же степь представляется исполосованной во всѣхъ направленіяхъ подобными тропами, среди которыхъ трудно подчасъ найти ту изъ нихъ, по которой путешественникъ разъ прошелъ уже, —а само населеніе при слѣдованіи въ извѣстные пункты придерживается лишь одного направленія, ориентирясь по мѣстнымъ предметамъ или солнцу, но отнюдь не по опредѣленной дорогѣ. Своеобразный характеръ монгольскихъ дорогъ можно наблюдать тотчасъ же по выѣздѣ изъ поселка Маньчжурія въ направленіи къ Ганчжуру. Съ самаго начала встрѣчается масса развѣтвленій дорогъ и, спустившись въ сѣверную долину Далайна, дороги совершенно теряются, приходится, поэтому, брать направленіе на двѣ, виднѣющіяся на юго-востокѣ, горки Халбула, у которыхъ, верстъ черезъ 25, дороги сразу сходятся въ пучокъ.

Такое обиліе путей объясняется тѣмъ, что степи повсемѣстно проходимы и удобны, одинаково, какъ для колеснаго, такъ и вьючнаго по нимъ движенія, почему и кочевники относятся съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ дорогамъ, предпочи-

тая двигаться по кратчайшему направленію и прямо степью. Такимъ образомъ было бы ошибкой думать, что какъ въ описываемой части Хулунбуира, такъ и вообще во всей степной Монголіи есть дороги, т. е. строго опредѣленныя путевыя ленты, носящія то или иное названіе между опредѣленными пунктами, какъ, на примѣръ, названія, предположимъ,—Маньчжуро-или Хайларо-Ганчжурская дорога и проч. Здѣсь нужно предполагать группу тропъ съ искусственными или естественными знаками и рубежами, на которые и ориентуется туземецъ,—иначе говоря, подъ каждымъ названіемъ дорогъ, даваемымъ имъ нашими путешественниками, нужно подразумѣвать понятіе собирательное для цѣлаго ряда параллельныхъ лентъ-колеи, въ изобиліи покрывающихъ степь въ томъ или иномъ направленіи.

Главнѣйшія
дороги Хулун-
буира.

Какъ уже было сказано, узломъ всѣхъ дорогъ области является г. Хайларъ, куда сходятся со всѣхъ сторонъ 7 главнѣйшихъ направленій:

1) *Хайларъ-Цицикаръ*. Между этими городами существуетъ 2 большихъ дороги—сѣверная и южная; первая для колеснаго движенія считается наиболѣе удобной и представляетъ собою закрытый теперь китайскій казенный почтовый трактъ, общее протяженіе котораго около 400 верстъ. Не входя въ подробное описаніе этого тракта, скажемъ, что онъ проходитъ по населенной сравнительно мѣстности, имѣетъ 19 почтовыхъ станцій и удобенъ для движенія во всякое время года. Южная дорога значительно короче сѣверной, общее протяженіе ея около 350 вер., но пользуются ею мало, вслѣдствіе безлюдности прилегающей къ ней мѣстности, а также вслѣдствіе сравнительной ея гористости. Обѣ дороги въ горныхъ своихъ участкахъ пролегаютъ по крайне лѣсистой мѣстности и на всемъ своемъ протяженіи имѣютъ достаточное количество воды,—вторая дорога имѣетъ топкія трясины, затрудняющія въ дождливыя времена года по ней движеніе.

2) *Хайларъ-старо-Цурухайтуевскій* трактъ длиною въ 100—110 верстъ пролегаетъ на всемъ своемъ протяженіи по безлѣсной и безлюдной мѣстности, лишенной мѣстами даже травяной растительности, но тѣмъ не менѣе этотъ трактъ считается наилучшимъ колеснымъ путемъ въ с.-западную часть Забайкалья,—вдоль него проведенъ телеграфъ на г. Срѣтенскъ. Недостатка въ водѣ ощущаться не можетъ, т. к. на всемъ протяженіи дороги имѣются колодцы.

3) *Хайларъ-Абагайту* представляетъ двѣ дороги—сѣверную и южную; первая длиною около 150 верстъ, обладаетъ тѣми неудобствами, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время дождей раскисаетъ и дѣлается непроходимой, движеніе по ней приходится совершать обходной дорогой; кромѣ того она пересѣкаетъ крайне болотистыя и вязкія низовья р. Мэргэнъ. Южная дорога слѣдуетъ рядомъ съ желѣзной дорогой, очень удобна для колеснаго движенія и во время дождей не подвергается порчѣ, она пересѣкаетъ рѣку Мутную, вытекающую изъ озера Далай, и слѣдуетъ вдоль лѣваго берега рѣки Хайлара по волнистой мѣстности. Отъ этого тракта отдѣляются пути къ озеру Далай, въ Ганчжуръ и въ г. Долонъ-Норъ черезъ Шактургу. Воды на всемъ пути изобиліе.

4) *Хайларъ-Урга*. По рѣкѣ Керулени дорога эта направляется на юго-западъ къ устью рѣки Оршуни, и съ этого мѣста пролегаетъ такъ же, какъ и дорога Хайларъ-Ганчжуръ, по песчаной и безводной степи; далѣе она встрѣчается съ дорогой въ Халху отъ Абагайту и ст. Маньчжурія, огибающей озеро Далай съ восточной его стороны и направляющейся вверхъ по теченію рѣки Керулени*).

5) *Хайларъ-Ганчжуръ* пролегаетъ по безводной степи, мѣстами по рыхлому песчанному грунту, сильно затрудняющему колесное движеніе. Черезъ Ганчжуръ совершается главное торговое движеніе между Хайларомъ и Долонъ-Норомъ.

6) *Хайларъ-Долонъ-норъ*. Въ Хулунбуирской области вплоть до рѣки Халхи дорога пролегаетъ по песчанной безлюдной мѣстности съ очень малочисленными водными источниками; минуя р. Халху, дорога дѣлаетъ массу развѣтвленій къ Хингану и къ западу, въ Монголію. Торговое значеніе этой дороги, вслѣдствіе рыхлости песчаннаго грунта, слишкомъ невелико, и движеніе по ней колеснаго транспорта затруднительно, въ особенности между озерами Далай и Буиромъ; здѣсь идутъ Чингисовы перекаты въ направленіи съ сѣвера на югъ.

7) Наконецъ упомянемъ о дорогѣ *Хайларъ-Мохэской*, идущей на сѣверъ къ бывшимъ желтухинскимъ приискамъ, въ на-

---

*) См. подр. мой маршрутъ по р. Керулени въ 1911 году.

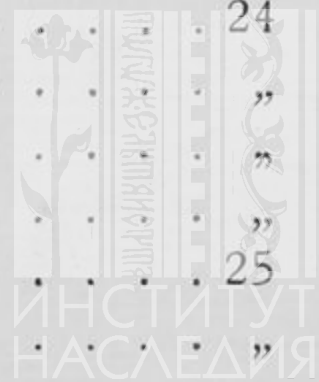

стоящее время заброшенной. На крайнемъ же сѣверѣ области существуетъ масса короткихъ колесныхъ дорогъ въ долинахъ рѣкъ, гдѣ производится рубка лѣса или же добыча золота, но вслѣдствіе того, что страна эта гориста и пустынна, особаго значенія дороги ея не представляютъ.

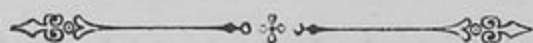
О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введение	1
Нѣсколько словъ о происхожденіи названія области	5
Границы	6
Устройство поверхности	”
Орошеніе	7
Рѣка Хайларь	8
Озеро Далай	”
Рѣка Оршунь	9
Озеро Буирь	”
Рѣка Халха	”
Рѣка Аргунь	10
Рѣка Гэнь	”
Климатъ	11
Весна	”
Лѣто	”
Осень	”
Зима	”
Историческій очеркъ Хулунбуирской области	13
Административное устройство	14
Названіе хошуновъ (знаменъ) Хулунбуира по ихъ цвѣтамъ	16
Опредѣленіе границъ кочевій каждаго племени	19
Народонаселеніе	”
Чипчины или Старые монголобуряты	20
Новые монголобуряты	22
Солоны	”
Орочены	23
Олѣты (или Оираты)	”
Дауры	24
Китайцы	”
Русскіе	”
Численность народонаселенія	”
Средства страны	25
Скотоводство	”

Количество скота у Солонь	26
У Чипчинь	„
У Ново-бурятъ восточной стороны	„
У Ново-бурятъ западной стороны	27
У Олоть	„
У Китайцевъ, проживающихъ въ Хулунбуирѣ	„
Цѣны на скоть и довольствіе мясомъ	28
Земледѣліе	29
Огородничество	30
Провіантъ	31
Фуражъ	„
Топливо	33
Пути сообщенія	34
Главнѣйшія дороги Хулунбуира	36
Карта Хулунбуирской обл. въ масштабѣ 40 вер. въ дюймѣ.	

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музееведения

Къ исторіи народнаго хозяйства въ Сибири.

Экономическій бытъ Макаровской волости
Киренскаго уѣзда въ концѣ XVIII и пер-
вой половинѣ XIX вѣка.

I.

Источники.

Въ музеѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества въ Иркутскѣ хранится,
между прочимъ, значительное количество такъ называемыхъ во-
лостныхъ дѣлъ. Заинтересовавшись этими дѣлами, я, съ разрѣ-
шенія Распорядительнаго Комитета Отдѣла, взялся за ихъ раз-
борку, приведеніе въ порядокъ и изслѣдованіе.

Знакомство съ этими волостными дѣлами показало, что
всѣ они касаются почти исключительно одной только Макаров-
ской волости (исключенія—рѣдки) и охватываютъ время съ
1768 по 1871 годъ. Дѣла были въ безпорядкѣ. Описи не имѣ-
лось.

Уже первоначальный обзоръ дѣлъ показалъ, что они пред-
ставляютъ собою историческій источникъ, цѣнный во многихъ
отношеніяхъ. Между прочимъ, сразу стало ясно, что въ нихъ
заключается матеріалъ, важный для изученія исторіи народнаго
хозяйства. Пишущій эти строки давно уже занимается специаль-
но экономической исторіей. Вотъ почему онъ и поставилъ себѣ
задачей изученіе этого послѣдняго вопроса.

Для того, чтобы сдѣлать матеріалъ удобнымъ для научнаго
пользованія, пришлось выполнить значительную черную, подго-
товительную работу, безъ которой невозможны были бы точныя

ссылки на источники, а, слѣдовательно, и повѣрки—при желаніи—выводовъ автора по матеріалу. Надо было расположить дѣла въ шкафахъ въ хронологическомъ порядкѣ, перенумеровать самыя дѣла, отмѣтить число листовъ въ каждомъ изъ нихъ и составить краткую опись дѣлъ, съ обозначеніемъ основного содержанія каждаго изъ нихъ. Все это сдѣлано, и, такимъ образомъ, научное пользованіе даннымъ источникомъ является теперь возможнымъ.

Такой черной, предварительной работы надъ источниками однако еще недостаточно для того, чтобы прямо обратиться къ самому научному изслѣдованію. Историческое знаніе въ наше время требуетъ еще хотя бы краткаго, сжатаго критическаго анализа источниковъ, опредѣленія степени ихъ достовѣрности.

Здѣсь не мѣсто рѣшать этотъ вопросъ по отношенію къ данному источнику во всемъ его объемѣ: это дѣло будущихъ изслѣдователей, каждый изъ которыхъ, выбравъ себѣ опредѣленную тему для изслѣдованія, и займется въ предѣлахъ этой спеціальной темы критическимъ анализомъ волостныхъ дѣлъ. Мы въ своихъ историко-критическихъ замѣчаніяхъ должны, очевидно, также остаться въ предѣлахъ спеціально-избранной въ данномъ случаѣ темы: предстоитъ отвѣтить на вопросъ: какова степень достовѣрности волостныхъ дѣлъ, какъ источника *хозяйственной* исторіи Сибири.

Такъ какъ основой для изображенія экономическаго быта являются обыкновенно статистическія цифры, а цифры эти въ данномъ случаѣ принадлежатъ волостной статистикѣ, то формулированный сейчасъ вопросъ можно—безъ опасенія впасть въ ошибку—замѣнить другимъ: насколько достовѣрны данныя волостной статистики?

Для многихъ, даже очень многихъ задать этотъ вопросъ значитъ уже сейчасъ-же на него и отвѣтить: волостная статистика пользуется достаточно дурной репутаціей, данныя ея въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ представляются недосто-
вѣрными по тремъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, волостныя должностныя лица—и въ частности волостные писаря—признаются некомпетентными въ области научной статистики, неподготовленными къ серьезной статистической работѣ; во-вторыхъ, они завалены текущей работой, срочной перепиской и т. п. и потому не имѣютъ времени для надлежащаго статистическаго

изслѣдованія; въ-третьихъ, волостная администрація слишкомъ привыкла приспособляться къ вкусамъ и потребностямъ начальства, въ особенности ближайшаго, слишкомъ заинтересована въ томъ, чтобы угождать этому начальству, и это сказывается на самомъ подборѣ статистическихъ данныхъ.

Въ этой убійственной характеристикѣ волостной статистики много правды. Она даже вполне справедлива по отношенію къ такимъ эпохамъ, когда волостная статистика является уже безнадежнымъ архаизмомъ, устарѣлымъ обломкомъ прошлаго. Въ самомъ дѣлѣ: задачи хозяйственно-статистическаго изслѣдованія въ наше время весьма сильно расширились и усложнились соотвѣтственно усложненію самой экономической жизни; поэтому и приемы и методы изслѣдованія усложнились и усовершенствовались. Отъ изслѣдователя требуется широкой кругозоръ, разносторонность и безпристрастіе, обширная образованность, проницательность, критическій даръ, рядъ техническихъ навыковъ. Ничего этого обычно нѣтъ и быть не можетъ у рядового волостного писаря. Очевидно, жизнь переросла волостную статистику, и послѣдняя должна смѣниться статистикой научной—общегосударственной, поскольку дѣло идетъ объ общихъ изслѣдованіяхъ, и мѣстной, находящейся въ вѣдѣніи мѣстныхъ органовъ самоуправленія, поскольку статистическая работа необходима для удовлетворенія мѣстныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ ясно, что недостатки волостной статистики въ значительной своей мѣрѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ неприспособленностью ея къ *новымъ* условіямъ общественной жизни: только съ усложненіемъ жизни усложнились и требованія, предъявляемыя статистикамъ, увеличилось и обремененіе волостной администраціи дѣлами, особенно перепиской, лишаящее должностныхъ лицъ возможности удѣлять сколько-нибудь значительное время на статистическую работу. Въ какомъ непримиримомъ конфликтѣ съ условіями работы волостной администраціи находятся новыя, повышенныя потребности,—видно изъ того, что одинъ и тотъ же матеріаль требуется иногда нѣсколькими разными присутственными мѣстами и въ разное время, иногда—и весьма нерѣдко—даже въ такое, когда добыть его нѣтъ никакой физической возможности. Отсюда вынужденная фантастичность многихъ цифръ.

Слѣдовательно, по мѣрѣ удаленія вглубь прошлаго мы все болѣе приближаемся къ условіямъ, способствовавшимъ большей

достоверности волостной статистики: тогда и задачи исследования были проще, соответственно упрощались и приемы статистической работы, наконец, не было чрезмерной обремененности волостной администрации перепиской, бумажной отчетностью и сложным дѣлопроизводствомъ.

Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ въ изученныхъ нами документахъ данныя, относящіяся къ XVIII и началу XIX вѣка, съ матеріаломъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ.

Работа волостныхъ статистиковъ XVIII и начала XIX вѣка была несложна, даже, можно сказать, чрезвычайно проста. Источники наши показываютъ, что тогда достаточно было собрать и зарегистрировать свѣдѣнія о размѣрахъ посѣва и урожая хлѣбовъ и травъ, о размѣрахъ вновь распаханной площади, о количествѣ скота, о числѣ и стоимости убитыхъ звѣрей, о цѣнахъ на важнѣйшіе товары¹⁾. Это немного, но за то не трудно здѣсь достигнуть точности, и въ то же время этого достаточно, чтобы освѣтить для насъ общую картину несложнаго хозяйственнаго быта того времени. Какъ мало было тогда письменнаго дѣлопроизводства, видно изъ небольшого количества дѣлъ, относящихся къ тѣмъ годамъ²⁾.

Совершенно другая картина получается, если взять дѣла, начиная съ сороковыхъ годовъ XIX вѣка. Въ это время составляется чрезвычайно подробный отчетъ о состояніи волости, куда вносятся малѣйшія измѣненія въ составѣ населенія, въ хозяйственномъ его положеніи, въ дѣленіи его на сословія и классы, данныя о торговлѣ, обложеніи налогами и повинностями, о количествѣ мостовъ, перевозовъ и гатей, о числѣ мельницъ и проч. и проч.³⁾. Составленіе такого отчета само по себѣ представляетъ огромный и серьезный трудъ, который могъ иногда быть и непосильнымъ для волостной администрации. Но этого мало: требовалось еще веденіе цѣлой массы книгъ, касающихся разныхъ сторонъ мѣстной жизни и разныхъ группъ населенія⁴⁾.

1) См. №№ 1—94.

2) Такъ ко всему XVIII вѣку относится только 29 дѣлъ, въ началѣ XIX в. къ одному году относятся обыкновенно два или три дѣла; такъ къ 1812 г.—два дѣла, къ 1813—четыре и т. д.

3) См., напр., №№ 159, 182, 184, 206 и мн. др.

4) Таковы приходо-расходныя книги, разносныя тетради, книги входящихъ и исходящихъ бумагъ, вѣдомости, годовые отчеты и проч. и проч. См. особенно №№ 241, 201, 221. Насколько увеличилось дѣлопроизводство уже въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка,—видно изъ того, что въ 1844 году одна разносная тетрадь заключала въ себѣ цѣлыхъ 166 листовъ (см. № 221).

Наконецъ, чрезвычайно увеличались и усложнились переписки и вообще бумажное, письменное дѣлопроизводство. Это видно и по большому числу дѣлъ, относящихся къ 40-мъ и 50-мъ годамъ XIX вѣка,¹⁾ и по тому, что въ 1844 году возникъ даже вопросъ объ увеличеніи числа помощниковъ писаря и прибавкѣ жалованья волостной администраціи, именно вслѣдствіе увеличенія дѣлопроизводства²⁾

Итакъ почти за все изучаемое нами время источники наши даютъ намъ матеріалъ, въ общемъ и цѣломъ довольно достовѣрный. Серьезныя сомнѣнія въ достовѣрности возникаютъ только по отношенію къ матеріалу, относящемуся къ послѣднимъ двумъ десятилѣтіямъ. Но и здѣсь сомнѣнія далеки отъ того обязательнаго, прочно обоснованнаго скептицизма, съ которымъ относятся теперь къ даннымъ современной намъ волостной статистики.

Необходимо однако сдѣлать еще одну важную въ критическомъ смыслѣ оговорку: если ошибки въ общемъ и не могутъ быть велики, то, можетъ быть, сказывалось другое отмѣченное нами выше важное обстоятельство—официальный оптимизмъ, вызванный естественнымъ желаніемъ угодить начальству. Мы не въ правѣ игнорировать эту въ высокой степени вѣроятную возможность и потому всякій разъ, какъ картина будетъ намъ казаться черезчуръ розовой, мы должны внести соотвѣтствующія поправки.

II.

Территорія и населеніе Макаровской волости.

Территорія, изученіемъ хозяйственной исторіи которой за нѣсколько десятилѣтій XVIII и XIX вв. мы намѣрены заняться, значительна по своимъ размѣрамъ. Она охватываетъ части теченія рѣкъ Лены и Киренги и почти все течение Куты. Когда территория Макаровской волости сложилась окончательно (въ предѣлахъ изучаемаго періода), крайнимъ сѣвернымъ поселе-

¹⁾ За каждый годъ, какъ видно по описи, числится по 5, 6, восьми, десяти и болѣе дѣлъ, въ которыхъ листы, считаются сотнями и иногда превышаютъ немного тысячу.

²⁾ № 221.

ніемъ, входившимъ въ составъ волости, была деревня Верхне-Карелинская (въ верховьяхъ Нижней Тунгуски), а самымъ южнымъ—дер. Верхне-Улканская (на р. Киренгѣ). Это составляетъ по прямой линіи съ сѣвера на югъ приблизительно 250 верстъ. Но прежде всего надо замѣтить, что ширина этой территоріи неодинакова на всемъ протяженіи: на пространствѣ первыхъ 25-ти верстъ съ сѣвера ширина не превышаетъ 10-ти верстъ, потомъ на протяженіи 60-ти верстъ съ сѣвера на югъ ширина территоріи волости доходитъ до 20 верстъ, далѣе на пространствѣ 25 верстъ—до 50-ти, на протяженіи 10-ти верстъ до 80-ти и, наконецъ, на протяженіи 130 верстъ ширина волостной территоріи опять уменьшается до 10 верстъ. Въ общей сложности это составляетъ площадь въ 4800 квадратныхъ верстъ:

Но это еще не вся территорія Макаровской волости. Сюда относятся еще не вошедшія въ произведенный сейчасъ счетъ поселенія по Ленѣ отъ дер. Кокуйской до Усть-Кута и по Кутѣ съ ея притокомъ Мукой отъ Култука до Каймонова. Ширина въ первомъ случаѣ 25 верстъ, во второмъ не болѣе 10-ти верстъ, длина же (съ сѣвера на югъ) соотвѣтственно 20 и 170 верстъ. Такимъ образомъ къ 4800 кв. в. надо прибавить еще 500 и 1700 кв. верстъ. Вся территорія Макаровской волости въ томъ видѣ, какъ она сложилась для изучаемаго періода окончательно, составляетъ, слѣдовательно, 7000 кв. верстъ¹⁾.

Эта территорія сложилась въ одно административное и хозяйственное цѣлое лишь передъ 1812 годомъ²⁾. Раньше мы можемъ прослѣдить нѣкоторые—послѣдніе по времени—моменты образованія этого цѣлаго.

На пространствѣ позднѣйшей обширной Макаровской волости въ XVIII вѣкѣ существовало нѣсколько—относительно—мелкихъ волостей. Таковы были, повидимому, еще въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка³⁾ и уже несомнѣнно позднѣе⁴⁾ волости Усть-кутская и Криволицкая, затѣмъ въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ небольшая Макаровская волость, въ составъ которой входили тогда, кромѣ Макаровской, еще деревни Хабаровская, Скобель-

1) № 94.

2) См. № 57, съ одной стороны, и особенно № 62, относящійся къ 1812 и 1813 гг. и, съ другой—№ 48, въ которомъ опредѣляется составъ волости въ 1808 году.

3) № 1.

4) №№ 5, 8, 13.

ская, Бочкаревская и деревня Верхняго Лугу¹⁾). наконецъ, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ упоминаются еще волости Марковская и Подымахинская²⁾). Всего, такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ можно насчитать *пять* небольшихъ волостей на территоріи будущей обширной Макаровской волости, причемъ надо замѣтить, что и эти пять волостей не охватывали *всей* позднѣйшей Макаровской волости.

Въ 1798 г. Криволицкая и Макаровская волости были соединены въ одну:³⁾ такъ начался процессъ объединенія мелкихъ волостей.

Нѣсколько лѣтъ спустя—въ 1801 г.—этотъ процессъ объединенія сдѣлалъ уже большіе успѣхи: въ новой объединенной Макаровской волости числилось тогда 63 деревни⁴⁾),—тѣ самыя, которыя раньше входили въ составъ малыхъ волостей—Криволицкой, Макаровской, Марковской, Подымахинской и Устькутской⁵⁾). Изъ этихъ 63-хъ деревень въ самомъ началѣ XIX вѣка исчезла деревня Криворотовская⁶⁾), а нѣсколько позднѣе—деревня Сабашная.⁷⁾ Но за то къ началу второго десятилѣтія XIX вѣка прибавилось 11 новыхъ деревень⁸⁾ изъ которыхъ нѣкоторыя показываютъ, что территорія волости въ это время

1) № 3.

2) №№ 8, 21 и 26.

3) № 23 л. 65.

4) № 35, лл. 460—465, и № 39, лл. 435—441.

5) Ср. №№ 3, 8, 9, 13, 21, 26, 28, 29. Вотъ перечень этихъ деревень: Макаровская, Скабольская, Верхолугская, Кутимская, Мочальская, Сидоровская, Ляпуновская, Хабаровская, Устькутская, Култукская, Максимовская, Шипицинская, Каймоновская, Разбойниковская, Карповская, Балаханская, Якуримская, Половинская, Подымахинская, Казарочная, Борисовская, Кокуйская, Таюрская, Марковский пог., Оболкинская, Верхнемарковская, Назаровская, Суховская, Глуховская, Сабашная, Тирская, Улканская, Казимировская, Красноярская, Леоновская, Потаповская, Любавская, Карасевская, Криворотская, Панская, Балашевская, Оланцевская, Пашинская, Заборская, Криволицкая, Вологдинская, Лаврушинская, Лазаревская, Федеряшинская, Чертовская, Курдинская, Кулебакинская, Поворотская, Кривошапкинская, Воронинская, Прокопьевская, Юксѣевская, Пахаруковская, Деминская, Рыковская, Осиповская и Мартыновская.

6) № 48, лл. 12—17.

7) Она въ послѣдній разъ упомянута въ 1808 г. см. № 48.

8) Мысовская, Осиповская, Парфеновская, Ключевская, Казачья, Карнауховская, Верхнекорелинская, Нижнекорелинская, Юхтинская, Верхнеульканская, Акунайская: № 97, лл. 284—287.

сильно увеличилась, расширившись на сѣверъ на верховья Нижней Тунгуски (деревни Верхне-Карелинская и Нижнекарелинская), а на югъ далеко по Киренгѣ (деревни Ключевская и Верхнеулканская). Получилось, такимъ образомъ, если считать Усть-Куть и Устькутскій соляной заводъ за одно поселеніе и исключая изъ счета городъ Киренскъ, 72 селенія въ очерченныхъ выше границахъ и на исчисленной нами выше площади въ 7000 кв. верстъ. Въ такомъ видѣ оставалась Макаровская волость до конца изучаемаго нами періода. Количество населенныхъ мѣстъ въ ней, правда, около 1835 г. измѣнилось: прибавились три новыхъ селенія—Коротковское, Анучинское и Бурское¹⁾, но, повидимому, они образовались на той же территоріи.

Такимъ образомъ, уже наблюденія надъ территоріей Макаровской волости вскрываютъ передъ нами важный, любопытный и требующій причиннаго объясненія фактъ: на рубежѣ перваго и втораго десятилѣтій прошлаго вѣка образовалась крупная административная единица—Макаровская волость, сложившаяся изъ пяти небольшихъ волостей, ранѣе здѣсь существовавшихъ, съ прибавленіемъ полосъ земли по верхнему теченію нижней Тунгуски и среднему теченію Киренги. Отмѣтимъ пока этотъ фактъ, чтобы впослѣдствіи объяснить причины, его вызвавшія.

Переходя къ вопросу о населеніи изучаемой нами территоріи, необходимо прежде всего имѣть въ виду то, что наши источники даютъ два ряда цифръ—одинъ рядъ показываетъ число ревизскихъ душъ, т. е. душъ мужского пола отъ ревизіи до ревизіи, другой рядъ цифръ означаетъ число наличныхъ душъ мужского и женскаго пола; въ отчетахъ о состояніи волости встрѣчаются, сверхъ того, данныя о рождаемости и смертности, а также отчасти—въ довольно общей, суммарной формѣ—данныя о возрастномъ составѣ населенія.

Наименѣе достовѣрными надо признать цифры официальныхъ ревизій. Главная причина ихъ недостовѣрности—фискальный характеръ ревизій: такъ какъ послѣднія преслѣдовали цѣли регистраціи подлежащихъ обложенію подушной податью окладныхъ единицъ, то населеніе, естественно, стремилось по возможности уменьшить количество этихъ окладныхъ единицъ, чтобы тѣмъ облегчить податное бремя. Второю причиною недо-

¹⁾ № 157, л. 145.

стовѣрности ревизскихъ цифръ, несоотвѣтствія ихъ дѣйствительной численности даже одного только мужского населенія является сравнительно рѣдкая повторяемость ревизій: за полтора или два слишкомъ десятилѣтія количественный составъ населенія мужского пола сильно мѣнялся, а между тѣмъ перемѣны эти не регистрировались въ промежуткахъ между ревизіями. Все это иллюстрируется слѣдующими данными, взятыми изъ ряда другихъ, имъ подобныхъ: по 3 й ревизіи, результаты которой тогда только что опредѣлились, въ Устькутской волости числилось 557 ревизскихъ душъ, но къ нимъ приходилось уже присоединять 21 душу прибылую, чтобы получить дѣйствительное число населенія мужского пола: 1) въ 1823 году во всей Макаровской волости ревизскихъ душъ числилось 2170, 2) а наличныхъ было 2526 мужчинъ и 2585 женщинъ; 3) въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX в. ревизскихъ душъ считалось 2752 4), а въ дѣйствительности уже въ 1835 г. было 3189 мужчинъ и 3084 женщины, а въ 1843 г. число первыхъ дошло до 3343, а вторыхъ до 3339 5). Цифра дѣйствительнаго мужского населенія въ 1835 году, почти тотчасъ послѣ окончанія ревизіи, на 15,8% превышала цифру ревизіи; въ 1843 г. превышеніе достигло уже 21,4%.

Такимъ образомъ данными ревизій приходится пользоваться съ большою осторожностью, съ поправками, и то лишь въ случаѣ крайней нужды,—за недостаткомъ другихъ, болѣе достоверныхъ цифръ.

Изъ исторіи образованія территоріи Макаровской волости намъ уже извѣстно, что необходимо выдѣлить первый періодъ—съ 1768 г. по 1812 годъ, когда изучаемая территорія была уже, чѣмъ въ позднѣйшее время. Попытаемся опредѣлить населенность этой болѣе узкой территоріи.

Изъ всѣхъ цифръ, относящихся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, только одна цифра 1768 года заслуживаетъ нѣкотораго—и то довольно неполнаго—довѣрія: она всего ближе къ 3-й ревизіи и снабжена поправкой: Правда, такія поправки имѣются и для

1) № 1, л. 113.

2) № 77, л. 3.

3) № 77, л. 56 об.—57.

4) № 184, л. 194, и № 203, л. 182.

5) № 159, л. 3; № 206, л. 6 об.

1771, 1776, 1777 и 1782 годовъ, но всё онъ стереотипно повгортаютъ поправки 1768 года и потому не внушаютъ довѣрія ¹⁾).

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно важное обстоятельство: Марковская и Подымахинская волости, существовавшія во второй половинѣ 80-хъ и въ 90 хъ годахъ XVIII вѣка особо, въ 60-хъ, 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ того же вѣка соединялись—если не административно, то, по крайней мѣрѣ, статистически—съ Устькутской волостью: это видно изъ того ²⁾, что, по 4-й ревизіи, въ Устькутской волости числилось въ 1784 г. 692 души, а въ 1787 г. только 215: ³⁾ такая убыль невѣроятна и объясняется тѣмъ, что приблизительно соответствующее число душъ значится въ отдѣльно исчисленныхъ въ это время волостяхъ Марковской и Подымахинской ⁴⁾. Такимъ образомъ на территоріи, подлежащей въ первый періодъ нашему изученію, существовали тогда только двѣ волости—Устькутская и Криволуцкая.

Въ 1768 г. въ Устькутской волости числилось душъ мужского пола по 3-й ревизіи 557, прибылыхъ 21, въ Криволуцкой волости по 3-й ревизіи 630, прибылыхъ 12; значитъ, въ первой волости было 578 душъ, во второй 642 души мужского пола ⁵⁾. Всего въ обѣихъ волостяхъ 1220 душъ м. п. или около 2400 чел. обоого пола.

Слѣдующія затѣмъ болѣе или менѣе достовѣрныя цифры относятся къ 1784 г.—времени, когда только что были приведены въ извѣстность результаты четвертой ревизіи. Въ это время было въ Устькутской волости 692 души мужского пола, въ Криволуцкой—729 и сверхъ того въ Макаровской 284 ⁶⁾. Такимъ образомъ въ первыхъ двухъ волостяхъ вмѣстѣ въ 1784 г. было 1421 душа м. п. или около 2800 челов. обоого пола. Приростъ населенія за 16 лѣтъ 400 человекъ или 16,6%, т. е. немногимъ болѣе 1% въ годъ. Это—приростъ не быстрый, гораздо менѣе

¹⁾ № 1, л. 113; ср. лл. 125 об., 126, 146, 167, 317 об.—318.

²⁾ № 1, л. 317 об.

³⁾ № 8, лл. 98 об.—100.

⁴⁾ № 8, лл. 98, 101—102 об.

⁵⁾ № 1, л. 113.

⁶⁾ № 1, л. 317 об.—318.

быстрый, чѣмъ въ современной Россіи, причемъ остается открытымъ вопросъ о томъ, сколько приходится на долю ссылки и переселенія и сколько на естественный приростъ. Можно, впрочемъ, съ нѣкоторою увѣренностью предположить, что большая часть прироста приходится на долю естественнаго народненія, такъ какъ ссылка въ эту мѣстность была невелика и въ началѣ XIX вѣка, а переселенія совсѣмъ не было. Если присоединить 284 д. м. п., числившихся въ Макаровской волости, то окажется, что въ 1784 г. во всѣхъ трехъ волостяхъ было 1705 д. м. п. или 3400 чел. обоого пола.

Общая цифра мужского населенія всѣхъ пяти волостей—Устькутской, Криволуцкой, Макаровской, Марковской и Подымахинской—по пятой ревизіи, т. е. въ 1796 году, была 1807¹⁾; изъ нихъ въ Криволуцкой и Макаровской волости вмѣстѣ было 1105²⁾ душъ м. пола, въ Марковской 294³⁾, въ Подымахинской 269⁴⁾; значить на долю Устькутской оставалось 139 душъ м. п. (по четвертой ревизіи вмѣстѣ съ Устькутской волостью исчислялись и Марковская, и Подымахинская). Слѣдовательно, всего на изучаемой территоріи жило въ 1796 г. около 3600 человекъ обоого пола. Приростъ сравнительно съ 1784 года, т. е. за 12 лѣтъ,—200 человекъ или 5,8%—менѣе $\frac{1}{2}\%$ въ годъ. Приростъ еще болѣе слабый, чѣмъ прежде: очевидно, изучаемая территорія переживала какія-то условія, удерживавшія ростъ населенія.

Мы исчерпали всѣ сколько-нибудь достовѣрныя данныя о населеніи, относящіяся къ XVIII вѣку.

Переходя къ XIX столѣтію, мы возьмемъ для сравненія съ XVIII данныя ревизіи 1811 года. По нимъ во всей волости было 2134 души м. п.⁵⁾. Но такъ какъ въ это время въ обширной Макаровской волости было на 9 селеній больше, чѣмъ въ пяти малыхъ волостяхъ, ее составившихъ, то надо уменьшить примѣрно на 10% число ревизскихъ душъ. Тогда выйдетъ 2021 душа м. п. или 4040 челов. обоого пола. Приростъ за 15 лѣтъ 440 чел., т. е. 12,2%.

Такъ какъ для послѣдующаго времени мы будемъ брать цифры не ревизій, а дѣйствительной численности населенія, то

1) № 31, л. 465.

2) № 23, л. 65.

3) № 21, л. 5.

4) № 26, л. 46 об.

5) № 62, л. 38.

для сравненія съ ними необходимо сдѣлать поправку къ цифрѣ ревизскихъ душъ 1811 года. Поправка должна заключаться въ добавленіи по меньшей мѣрѣ 10% къ ревизской цифрѣ. Слѣдовательно, мы предполагаемъ, что въ 1811 г. мужского населенія въ обширной, окончательно сложившейся тогда Макаровской волости было не 2134 души, а на 10% или на 213 душъ болѣе, т. е. 2347 душъ м. п. или 4700 чел. обоого пола.

Вотъ цифры дѣйствительнаго населенія волости за послѣдующіе годы, насколько позволяютъ намъ судить объ этомъ наши источники:

Въ 1820 г. было	2409 ч. м. п.,	2516 ч. ж. п.,	а всего	4925 ч. ¹⁾
» 1823 »	» 2526 »	» 2585 »	»	5111 » ²⁾
» 1826 »	» 2619 »	» 2630 »	»	5249 » ³⁾
» 1835 »	» 3189 »	» 3084 »	»	6273 » ⁴⁾
» 1839 »	» 3364 »	» 3264 »	»	6628 » ⁵⁾
» 1845 »	» 3568 »	» 3480 »	»	7048 » ⁶⁾
» 1849 »	» 3713 »	» 3618 »	»	7331 » ⁷⁾

Такимъ образомъ, опредѣляя процентное соотношеніе этихъ цифръ, получаемъ слѣдующее:

въ 8 л. (1812—20 г.) насел. выросло на	225 ч. или на	4,8%	т. е. въ годъ на	0,6%
„ 3 г. (1820—23 г.)	„ „ „ 196 „ „ „	3,7%	„ „ „	1,2%
„ 3 г. (1823—26 г.)	„ „ „ 138 „ „ „	2,7%	„ „ „	0,9%
„ 9 л. (1826—35 г.)	„ „ „ 1024 „ „ „	19,5%	„ „ „	2,1%
„ 4 г. (1835—39 г.)	„ „ „ 355 „ „ „	5,6%	„ „ „	1,4%
„ 6 л. (1839—45 г.)	„ „ „ 420 „ „ „	6,3%	„ „ „	1,05%
„ 4 г. (1845—49 г.)	„ „ „ 283 „ „ „	4,9%	„ „ „	1,0%

Очевидно, до 1820 года продолжали дѣйствовать условія, задерживавшія ростъ населенія. Но въ періодъ съ 1820 по 1850 годъ эти условія были преодолены: это видно и изъ только что приведенныхъ данныхъ, и изъ того, что если взять все послѣднее тридцатилѣтіе, то окажется, что населеніе за это время выросло съ 4925 человекъ до 7331 или на 2406 челов. обоого пола, т. е. на 48,8%, въ среднемъ на 1,6% въ годъ. При этомъ

1) № 77, л. 16

2) 77, л. 56 об.

3) № 119, л. 2.

4) № 159, л. 3,

5) № 182, л. 6 об.

6) № 227, л. 3.

7) № 245, л. 52,

характерно, что въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка наблюдается опять значительное уменьшеніе прироста населенія. Извѣстно, что въ современной Россіи годовой приростъ населенія составляетъ 1,7⁰/₀.

Проистекаль-ли приростъ населенія изучаемой территоріи отъ притока населенія со стороны посредствомъ колонизаціи свободной и принудительной (каторги и ссылки) или отъ перевѣса рождаемости надъ смертностью?

Всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя показываютъ, что свободной колонизаціи за все время не было или почти не было, количество же каторжанъ и ссыльнопоселенцевъ было незначительно и абсолютно, и относительно—въ сравненіи со всѣмъ населеніемъ. Такъ въ 1835 году каторжанъ и поселенцевъ было всего 182 человекъ (138 мужчинъ и 44 женщины)¹⁾, т. е. 2,9⁰/₀ всего населенія, которое простиралось тогда до 6248 чел. Въ 1839 г. всего населенія было 6628 чел., а каторжанъ и поселенцевъ 266 чел. (194 мужчины и 72 женщины)²⁾ или 4⁰/₀. Въ 1843 г. процентъ послѣднихъ понизился до 3,3⁰/₀; ихъ было 224 (145 мужч. и 79 женщ.)³⁾ при 6682 челов. всего населенія. Дальнѣйшее и очень сильное пониженіе наблюдается въ 1845 и 1849 гг.: тогда ссыльныхъ было 62⁴⁾ и 46⁵⁾ чел., а всего населенія 7048 и 7331 челов.; соотвѣтствующій процентъ ссыльныхъ въ первомъ случаѣ 0,8, а во второмъ даже только 0,6.

Уже изъ этого видно, что переменны въ приростѣ населенія зависѣли не отъ прилива со стороны, а отъ внутреннихъ условій, опредѣлявшихъ рождаемость и смертность. Это подтверждается и анализомъ данныхъ о рождаемости и смертности. Вотъ относящіяся сюда данныя:

Въ 1823 году родилось 186 чел. (102 муж. п. и 82 ж. п.), умерло 97 чел. (51 м. п. и 46 ж. п.)⁶⁾; приростъ 89 челов. или 1,7⁰/₀. Въ 1835 году родилось 208 челов. (110 м. п. 98 ж. п.), умерло 120 челов. (62 м. п. и 58 ж. п.)⁷⁾; приростъ 88 челов.,

1) № 159, л. 12 и об.

2) № 182, л. 6 и об.

3) № 206, л. 6.

4) № 227, л. 2 об.

5) № 245, л. 52.

6) № 97, л. 339.

7) № 159, л. 3.

1,4%. Въ 1843 г. родилось 250 чел., умерло 175¹⁾, прирость 75 чел. или 1,1%. Наконецъ, въ 1849 году родилось 362 чел., а умерло 454²⁾, такъ что наблюдалась убыль населенія на 92 ч. Сравнивая эти цифры рождаемости, смертности и перевѣса первой надъ послѣдней за отдѣльные годы съ приведенной выше таблицей роста населенія за періоды въ нѣсколько лѣтъ каждый, мы видимъ въ обоихъ случаяхъ приблизительное соотвѣтствіе. Очевидно, прирость населенія и измѣненія въ немъ дѣйствительно опредѣлялись какими-то внутренними, по всей вѣроятности, хозяйственными условіями, которыя мы и должны попытаться опредѣлить въ дальнѣйшемъ. Надо прибавить, что въ 20-хъ и 30-хъ годахъ смертность была невелика, не превышала 19,4 чел. на 1000, въ 1843 г. она повысилась до 24,6 чел. на 1000, а въ 1849 г. дошла до 61,6 на 1000. Теперь въ Россіи она равна 35,5 на 1000.

Для исторіи народнаго хозяйства большую важность имѣетъ вопросъ о количествѣ производительнаго населенія, т. е. о словномъ, возрастномъ и половомъ составѣ его. Данныя о половомъ составѣ были уже приведены. Приведемъ теперь данныя о составѣ возрастномъ и словномъ и сдѣлаемъ изъ всего матеріала надлежащіе выводы.

Для XVIII вѣка мы имѣемъ о возрастномъ составѣ только одинъ документъ, относящійся къ 1778 году³⁾. По этому документу число мужчинъ, способныхъ къ работѣ, въ деревняхъ Хабаровской, Макаровской, Верхолужской, Скобельской и Бочкаревой было 45 чел., число способныхъ къ работѣ женщинъ 70, престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работѣ было 154 чел. обою пола и малолѣтнихъ—до 15 лѣтъ—161 чел. обою пола. Такимъ образомъ количество производительнаго населенія не превышало 115 чел. изъ общаго числа 430 жителей, т. е. производительное населеніе составляло всего 26,7%—процентъ очень низкій, такъ какъ въ современныхъ культурныхъ странахъ—и въ томъ числѣ въ Россіи—процентъ производительнаго по возрасту населенія выше 45-ти.

Въ высшей степени неудовлетворительны данныя о возрастномъ составѣ населенія въ XIX вѣкѣ: дѣло въ томъ, что за

1) № 206, л. 6 об.

2) № 245, л. 52.

3) № 3, лл 222—230 об.

это время главная составная часть населенія—крестьяне—обозначаются общею суммою, изъ которой не выдѣляются особо дѣти и престарѣлые. Такимъ образомъ приходится ограничиться данными, относящимися къ некрестьянскому населенію. Такъ въ 1839 г. ¹⁾ изъ общаго числа 400 чел. некрестьянскаго населенія было 112 дѣтей; считая столько же престарѣлыхъ, получаемъ 176 чел. или 44^{0/0} населенія. Въ 1849 г. ²⁾ изъ 114 некрестьянъ въ возрастѣ, дающемъ возможность работать, было 42 чел. или 36,8^{0/0}. Значитъ, относительное количество производительнаго населенія въ XIX вѣкѣ было ближе къ современному, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Особенно это надо сказать о тридцатыхъ годахъ, когда, какъ мы видѣли, и приростъ населенія былъ значительнѣе.

Распредѣленіе населенія по сословнымъ группамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

въ 1771 г. было духов., разноч. и двор.	245 ч.,	крест., казак. и ссыльн.	996 ч. ³⁾
въ 1839 г. » » » »	128 ч.	» » »	6500 ч. ⁴⁾
въ 1843 г. » » » »	119 ч.	» » »	6563 ч. ⁵⁾
въ 1845 г. » » » »	104 ч.	» » »	6944 ч. ⁶⁾
въ 1849 г. » » » »	63 ч.	» » »	7268 ч. ⁷⁾

Соотвѣтствующія процентныя отношенія будутъ таковы: для 1771 г. 19,8^{0/0} и 80,2^{0/0}, для 1839 г. 2^{0/0} и 38^{0/0}, для 1843 г. 1,7^{0/0} и 98,3^{0/0}, для 1845 г. 1,4^{0/0} и 98,6^{0/0}, наконецъ для 1849 г. 0,8^{0/0} и 99,2^{0/0}. Такимъ образомъ и здѣсь наблюдается въ XIX вѣкѣ, сравнительно съ XVIII, относительный ростъ производительнаго населенія на счетъ непроизводительнаго. Этимъ вносится еще одинъ дополнительный штрихъ въ набросанную нами картину переменъ въ населеніи Макаровской волости въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

1) № 182, л. 3.

2) № 245, лл. 47—49 об.

3) № 1, лл. 125 об. и 126.

4) № 182, л. 3—7.

5) № 206, лл. 2—6.

6) № 226, лл. 2 об.—3.

7) № 245, лл. 47—52.

III.

Цѣны на деньги, землю и разные товары въ Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX вѣка.

Прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ отдѣльныхъ отраслей хозяйства въ Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX вѣка, необходимо собрать имѣющіяся данныя о цѣнахъ на деньги, землю и другіе товары въ это время въ данной мѣстности. Это подготовитъ лучше всего къ пониманію хозяйственнаго быта, а изученіе цѣнъ на деньги дастъ прямо ключъ къ этому пониманію: опредѣливъ покупательное значеніе денегъ того времени въ ихъ отношеніи къ современному намъ рублю, мы тѣмъ самымъ получимъ возможность опредѣлить цѣны земли и всѣхъ товаровъ на деньги нашего времени.

Цѣны денегъ опредѣляются обыкновенно по хлѣбнымъ цѣнамъ. Въ нашемъ распоряженіи есть данныя о цѣнахъ на ржаную муку и овесъ, которыя можно свести въ слѣдующую таблицу:

Въ 1787 г.	пудъ ржан. муки стоилъ	55 к.,	а пудъ овса	35 к. ¹⁾
„ 1789 г.	„ „ „ „	— 55 „	„ „ „	35 к. ²⁾
„ 1820 г.	„ „ „ „	2 р. 40.	„ „ „	— „ ³⁾
„ 1823 г.	„ „ „ „	1 р. 55	„ „ „	— „ ⁴⁾
„ 1827 г.	„ „ „ „	1 р. 15	„ „ „	— „ ⁵⁾
„ 1835 г.	„ „ „ „	1 р. 75	„ „ „	— „ ⁶⁾
„ 1841 г.	„ „ „ „	2 р. 25	„ „ „	90 „ ⁷⁾
„ 1842 г.	„ „ „ „	2 р. 50	„ „ „	1 р. 40 „ ⁸⁾
„ 1843 г.	„ „ „ „	1 р. 55	„ „ „	— — „ ⁹⁾
„ 1910—1911 гг.	„ „ „ „	2 р. —	„ „ „	2 р. 20 „ ¹⁰⁾

1) № 8, л. 146 об.

2) № 10, л. 11.

3) № 76, л. 16 об.

4) № 97, л. 132.

5) № 127, л. 22.

6) № 159, лл. 208 и 217.

7) № 199, лл. 155 об. и 156

8) № 203, л. 191 об.

9) № 206, лл. 59 об.—60.

10) По справочнымъ цѣнамъ пароходства бр. Готовыхъ. Ср. *И. Серебренниковъ*, Записка объ экономическомъ положеніи района жел. дороги Иркутскъ—Жигалово. Иркутскъ, 1912, статистич. таблицы, стр. 26.

Для того, чтобы опредѣлить правильное соотношеніе между цифрами первыхъ девяти строкъ этой таблицы и цифрами послѣдней, десятой ея строки, надо принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) цѣны XVIII в. исчислялись на серебро, но такъ какъ серебряный и золотой рубли того времени были равноцѣнны, а нынѣшній золотой рубль по вѣсу на цѣлую треть меньше прежняго, то для сравненія цѣнъ XVIII вѣка съ современными надо увеличить первыя на $\frac{1}{3}$; 2) цѣны 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка исчислялись на ассигнаціи; переведемъ ихъ на серебро, т. е. раздѣлимъ на $4\frac{1}{2}$; полученное частное надо опять таки увеличить на $\frac{1}{3}$ вслѣдствіе указаннаго сейчасъ измѣненія вѣса современнаго рубля; 3) цѣна пуда овса въ 55 коп. въ 1824 году была непомѣрно низкой, какъ низкой была въ тотъ годъ и цѣна ржаной муки; поэтому надо въ параллель съ низкой цѣной овса поставить высшую его цѣну, исчисливъ ее по нормѣ 1820 года, когда и ржаная мука была всего дороже: въ два съ половиною раза выше, чѣмъ въ 1824 г.; мы предполагаемъ, слѣдовательно, для 1820 г. цѣну овса въ 1 р. 38 к. ассигнаціями за пудъ¹⁾.

Съ этими поправками получаемъ слѣдующія соотношенія цѣнъ тѣхъ годовъ съ современными цѣнами:

1787 г.	ржаная мука	$\frac{200}{73}$	или 2,7;	овесъ	$\frac{220}{47}$	или 4,6;	въ средн.	3,6;
1789 г.	„	$\frac{200}{73}$	„ 2,7;	„	$\frac{220}{47}$	„ 4,6;	„	3,6;
1820 г.	„	$\frac{200}{71}$	„ 2,8;	„	$\frac{220}{40,8}$	„ 5,4;	„	4,1;
1823 г.	„	$\frac{200}{45,7}$	„ 4,3;	„	—	„ —	„	4,3;
1827 г.	„	$\frac{200}{34}$	„ 5,9;	„	—	„ —	„	5,9;
1835 г.	„	$\frac{200}{51}$	„ 3,9;	„	—	„ —	„	3,9;
1841 г.	„	$\frac{200}{66,6}$	„ 3,0;	„	$\frac{220}{26,6}$	„ 8,2;	„	5,6;

¹⁾ Такое отношеніе ассигн. рубля къ серебряному оправдывается нашими источниками для данной мѣстности: см., напр., №№ 199 и 206.

1842 г.	”	”	$\frac{200}{74,3}$	”	2,7;	”	$\frac{220}{42,9}$	”	5,1;	”	”	3,9;
1843 г.	”	”	$\frac{200}{45,9}$	”	4,3;	”	—	”	—	”	”	4,3;

Обобщая эти вычисления, мы можемъ сдѣлать слѣдующій окончательный выводъ о цѣнахъ на звонкую монету (металлическія деньги) въ Макаровской волости въ ихъ отношеніи къ современному рублю: серебряный рубль конца XVIII вѣка былъ въ 3,6 раза дороже современнаго; серебряный рубль 20-хъ годовъ XIX вѣка въ 4,8 раза дороже нашего золотого; серебряный рубль 30-хъ годовъ былъ дороже современнаго только въ 3,9 раза, а серебряный рубль 40-хъ годовъ—въ 4,6 раза. Иными словами, въ концѣ XVIII вѣка въ Макаровской волости можно было купить на серебряный рубль столько же товаровъ, сколько теперь покупается на 3 рубля 60 к., въ 20-хъ годахъ XIX вѣка столько, сколько теперь покупаютъ на 4 р. 80 к., въ 30-хъ на 3 р. 90 к., въ 40-хъ на 4 р. 60 к. Въ общемъ перемѣны въ цѣнахъ на звонкую монету указываютъ на значительное удешевленіе послѣдней въ 30-хъ годахъ сравнительно съ 20-ми и 40-ми.

Но цѣны на разные товары въ 20-хъ—40-хъ годахъ выражались обыкновенно въ ассигнаціяхъ. Поэтому надо установить отношеніе ассигнаціоннаго рубля того времени къ нынѣшнему золотому. Только тогда, не опасаясь впасть въ ошибку, мы сможемъ перевести цѣны того времени на современные намъ деньги. Для этого надо выведенныя нами среднія отношенія серебрянаго рубля 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ раздѣлить на $4\frac{1}{2}$. Тогда получится слѣдующее:

Ассигнаціонный рубль 20-хъ годовъ стоилъ 1 р. 7 коп. на наши деньги; ассигнаціонный рубль 30-хъ годовъ былъ дешевле нашего современнаго золотого рубля, равнялся лишь 87 копейкамъ на наши деньги; наконецъ, рубль ассигнаціями 40-хъ годовъ стоилъ 1 р. 2 коп. на наши деньги. Въ общемъ, слѣдовательно, вслѣдствіе наблюдавшагося тогда огромнаго паденія цѣнъ на ассигнаціи, вызваннаго наполеоновскими войнами и континентальной системой, а затѣмъ турецкой и польской войнами при Николаѣ I, ассигнаціонный рубль имѣлъ приблизительно ту же покупательную силу, какъ современный намъ золотой рубль.

У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ о цѣнахъ на землю. Не-обработанная земля, повидимому, не цѣнилась ни во что, но обработанная имѣла извѣстную цѣнность. Это видно изъ того, во-первыхъ, что часть крестьянъ—въ 1823 году 64 челов.¹⁾—сдавали въ аренду всю свою землю или часть ея своимъ односельчанамъ; во-вторыхъ, это видно и изъ того, что въ окрестностяхъ Иркутска еще въ 1791 г. сдавались на оброкъ пашни и сѣнные покосы, причемъ за десятину пашни платился оброкъ въ 2 р. 35 к. (т. е. на наши деньги 8 р. 46 к.) въ годъ, а десятина покоса оплачивалась оброкомъ отъ 17¹/₂ к. до 2 р. 55 к. (такая высокая цѣна встрѣчается только въ исключительномъ, единичномъ случаѣ), обычно же въ 34 и 50 коп. (на наши деньги это выходитъ 63 к.—9 р. 18 к., 1 р. 22 к.—1 р. 80 к.²⁾). По тому времени это цѣны немалыя. Повидимому, бывали и случаи продажи земли: по крайней мѣрѣ, въ 1851 г. было издано специальное запрещеніе крестьянамъ продавать землю³⁾, но, конечно, случаи продажи земли были очень рѣдки, почему и продажныхъ цѣнъ на землю нѣтъ въ нашихъ документахъ.

Вотъ таблица, показыв. цѣны на продукты сельскаго хозяйства:

Годъ.	Копна сѣна.				Кубич. саж. дровъ.				Пудъ говяд.				Пудъ свин.			
	Отъ		до		Отъ		до		Отъ		до		Отъ		до	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
1791	—	—	—	—	—	—	—	—	—	85	—	90	—	—	—	—
1820	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	9	—	6	—	12	—
1823	20	—	60	—	1	—	2	—	3	—	6	—	5	—	8	—
1824	60	—	70	—	1	25	1	50	3	—	4	—	4	—	5	—
1827	40	—	80	—	1	—	1	50	4	—	5	—	—	—	—	—
1835	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	4	—	4	—	5	—
1839	—	—	—	—	2	—	2	50	3	50	44	50	—	—	—	—
1841	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	5	—	—	—	—	—
1842	50	—	—	—	—	—	—	—	4	50	—	—	5	50	3	50
1843 ⁴⁾	—	—	—	—	—	—	—	—	1	43	1	57	—	—	—	—
1849 ⁴⁾	—	—	—	—	—	—	—	—	1	30	1	40	1	80	2	—

1) № 97, лл. 462—476 об.

2) № 11, лл. 143—146 об.

3) № 265.

4) За эти годы цѣны указаны на серебро.

Годъ.	Пудъ ба- ранины.		Пудъ мас- ла.		Пудъ са- ла топл.		Пудъ са- ла нетопл.		Сотня яиць.		№ дѣл.
	Отъ	до	Отъ	до	Отъ	до	Отъ	до	Отъ	до	
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	
1791	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
1820	4	9	20	28	14	26	16	18	—	—	73
1823	4	7	16	24	12	16	6	10	1	2	94
1824	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102
1827	—	—	16	24	—	—	—	—	2	2 50	123
1835	2	5	16	20	—	—	—	—	1 50	2	152
1839	—	—	20	25	12	15	—	—	2	3	169
1841	—	—	20	25	—	—	—	—	—	—	183
1842	3 50	—	25	—	—	—	—	—	—	—	187
1843	—	—	5	7 14	—	—	—	—	—	—	190
1849	1 15	1 30	5	6	—	—	—	—	—	—	230

Переводя среднія изъ этихъ цѣнъ на современные намъ деньги, получаемъ слѣдующее: копна сѣна стоила въ 20-хъ гг. XIX в. на наши деньги 19—76 к., въ 40-хъ 51 к.; кубическая сажень дровъ въ 20-хъ гг. 93—1 р. 85 к., въ 30-хъ гг. 1 р. 75 к.—2 р. 18 к.; пудъ говядины въ концѣ XVIII в. 3 р. 14 к.—3 руб. 24 коп.; въ 20-хъ гг. XIX в. 3 р. 21 к.—6 р. 42 к.; въ 30-хъ 1 р. 74 к.—3 р. 92 к.; въ 40-хъ 4 р. 8 к.—5 р. 10 к.; пудъ свинины въ 20-хъ гг. 4 р. 28 к.—12 р. 84 к., въ 30-хъ 3 р. 48 к.—3 р. 55 к., въ 40-хъ гг. 5 р. 61 к.—9 руб.; пудъ баранины въ 20-хъ гг. 4 р. 28 к.—9 р. 63 к., въ 30-хъ 3 руб. 48 к.—4 руб. 35 коп., въ 40-хъ 3 р. 57 к.—5 р. 28 к.; пудъ масла въ 20-хъ годахъ 17 р. 12 к.—20 р. 96 к., въ 30-хъ 13 р. 92 к.—21 руб. 75 коп., въ 40-хъ 20 р. 40 к.—32 р. 80 к.; пудъ сала топленаго въ 20-хъ гг. 13 р. 14 к.—27 р. 82 коп., въ 30-хъ 10 руб. 44 коп.—13 р. 5 к.; пудъ сала нетопленаго въ 20-хъ годахъ 6 р. 42 к.—19 р. 23 к.; сотня яицъ въ 20-хъ гг. 1 руб. 7 к.—2 р. 67 к., въ 30-хъ 1 р. 30 к.—2 р. 60 к.

Слѣдующія двѣ таблицы показываютъ цѣны на продукты рыболовства и охоты, причемъ первая содержитъ въ себѣ цѣны въ деньгахъ того времени, а вторая—въ переводѣ на наши деньги.

Годы.	Пудъ свѣж. рыбы (хайр.)	Десят. сол. омулей.	Соболь	Лисица.	Бѣлка	Выдра.	Хорекъ.	Горност.	Медвѣдь.	Волкъ	Росомах.	Номеръ и листъ дѣла.
1790	—	—	—	2 р. 10 к.	5,7 к.	—	—	—	—	—	—	№ 11, л. 42
1820	3 р.—7 р	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	№ 76, лл. 16 об.-17
1821	—	—	18 р.	—	3 к.	30 р.	—	—	—	—	—	№ 86, л 1 об.
1822	6 р.	—	20 р.	10 р.	35 к.	25 р.	1 р. 25 к.	15 к.	15 р.	—	—	№ 92, л. 167 об.-168
1823	3 р.—5 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	№ 97, л. 132
1824	3 р.-3 р. 50 к.	—	12 р.	11 р. 50 к.	31 к.	26 р. 40 к.	75 к.	15 к.	9 р.	—	—	№ 106, лл. 437 об. 447
1827	—	1 р.—2 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	№ 127, л. 23
1835	—	1 р.-1 р. 50 к.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	№ 159, л. 208
1839	—	1 р.-1 р. 50 к.	10 р. 25 р.	5 р. 20 р.	25 к. 35 к.	5 р. 20 р.	60 к. 1 р.	5 к. 15 к.	10 р. 25 р.	5 р. 10 р.	5-7 р.	№ 182, л. 32 об.— 33
1849 ¹⁾	—	—	5 р. 7 р.	—	8 к. 10 к.	—	27 к.	7-8 к.	6 р.	—	—	№ 260 лл. 1-4 об.

¹⁾ За этотъ годъ цѣны на серебро.

Время.	Пудъ свѣж. рыбы (хайр.)	Десят. омулей.	Соболь.	Лисица.	Былка.	Быдра.	Хорекъ	Горно-стай.	Медвѣдь	Волкъ.	Рос-сомах.
Ко-цль XVIII в.	—	—	—	7 р. 56 к.	20 к.	—	—	—	—	—	—
20-е гг. XIX в.	3р-21к7р49к	1 р. 7 к. 2 р. 14 к.	12 р. 84 к. 21 р. 40 к.	10 р. 70 к.	32 в.	26 р. 75 к. 32 р. 10 к.	80 к. 1 р. 34 к	16 к.	10 р 7 к. 16 р. 5 к.	—	—
30-е гг. XIX в.	—	87к.-1р.30	8 р 70 к. 21 р. 75 к.	4 р. 35 к. 17 р. 40 к.	22 к. 30 к.	4 р. 35 к. 17 р 40 к.	54 к.-87 к	4 к. 12 к.	3 р. 70 к. 21 р. 75 к.	4р35к. 8р70к.	4р35к. 6р.9к.
40-е гг. XIX в.	—	—	15 р.-32 р. 20	42 к. 46 к.	—	—	1 р. 24 к.	32 к. 37 к.	27 р. 60 к.	—	—

Таблица цѣнъ на продукты обрабатывающей промышленности:

Годъ*	Пудъ желѣза.	Пудъ саль-ныхъ свѣчей.	Пудъ мыла	Пудъ кожт.	Стопа бумага	Стопа перья	Топоръ	Сапо-ги.	Баш-маки.	Чир-ки.	Тысяча кирпича.	Стек-ло.	Аршинъ сермяж. сукна.	Аршинъ холста.	Пудъ сахару.	Фунтъ чаю.	Фунтъ табаку.
	1823 ¹⁾	20 р. 40 р.	18 р. 28 р.	16 р. 26 р.	10 р. 20 р.	12 р. 18 р.	1 р. 2 р.	80 к. 2 р.	1р.80к 2 р.	2р.3р.	—	20 р. 25 р.	1р.1р. 20 к.	—	—	—	—
1824 ²⁾	24 р. 25 р.	—	—	—	—	—	—	7р.8р.	—	2р.2р. 50 к.	—	—	1р.25к 1р.50к	40 к. 45 к.	—	—	—
1827 ³⁾	—	16 р. 22 р.	16 р. 22 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1839 ⁴⁾	—	18 р. 20 р.	—	—	—	—	—	5р.5р. 50 к.	—	—	—	—	—	—	70 р. 80 р.	6р 50к 7 р.	1р.2р. 25 к.

1) № 97, лл. 134—139. 2) № 106, л. 439 об. 3) № 127, л. 26. 4) № 182, лл. 38 об.—40.

Взявъ среднія за каждое десятилѣтіе цѣны и переведа ихъ на деньги нашего времени, получаемъ: въ 20-хъ годахъ пудъ желѣза стоилъ 32 рубля на наши деньги, пудъ сальныхъ свѣчей въ 20-хъ годахъ стоилъ 24 рубля, а въ 30-хъ 17 руб.; цѣна пуда мыла доходила до 22 руб., пуда кожъ до 22 руб.; сотня перьевъ въ 20 хъ годахъ стоила больше рубля и доходила до 2 р. 14 к., топоръ 1 р.—2 р. 14 к.; сапоги, стоившіе въ 20-хъ годахъ 6 р. 50 к.—8 р. 50 коп., въ 30-хъ цѣнились въ 4 руб. 35 к.,—4 р. 80 к., башмаки и чирки стоили не больше 3 руб.; тысяча кирпича—22 р.—27 р., стекло 1 р. 7 к.—1 р. 30 коп.; цѣна аршина армячнаго сукна въ 20-хъ гг. доходила до 1 р. 60 к., а въ 30-хъ понизилась до 1 р. 10 к.; аршинъ холста стоилъ 43 к.; пудъ сахару продавали въ 30-хъ годахъ за 60—70 р. на наши деньги, т. е. фунтъ обходился не дешевле 1½ рубля; цѣна фунта чаю поднималась даже въ 30-хъ годахъ до 6 рублей, а фунта табаку (махорки) до 2 рублей.

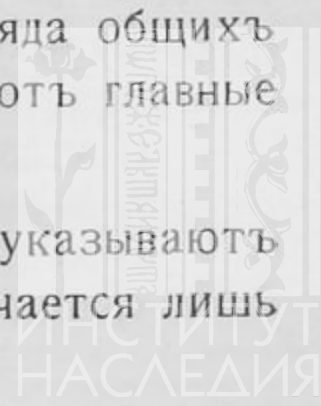
Отмѣтимъ, наконецъ, имѣющіяся въ нашихъ источникахъ указанія на заработную плату:

Годъ.	Мѣс. плата слугъ	Мѣс. плата землед. раб.	Мѣс. плата плотн.	Поденная плата кузнецу	Поденная плата каменщику	Номеръ и листъ дѣла.
1824	5 р.-7 р.	4 р.-7 р.	90 к.-1 р. 10 к.	90 к.—1 р.	1 р. 10 к.-1 р. 20 к.	№ 106, л. 445
1839	—	6 р.-8 р.	80 к.—1 р.	1 р.-1 р. 50 к.	1 р.—1 р. 50 к.	№ 182, л. 40.

При переводѣ на наши деньги оказывается, что слуга получалъ въ мѣсяць до 7 р. 50 к., земледѣльческій работникъ въ 20-хъ годахъ 4 р. 28 к.—7 р. 50 к., а въ 30-хъ отъ 5 р. 22 к. до 7 руб.; поденная плата плотнику въ 20-хъ годахъ равнялась 95 к.—1 р. 18 к., а въ 30-хъ только 70 к.—87 к.; кузнецу въ 20-хъ годахъ платили не больше 1 р. 7 к. въ день, а въ 30-хъ годахъ не больше 1 р. 30 к., иногда же около 90 к.; такъ же въ 30-хъ годахъ вознаграждался дневной трудъ каменщика, который въ 20-хъ годахъ цѣнился нѣсколько выше, чѣмъ трудъ кузнеца: оплата перваго доходила тогда до 1 р. 28 к.

Приведенный матеріалъ даетъ основаніе для ряда общихъ выводовъ, важныхъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Вотъ главные изъ этихъ выводовъ:

1) Цѣны на деньги и движеніе этихъ цѣнъ не указываютъ на крупныя измѣненія въ денежномъ оборотѣ; замѣчается лишь

нѣкоторое улучшение въ этомъ отношеніи въ 30-хъ гг. XIX в. сравнительно съ 20-ми съ одной стороны и 40-ми съ другой.

2) Цѣны на продукты сельскаго хозяйства все время не были особенно высокими, мало чѣмъ отличались отъ нынѣшнихъ; въ 30-хъ годахъ онѣ были ниже, чѣмъ раньше и позднѣе.

3) Тотъ же выводъ во всѣхъ своихъ частяхъ справедливъ и по отношенію къ цѣнамъ на продукты рыболовства и охоты.

4) Продукты обрабатывающей промышленности были все время чрезвычайно дороги; нѣкоторое пониженіе цѣнъ на нихъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ наблюдается опять таки въ 30-хъ годахъ.

5) Заработная плата наемнымъ рабочимъ не была высокой, но не можетъ быть признана и особенно низкой; въ 30-хъ гг., соотвѣтственно общему нѣкоторому удешевленію предметовъ необходимости, она нѣсколько понизилась.

IV.

Земледѣліе.

Переходя къ изученію развитія сельскаго хозяйства въ Макаровской волости, мы прежде всего остановимъ вниманіе на земледѣліи.

Система земледѣльческаго производства—вотъ основной вопросъ въ этой области. Она опредѣляется въ значительной степени соотношеніемъ между пашней и паромъ. Но здѣсь мы должны въ интересахъ правильнаго пониманія дѣла остановиться на одной важной особенности нашихъ источниковъ.

Дѣло въ томъ, что источники эти, всюду обозначая размѣры пашни и парового поля, въ то-же время, въ предѣлахъ иногда весьма небольшого промежутка времени, заключаютъ въ себѣ указанія на чрезвычайно различные размѣры пара. Напр., въ 1801 г. площадь парового поля указана въ 4600 дес.¹⁾, а въ 1802 г. только 9214 дес.²⁾; или: въ 1835 г. подъ паромъ было 8235 дес.³⁾, а въ 1836 г. 346 дес.⁴⁾. Это было бы легко

1) № 35, л. 465.

2) № 39, л. 441.

3) № 157, л. 111 об.

4) № 160, л. 448

объяснить измѣненіями въ размѣрахъ пашни, еслибы эти измѣненія дѣйствительно соотвѣтствовали перемѣнамъ въ размѣрахъ парового поля. Но такого соотвѣтствія какъ разъ и не существуетъ: въ 1802 г. пашня не увеличилась сравнительно съ 1801 г., а уменьшилась съ 1573-хъ дес. до 1375-ти ¹⁾, а въ 1836 г. она, правда, увеличилась съ 2760,6 дес. до 3497,4 ²⁾ но это увеличеніе далеко не соотвѣтствуетъ огромному сокращенію площади пара, тогда, какъ мы только что видѣли, происшедшему.

Остается предположить одно: паромъ тогда признавалось поле, отдыхающее только *первый* годъ, и оно одно только рядомъ съ дѣйствительной запашкой даннаго года обозначается въ нашихъ документахъ, пахотная же земля, остававшаяся безъ распашки два и болѣе года, считалась залежью или перелогомъ, и площадь ея не исчислялась. Весьма возможно при этомъ, что паръ того времени удобрялся, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается на Ленѣ и теперь. Этимъ паръ также отдѣлялся отъ неисчислявшейся залежи.

Такимъ образомъ данныя нашихъ источниковъ не даютъ *полной* картины системы полевого хозяйства. Мы, слѣдовательно, должны внести къ нимъ поправку въ томъ смыслѣ, что тогда имѣлась на лицо еще не указанная въ источникахъ обширная площадь залежи или перелога.

Принимая это во вниманіе, приходится признать, что система полевого хозяйства въ теченіе всего изучаемаго времени была *переложная* или *залежная*, съ примѣсью однако удобряемаго пара и съ огромнымъ перевѣсомъ залежной площади надъ площадью дѣйствительно распахиваемой земли.

Сѣвооборотъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе упорядочивался и приближался къ правильному трехпольному. Однако, въ XVIII вѣкѣ сохранился слѣдъ существованія чисто двухпольнаго сѣвооборота, который и позже перемежался и совмѣщался съ трехполемъ: именно въ 1778 году въ деревнѣ Верхняго Лугу указывается 90 десятинъ пашни въ *двухъ* поляхъ ³⁾

При всемъ этомъ въ XIX вѣкѣ соотношеніе пашни къ пару вообще оказывается въ пользу пашни въ гораздо большей степени, чѣмъ XVIII столѣтіи: агрономическій прогрессъ оче-

¹⁾ Ср. № 39, лл. 435--441, съ № 35, лл. 460—465.

²⁾ Ср. № 160, л. 448, съ № 157, л. 111 об.

³⁾ № 3, л. 156.

видно, совершался, хотя и медленно. Чрезвычайно характерно и любопытно при этомъ то, что, если вычислить среднее отноше-
ніе пашни къ паровому полю отдѣльно за XVIII в., за первые
годы XIX (до 1812 г.), за 1813—1819 годы, за 20-е, 30-е и
40-е годы XIX в., то окажется, что въ XVIII в. и въ первые
годы XIX отноше- ніе это равнялось, въ среднемъ, 1,6, т. е. паш-
ня превышала паровое поле лишь нѣсколько болѣе, чѣмъ въ
1½ раза, въ 1813—19 гг. отноше- ніе это равнялось 1,8, въ 20-хъ
годахъ оно дошло уже до 2,3, въ 30-хъ до 4,4 и въ 40-хъ по-
низилось до 2,7 въ среднемъ. Отмѣтимъ, что здѣсь встрѣчается
весьма точный и ясный параллелизмъ съ явленіями, отмѣченны-
ми нами при изученіи территоріи и населенія Макаровской во-
лости: все это, очевидно, только разныя стороны или отдѣль-
ные элементы одного и того же крупнаго, общаго процесса раз-
витія экономическихъ отношеній въ данной мѣстности.

Всѣ сдѣланные только что выводы основаны на слѣдую-
щихъ данныхъ:

Годъ.	Пашня. Паръ въ деся- тинахъ.		Отноше- ніе меж- ду паш- ней и паромъ.	Среднее отноше- ніе за пері- одъ.	Номеръ дѣла.
1778	202,5	189,2	1,0	1,6	3
1793	862,5	437,0	1,9		13
1799	144,1	36,0	4,0		28
1800	158,7	128,7	1,2		29
1801	1573,0	4600,0	0,3		35
1802	1375,0	921,2	1,4		39
1813	1796,6	890,4	2,0	1,8	62
1816	1641,2	828,7	1,9		71
1818	1972,9	1196,4	1,6		72
1822	2318,9	836,4	2,7	2,3	94
1823	2216,4	965,6	2,3		77
1826	2312,2	1109,6	2,0		123
1833	2605,5	784,7	3,3	4,4	143
1834	2709,9	694,9	3,9		148

Годъ.	Пашня. Паръ въ десяти- тинахъ.	Отноше- ніе меж- ду паш- ней и паромъ.	Среднее отношеніе за пері- одъ.	Номеръ дѣла.	
1835	2760,6	8235,0	0,3	} 4,4	157
1836	3497,4	346,0	10,1		160
1848	2869,4	1059,3	2,7	2,7	239

Сравнительное изученіе размѣровъ запашки возможно толь-
ко начиная съ 1813 года, такъ какъ раньше территорія,
какъ мы въ свое время видѣли, была меньше. Изъ только что
приведенной таблицы видно, что измѣненіе размѣровъ запашки
по періодамъ подчиняется тому-же общему закону, который от-
мѣченъ выше. Высшіе размѣры запашки достигнуты въ 1836 г.,
когда они простирались до 3497,4 дес. и, слѣдовательно, выросли
съ 1813 года на 1700,8 дес. или на 95,8%, т. е. почти вдвое.
Къ 1848 году запашка уменьшилась, сравнительно съ 1836 го-
домъ, на 628 дес. или на 17,9%.

Запашка росла, конечно, за счетъ перелога и отчасти так-
же за счетъ новыхъ расчистей. Ежегодно во всей волости расчи-
щались изъ подъ лѣсу обыкновенно 10—15—20 десятинъ подъ
пашни и столько же подъ сѣнокошь: такъ въ 1822 году было
расчищено $26\frac{1}{16}$ дес. подъ пашню и $17\frac{5}{16}$ дес. подъ сѣнокошь¹⁾,
въ 1826 г. $9\frac{11}{28}$ дес. подъ пашню и $22\frac{1}{32}$ дес. подъ сѣнокошь²⁾,
соотвѣтствующія цифры 1827 года $14\frac{3}{16}$ дес. и $20\frac{1}{16}$ ³⁾, а всего
съ 1817 по 1827 г. было расчищено подъ пашню $254\frac{7}{12}$ дес. и
подъ сѣнокошь $203\frac{19}{32}$ дес.⁴⁾

Съ 1813 г. начались посѣвы картофеля, которые выше не
учтены нами при опредѣленіи общей площади посѣвовъ, такъ
какъ посѣвы картофеля псчисляются не количествомъ десятинъ,
а количествомъ грядъ и вѣсомъ посѣяннаго. Вотъ таблица, по-

1) № 97, л. 268 об.

2) № 119, л. 4.

3) № 127.

4) № 127, л. 5.

казывающая ростъ количества высѣваемого картофеля съ 1818 по 1836 г.:

Годъ.	Пуды.	Фунты.	№ дѣла.
1816	697	25	71
1818	827	15	72
1821	1509	15	85
1822	1641	20	94
1823	1616	—	77
1826	1651	25	123
1833	2943	20	143
1834	3302	20	148
1835	2715	30	157
1836	2762	30	160

Степень густоты посѣва съ одной стороны и урожайности съ другой являются также весьма важными показателями степени высоты техники земледѣльческаго производства. Насколько невысока была послѣдняя и какъ медленно прогрессировала,— видно изъ слѣдующихъ фактовъ:

Обычная густота посѣва ржи была все время 1 ч. 4 четверика на десятину¹⁾, очень рѣдко она понижалась до 1 ч. 3 четвериковъ²⁾ и повышалась до 1 ч. 5 четверик.³⁾ и только го одному разу видимъ непомѣрно густой посѣвъ въ 2 ч. 2 чтк.⁴⁾ и въ 2 ч. 4 чтк. на десятину⁵⁾, ярица сѣялась обыкновенно по 2 чт. на десят.⁶⁾, рѣдко нѣсколько гуще⁷⁾. Такова же была обычная густота посѣва пшеницы, ячменя, гороха, сѣмени коноплянаго и льнянаго⁸⁾. Нѣсколько гуще сѣяли овесъ—2 ч. 1 чк., 2 ч. 2 чк., 2 ч. 3 чк., 2 ч. 5 чк., 2 ч. 7 чк., 3 ч., 3 ч. 1 чк. и даже 3 ч. 5 чк. на десятину⁹⁾.

1) №№ 13, 35, 72, 94, 123, 143, 148, 157, 160.

2) №№ 62, 71.

3) № 9, 28.

4) № 29.

5) № 239.

6) №№ 13, 20, 28, 71, 94, 143, 148, 157, 160.

7) №№ 9, 29, 239.

8) №№ 13, 20, 28, 5, 62, 72, 143, 148 и др.

9) №№ 9, 28, 35, 48, 62, 71, 72, 94 и т. д.

Вотъ данныя объ урожайности за разные годы:

Годъ.	Яри- ца.	Рожь самъ.	Пше- ница.	Яч- мень.	Овесь.	Сѣмя коноп.	Сѣмя льнян.	Горох.	№ дѣла.
1788	2,2	2,6	2,2	2,2	2,5	1,7	—	—	9
1801	2,0	2,5	2,0	2,4	2,4	2,0	—	3,0	35
1836	2,7	3,9	3,0	2,4	3,2	3,0	1,0	2,1	160

Чаще въ источникахъ урожайность выводится суммарно для озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ:

Годъ.	Оз. хлѣб.		№ дѣла.
	самъ.	Яр. хлѣба	
1821	3,3	3,7	87
1822	5,0	4,0	77
1824	4,3	4,0	106
1830	3,2	3,2	136
1833	2,9	2,8	143
1834	2,7	2,5	148
1835	2,2	1,9	157
1839	3,0	2,3	184
1849	4,8	2,4	245

Чтобъ закончить картину земледѣльческой техники, остается представить соотношеніе посѣвной площади разныхъ хлѣбовъ. Оно видно изъ слѣдующей таблицы:

Годъ.	Рожь. Дес. 0/0	Ярица. Дес. 0/0	Пшеница. Дес. 0/0	Ячмень. Дес. 0/0	Овесь. Дес. 0/0	Горохъ. Дес. 0/0	Съмя Ковоп. Дес. 0/0	Съмя Лынян. Дес. 0/0	№ дѣл.
1778	39 ³ / ₄ 19,6	52 ¹ / ₂ 25,9	62 3,6	25 ¹ / ₂ 12,6	17 ¹ / ₂ 8,6	— —	5 ¹ / ₄ 2,7	— —	3
1788	2 0,9	74 ¹ / ₂ 35,0	39 18,3	55 25,9	28 ¹ / ₈ 13,2	— —	14 6,7	— —	9
1793	161 ¹ / ₂ 18,7	185 ¹ / ₂ 21,4	183 ¹ / ₂ 21,4	121 ¹ / ₂ 14,1	166 19,2	4 0,4	46 0,4	— —	13
1795	— 0,0	95 22,5	54 12,8	104 24,7	95 22,5	46 ¹ / ₂ 11,2	26 ¹ / ₂ 6,3	— —	20
1799	12 ¹ / ₄ 8,4	41 28,4	23 ¹ / ₄ 16,1	39 27,0	12 8,3	21 ¹ / ₂ 1,7	14 ¹ / ₈ 10,0	— —	28
1800	38 24,1	27 ³ / ₄ 17,4	42 26,4	26 ¹ / ₂ 16,7	193 ¹ / ₄ 12,4	— —	4 ³ / ₄ 2,9	— —	29
1801	272 ¹ / ₄ 17,6	393 25,0	343 ¹ / ₄ 21,7	308 ¹ / ₂ 19,5	157 ¹ / ₂ 10,0	19 1,2	79 ¹ / ₂ 5,0	— —	35
1802	251 18,4	321 ³ / ₄ 23,5	323 ³ / ₄ 23,5	281 ¹ / ₄ 20,4	140 ¹ / ₂ 10,2	6 ¹ / ₄ 0,4	56 ¹ / ₂ 3,6	— —	39
1808	244 ³ / ₄ 16,7	352 ³ / ₈ 24,0	299 20,3	336 ¹ / ₄ 22,9	145 ⁵ / ₈ 9,9	28 1,9	61 ¹ / ₈ 4,3	— —	48
1813	479 ¹ / ₂ 27,9	264 ³ / ₄ 14,4	253 ⁷ / ₈ 14,4	606 34,4	99 ⁷ / ₈ 5,6	1 ¹ / ₄ 0,0	58 ¹ / ₂ 3,3	— —	62
1816	485 ¹ / ₄ 29,8	330 ¹ / ₄ 19,4	377 ⁷ / ₈ 23,0	304 ¹ / ₂ 81,5	75 ³ / ₄ 4,6	14 ³ / ₄ 0,9	62 ¹ / ₈ 3,8	— —	71
1818	472 ⁹ / ₁₆ 24,2	196 ¹ / ₄ 9,9	303 ³ / ₄ 15,4	731 ¹ / ₂ 37,0	174 ³ / ₄ 8,8	7 ⁵ / ₁₆ 0,3	86 ¹³ / ₁₆ 4,4	— —	72
1822	615 ³ / ₄ 24,2	141 ¹ / ₂ 6,1	315 ⁷ / ₈ 13,6	933 ⁵ / ₈ 40,2	221 ³ / ₁₆ 9,5	11 0,5	80 3,9	— —	94
1823	614 ¹⁹ / ₃₂ 27,9	142 ¹ / ₂ 6,4	310 ¹ / ₄ 13,9	860 ³ / ₁₆ 38,8	213 ⁵ / ₈ 9,6	13 ¹ / ₄ 0,6	62 ¹ / ₈ 2,8	— —	77
1826	695 30,2	221 ¹¹ / ₁₆ 9,6	448 ¹⁵ / ₁₆ 19,4	627 ³ / ₈ 27,1	208 ¹ / ₄ 9,0	24 1,0	87 3,7	— —	123
1833	737 ¹ / ₄ 28,6	221 ⁴ / ₁₆ 8,4	457 ¹ / ₂ 17,5	714 ³ / ₈ 27,4	288 11,0	51 ¹ / ₁₆ 1,9	133 ¹ / ₈ 5,1	33 ¹ / ₁₆ 0,1	143
1834	758 28,3	219 8,0	502 ⁷ / ₈ 18,5	828 ⁷ / ₈ 30,5	265 ¹ / ₈ 9,7	27 1,0	108 ¹ / ₁₆ 4,0	11 ¹ / ₁₆ 0,0	148
1835	627 23,1	90 ⁷ / ₈ 3,2	209 ¹ / ₂ 7,5	1436 ³ / ₁₆ 52,0	265 ⁵ / ₈ 9,9	18 ⁵ / ₁₆ 0,6	111 ⁷ / ₈ 4,0	9 ¹ / ₁₆ 0,0	157
1836	1006 ¹⁵ / ₁₆ 29,1	102 ¹ / ₄ 2,9	193 ¹ / ₁₆ 5,6	1929 ⁵ / ₈ 55,1	169 ⁵ / ₈ 4,6	4 0,1	88 ³ / ₁₆ 2,5	5 ¹ / ₁₆ 0,0	160
1848	993 ¹ / ₄ 34,9	110 ¹ / ₄ 3,8	187 ¹ / ₄ 6,5	1140 ¹ / ₂ 39,7	181 6,3	30 ¹ / ₂ 1,0	225 ⁵ / ₈ 7,8	11 ¹ / ₄ 0,0	239

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе два основныхъ явленія: сокращеніе посѣвовъ ярицы и пшеницы и ростъ посѣвовъ ржи и ячменя. То и другое наблюдается, главнымъ образомъ, съ 1813 года, причемъ надо замѣтить, что ячмень всегда и раньше занималъ видное мѣсто по размѣрамъ занимаемой имъ площади, а рожь была сначала второстепеннымъ видомъ высѣваемыхъ хлѣбовъ.

Переходя отъ системы или техники производства къ изученію вопроса о размѣрахъ запашки на дворъ и на ѣдока, надо констатировать, что въ XIX в. сравнительно съ XVIII наблюдается нѣкоторый ростъ среднихъ размѣровъ пашни на дворъ и вмѣстѣ нѣкоторое сокращеніе среднихъ размѣровъ пашни на ѣдока; оба эти обстоятельства, взятые въ связи между собою, свидѣтельствуютъ объ увеличеніи населенности двора съ теченіемъ времени. Все это видно изъ слѣдующаго:

Годъ.	Размѣры пашни на дворъ.	Размѣры пашни на ѣдока.	Номеръ дѣла.
1778	3,2 дес.	0,6 дес.	3
1823	3,2 „	0,4 „	77
1842	4,1 „	?	203
1843	4,3 „	0,5 „	206
1845	4,2 „	0,5 „	239

Въ общемъ, слѣдовательно, нужно признать средніе размѣры пашни за все изучаемое время малыми; то было мелкое, крестьянски—трудовое хозяйство, обходившееся безъ наемнаго труда, собственными силами крестьянской семьи.

Крестьянство Макаровской волости владѣло государственной землей, причемъ занимало участки подъ пашню и сѣнокосъ по своему усмотрѣнію. Въ 1787 г. въ Подымахинской и Макаровской волостяхъ предпринята была своеобразная попытка установить постоянные, строго утвержденные пашенные и сѣнокосные надѣлы на окладную (т. е. ревизскую, а не наличную) душу. Установлено было, что на окладную душу должно приходиться по $1\frac{1}{4}$ дес. пашни и по 1 дес. сѣнокоса. По этой нормѣ

точно опредѣлено было для каждой деревни, сколько «на оныя души вышло» пахотной земли и сѣнных покосовъ. Такъ, напр., въ деревнѣ Таюрской числилось 35 окладныхъ душъ, пахотной земли было 70 дес., а сѣнных покосовъ 48 дес., а «вышло» по вышеуказаннымъ нормамъ пашни $43\frac{3}{4}$ дес., а сѣнокоса 35 дес. Остальное должно было быть отрѣзаннымъ къ тѣмъ деревнямъ, у которыхъ пашня и сѣнокосъ не соответствовали указаннымъ выше нормамъ¹⁾. Однако, это осталось, по всѣмъ признакамъ, въ области простыхъ предположеній, на практикѣ владѣніе землей не было регулировано никакими нормами: по крайней мѣрѣ, позже не было никогда никакого соответствія между количествомъ окладныхъ душъ и размѣрами пашни и сѣнокоса.

Но хотя земля юридически была собственностью государства и находилась лишь во владѣніи крестьянъ, крестьяне не только сдавали не рѣдко свои надѣлы въ аренду—такихъ крестьянъ въ 1823 г. было, наприм., 64 человекъ²⁾,—но и продавали землю другъ другу, что и было запрещено особымъ распоряженіемъ правительства въ 1851 г.³⁾. Все это напоминаетъ аналогичные факты и распоряженія въ XVII вѣкѣ на крайнемъ сѣверѣ европейской Россіи⁴⁾.

Уже сопоставленіе малыхъ размѣровъ запашки на дворъ и на ѣдока съ плохой урожайностью хлѣбовъ доказываетъ, что собственнаго хлѣба жителямъ Макаровской волости все время не хватало. Но у насъ нѣтъ недостатка и въ прямыхъ свидѣтельствахъ источниковъ объ этомъ. Такъ въ 1808 г. на пропитаніе жителей Макаровской волости осталось 4795 пудовъ хлѣба, причемъ хлѣбъ этотъ былъ «не собственно здѣшняго Макаровской волости урожая, а изъ сосѣдственныхъ селеній Ангарскихъ, Илимскихъ и Верхоленинскихъ покупной⁵⁾». Въ 1826 году было ввезено въ Макаровскую волость и продано хлѣба зимой 2000 пудовъ, лѣтомъ 9000, всего 11000 пудовъ⁶⁾. Въ дѣлѣ

1) № 8, лл. 98—102 об.

2) № 97, лл. 462—476 об.

3) № 265.

4) См. по этому поводу интересныя данныя въ работахъ П. И. Иванова о землевладѣніи и хозяйствѣ на сѣверѣ въ изданіи «Древности. Труды Археографической Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества».

5) № 48, л. 17.

6) № 119, л. 7.

1827 г. встрѣчаемъ замѣчаніе: хлѣбъ покупаютъ въ сосѣднихъ волостяхъ—Братской и Илимской—12500 пудовъ въ годъ¹⁾». Въ 1835 г. волости хлѣба не хватало и покупали его съ барокъ до 22500 пудовъ въ годъ²⁾. Такимъ образомъ потребность въ покупномъ хлѣбѣ въ теченіе одного десятилѣтія—съ половины 20-хъ до половины 30-хъ годовъ—увеличилась болѣе чѣмъ вдвое. Такъ какъ населеніе въ то-же время выросло съ 5249 чел. обоюга пола до 6273 чел., т. е. на 1024 чел., или только на 19,5%, то ясно, что земледѣліе все меньше и меньше удовлетворяло потребностямъ населенія въ хлѣбѣ. Такимъ образомъ, если земледѣліе въ данной мѣстности вообще все время не играло главной, опредѣляющей хозяйственной роли, то чѣмъ ближе къ концу изучаемаго періода, тѣмъ менѣе значительной была эта роль.

V.

СКОТОВОДСТВО.

Наши источники доставляютъ намъ слѣдующія данныя о количествѣ головъ скота у крестьянскаго населенія Макаровской волости:

Годъ.	Лошадей и жереб.	Крупнаго рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.	Номеръ дѣла.
1812	820	1393	1967	—	№ 57, л. 128 и об.
1822	2149	2696	3690	1991	№ 99, лл. 284—287.
1827	3595	5452	8809	5859	№ 127, л. 7 об.
1835	2622	3473	3988	2469	№ 158, л. 120 об.
1843	3250	4089	5291	6362	№ 206, л. 96 об.

Такимъ образомъ въ теченіе 20-ти лѣтъ—съ 1822 по 1843 г. общее количество всякаго скота въ волости увеличилось съ 10526 головъ до 18992, т. е. на 8466 головъ или на 80,4%, тогда какъ населеніе въ то-же время выросло съ 5111 чел. до

¹⁾ № 127, л. 6 об.

²⁾ № 159, л. 6.

6682, т. е. на 1571 чел. или на 30,7%. Въ 1822 г на каждого человека приходилось по 2 головы скота, а въ 1843 по 2,8 головы. Следовательно, относительное значение скотоводства въ хозяйственномъ быту мѣстнаго населенія по мѣрѣ приближенія къ концу изучаемаго періода увеличивалось. Отдѣльные виды скота росли въ 1822—1843 гг. въ такой пропорціи: количество лошадей увеличилось на 51,2%, крупнаго рогатаго скота на 51,6%, овецъ на 43,3% и свиней на 219,9%.

Эта пропорція указываетъ на нѣкоторую интенсификацію скотоводства съ теченіемъ времени: овцеводство—наиболѣе экстенсивная изъ вѣтвей скотоводственнаго хозяйства,—росло медленнѣе всего, тогда какъ свиноводство—наиболѣе интенсивная вѣтвь скотоводства—росло съ чрезвычайной быстротой, въ семь разъ превышавшей быстроту роста населенія.

При всемъ томъ нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что скотоводственное хозяйство все время оставалось экстенсивнымъ. Вопросъ только въ томъ, какова была степень этой экстенсивности. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается изученіемъ роста кормовыхъ средствъ для скота—сѣна и овса. Данныя о посѣвахъ и урожаяхъ овса приведены были въ предшествующей главѣ. Изъ нихъ видно, что посѣвы овса, по крайней мѣрѣ, не увеличивались и абсолютно и относительно между 1822 годомъ и 40-ми годами XIX в., урожайность же, повидимому, даже понизилась. Вотъ свидѣтельства нашихъ источниковъ о сборѣ сѣна:

Годъ.	Число ко- пень.	Номеръ дѣла.	Годъ.	Число ко- пень.	Номеръ дѣла.
1820	112780	№ 87, л. 72	1842	107865	№ 206, л. 110 об.
1821	121682	№ 87, л. 72	1843	108775	№ 206, л. 110 об.
1835	134440	№ 160, л. 462	1844	110905	№ 226, л. 68.
1836	104460	№ 160, л. 462 об.	1845	111200	№ 226, л. 68.

Такимъ образомъ оказывается, что и сборъ сѣна за 25 лѣтъ не повысился, а даже нѣсколько понизился. Следовательно, скотоводство, по крайней мѣрѣ, не сдѣлалось менѣе экстенсивнымъ, прокормъ скота дѣлался не лучше, а хуже съ теченіемъ времени.

Уже изъ всего сейчасъ сказаннаго видно, что скотоводство было для мѣстнаго населенія едва-ли не важнѣе земледѣлія: по крайней мѣрѣ, первое лучше и полнѣе удовлетворяло потребности населенія въ продуктахъ скотоводства, чѣмъ второе—потребности въ продуктахъ земледѣлія. На ту же важность скотоводства сравнительно съ земледѣліемъ указываетъ соотношеніе между площадями пахотной и сѣнокосной земли:

Годъ.	Площадь па- хотн. земли.	Площадь сѣ- нокос. земли.	Ихъ соотно- шеніе.	Номеръ дѣла.
1778	391,2 дес.	428,7 дес.	0,93 : 1	3
1796	292,5 »	238,5 »	1,2 : 1	21
1798	334,7 »	209,5 »	1,6 : 1	26
1821	3155,9 »	2567,5 »	1,2 : 1	97
1824	3181,7 »	2584,9 »	1,2 : 1	77
1826	3159,1 »	2625,3 »	1,2 : 1	119
1827	3199,9 »	2600,8 »	1,2 : 1	127
1842	3607,4 »	2987,5 »	1,2 : 1	203
1843	3725,7 »	3065,7 »	1,2 : 1	206
1845	3768,3 »	3101,4 »	1,2 : 1	226

Выводъ ясенъ: сельское хозяйство въ Макаровской волости все время было скотоводственнымъ по преимуществу, земледѣліе же имѣло меньшій удѣльный вѣсъ, чѣмъ скотоводство.

V I.

Добывающая промышленность.

Самымъ важнымъ изъ разныхъ видовъ добывающей промышленности являлась, несомнѣнно, охота и, главнымъ образомъ, охота за звѣрями, звѣроловство.

Вотъ данныя о количествѣ звѣрей, добывавшихся въ отдѣльные годы крестьянами Макаровской волости:

Годы.	Соболи.	Выдры.	Лисицы.	Бѣлки.	Хорьки.	Горност.	Россом.	Медвѣди	Волки.	Сохатые.	Олени.	Зайцы,	№ дѣла.
1790	—	—	5	7715	—	—	—	—	—	—	—	—	№ 11, л. 155 и об. 159
1821	25	10	20	65000	—	—	—	—	—	—	—	—	№ 86, л 1 об,
1824	19	7	30	25400	510	1550	—	40	—	—	7	750	№ 106, лл. 437 об. 447
1839	44	15	95	37000	870	800	2	65	2	6	35	1200	№ 182, лл. 32 об.--33
1843	31	8	72	45900	820	828	—	27	—	—	—	—	№ 247, л. 111
1844	29	7	71	46130	778	629	—	43	—	—	—	—	№ 247. л. 111
1845	21	5	15	46000	300	300	—	15	—	—	—	—	№ 247, л. 111
1846	16	2	15	35000	200	270	—	16	—	—	—	—	№ 247, л. 111
1847	29	9	60	58940	640	649	2	24	—	—	—	—	№ 247, л. 111
1848	20	3	37	20670	270	320	—	18	—	—	—	—	№ 247, л. 111
1850	9	1	—	13561	36	46	—	1	—	—	—	94	№ 260, лл. 1—4 об.

Цифра 1790 года несравнима съ прочими, потому что относится къ несравненно меньшей территоріи, чѣмъ послѣднія. Наблюдая цифры первой половины XIX вѣка, получаемъ прежде всего выводъ, гармонирующий съ заключеніями, полученными при изученіи населенія, скотоводства и земледѣлія: тридцатые годы представляютъ собою время высшаго экономическаго расцвѣта, большаго прогресса сравнительно съ двадцатыми, а въ сороковыхъ наблюдается упадокъ. Затѣмъ видно, что въ 40-хъ годахъ добываніе всякаго рода звѣря сильно уменьшилось сравнительно не только съ 30-ми, но и съ 20-ми годами. Исключеніе представляютъ собою только развѣ соболь и бѣлки, въ общемъ добывавшіеся и въ 40-хъ годахъ въ томъ же количествѣ, какъ въ 20-хъ. Слѣдовательно, къ концу наблюдается нѣ-

который упадокъ звѣроловства сравнительно съ началомъ, въ особенности же съ серединой пятидесятилѣтія.

Сводимъ воедино данныя о цѣнности добывавшихся звѣрей, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи (въ деньгахъ того времени):

Въ 1790 г. всего было добыто звѣрей на	447 руб. 45 коп.	1)
» 1821 » » » » »	20600 » —	2)
» 1824 » » » » »	9659 » —	3)
» 1827 » » » » »	10768 » —	4)
» 1839 » » » » »	16222 » —	5)

Такъ какъ намъ извѣстно, что ассигнаціонный рубль двадцатыхъ годовъ былъ равенъ 1 р. 7 к. на наши деньги, а рубль 30-хъ годовъ былъ равенъ нашимъ 87 коп., то оказывается, что цѣнность звѣрей, добытыхъ въ 1839 г., при переводѣ на наши деньги, составляетъ 14113 р. 34 к., а цѣнность звѣрей, добывавшихся, въ среднемъ, въ 20-хъ годахъ была 17009 р. на наши современныя деньги 18199 р. 63 к. Слѣдовательно, въ дѣйствительности увеличеніе количества добывавшихся въ 30-хъ годахъ звѣрей сравнительно съ 20-ми годами не только не дало соотвѣтственнаго увеличенія дохода населенія, но сопровождалось уменьшеніемъ дохода отъ звѣроловства. Впрочемъ цѣнность добытыхъ въ 1821 г. звѣрей была, повидимому, явленіемъ исключительнымъ. Если взять среднюю за 20-е годы цифру 13676 руб., то при переводѣ на наши деньги это составитъ годовой доходъ отъ звѣроловства 14633 р. 32 к., что почти равно доходу 1839 г., переведенному также на наши деньги.

До сихъ поръ мы говорили объ охотѣ, какъ занятіи *крестьянъ* Макаровской волости. Но, повидимому, наряду съ этимъ видомъ звѣроловства—мелкой крестьянской его формой—существовалъ еще въ XVIII вѣкѣ и, конечно, также и позднѣе другой видъ—капиталистическое предпринимательство. Одинъ весьма любопытный документъ 1791 года даетъ намъ возможность представить себѣ довольно ясно, какъ организована была капиталистическая охота на звѣря въ сибирской тайгѣ того времени. Документъ этотъ носитъ названіе: «Вѣдомость раздѣль-

1) № 11, л. 155 и об. и 159.

2) № 86, л. 1 об.

3) № 106, лл. 437 об.—447.

4) № 127, л. 6 об.

5) № 182, лл. 32 об.—33.

ная выведеннымъ на суднѣ св. Георгія Побѣдоносца компаніи Лебедева-Ласточкина товарамъ и прочему, кому что по раздѣленію досталось»¹⁾).

По этой «вѣдомости», предпринимателями были: два то-темскихъ купца Ѳедоръ Холодиловъ и Ѳедоръ Протопоповъ, московскій купецъ Иванъ Савельевъ, вологодскіе купцы Иванъ и Аѳанасій Козловы, Михаилъ и сынъ его Андрей Исачевы, иркутскій купецъ Николай Мыльниковъ и, наконецъ, бывшій иркутскій губернскій прокуроръ Будищевъ. Всего, слѣдовательно, было девять предпринимателей. У нихъ было девять работниковъ, причемъ по два работника имѣли только Холодиловъ и Савельевъ, а Протопоповъ, Мыльниковъ и Будищевъ имѣли каждый по одному работнику; одинъ работникъ былъ у обоихъ вмѣстѣ Козловыхъ, а также и у обоихъ вмѣстѣ Исачевыхъ. Добыто было всего 54 бобра, 12 «медвѣдковъ», 52 «хвостовъ», 172 песца, 4 «лисицы—бурянки», 12 «лисицъ—сиводушекъ», 80 красныхъ лисицъ, 778 котиковъ, 39 пудовъ 20 фунтовъ кости. Половину этой добычи получила казна, другая половина поступила предпринимателямъ и ихъ наемнымъ работникамъ, причемъ каждый работникъ работалъ «изъ полупая», т. е. всѣмъ работникамъ поступила четверть всей добычи, а другая четверть досталась на долю предпринимателей, каждый изъ которыхъ получилъ количество продукта, соотвѣтствующее числу рабочихъ, у него бывшихъ. Любопытная и важная подробность: всѣ работники были еще ранѣе начала охотничьей экспедиціи въ долгу у предпринимателей: одинъ былъ долженъ 5 бобровъ, другой семь бобровъ, третій 12¹/₂ бобровъ, четвертый 10 бобровъ, пятый—11¹/₂, шестой 7¹/₂, седьмой 10, восьмой 15¹/₂ бобровъ и 152 руб. деньгами и девятый 15 бобровъ и 386 руб. деньгами.

Передъ нами—чрезвычайно характерная картина промысловаго предпринимательства на начальной ступени развитія денежнаго хозяйства, когда на лицо не имѣется еще большихъ капиталовъ и многочисленны остатки натурального хозяйства, вродѣ заработной платы натурой и т. под. Такая организація хозяйства всегда, какъ и въ данномъ случаѣ, сопровождается закабаленіемъ рабочихъ путемъ кредита, выдачи части заработной платы натурой или деньгами впередъ.

¹⁾ № 11, лл. 104—106.

Мы нашли въ документахъ только одно указаніе на птичью охоту, продукты которой, повидимому, всецѣло шли на собственное потребленіе мѣстныхъ крестьянъ: въ 1835 г. было убито птицы всего 4055 штукъ ¹⁾).

Нѣкоторую роль играло въ Макаровской волости также рыболовство: въ 1835 году, напр., рыбы было поймано 3700 пудовъ ²⁾, а въ 1843 г. только 1575 пудовъ ³⁾. Надо также припомнить, что цѣны на рыбу были довольно высоки, немногимъ ниже, чѣмъ теперь: очевидно, не такъ ужъ важно было рыболовство и не такъ обилень былъ уловъ рыбы.

Изъ остальныхъ отраслей добывающей промышленности упоминаются еще солевареніе ⁴⁾ и золотоискательство ⁵⁾; но первое организовано было капиталистически: устькутскій солеваренный заводъ принадлежалъ казнѣ и сдавался ею въ аренду предпринимателямъ, что же касается добыванія золота, то о немъ едва упомянуто: тогда въ сущности золото еще не добывалось, а только искалось. Такимъ образомъ ни соль, ни золото не служили источниками дохода для массы населенія.

Итакъ по формѣ добывающая промышленность—главнымъ образомъ охота и рыболовство—была мелкой. Этому соотвѣтствовала, конечно, и ея примитивная техника.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что, поскольку рѣчь идетъ о чисто-хозяйственной дѣятельности, объ эксплуатаціи силъ природы для удовлетворенія человѣческой потребности въ хозяйственныхъ благахъ, постольку охота являлась важнѣйшей отраслью хозяйства Макаровской волости во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка.

VII.

Обрабатывающая промышленность.

Весьма низкій уровень развитія обрабатывающей промышленности явствуетъ и изъ рѣдкаго о ней упоминанія въ нашихъ источникахъ, и изъ малочисленности ремесленниковъ, и изъ

---

¹⁾ № 159, л. 9 об.

²⁾ № 159, л. 9 об.

³⁾ № 206, лл. 96 об.—97.

⁴⁾ См. напр., №№ 11, 97 и др.

⁵⁾ № 255.

слабой дифференціаці ремесла. Такъ въ 1834 г. встрѣчаемъ перечень мѣстныхъ ремесленниковъ, причемъ оказывается, что было всего 14 кузнецовъ и 14 плотниковъ и столяровъ¹⁾: очевидно, процентъ ремесленниковъ былъ совершенно ничтоженъ, характерно въ смыслѣ показанія ихъ слабой дифференцированности объединеніе плотниковъ и столяровъ въ одну категорію, наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе и примитивность ремеслъ, упоминаемыхъ въ источникахъ. Очевидно, это было просто мелкое кустарничество, рассчитанное на узкій мѣстный рынокъ. Все это подтверждается и позднѣйшими данными: такъ въ 1839 г. въ волости была 21 кузница²⁾, въ 1843 г.—24³⁾. Ростъ кузнечнаго дѣла—вообще мелкой желѣзодѣлательной или металлообработывающей промышленности—несомнѣнный, но несомнѣнно также и то, что эта промышленность оставалась все время мелкимъ кустарничествомъ, обслуживая только мѣстный рынокъ и, вѣроятно же всего, рассчитана была на опредѣленнаго заказчика.

Кромѣ кузнецовъ, плотниковъ и столяровъ въ Макаровской волости не разъ упоминаются еще мельницы. Въ 1813 г. всѣхъ мельницъ было 32⁴⁾, въ 1822 году 96:61 старыхъ и 35 новыхъ⁵⁾, что указываетъ на быстрый ростъ мельничнаго дѣла. Это подтверждается и данными 1824 года, когда всѣхъ мельницъ было уже 119⁶⁾. Но далѣе наблюдается убыль числа мельницъ: въ 1839 г. во всей волости ихъ было только 100⁷⁾, въ 1843 — 101⁸⁾. Мельницы принадлежали, повидимому, отчасти мѣстнымъ отдѣльнымъ крестьянамъ, на что прямо указано въ документѣ 1813 года⁹⁾,—отчасти мірскимъ обществамъ, которыя, напр., въ 1839 г. «сдали въ содержаніе» (т. е. въ аренду) отдѣльнымъ крестьянамъ 77 мельницъ¹⁰⁾. Такъ какъ всѣхъ мельницъ въ волости тогда было 100¹¹⁾, то, очевидно, въ частной собственности крестьянъ было въ 1839 г. только 23 мельницы.

1) № 151, лл. 68—70.

2) № 182, л. 10.

3) № 206, л. 9.

4) № 97, лл. 288—297 об.

5) Тамъ-же, л. 324.

6) № 106, л. 402 об.

7) № 182, л. 10.

8) № 206, л. 9.

9) № 97, л. 288,—297 об.

10) № 184, л. 13.

11) № 182, л. 10.

Размѣры производства въ мельничномъ дѣлѣ были разнообразны: были мельницы, смалывавшія въ годъ всего по 50 пуд. зерна, и были такія, которыя перерабатывали и 1000, даже 3500 пудовъ; чаще всего встрѣчались мельницы, перемалывавшія 400—500 пудовъ зерна¹⁾. Въ общемъ производство все таки было мелкимъ, съ невысокимъ уровнемъ техники, что видно, между прочимъ, и изъ слѣдующаго факта: въ 1824 г. во всей волости было 113 мельницъ «мутовчатыхъ» и только 6 «колесчатыхъ»²⁾. Низкій уровень техники и мелкая форма производства не подлежатъ сомнѣнію также и по той причинѣ, что, повидимому, доходность отдѣльныхъ мельницъ была весьма не высока: по крайней мѣрѣ, въ 1839 г. мірскія общества Макаровской волости могли «сдать въ содержаніе» принадлежавшія имъ 77 мельницъ всего за 99 р. 10 к.³⁾, въ среднемъ, значитъ, не болѣе, чѣмъ по 1 р. 29 к. каждую, что при переводѣ на наши деньги составляетъ только 1 р. 5 к. Въ 1813 г. мололи по 5 коп. съ пуда, т. е. при помолѣ въ 500 пудовъ годовой валовой доходъ не превышалъ 25 р. на деньги того времени, или 26 р. 75 коп. на наши деньги.

Изъ всего сказаннаго объ обрабатывающей промышленности въ Макаровской волости за изучаемое нами время видно, что эта отрасль производства серьезнаго хозяйственнаго значенія въ то время не имѣла. Самое большее, что она давала,— это подсобныя занятія части мѣстнаго крестьянства. Нѣтъ также сомнѣнія, что она не въ силахъ была удовлетворить въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ хотя бы нѣкоторую замѣтную часть потребностей мѣстнаго населенія въ продуктахъ обрабатывающей промышленности. Очевидно, главную массу этихъ продуктовъ населеніе приобрѣтало со стороны путемъ торговли.

VIII.

Т о р г о в л я .

Торговля Макаровской волости въ XVIII и началѣ XIX в. носила, несомнѣнно, караванный характеръ. Зимой и лѣтомъ

---

1) № 97, лл. 288—297 об. и 324.

2) № 106, л. 402 об.

3) № 184, л. 13.

снаряжались караваны саней и лодокъ, на которыхъ привозились сюда разные товары, главнымъ образомъ, хлѣбъ и продукты обрабатывающей промышленности, а затѣмъ отсюда увозились мѣстные товары, по преимуществу, если не исключительно, мѣха. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что сначала, по крайней мѣрѣ до конца перваго десятилѣтія XIX вѣка, мѣстные жители сами возили большую часть товаровъ вверхъ по Ленѣ и далѣе—до Иркутска и тамъ закупали хлѣбъ. Такъ въ 1802 г. жители Макаровской волости «зимой на пропитаніе покупали хлѣбъ въ Иркутскѣ»¹⁾. Иркутскъ, значитъ, игралъ тогда такую же роль торговаго центра, простиравшаго свое непосредственное вліяніе на 1000 верстъ и далѣе, какую играла для крайняго сѣвера Европейской Россіи въ XVI вѣкѣ Москва²⁾.

Спустя нѣсколько лѣтъ мы встрѣчаемъ, однако, замѣтную перемену: уже въ 1808 г. хлѣбъ въ количествѣ 4795 пудовъ покупали «изъ селеній ангарскихъ, илимскихъ и верхоленскихъ»³⁾. Очевидно, рынки закупки хлѣба придвинулись къ сѣверу. Это естественно: провозъ изъ Иркутска былъ слишкомъ дорогъ; мѣстности по верховьямъ Лены, Илимю и Ангарѣ населялись и земледѣліе въ нихъ развивалось, наконецъ, съ ростомъ населенія въ самой Макаровской волости къ ней привлекалось вниманіе капиталистовъ хищническаго типа—скупщиковъ.

И вотъ, повидимому, на рубежѣ перваго и втораго десятилѣтія XIX в. караванная система осложняется прибавкой ярмарокъ. По крайней мѣрѣ, въ 1820 г. мы встрѣчаемся съ двумя вполне сложившимися ярмарками въ Макаровской волости⁴⁾. Не слѣдуетъ себѣ представлять, что эти ярмарки происходили въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ: нѣтъ, торгъ производился въ каждомъ селеніи особо, начиная за 286 в. отъ Киренска, т. е. приблизительно отъ Усть-Кута по мѣрѣ передвиженія торговаго каравана на сѣверъ⁵⁾. Первая изъ этихъ ярмарокъ происходила весной—съ 10 мая по 1 іюня,—«съ открытіемъ на рѣкѣ Ленѣ коммуникаціи», вторая—осенью, съ 15 ноября по 15 января, «по выходѣ звѣропромышленниковъ съ промысла»⁶⁾. Такія же

1) № 39, л. 441.

2) См. мою книгу «Сельское хозяйство московской Руси въ XVI в.», М. 1899.

3) № 48, л. 17.

4) № 92, лл. 167 об.—168.

5) № 106, л. 443.

6) № 92, лл. 167 об.—168; въ № 106, л. 442 об. время начала второй ярмарки указано 15 октября.

двѣ ярмарки упоминаются въ 1824 году¹⁾ и въ 1835 г.²⁾. Но въ 1839 г. встрѣчаемъ уже только *одну* ярмарку³⁾, вѣроятно, весеннюю, всегда бывшую, какъ сейчасъ увидимъ, болѣе оживленной.

Обороты ярмарокъ видны изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1820 г. на весенней ярмаркѣ было продано «ввозныхъ» (т. е. привозныхъ, не мѣстныхъ) товаровъ на 62500 руб., мѣстныхъ товаровъ—на 12 тыс. руб.; на осенней ярмаркѣ привозныхъ товаровъ было продано на 6 тыс. руб. и мѣстныхъ на 12500 р.⁴⁾. Въ 1824 г. на первой ярмаркѣ было «ввозныхъ» товаровъ на 55000 р., мѣстныхъ на 5800 р., на второй ввозныхъ на 4700 р., мѣстныхъ на 4680 р.⁵⁾. Въ 1835 г. на обѣ ярмарки привезено было разныхъ товаровъ на 83050 р., съѣстныхъ припасовъ на 1610 р., скота на 870 р., всего на 85530 рублей⁶⁾. Итакъ общій ярмарочный оборотъ 1820 г. простирался до 93000 руб., 1824 г. до 70180 р., а въ 1835 г. онъ равнялся 85530 руб.

Не надо однако забывать, что оборотъ ярмарокъ 1835 г. не выражаетъ всего торговаго оборота Макаровской волости даже только въ ея сношеніяхъ съ другими мѣстностями. Это видно изъ того, что на ярмарку этого года съѣстныхъ припасовъ, какъ только что было сказано, было привезено всего лишь на 1610 руб., а между тѣмъ въ этомъ же самомъ году Макаровская волость купила одного только хлѣба на 60800 руб.: именно 22500 пудовъ по 2 р. 70 к. каждый⁷⁾.

Это заставляетъ намъ выдѣлить особо покупку хлѣба и прослѣдить перемены въ этомъ отношеніи за изучаемое время:

Годъ.	Сколько куплено хлѣба.	На какую сумму.	Номеръ и листъ дѣла.
1808	4795 пудовъ	Неизвѣстно	№ 48, л. 17.
1823	5782 пуда	15033 руб.	№ 77, л. 16.
1826	11000 пудовъ	Неизвѣстно	№ 119, л. 7.
1827	12000 пудовъ	12500 руб.	№ 127, л. 6 об.
1835	22500 пудовъ	50750 руб. ⁸⁾	№ 159, л. 6.

1) № 106, л. 442 об.—443.

2) № 159, л. 9 об.

3) № 182, л. 10 об.

4) № 92, л. 167 об.—168.

5) № 106, л. 442 об.—443

6) № 159, л. 9 об.

7) № 156, л. 6.

8) Въ текстѣ источника сказано, что хлѣбъ продавался по 2 р. 70 к. за пудъ, а общая его стоимость ошибочно вычислена въ 60800 р.

Итакъ Макаровская волость съ теченіемъ времени все больше и больше нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ. Это, несомнѣнно, сильно подрывало натуральные хозяйственные устои, превращало хозяйство въ мѣновое, денежное, товарное. Вообще изученіе торговли указываетъ, что въ теченіе всего изучаемаго времени хозяйство Макаровской волости уже не было натуральнымъ, а переживало первую стадію товарнаго хозяйства, когда, при мелкомъ производствѣ, развивается торговый капитализмъ. Какъ видно изъ данныхъ о хлѣбной торговлѣ, эта капиталистическая струя постепенно все усиливалась къ половинѣ XIX вѣка.

Сколько капиталистовъ скупщиковъ являлось на ярмарки, видно изъ данныхъ 1820 года: на весеннюю ярмарку они пріѣхали въ числѣ 150 чел., на осенней ихъ было 50¹⁾. Какъ высока была прибыль, показываетъ сообщеніе, что при продажѣ мѣстныхъ товаровъ на 12 тыс. руб. на весенней ярмаркѣ 1820 года прибыль равнялась 6000 руб., а на осенней ярмаркѣ того же года продано было товаровъ на 12500 руб., а прибыли получено 6250 р.²⁾. Значитъ, торговая прибыль равнялась 50⁰/₀.

IX.

Бюджетъ населенія Макаровской волости.

Прежде чѣмъ перейти къ общей характеристикѣ положенія и развитія народнаго хозяйства въ Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX вѣка, необходимо учесть значеніе еще цѣлаго ряда хозяйственныхъ явленій, не нашедшихъ себѣ мѣста въ предшествующемъ изложеніи. Сюда относятся, напр., ямская гоньба, доходъ отъ транспорта—перевозки кладей и тяги судовъ, податное обложеніе—государственное и мірское,—и т. д. Всѣ эти частности и другія имъ подобныя уяснятся и, что главное, сложатся въ единое стройное цѣлое, если мы попытаемся въ общихъ чертахъ изобразить бюджетъ населенія.

Рѣчь пойдетъ, конечно, не о бюджетѣ отдѣльныхъ домохозяевъ и даже не о доходахъ и расходахъ того или другого типическаго крестьянскаго хозяйства,—какъ ни важно было бы

¹⁾ № 92, л. 167 об.

²⁾ № 92, л. 168.

все это,— у насъ нѣтъ данныхъ для его изображенія. Картина, которую мы попытаемся набросать, будетъ по необходимости общей, суммарной. Тѣмъ не менѣе и она имѣетъ весьма большой интересъ и прибавитъ нѣсколько важныхъ чертъ къ общей характеристикѣ народнаго хозяйства.

Учтемъ сначала денежный доходъ населенія Макаровской волости, помня, что доходъ отъ земледѣлія и скотоводства потреблялся натурой самимъ населеніемъ.

Годъ.	Отъ почтов. разг.: сумма, 0/0.	Отъ продаж. звѣрей: сумма, 0/0.	Отъ перевоз. и кладей и тяги судовъ сумма, 0/0.	Прогоновъ съ проѣзжающихъ: сумма, 0/0.	Всего.
1826 ¹⁾	53050 р. 80,1 ⁰ / ₀	10768 р. 16,3 ⁰ / ₀	1500 р. 2,2 ⁰ / ₀	900 р. 1,4 ⁰ / ₀	66219 р.
1835 ²⁾	46942 р. 50 к. 71,9 ⁰ / ₀	12794 р. 19,6 ⁰ / ₀	3000 р. 4,6 ⁰ / ₀	2500 р. 3,9 ⁰ / ₀	65236 р. 50 к.
1843 ³⁾	н е и з	в ѣ	с т	н о.	9590 р.

Въ этой таблицѣ важно то, что доходъ отъ почтовой гоньбы уменьшался не только абсолютно, но и относительно; повышались только доходы отъ прогоновъ съ проѣзжающихъ, продажи звѣрей, перевозки кладей и тяги судовъ. Это свидѣтельствуется объ экономическомъ прогрессѣ, происшедшемъ въ промежутокъ времени отъ 20-хъ къ половинѣ 30-хъ годовъ. Что касается измѣненій въ общихъ итогахъ дохода, то для того, чтобы судить объ этомъ, необходимо перевести итоги каждаго года на деньги нашего времени. Тогда окажется, что въ 1826 г. весь доходъ равнялся 70753 р. 26 к., въ 1835 г. 56755 р. 75 к., въ 1843 г. 44114 рублей. Доходъ населенія сильно уменьшался, причемъ, повидимому, это уменьшеніе приходилось, главнымъ образомъ, на паденіе дохода отъ ямской гоньбы: на это указываетъ ростъ дохода отъ продажи звѣрей, перевозки кладей и тяги судовъ въ 1835 г. сравнительно съ 1826, а также и то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ, ростъ дохода отъ продажи звѣ-

1) № 118, л. 6 об.

2) № 159, л. 5 об.—6.

3) № 206, л. 97; сумма здѣсь указана на серебро, тогда какъ въ предыдущіе годы на ассигнаціи.

рей въ 40-хъ годахъ, сравнительно съ 30-ми (если не считать особо стоящаго начала 20-хъ годовъ) увеличивался: въ 1835 г., какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, этотъ доходъ равнялся 12794 руб., а въ 1839 года 16222 руб. на ассигнаціи или 14113 р. 14 к. на наши деньги ¹⁾). Очевидно, ямская гоньба изъ статьи, весьма доходной для населенія, пока послѣднее было малочисленно, съ ростомъ числа жителей становилась для нихъ все менѣе выгодной, хотя все таки составляла не менѣе $\frac{7}{10}$ всего дохода.

Сдѣлаемъ теперь, насколько то возможно, сводку расходовъ населенія, опять таки не забывая, что здѣсь учитывается только денежный расходъ, расходъ же натурой—собственное потребленіе продуктовъ, добываемыхъ въ мѣстномъ хозяйствѣ, въ расчетъ не входитъ. Впрочемъ, не поддаются учету также еще двѣ статьи денежнаго расхода—на вино и на соль.

Статьи расхода.		1827 г. ²⁾	1835 г. ⁴⁾	1843 г. ⁵⁾
Подати:	сумма	23908 р. 50 к.	30481 р.— к.	8652 р. 61 к. ⁶⁾
	процентъ	50,2 ⁰ / ₀	34,2 ⁰ / ₀	27,6 ⁰ / ₀
Земскія повинности:	сумма	5106 р. 43 ¹ / ₂ к.	5260 р. 02 к.	1677 р. 79 к. ⁷⁾
	процентъ	10,7 ⁰ / ₀	5,9 ⁰ / ₀	5,3 ⁰ / ₀
Мірскія повинности:	сумма	2109 р. 75 к.	2694 р. 02 к.	302 р. 83 к.
	процентъ	4,5 ⁰ / ₀	3,0 ⁰ / ₀	1,0 ⁰ / ₀
Покупка хлѣба:	сумма	16500 р. ³⁾	50750 р.— к.	20772 р. ⁸⁾
	процентъ	34,6 ⁰ / ₀	56,9 ⁰ / ₀	66,1 ⁰ / ₀
В С Е Г О		47624 р. 68 ¹ / ₂ к.	89185 р. 04 к.	31405 р. 23 к.

1) № 182, л. 32 об.—33.

2) № 127, л. 6 об.

3) Куплено было хлѣба 11 тыс. пудовъ (№ 119, л. 7), среднею цѣною по 1 р. 50 к. пудъ (тамъ же, л. 22).

4) № 159, л. 5 об.

5) № 206, л. 96 об.

6) № Въ томъ числѣ 8568 р. подушныхъ и 84 р 61 к. на межеваніе; № 206, л. 96 об.

7) Въ томъ числѣ 1428 р. 6 к. казен. повин., 84 р. 61 к. на продовольствіе и 165 р. 12 к. на составленіе хозяйственнаго капитала.

8) Эта цифра получена въ результатѣ слѣдующихъ вычисленій: обычная потребительная норма хлѣба была тогда въ Макаровской волости 25 пудовъ на человѣка (№ 127, л. 7), причемъ четверть вѣсила 9 пудовъ (тамъ же). Въ 1843 г. изъ урожая осталось на пропитаніе 13945 четвертей (№ 206, л. 96 об.) или 125505 пудовъ. Такъ какъ наличныхъ душъ въ то время было 6682 (№ 206, л. 6 об.), то на ихъ пропитаніе необходимо было 167050 пуд.; слѣдовательно не хватало на пропитаніе населенія 41545 пудовъ; средняя цѣна пуда хлѣба тогда была 50 коп. серебромъ (№ 206, л. 69 об.—70). Въ результатѣ и получается необходимость для населенія волости купить хлѣба на 20772 рубля.

Переводя итоги расходовъ на современные деньги, получаемъ: въ 1827 г. всего расходовалось 50918 р. 43 к., въ 1835 г. 77590 р. 95 к. и въ 1843 г. 144463 рубля. Ясно такимъ образомъ, что расходы населенія росли очень сильно: мало того, что увеличивалось податное обложеніе во всѣхъ его видахъ,— очень сильно и быстро росъ расходъ на покупку хлѣба, такъ какъ земледѣліе все въ меньшей степени удовлетворяло потребности населенія.

Въ результатѣ, если сравнить доходъ съ расходомъ, получается все растущій съ каждымъ десятилѣтіемъ дефицитъ. Въ 20-хъ годахъ былъ еще остатокъ въ 18593 р. 31^{1/2} к. (доходъ равнялся въ 1826 года 66218 р., а расходъ 1827 г.—47624 руб. 68^{1/2} к.), въ 1835 г. дефицитъ—при доходѣ въ 65236 р. 50 к. и расходъ въ 89185 р. 04 к.—доходилъ до 23948 р. 54 к., а въ 1843 г., когда доходъ равнялся 9590 р., а расходъ 31405 руб. 23 к., получался дефицитъ въ 21814 р. 77 к. Это вело, разумѣется, къ задолженности населенія, особенно къ росту займовъ хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ, и къ недоимкамъ въ податяхъ и повинностяхъ. Такъ, наприм., въ 1839 г. числилось всего недоимокъ 3458 р. 65^{1/2} к., изъ нихъ 2892 р. 40^{1/2} к. за прежніе годы и 566 р. 25 к. за 1839 годъ¹⁾. Сумма этихъ недоимокъ составляетъ около 10% податного оклада 1835 года. Ясно, такимъ образомъ, что къ половинѣ XIX вѣка назрѣвалъ экономическій кризисъ, настоятельно выступалъ на первый планъ вопросъ о ликвидаціи какихъ-то устарѣвшихъ элементовъ народнаго хозяйства, препятствовавшихъ его развитію.

Х.

Общая характеристика положенія и развитія народнаго хозяйства въ Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX вѣка.

Переходя отъ подробностей къ характеристикѣ цѣлаго, къ окончательнымъ обобщеніямъ конкретнаго матеріала, сведеннаго и систематизированнаго въ предшествующемъ изложеніи, необходимо въ интересахъ дѣла остановиться ненадолго на нѣкоторыхъ важныхъ общихъ, теоретическихъ вопросахъ, безъ рѣшенія которыхъ невозможно идти впередъ въ данномъ случаѣ.

¹⁾ № 184, л. 193.

Хорошо извѣстно обычное дѣленіе хозяйственной исторіи на два большихъ періода—періодъ натурального, безобмѣннаго хозяйства и періодъ хозяйства денежнаго, мѣнового, товарнаго. Бюхеръ ¹⁾ ввелъ существенную перемѣну въ это дѣленіе, указавъ, что между безобмѣннымъ и народнымъ-товарнымъ хозяйствомъ есть еще промежуточное звено—періодъ городского хозяйства, которое лучше было бы, однако, назвать денежнымъ хозяйствомъ, рассчитаннымъ на небольшой, узкій мѣстный рынокъ, потому что при такомъ хозяйствѣ далеко не всегда торговымъ центромъ является непременно городъ. Позднѣе Зомбартъ ²⁾ предложилъ другое, тоже трехчленное дѣленіе хозяйственного развитія, но, на нашъ взглядъ, дѣленіе Бюхера гораздо удачнѣе, особенно если сдѣлать въ немъ указанное сейчасъ терминологическое измѣненіе и отказаться отъ несостоятельной всемірной исторической точки зрѣнія, на которой стоитъ Бюхеръ, вытягивающій всю исторію человѣчества въ одну линію и зачисляющій, напр., всю древнюю исторію въ періодъ натурального хозяйства, ошибочность чего справедливо указалъ Эдуардъ Мейеръ ³⁾: древность, и особенно греко-римская древность пережила рядъ стадій экономическаго развитія и дошла до преддверія современнаго капитализма. Не человѣчество, какъ цѣлое, а отдѣльные народы и страны совершаютъ хозяйственную эволюцію, закономерность коготорой должны опредѣлить исторія и основанная на ней соціологія.

Этого, однако, еще мало. Надо еще дальше детализировать схему Бюхера, разбить каждый изъ трехъ большихъ періодовъ хозяйственного развитія на отдѣльные моменты, внести эволюціонную точку зрѣнія въ изученіе каждаго періода. Это мы должны сдѣлать и въ данномъ случаѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что территорія, занимавшаяся въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка обширной Макаровской волостью, сначала была ареной натурального, безобмѣннаго хозяйства. Такъ было тогда, когда сюда проникали первые колонисты и устраивались отдѣльными семьями, основывая починокъ и деревни. Но въ эпоху, когда мы застаемъ эту территорію, это уже давно отошло въ прошлое.

1) „Происхожденіе народнаго хозяйства“.

2) „Современный капитализм“.

3) „Экономическое развитіе древняго міра“.

Предшествующее изложение въ достаточной степени показываетъ, что въ предѣлахъ изучаемаго нами времени слѣдуетъ прежде всего выдѣлить первый моментъ—конецъ XVIII и первое десятилѣтіе XIX вѣка. И уже въ этотъ моментъ хозяйство данной мѣстности не было не только безобмѣннымъ, натуральнымъ, но не можетъ быть названо даже товарнымъ хозяйствомъ съ исключительно или преимущественно мѣстнымъ, узкимъ рынкомъ. Въ самомъ дѣлѣ: уже тогда платились *денежныя* подати и повинности, уже тогда покупали чуть ли не за тысячу верстъ—въ Иркутскѣ—хлѣбъ, уже тогда сбывали тамъ же, и пріѣзжимъ скупщикамъ, мѣха. Конечно, остатки натурального хозяйства сохранялись (напр., въ платѣ отчасти натурой рабочимъ, нанимаемымъ звѣроловами—капиталистами изъ купцовъ и дворянъ, въ потребленіи крестьянами въ собственномъ хозяйствѣ продуктовъ земледѣлія и скотоводства), но то были лишь обломки уже исчезнувшей старины. Конечно, уцѣлѣли еще и остатки товарнаго хозяйства, рассчитаннаго на узкій мѣстный рынокъ, напр., въ продажѣ хлѣба одними мѣстными жителями другимъ, въ мелкомъ кустарничествѣ и ремеслѣ, имѣющихъ въ виду только мѣстнаго потребителя. Но здѣсь, какъ и вообще въ Россіи, товарное хозяйство съ узкимъ рынкомъ существовало и въ прошломъ недолго: санный путь и рѣчныя, водныя артеріи представляли собою слишкомъ большія удобства для торговли на широкомъ пространствѣ, чтобы узкій мѣстный рынокъ надолго оставался замкнутымъ. Уже въ XVIII вѣкѣ онъ былъ разбитъ караванной торговлей и замѣненъ рынкомъ обширнымъ.

Совершенно ясно, такимъ образомъ, что по типу и ступени хозяйственнаго развитія Макаровская волость конца XVIII и перваго десятилѣтія XIX вѣка являла собою близкое подобіе крайнему сѣверу Европейской Россіи въ XVI вѣкѣ: это была область съ денежнымъ хозяйствомъ, рассчитаннымъ уже на обширный рынокъ, но основаннымъ на караванной торговлѣ. Мы застаемъ ее притомъ въ состояніи кризиса: населеніе приливало, экономическія связи крѣпли и упрочивались, но онѣ еще не завязались въ плотный, тугой узелъ: территорія дѣлилась на пять малыхъ волостей, разрозненныхъ между собою, необъединенныхъ; ростъ населенія шелъ туго, процентъ непроизводительнаго населенія былъ высокъ, земледѣльческая техника низка, скотоводство слабо развито, караванная система торговли, возлагавшая большую часть транспорта на собственные рискъ,

страхъ и силы крестьянскаго населенія непосредственно, перестали уже удовлетворять въ достаточной степени потребности. Таковъ былъ первый моментъ товарнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ, изучаемый нами: не только производство было мелкимъ, мелкой по размѣрамъ предпріятій была, по крайней мѣрѣ, по преимуществу также и торговля. И въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве крылся какъ разъ наиболѣе уязвимый пунктъ всей хозяйственной организаціи, явившійся исходной точкой дальнѣйшихъ переменъ, позднѣйшаго развитія.

Именно въ слѣдующій затѣмъ моментъ—въ 20-е и 30-е годы XIX вѣка—торговля пріобрѣтаетъ болѣе крупныя формы—появляется торговый капитализмъ въ видѣ капиталистовъ-скупщиковъ, торговыхъ посредниковъ, дѣйствующихъ не вдали отъ волости, гдѣ-нибудь въ Иркутскѣ, а сотнями появляющихся на образовавшихся здѣсь мѣстныхъ ярмаркахъ. Изъ караванной торговля стала ярмарочно-караванной. И вотъ мы видимъ, какъ пять мелкихъ волостей слагаются въ одну крупную, какъ усиливается ростъ населенія, увеличивается въ его составѣ процентъ производительнаго элемента, дешевѣютъ деньги, понижаются цѣны на разные товары, улучшается земледѣльческая техника, растутъ размѣры запашки, прогрессируетъ скотоводство, успешнѣе идетъ охота, развертывается настоящее товарное хозяйство. И всѣ эти явленія съ полною яркостью и ясностью обрисовываются какъ разъ въ 30-е годы, когда достигается высшая точка развитія, возможная при данныхъ условіяхъ для товарнаго хозяйства.

А въ 40-хъ годахъ наблюдается новый упадокъ, опять наступаетъ кризисъ: ростъ населенія идетъ снова медленнѣе, чѣмъ въ 30-хъ годахъ, процентъ производительнаго населенія понижается, деньги дорожаютъ, цѣны на всѣ товары повышаются, техника земледѣлія ухудшается: паръ растетъ на счетъ пашни, размѣры запашки уменьшаются; охота регрессируетъ, падаютъ доходы, увеличиваются расходы, и тяжелымъ гнетомъ ложится на населеніе дефицитъ съ его неизбѣжными спутниками—задолженностью и недоимочностью.

Въ чемъ причина этого кризиса? Въ томъ же, въ чемъ была его причина тогда и въ Европейской Россіи: въ крѣпостномъ правѣ. Правда, Сибирь не знала закрѣпощенія помѣщикомъ, прикрѣпленія къ личности землевладѣльца-дворянина, правда,

еще въ XVIII вѣкѣ монастырскіе и церковные крестьяне были секуляризованы—переданы въ вѣдомство коллегіи экономіи (значительная часть такихъ «экономическихъ» крестьянъ были въ составѣ населенія Макаровской волости),¹⁾ но это означало все таки, что сибирскіе—въ томъ числѣ и макаровскіе—крестьяне были крѣпостными государства и въ качествѣ таковыхъ были прикрѣплены къ землѣ и тяглу. Это порождало вредную опеку, неудачные примѣры которой (безуспѣшныя попытки регулировать размѣры надѣловъ, напр.), намъ извѣстны. Можно думать также, что въ упадкѣ дохода отъ ямской гоньбы въ 40-хъ годахъ также повинно крѣпостничество: государственный крѣпостной не былъ свободнымъ контрагентомъ въ торгахъ на ямскую гоньбу и терпѣлъ убытки. Приближался капитализмъ—конечно, грубый, хищнической, готовый вселиться въ самыя нѣдра деревни,—и старыя крѣпостныя путы должны были пасть. Наканунѣ этого переворота, при первыхъ признакахъ и предпосылкахъ его, мы и наблюдаемъ сибирскую деревню въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія.

Н. Рожковъ.

¹⁾ См., напр., № 1, л. 113 об. и др.

Сказанія и пѣсни бурятъ, записанныя

Прот. И. А. Подгорбунскимъ.

Лунда бурядут үзэл үзэхэдэ хонини дала харанаб.

Уряј сакта нэгэ јэхэ лама үзэл үзежі јабана. Үзэл үзэхэдэ, номдо харажі хэлнэ. Тигэт үтөлөжі ірхэдэ, номоја газарта хадалгахаја түхорна. Тіхэдэн нэгэ бурят хэлбэ: „Лунда энэ номоја хајашанім? Хајахаја орондо хонини досо хэхэшнѣб“. Тигэт лама номоја тогонсо бусалгаба. Бусалгат, хонинда улгаба (шутхаба). Тигэт лама бурханда гхүнэгхэјэ үгэбэ. Бурядут тэрэнэгхэ хојші хонини дала харажі үзэл үзэжі байна.

Шандагані нюгхані хамара хагхан толо.

Шандаган нэгэтэ ујлажі гхуна. Ујлажі гхугат хэлнэ бэјэдэ: јахада намај баранда алахаја гханана? Јахада намагха нэгэшхі айнаубэйб? Бі эгэ му хојтхі адагхан аліан јабанаб. Тіжі гхусарін хоніт гхусарін хоніт ха-

Почему буряты, когда гадают, смотрятъ на овечью лопатку.

Въ древности одинъ великій лама ходилъ и гадалъ. Когда онъ гадалъ, то смотрѣлъ въ (священную) книгу и говорилъ. Когда онъ состарился, то собрался (священную) книгу закопать въ землю. Въ это время одинъ бурятъ сказалъ: почему ты хочешь бросить эту книгу? Въмѣсто того, чтобы бросать, положи ее въ нутро овцы. Тогда лама вскипятилъ книгу въ котлѣ. Вскипятивъ, онъ далъ выпить (влилъ) овцѣ. Затѣмъ лама отдалъ душу Богу. Послѣ этого буряты и начали гадать, смотря на лопатку овцы.

Почему сопли закрываютъ носъ зайца.

Однажды заяцъ сидѣлъ и плакалъ. Плача, (онъ) говорилъ самъ себѣ: „Почему меня всѣ считаютъ возможнымъ убить? почему меня никто не боится? я самый худой, послѣдній изъ звѣрей“. Въ это время въ сто-

жугарин бэлшежи байнат. Шандаган ујлахаја болот, хонігхі хорондур гујбо. Хоніт үргэт шандаганагха хоіртэјше (хоір тэјші) мярат гујсаба (гуіжі орляшба). Шандаган хонігхі гујхі харат, гуіжа нюгха нібэ. Хоніт намагха айјхіма (гэжі), нюгхар хамара хагхана нішхібэ. Тэрэнгхэ хоіші шандаган хахарха хамарта даіда дэлэхэј зайжі јабана.

Тухуруні бүдэнэјэ зогхоні толо.

Урај шубугхут сугларат хага баріжа байга. Ху баранда хэлсэбэ тухуруја барха гэжі, тіжі тухуруја бархаја байсарин, буденэ хэлнэ: „убэј, тухуруја бу баріктөј, јэхэ шубуја баріктэ“. Тухурун буднэдэ урлат, бүднејэ хоншорара нюрган дэрэгхэн сехет, нюрган хухасохішхо. Шубугут бүднэн хурэр баранда зүб болот, јэхэ шубуја баріба. Тігэт баранда бүднэн нюрган хухалагхан тухуруја шуна. Хан гхугат хэлэбэ: „будэнэ, мөнө најір намарта арляха ірхэдэ нідха аргашні убэ, тухурун, нюрган дэрэ тэгэт абашажа байхаш. Туні хој-

ронѣ паслись овцы. Заяць побѣжалъ (къ нимѣ) съ плачемъ и крикомъ. Когда онѣ былъ среди овецъ, овцы, испугавшись зайца, раздѣлились и блея побѣжали. Заяць увидѣвъ, что овцы побѣжали, бѣжалъ за ними и сморкался. Говоря: „а, овцы убѣгаютъ отъ меня“, онѣ сморкнулся, и соплями закрылъ свой носъ. Съ той поры заяць бѣгаетъ по вселенной съ раздвоеннымъ носомъ.

Почему журавль носитъ перепелку.

Въ древности птицы, собравшись, выбирали царя. Всѣ безъ исключенія соглашались избрать журавля, только перепелка относительно избранія журавля сказала: „не избирайте журавля, изберите орла“ (большую птицу). Журавль, разсердившись на перепелку, ударилъ ее своимъ клювомъ по спинѣ и переломилъ ей спину. Птицы слова перепелки признали правильными и избрали орла (большую птицу). Затѣмъ всѣ осудили журавля за изломанную спину перепелки. Тогда царь, сѣвъ, сказалъ: „Перепелка, такъ какъ ты теперь не можешь сама перелетать

ші тухурун буднэжэ нажірта
намарта абажажі јабана.

Азарга тахяі дугарха.

Урāj сакта тахя гхажан
хубсугхатај бајга. Нэгэтэ
тодок шубун ірэт, тахяја
гхажан хубсугхажн эрнэ.
Ўмдат хорімда ашхао. Тігэт
тадок тахяда хэлнэ: „Міні-
уні болшоходо мні гхунін-
түндэ, үглөгүр наша хажха-
рара, тібэл-шіні бі ірхэб.
Тахя хүр хэлэшхібэ хуб-
сагха үготьба“. Тодок үм-
дот тахяга хубсагхаја арля-
ба. Туні хојшо тодок тахя-
да ірэ-убэ, хубсагхажн та-
хяда үго-убэ. Тахя тігэт
гхунін-түндэ, үглогур дугар-
на.

Табжін шаранут хојор.

Табжін шаранут хојор
Монгологха бодожі јабанат.
Табжін-ін саргхан гэршітэ,
шаранух-ін саргхан гэрші
убэ јабанат. Мангагхі га-
зарта ороходо, мангата ба-
рігдана. Тігэт Табжін-ін ман-
гата хүлүгхэнші орона, Ша-
ранугхі гхөршо Монгодо
гэршіјэ абахаја арляба. Гур-
бун жіл боложі, Шаранугх-
ін Монголагха тэхэрбэ. Ті-

осенью и лѣтомъ, то тебя
будеть носить на спинѣ жу-
равль“. Послѣ этого жу-
равль и носить осенью и
лѣтомъ перепелку.

Крикъ пѣтуха.

Въ прежнее время пѣ-
тухъ имѣлъ красивую одеж-
ду. Однажды къ пѣтуху
пришла дрохва и стала про-
сить у него его красивую
одежду сходить на пирь.
Дрохва сказала пѣтуху: ес-
ли я пробуду долго, то ты
въ полночь и утромъ зови
меня и я тогда ворочусь и
приду сюда. Пѣтухъ ничего
не сказалъ и отдалъ одеж-
ду. Дрохва, одѣвшись, ушла
отъ пѣтуха. Затѣмъ дрохва
не вернулась къ пѣтуху и
не отдала одежду. Послѣ
этого пѣтухъ и началъ кри-
чать въ полночь и утромъ.

Табжинъ и Шарануть.

Табжинъ и Шарануть бѣ-
жали изъ Монголіи. Таб-
жинъ шель съ билетомъ,
Шарануть безъ билета. Ког-
да они вошли въ русскую
землю, то были взяты рус-
скими. Послѣ этого Таб-
жинъ поступилъ работни-
комъ къ русскому. Шара-
нуть пошелъ обратно въ
Монголію, чтобы взять би-
летъ. Черезъ три года Ша-

гет мангадагхай мунгүжэ аба-
жі арлябат. Алар гэжі дај-
да-да ірэжі, гэрші саргхаја
шорголжоні ободо хадалга-
бат, тігэт тэрэ дајда-да.
гхужі бајбат,

Губхуј ургаја баряхјн толо.

Уря балгабэшэн-удурьада-
гхан анда шубугут јушхі
хэхэбэ, (тігэт) јхэдурлэжі
бајга. Губху шубугудін эгэ
гхүлдэ ірэт, Балгабэшэнудур
ургаја баржа байна. Бур-
хан губхуја харат, уралат,
ургайн үндэт, өгхонін хэлэт
угго: „энэ хојшо нагхан
жэлдэ урга үбэ јабахаш“.
Тэрэнгхэ хојшо губку урга
үбэ јабана. Хүбүгүдэ хүші
урга-со хэжі тэжэлгэт гар-
на.

Хані хојор тологојтэј хур-
дак шубун.

Уря сакта бурхан дэлхэ
дэрэ адагха, шубугуді зоні
табіба. Тэрэ зонда нэгэн
хан нэгэн хурдан шүбүтэј
бајга. Нэгэтэ хан хурдан
шубуја тэнгэртэ іэлгэнэ, тэн-
гэріјэ үзэхэ гэжі. Хурдан
шубун дэші нідат гарба. Ті-
гэт тэнгэріјэ тэгнэхэ јаба-
хадан, Бурхан урдан золгот
хурдан шубунагха гхурна:

рануть вернулся изъ Монго-
ліи. Затѣмъ, взявъ у рус-
каго деньги, онъ убѣжалъ.
Придя въ мѣстность Аларь,
онъ спряталъ билетъ въ
муравьищѣ (въ муравьин-
ную кучу), а затѣмъ посе-
лился на томъ мѣстѣ.

**О томъ, какъ кукушка вила
себѣ гнѣздо.**

Въ древнее время въ Бла-
говѣщеніе животныя и пти-
цы ничего не работали, а
праздновали. Кукушка при-
летѣла послѣдней и въ Бла-
говѣщеніе начала вить себѣ
гнѣздо. Богъ, увидѣвъ ку-
кушку, разсердился, сло-
малъ гнѣздо и сказалъ ей:
„Отнынѣ никогда ты не бу-
дешь вить себѣ гнѣзда“.
Послѣ этого кукушка не
вьетъ гнѣзда. Дѣтей же вы-
кармливаетъ въ старыхъ
чужихъ гнѣздахъ.

Двуглавый царскій орель.

Въ древности Богъ на-
селить міръ животными,
птицами и людьми. У людей
одинъ царь имѣлъ орла
(быструю птицу). Однажды
царь послалъ орла на небо,
чтобы осмотрѣть послѣднее,
орель полетѣлъ вверху.
Когда онъ пролетѣлъ сре-
дину разстоянія до неба,
его встрѣтилъ Богъ и спро-

„Хайші ошохо“? Хурдан шубун хэлнэ: „хані хурэр тэнгэртэ гаржі, тэнгэріјэ үзэхэмні“. Тіхэдэн бурхан хэлбэ: „гхөргө ірјэ, шіні орондо бі өрөньтэнгэртэ оронам“. Бурхані хүрі дүламбэјар хурдан шубун дэші нитба. Бурхан урлат, харба. Харбагхар толгојн хорондур тудаба, тіжі шубуні толгој хојуртэјші хахараба, гхулэрин хојор толгојтэ болот арляба. Ханда ірэт хэлнэ: „Тэнгэртэ гарха арга убэ бајна. Туні хојна хал хурдан шубуја тэнгэртэ ільгэхээ бөлө.

силъ: „Куда отправился?“ Орель отвѣчалъ: по приказанію царя я лечу на небо, чтобы осмотрѣть его“. Богъ сказалъ: „Воротись назадъ. Вмѣсто тебя я поднимусь на небо“. Орель, не послушавъ словъ Бога, полетѣлъ вверхъ. (Богъ) разсердившись выстрѣлилъ и попалъ (ему) въ середину головы, послѣ чего голова птицы распалась на двое и онъ сдѣлался двуглавымъ. Орель поворотилъ назадъ и прилетѣлъ съ двумя головами. Придя къ царю, онъ сказалъ: „подняться на небо нельзя“. Послѣ того царь пересталъ посылать орла на небо.

Дэлхэн дэлхэ бологхон хојно, Христос Богдо хојор бурхат, нугултэ амитані нүгүлгхэн арюлхаја дэлхэ дэрэ бубат. Нэгэтэ хојулан золотат босолдобат: „хэнін јэхэ хабатајб, хэнін урда уртажа сэсэк ургахаб гэжі“. Тігэт хојулан зэргэлжі гхугхар унтабат. Унтагхан хојнан Христосін урда урит сэсэк уртажа захалба, Богдон урда јуншхі убэ бајга. Хојуланъ мэдэн убэ унтажа лхунат. Тэрэ сакган Богдо унрхан урит гхэрэт, Христосіс урдахі сэсэгүн хулугат,

Послѣ созданія вселенной бурханы Христос и Богдо, чтобы очистить грѣшныя существа отъ грѣховъ, спустились на землю. Однажды встрѣтившись, они заспорили, у кого изъ нихъ больше силы и предъ кѣмъ прежде выростетъ цвѣтокъ. Послѣ этого они сѣли рядомъ и заснули. Предъ Христомъ началъ впередъ расти цвѣтокъ, предъ Богдоже ничего не было. Они же оба, не зная этого, снали. Богдо бурханъ пробудившись впередъ, укралъ цвѣтокъ у Христа и поса-

өрjö урда гхулгаба. Тiгэт Христосоја гхэрэбэ. Гхэрэгэт хэлнэ: „Мини урда уртажа сэсэк ургаба, би шамагхан ахаб“. Тiхэдэн, Христос хубарни урда харат урдагхан хэлнэ: „Ши залан бурхан биши бајнаш“. Аха дүймнај Бурхан өрөн мэдужа Христос Богдогхан гхалат, гансаран арляба.

Д у н.

1.

Нажарта нажарин бајхал үбэ,
Нагханта залу јабахал үбэ,
Ўбүлдэ үбүлин бајхалъ үбэ,
Ўјэдэ залу јабахал үбэ,
Хабарта хабарин бајхал үбэ,
Хабада залу јабахалъ үбэ.

2.

Харбаша үдэјн гхомоја
Хан-хэн тэнја уктаба.
Хамак јэхэ бајха түрүгхэјэ,
Тiргэни үбүгүт уктоба.
Алтан јэхэ богхогоја
Алханъ шөргөн оробобди.
Аха јэхэ зајанда тнај
Мүргүн шөргөн оробобди.

3.

Одондо налагај окторго,
Ојндо налагај ујэтэ
Гхарада налагај гхаридак,

диль предъ собой. Разбудивъ Христа, Богдо сказалъ: „предо мной выросъ цвѣтокъ, я старше тебя“. Христосъ, все осмотрѣвъ, возразилъ: „Ты не справедливый бурханъ“. И вмѣсто того, чтобы сдѣлаться старшимъ и младшимъ братьями, Христосъ и Богдо раздѣлились и разошлись по одиночкѣ.

П ъ с н и.

1.

Лѣту лѣтомъ не остаться,
Всю жизнь молодымъ не
        быть.
Зимѣ зимой не остаться,
Въ вѣкъ молодымъ не быть.
Веснѣ весной не остаться,
Вѣчно мощно-молодымъ не
        быть.

2.

Чернатую стрѣлу,
Встрѣтилъ столбъ хан-хын
Всякое великое рождение
Встрѣтили улусные старики
Церешагивая, тискааясь во-
        шли
Къ вашему старшему вели-
        кому заяну
Кланаясь молясь мы вошли.

3.

Звѣздамъ привѣтливо небо,
Сознанию пріятны сверстни-
        ки,

Гхананда налагај үјэтэмнај.
Тэргэтэ налагај тэнгэри,
Тіргэндэ налагај үјэтэмнај.

Надані дун.

Ерiт наша хатарыт,
Jөхор надан хатарај,
Хутарагхајн шiнэлјi,
Шiнэ мода гаргајi.
Орыт наша хатарыт
Урiянхи надан хатара
Хушарагхајн шiнэлјi
Шiнэ модар зугалјi.
Хатартај морiндо
Хату мiнa шамајi.
Хатаракша наданда
Jөхор духај шамајi.
Урiлданај морiндо
Ута мiнa шамајi.
Ушаракша наданда
Jөхор дүхэ шамајi.
Нажарагха наша
Нагхала јага үбэлдi.
Нагхатана үзэжi
Хүтiн хөрiн бајнабдi.
Үбүлагха наша
Үiлэ јага үбэлдi.
Үiтэнэ үзэжi
Хүтiн хөрiн бајнабдi.
Толгöјн үгхэн тобхорхон,
Төхэ бэје залухан.
Залу хэрэн нагханда

Мѣсяцу привѣтливы высокія
горы (Саянскія)
Мыслямъ пріятны сверстни-
ки,
Тэргэту привѣтливо небо,
Населенію пріятны сверст-
ники.

Плясовыя пѣсни.

Идите сюда пляшите,
Ехэръ игра по старому,
Устарѣвшую возобновимте,
Новую моду создадимте.
Войдите сюда пляшите!
Старинная игра по старому,
Устарѣвшую возобновимте,
По новой модѣ поиоемте.
Рысистой лошади
Твердая плеть нужна,
Игривой пляскѣ
Ехэръ пѣсня нужна.
Скаковой лошади
Длинная плеть нужна,
Игривой пляскѣ
Ехэръ пѣсня нужна.
Съ самага лѣта
Мы со сверстниками не схо-
дились
И мы веселимся,
Видя ихъ.
Съ самой зимы
Мы со сверстниками не
сходились
И мы веселимся,
Видя ихъ.
Волосы на головѣ коротень-
ки,
Аккуратное тѣло молодо,
Пока мы въ юномъ возрастѣ;

Іжі бајжі хатарјі.
 Магнајн үгхэн бүгняхан,
 Манај бэје залухан.
 Залу хэрэн нагханда
 Іжі бајжі хатарјэ.
 Тахяр тахяр хатарјі,
 Тахмајін шала гаргајі.
 Тахяшалні захаражі
 Холэјн шала гаргајі.
 Бухэр. бухэј хатаржі,
 Борбэн шала гаргајі.
 Бухашилжі зохарші
 Холэјн шала гаргајі.
 Уран холој санхата,
 Уйда сајдак хэрэктэ.
 Сарюн хөлој санхата.
 Садан сэдэм хэрэктэ.
 Ара-јумя зосеха
 Алда хара щазамнај.
 Арбан хурга зосеха
 Алтан бэгхэлэк,
 Бэгхэлэгэ толондо
 Нэгэ бакта дүкшулајі.
 Таша-јума зосеха
 Табан мунгун хэтэмнај.
 Табан хурга зосеха
 Алтан бэгхэлэк,
 Бэгхэлэгэ толонда
 Нэгэ бакта дүкшулај.
 Сэгэн сэдэк добүја
 Сэсэк үргэ зосена.

И такъ хотя попляшемте.
 Волосы на лбу коротеньки,
 Наше тѣло молодо
 Пока мы въ юномъ возрастѣ;
 И такъ хотъ попляшемте.
 Сгибая, разгибая (колѣна)
 попляшемте,
 Усталость колѣна выгонимте;
 Издавая звуки подобно курамъ
 Усталость горла выгонимте,
 Присѣдая, присѣдая попляшемте,
 Усталость бедръ выгонимте,
 Издавая звуки, подобно быку,
 Усталость горла выгонимте.
 Мелодичный голосъ пересохъ,
 Саждакъ напитокъ нуженъ;
 Чистое горло пересохло,
 Цѣлебный напитокъ нуженъ.
 Саженная черная коса
 Краситъ спину,
 Золотыя кольца
 Красятъ 10 пальцевъ,
 При сіяніи кольца
 Еще разъ попляшемте.
 Пять серебрянныхъ огнивъ.
 Красятъ бедра,
 Золотое кольцо
 Краситъ пять пальцевъ.
 При сіяніи кольца
 Еще разъ попляшемте.
 Бѣлый холмъ унылый
 Цвѣтокъ пострѣль украша-
 шаетъ;

Сэгэн, сэгэн шастај,
Сэнтэ маржан зосена.
Улан себдэк добѹја
Ўргэ сэсэк зосёна
Улајхан гхајхан шастаја
Алтан шүрә зосёна.
Арбан саган хургаја
Атхан бяјжі хатарјі.
Амансохі зугага,
Гхэлгэн хэтхэн зугалјі.
Хорін саган хургаја,
Холбон бајжі хатарјё.
Холојсохі зугага
Гхэлгэн хэтхэн зугалјі.
Нажарја гхүніда
Нара гарсар хатарје.
Намтар улајн өрејгэ
Гэгэ гарсар хатарје.
Ўбүлаја гхүніда
Ўраі сајсар хатарјі.
Ўндүр улајн орејга
Гэгэ гарсар хатарје.
Борін, борін тірүја
Борлосорін хатарје.
Бојжамурхај шубуја
Жэрјэсэрін хатарјі.
Хадајн, хадајн тіруја
Харласарін хатарјі.
Харасагајхан шубуја
Жерјэсэрін хатарјі.

Бѣленькую, хорошенькую
дѣвушку.

Цѣнный маржанъ украша-
етъ.

Красный, унылый холмъ
Цвѣтокъ пострѣль укра-
шаетъ;

Румянную, хорошенькую
дѣвицу

Золотое ожерелье украша-
етъ.

Десять бѣлыхъ пальцевъ

Сжимая, попляшемте;

Находящіеся во рту, наши
пѣсни

Вперемѣшку попоемте.

Двадцать бѣлыхъ пальцевъ

Силетая попляшемте;

Находящіеся въ горлѣ, на-
ши пѣсни

Вперемѣшку попоемте.

Въ лѣтнюю ночь

До восхода солнца попля-
шемте;

До появленія зари съ вер-
шины низкаго холма по-
пляшемте.

Въ зимнюю ночь

До разсвѣта попляшемте;

До появленія зари съ вер-
шины високаго холма по-
пляшемте.

Попляшемте, пока иней бо-
ра посѣрѣетъ,

Пока птица жаворонокъ за-
поетъ.

Попляшемте, пока горный
иней почернѣетъ,

Пока птица ласточка, за-
поетъ.

Үр сајхән хатарјі
 Үітан тархән шангалјі.
 Наран гархән хатарјі,
 Надáшін тархән шангалјі.
 Барялсат бајгханагхан ха-
    тарјі,
 Баранда ерэгхэнэгхэн зу-
    галјі.
 Үлхэлдэт бајгханагхан ха-
    тарјі,
 Уелжі ерэгхэнгхэн зугалјі.
 Булшумурі надан —
 Бадахада надан,
 Вурјат зані надан —
 Хатархада надан,
 Харáсагаји надаһ —
 Харіхада надаһ.
 Хара зані надан —
 Хатархада надан.
 Бургагхан түргэ хатхажі,
 Баруні хагха тахябабді.
 Тэрэ хагха урда,
 Баранда бајжі хатарјі.
 Үртөгхән түргэ хатхажі
 Үндүр хагха тахябабді,
 Тэрэ хагха урда
 Төрэн бајжі хатарјі.
 Хотонсохі хонігідалі
 Хонхонолдат баібді.
 Хөлэ саган бугаји дэли
 Оролдалдан баібді.
 Хүрэсохі хонігхідалі
 Хуһхоналдат баібді,

Попляшемте: скоро разсвѣ-
    таеть;
 Посаѣшимте: скоро сверст-
    ники разойдутся.
 Попляшемте: скоро солнце
    взойдетъ;
 Пospѣшимте: играющіе ра-
    зойдутся,
 Разъ стоимъ держась (другъ
    за друга),
 Такъ давайте плясать,
 Разъ мы всѣ собрались,
 Такъ давайте пѣть.
 Игра — жаворонка —
 Во время перелета;
 Игра бурятскаго народа —
 Во время пляски.
 Игра ласточки —
 Во время отлета;
 Игра чернаго народа —
 Во время пляски.
 Березовую түргэ ставя,
 Западному хату помолились;
 Находясь предъ этимъ ха-
    томъ,
 Попляшемте всѣ.
 Ставя түүргэ изъ молодой
    березки,
 Высокому хату помолились;
 Находясь предъ этимъ ха-
    томъ
 Всѣ вмѣстѣ попляшемте.
 Подобно овцамъ въ хлѣву,
 Будемте шумными;
 Подобно полосатому изю-
    брю,
 Будемъ схватываться другъ
    съ другомъ;
 Подобно овцамъ въ пригонѣ
 Будемте шумными;

Хузү, саган бугајн дэлі
Оролдан дан баібді.

Нарагхансогур гүјдэлтэ
Нәріи хүлтэ інзаган,
Нахяс бајсар харбаха
Манај аха эрдэні.

Хугхан согур гүјдэлтэ
Хөндөлэ саган інзаган,
Хотос бајсар харбаха
Манај аха эрдэні,

Гунан гхаріјн толтэјдэ
Гурбан зудан іләрхэј,
Гушін шудуні саганда
Сэжін зуга іләрхэј.

Хадајн, хадајн харана
Хадатэјші халюра
Хадамал хара шазмнај
Ара бідэ халюра
Борін, борін гхарана
Борітэйшэ халюра.

Үгхэн манај үзуртэ
Үлхэ моток утагхан,
Үетәнэ наданда
Іжі бајжі хатарјі.

Сажајн манај үзуртэ
Сасак моток утагхан,
Сасутана наданда
Іжі бајжі зугалјі.

Үзуртэхэн модондо
Үлү хүхэ донгодо,

Подобно изюбря съ бѣлой
шеей

Будемте схватываться.
Между соснами бѣгающій,
Тонконогій козленокъ,
Изъ гибкаго лука стрѣляю-
щій,

Нашъ молодець Эрдэни (имя
рекъ)

Между березами бѣгающей.
Съ бѣлымъ бедромъ козле-
нокъ

Изъ гибкаго лука стрѣляю-
щій

Нашъ молодець Эрдэни (имя
рекъ)

При сіяніи молодого мѣсяца
Три лѣса ясно—виднѣются;
При тридцати бѣлыхъ зу-
бахъ

Задушевная пѣсня ясна.

Горная, горная сарана
Блеститъ около горы,
Черная, отрошенная коса
Блеститъ на спинѣ.

Борная, борная сарана
Блеститъ около бора;
На концѣ нашей косы
Витый мотокъ шелку—
Въ игрѣ сверстники наши
И такъ попляшемте.

Въ пляскѣ наши сверстники,
И такъ попляшемте.

На концѣ нашей косы
Витый цвѣтокъ шелку—
Въ пляскѣ наши сверстники,
И такъ попляшемте.

На вершинѣ дерева
Коростель производитъ эхо-

Ура саяхан хэрэндэ
Энэ надан донгода.
Наматајхан модондо
Нарин хүхэ донгода,
Нара гархән хэрэндэ,
Энэ надан донгодо.
Үндэрјэ зуданда
Үхэр јада хүлөра,
Үитана наданда
Аха јада хүлөра.
Мандараја зуданда
Морин јада хүлөра,
Моно жэлэ наданда,
Шастхај јада хүлөра.
Модон эшэтэ хотегомвај
Мондоргая минада,
Мухај јэртэ ахајамнај
Хана—хаја минада.
Јагхан эшэтэ хотегомнај
Јајаргая минада,
Эрэн мухај шастамнај
Хана—хаја минада.
Барул үбэ тогоя
Бархин дурән багашхан,
Басаган үбэ наданда,
Байхин дурән багашхан.
Үндүр тэнгэри үбэјда
Үлэн ханагха гархәјмаб,
Үнэн үитани үбэјда,
Зуга ханагха гархәјмаб.
Намтар тэнгэри үбэјда,
Наран ханагха гархәјмаб,
Нагхатан үитани үбэјда,

На разсвѣтѣ эта вечеринка
производитъ эхо.
На вѣтвяхъ дерева
Маленькій коростель про-
изводитъ эхо,
При восходѣ солнца
Эта вечеринка производитъ
эхо.
На высокомъ бору
Быкъ изнемогъ, вспотѣлъ;—
На вечеринкѣ товарищѣй
Молодецъ изнемогъ, вспо-
тѣлъ.
Въ неровномъ бору
Конь изнемогъ, вспотѣлъ;—
На вечеринкѣ нынѣшняго
года
Дѣвица изнемогла, вспотѣла.
Ножъ съ деревянной ручкой
Болтается на ремнѣ—
Кавалеръ съ недобрымъ на-
мѣреньемъ
Слоняется по закоулкамъ.
Ножъ съ костяной ручкой
Блеститъ на ремнѣ—
Смазливая барышня
Слоняется по закоулкамъ.
Котель безъ ручки
Держать не хочется;—
На вечеринкѣ безъ дѣвиць
Гулять не хочется.
Если-бы не было високаго
неба,
То откуда-бы вышла туча—
Если-бы не было молодежи,
То откуда-бы взялаеь пѣсня.
Если-бы не было низкаго,
неба,
То откуда вышло-бы солнце-
Если-бы не было молодежи,

Надан ханагха гархаймаб.
Обесэ идеха моріја
Ужалгада юндэ хэлэнсэглэб,
Оиногхо гарха гхайхан зугајі
Сэжэдэ јахада хэлэнсэглэб.
Сэсэк идэха моріја
Сэргэдэ юнда хэлэнсэглэб,
Сэжін гхайхан зугаі
Сэжідэ јахаја хэлэнсэглэб.
Нарагхан сохі ботулія
Наратај байсара шүдэртэ,
Надансохі шаастајмнај
Зугатај байсара шүдэртэ.
Хугхансохі ботулія
Хорта байсара шүдэртэ,
Хубілган уітамнај
Зугатај байсара шүдэртэ.
Тэнгэрі холó гэсэрна
Тэхэрхэ наранін шумагајма,
Тэбхэр залуб гэсэрмнај
Ўтүлха нагханін шумагајма.
Окторгэн холо гэсэрмнај
Орохо наранін шумагајма,
Ошо залуб гэсэрмај
Ўтүлха нагханін шумагајма.
Соборі санханур сорош-убэј
Собота бэрі ханхянагхар,
Сукта уітан гашарашубэј
Надан бэрі ханхянагхар.
Базарі санханур балараш
убэј,
Боскресен бэрі ханхянагхар

То откуда бы взялась ве-
черинка.
Коня, который ёсть овесъ,
Для чего морять у коновязи,—
Хорошую пёсню
Для чего держать въ тайнѣ.
Коня, который ёсть цвѣты,
Для чего морять у столба;—
Хорошую пёсню для чего
держатъ въ тайнѣ.
Трава въ сосновой глуши
При солнцѣ покрыта росой,—
Дѣвица на вечеринкѣ
Поетъ сдержанно.
Въ березовой глуши
Трава при дождѣ покрыта
росой—
Лукавые товарищи
При возможности пѣть, не
поютъ.
Хотя говоримъ: небо далеко,
Но солнце скоро проходитъ;
Хотя говоримъ: мы молоды,
Но молодость скоро прохо-
дитъ.
Мы говоримъ: небо далеко,
Но солнце скоро заходитъ—
Мы говоримъ: еще молоды,
Но старческій возрастъ ско-
ро приходитъ.
Соборный колоколь звоня
каждую субботу еще не про-
дыривился,
Сборные товарищи еще не
состарились,
На каждой вечеринкѣ
Звонко раздаются (голоса ихъ).
Базарный колоколь еще не
разбитъ
Каждое воскресеніе звеня;--

Богашхан уітан гашараш
убэј,

Надан бэрі ханхянагхар.
Иркугхі санханур ілэрэш
убэј

Ўдүр бэрі ханхянагхар,
Ўнэн уітан гашарашубэј
Надан бэрі ханхянагар.
Тологој сэхүрі бэдэржі
Торгобэ гурба эрјэб
Тамоляк уітана бэдэжі
Надаја гурба эрјэб,
Кэмцетка сэхүрі бэдэржі
Купеса гурба эрјэб.
Картінка уітана бэдэржі
Надаја гурба эрјэб,
Атха сэхүрі бэдэржі
Алабхаја гурба эрјэб.
Ајакта уітана бэдэржі
Надаја гурба эрјэб,
Улара гэшхэт јабахада
Ургагхан ногон зөләјма.
Ўргугхара зүгалат јабахада
Ўргагхі зүрхэнгэ зөләјма,
Хулоро гэшхэд јабахада
Хөхө ногон зөләјма.
Хурэрэ хэлсэт јабахада
Ўргагхі зүрхэн зөләјма,
Нарагханда гхугхан тэтэрі
Не знай хүдејі сэнтэбда,

Молодые сверстники не со-
старились,

На каждой вечеринкѣ звон-
ко раздаются (ихъ голоса).
Иркутскій колоколь не ис-
терся,

Каждый день звеня; —
Истинные сверстники не
состарились,

На каждой вечеринкѣ звон-
ко раздаются (голоса ихъ).
Голову сахара ища.

Трижды торговцовъ обо-
шелъ, —

Скромныхъ товарищей ища,
Трижды хорошихъ обошелъ.
Конфетку ища,

Трижды купца обошелъ —
Пріятныхъ друзей ища,
Трижды хороводъ обошелъ.

Горсть сахару ища,
Трижды лавки обошелъ, —
Веселыхъ друзей ища,

Трижды вечеринку обошелъ.
Когда ходишь, ступая по-
дошвой,

То выростая трава бываетъ
мягка,

Когда бесѣдуемъ съ род-
ными,

То сердца ихъ бываютъ
нѣжными.

Когда идешь, ступая ногой,
То зеленая трава мягка;

Когда ведешь бесѣду,
То сердца родственниковъ
нѣжны.

Тетеря, которая сидитъ на
соснѣ,

Не знаю какой цѣны;

Надан јабагхан уігамнај
Не знай хўдўј зугатјбда,
Шіхіндэ хартај шандаган
Шэбэрэ шударат таліга.
Шіхіндэ хіхатај шастамнај
Ахаја шударат таліга,

Дэрбэшэні дун.

Хўлтэ-хада гэшхэлјі, хўртэ
хада зугалјі.
Улта хада јабајі, уінгата ха-
да хэлсэјі.
Хўхў далај зајага хўбөтэгар
зајага,
Хўні хубут манігхі зугалга-
јар заяга.
Хара далај зајалга, хажу-
тагар зајлага,
Хорінбацагат-тани зугалт-
ајар зајага.
Хара түмүр хілусајн хамхол-
хін бэрхэ,
Хамок зоні гхусарін, зугал-
хін берхэ.
Түмүр бұха хілусајн түгдал-
хін бэрхэ,
Түмүн зоні гхусарін, зугал-
хін бэрхэ.
Јэрэнтэдэ ўргаха јэрын зў-
лэн сэсэк,
Јэрүлін сјомха ехэ саган шэ-
лұхэ,
Шэрлэрэн убэј харбаха, ма-
ні аха эрдэні.
Ноінтада ургаха наін зўлэн
сэсэк,

У друзей, которые на ве-
черинкѣ
Не знаю сколько пѣсенъ.
Заяцъ съ чернымъ ухомъ
Скрылся въ чащу,
Дѣвица съ сережками—
Давши знакъ кавалеру,
ушла.

Пѣсни Дрбэршэн'а.

Если есть ноги пойдёмъ,
Если есть слово, попоемъ,
Если есть подошвы пойдёмъ,
если есть способности, по-
говоримъ.
Синее море созданно, съ бе-
ререгами создано
Мы, сыны человѣческіе, соз-
даны, для веселья созданы.
Черное море создано, со сто-
ронами создано,
Вы, чужеземныя дѣвицы.
съ пѣснями созданы.
Черный желѣзный замокъ,
измять трудно,
Пока весь народъ сидитъ,
трудно пѣть—плясать.
Желѣзный крѣпкій замокъ,
разломить трудно
Пока тысяча народу сидитъ
пѣть—плясать трудно.
На ерентэ растущіе, разно-
образные цвѣты.
Этотъ весь склонъ общипы-
вала большая бѣлая косуля.
Безъ промаха и устали стрѣ-
ляющій нашъ молодець Эр-
дэни.
На лентѣ растущіе, разно-
образные цвѣты.

Најулаин сумаха жаман са-
ган шэлүхэ
Нягхас байсар харбаха, ма-
ни аха эрдэни.
Урда хадайн элэгинда, уна-
ган жоро загхата,
Торгон титхур тохонтэ, тохэ
мүнгэн эмэлтэ.
Утагхан жолотататај
Түни дэрэ хархада, манај
аха гүлгэсгэ,
Аха дэрэ хархада, атха за-
ла хахасга.
Батхантајн голорин байсын
дасан докшулүј,
Бабаја мэндэ үргүгхута мэн-
дэн дүлан доктулјі.
Хэдгэнтэн голорин хэбин дэ-
лин докшулјі,
Хэтэ мүнхү ургүгхута мэндэ
дүлан доктулјі.
Барун гара асышо, байгха
мэндэјэ зугалјі,
Зун гара асышо, зүрхэнэј
мэндэјэ зугалјі.
Хобол мүнгүн шазаја хојна
урда хаяјі,
Хоріи жілі мэндэјэ бурхана-
гхан үргүібді.
Алтан мүнгун шазаја ара-
хојна хаяјі,
Арбан жілі мэндэјэ бургана-
гхан үргүібді.
Мухаракші модон тэргэн
модон голі хушіндэ,
Мотолзакші бэјэмнај дэдэн
бурхані хушіндэ.

Наюлајна общипываетъ бѣ-
лая косуля.
Гибко, изъ лука стрѣляющій
нашъ молодець Эрдэни.
На склонѣ восточной горы
жеребенокъ иноходець на-
лаженъ.
Съ шелковымъ потникомъ и
съ серебрянымъ сѣдломъ,
Шелковый поводъ натянуть.
Надъ нимъ посмотрѣть,
нашъ молодець бодрится
На молодчикѣ гореть сул-
тана развѣвается.
По долину (Камаринной) по-
тихоньку поѣдемъ рысцой
Къ отцовскимъ здоровымъ
роднымъ, о здоровьи слы-
шать поѣдемъ.
По долину Строчьей поти-
хоньку поѣдемъ рысцой,
Къ этимъ вѣчнымъ роднымъ,
о здоровьи слыша, поѣдемъ.
Правую руку дай—о здо-
ровьи поговоримъ,
Лѣвую руку дай—о сердеч-
номъ здоровьи поговоримъ.
Серебряную косу взадъ и
впередъ бросимъ,
Двадцатилѣтнее здоровье у
Бога попросимъ.
Золотую черную косу, взадъ
за спину перебросимъ.
Десятилѣтній возрастъ у Бо-
га попросимъ.
Деревянная катится телѣ-
га силой деревянной оси—
Крупное наше тѣло движется
силою Бога.

Тэхэрэкші тэргэмнај түмүр
 голі хушіндэ,
 Тэбхэлзакші бэјэмнај ібін,
 бабајн хушіндэ
 Сэндэк юма нэжі, сэгэн, тор-
 гә гаргајі
 Шуда ама нэжі, зуга нада
 гаргајі.
 Хобто юма нэжі, хонгор
 торгө гаргајі,
 Хоту ама нэжі, нада зуга
 гаргајі.
 Булгані бајдалін бургагха-
 тај газарта,
 Бурхан бабаін бајдалін дэ-
 дэн долон газарта.
 Халюнані бајдалін харгагха-
 тај сазарта,
 Ханхан бабаін худалін, дэ-
 дэн долон дэлхэдэ.
 Булајі угханда, булінгар гэ-
 ші үбэјэ,
 Бурхані бајгхан газарта,
 нугул гэші үбэј.
 Далајда унагхан шунгунідлі
 Дархајлдат юндэ бајхо-мнај?
 Дага идэгэи шонодлі архај-
 лдат юндэ бајхо мнајб?
 Угханда удагхан шүвугун-
 длі
 Улајгат юндэ хухо-мнајб?
 Унага ірэгхэн шонојі далі
 Арагајлдат юндэ гхухомнајб?

Вращающаяся наша телѣга,
 силой желѣзной оси, — вра-
 щается
 Наше крупное тѣло силой
 нашихъ родителей.
 Сундукъ открывая, голубой
 шелкъ достанемъ —
 Ротъ открывая, разговоръ
 и веселіе выпустимъ.
 Ящики открывая, дорогой
 шелкъ достанемъ, —
 Губы и ротъ раскрывая, пѣс-
 ни и веселіе выпустимъ.
 Соболинное логово — въ бе-
 резнякѣ, —
 Всевышняго мѣсто-въ верх-
 нихъ небесахъ.
 Выдрино мѣсто — въ кустар-
 никахъ
 Всемогушаго Отца мѣсто —
 въ верхнемъ небесномъ цар-
 ствѣ.
 Въ ключевой водѣ нѣтъ
 мути;
 Гдѣ Богъ существуетъ, тамъ
 нѣтъ зла-грѣха,
 Подобно въ море упавшей
 листвени,
 Зачѣмъ безобразно стоятъ?
 Подобно волку, съѣвшему
 жеребенка,
 Зачѣмъ сидѣть зубоскала?
 Подобно въ воду упавшей
 листвени
 Зачѣмъ краснѣя сидѣть?
 Подобно волку, съѣвшему
 жеребенка
 Зачѣмъ сидѣть зубоскала?

Инородческое земледѣліе на югѣ Енисейской губерніи.

Земледѣліе въ Минусинскомъ краѣ—явленіе далеко не новое. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проѣхать по степямъ Минусинскаго уѣзда и заглянуть въ Минусинскѣ въ знаменитый Мартыяновскій музей: въ степяхъ вы встрѣтите всюду слѣды древнихъ оросительныхъ канавъ; въ археологическомъ отдѣлѣ музея найдете особаго рода лопатки, сошники, жернова, тѣрки и т. п. предметы, собранные съ разныхъ концовъ Минусинскаго уѣзда. Все это—не что иное, какъ «вещественныя доказательства» того, что въ Минусинскомъ краѣ земледѣліе существовало еще въ ту сѣдую старину, которую мы привыкли относить къ временамъ доисторическимъ.

Что же касается временъ историческихъ, то мы имѣемъ смутное указаніе, что тубинцы, жившіе на Тубѣ и Сыдѣ, задолго до прихода сюда русскихъ, понемногу сѣяли хлѣбъ для себя и для своихъ охотничьихъ животныхъ. Въ XVIII вѣкѣ ученый Палласъ записалъ, что у минусинскихъ инородцевъ сентябрь мѣсяць называется «аракъ ай», что значитъ «мѣсяць жатвы». Тотъ же ученый засвидѣтельствовалъ наличность въ его время земледѣлія у сагаевъ, къ югу отъ Аскыса и Абакана, а также у кызыльцевъ, жившихъ по р. Ужуру. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и у современныхъ инородцевъ юга Енисейской губерніи земледѣліе—явленіе далеко не новое, и, можетъ быть, даже возможно установить преемственную связь между древнимъ земледѣліемъ и земледѣліемъ нынѣшнихъ татаръ.

Новѣйшія наблюденія, однако, свидѣтельствуютъ о томъ, что земледѣліе въ большей части инородческаго района юга Енисейской губерніи въ настоящее время находится въ стадіи

зарождающейся отрасли хозяйства. Для объяснения этого факта часто ссылаются на лёнъ и безпечность инородцевъ и привычку ихъ къ прежней кочевой жизни. Но научная мысль не можетъ удовлетвориться такимъ поверхностнымъ объясненіемъ разсма- триваемаго явленія. Строй и система хозяйства въ каждой мѣст- ности обусловливаются всегда глубокими причинами, которыя могутъ быть вскрыты лишь при детальномъ изученіи этого хо- зяйства. Въ настоящемъ очеркѣ я и попытаюсь намѣтить от- правные пункты для такого изученія.

Районъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей работѣ, располагается къ сѣверу, востоку и юго-востоку отъ горныхъ массивовъ Кузнецкаго Алатау, дающаго начало рѣкамъ: на сѣ- верь—Желтому, Черному и Бѣлому Юсу, которые, сливаясь, образуютъ Старый Юсь и Чулымъ, впадающій въ Обь; на вос- токъ—незначительнымъ притокамъ Енисея, Ербѣ, Коксѣ и Бид- жѣ; на юго-востокъ и на югъ—притокамъ Абакана—Уйбату съ притоками, Нинѣ, Аскысу, Еси, Теѣ и Таштыпу.

Всѣ эти рѣки радіусами расходятся отъ Кузнецкаго Алатау и орошаютъ мѣстами довольно широкія, съ волнистымъ релье- фомъ, инородческія степи. Орографическія, гидрографическія и климатическія условія разныхъ частей инородческой территоріи измѣняются въ зависимости отъ близости или удаленности ихъ отъ главныхъ массивовъ Кузнецкаго Алатау.

Верховья рѣкъ прячутся въ горный массивъ и идутъ по узкимъ долинамъ; склоны горъ и самыя долины покрыты тамъ густыми хвойными лѣсами, преимущественно лиственницей. При дальнѣйшемъ теченіи рѣкъ горы понижаются, расширяются до- лины рѣкъ, лѣса рѣдѣютъ и даже исчезаютъ, почва становится суглинистой или каменистой и переходитъ мѣстами въ пески, щебень, дресву. Эти измѣненія въ рельефѣ и составѣ почвы имѣютъ существенное значеніе для мѣстнаго хозяйства.

Хозяйство инородческаго населенія, дѣйствительно, склады- вается весьма неодинаково въ разныхъ частяхъ описаннаго по- лукруга территоріи. Въ общемъ, соотвѣтственно тремъ админи- стративнымъ единицамъ, на которыя распадается инородческое населеніе, можно различать три типа хозяйствъ: во-первыхъ, на сѣверъ отъ Кузнецкаго Алатау, въ подтаежномъ районѣ съ наи- болѣе суровыми условіями хозяйствованія, располагается Кы-

зыльское вѣдомство; во вторыхъ, на сѣверо-востокъ, востокъ и юго-востокъ располагаются слабо орошенныя, мѣстами совершенно сухія Качинскія степи, населеніе которыхъ принадлежитъ къ Абаканскому вѣдомству, и въ третьихъ, на югъ и юго-востокъ располагается сравнительно болѣе выгодная по условіямъ климата и орошенія Сагайская степь, населеніе которой образуетъ Аскысское вѣдомство*).

Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ хозяйство инородцевъ слагается изъ сочетанія скотоводства, земледѣлія и промысловъ, причемъ въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занимаютъ охота и рыболовство. Въ Абаканскомъ вѣдомствѣ, несмотря на громадное протяженіе его, болѣе 200 верстъ въ длину съ сѣвера на югъ, хозяйство инородцевъ во всѣхъ его районахъ слагается чрезвычайно однообразно и носитъ почти исключительно скотоводческой характеръ, съ ничтожной площадью запашки и съ столь же ничтожнымъ развитіемъ внѣземледѣльческихъ промысловъ. Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ хозяйство инородцевъ носитъ скотоводческо-земледѣльческой характеръ съ болѣе или менѣе значительнымъ развитіемъ промысловъ въ подтаежныхъ районахъ, причемъ на сѣверѣ вѣдомства, смежной съ качинской степью, инородческое хозяйство основывается, какъ и у качинцевъ, почти исключительно на скотоводствѣ.

Для иллюстраціи сказаннаго я приведу нѣсколько цифровыхъ данныхъ.

Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ въ настоящее время имѣютъ запашку только $\frac{1}{3}$ хозяйствъ, и на душу населенія об. пола приходится только $\frac{1}{2}$ десятины запашки**). Въ Абаканскомъ вѣдомствѣ имѣютъ запашку только 28,5% наличныхъ хозяйствъ, и на душу населенія приходится въ среднемъ лишь 0,17 десятины. Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ имѣютъ запашку $\frac{3}{4}$ наличныхъ хозяйствъ, и на душу приходится 0,7 десятины.

Для сравненія я укажу здѣсь, что у крестьянъ-старожиловъ Енисейской губерніи, вообще, и Минусинскаго уѣзда, въ частности, въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія имѣли запашку

*) Съ 1912 года всѣ вѣдомства преобразованы въ волости—Аскысскую, Усть-Абаканскую и Кызыльскую, но въ настоящемъ очеркѣ сохранены прежнія названія.

**) Десятины на всемъ протяженіи очерка принимаются казенныя (40×60 саж.).

$\frac{9}{10}$ наличныхъ хозяйствъ, и на душу приходилось тогда $2\frac{1}{2}$ десятины запашки. Ясно, что земледѣліе не только у кызыльцевъ или качинцевъ, но даже и у сагаевъ далеко не имѣетъ того значенія, что у мѣстныхъ крестьянъ-старожиловъ.

Скота, въ переводѣ на крупный, принимая 10 головъ мелкаго за 1 голову крупнаго, на душу населенія въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ приходится только 2,7 головъ; эта цифра приблизительно совпадаетъ съ средней цифрой крестьянъ-старожиловъ. Въ Абаканскомъ и Аскысскомъ вѣдомствахъ значительно выше: 11 головъ въ первомъ и 6 головъ во второмъ.

Зато по развитію промысловъ—охоты и рыболовства—Кызыльское вѣдомство занимаетъ первое мѣсто: промыслы имѣютъ болѣе половины наличныхъ хозяйствъ этого вѣдомства, тогда какъ въ Абаканскомъ имѣютъ промыслы только $\frac{1}{3}$ хозяйствъ причемъ въ числѣ промысловъ здѣсь видное мѣсто занимаетъ скотопромышленность, т. е. скупка и перепродажа скота. Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ промыслы имѣетъ, приблизительно, половина наличныхъ хозяйствъ, но, въ виду того, что здѣсь въ сравнительно большихъ размѣрахъ ведется скотоводство и отчасти земледѣліе, промысламъ удѣляется незначительная часть рабочей силы семьи.

Тотъ полукругъ инородческой территоріи, который занимаютъ кызыльцы, качинцы и сагаи, съ внутренней стороны примыкаетъ, какъ мы видѣли, къ глухому таежному пространству Кузнецкаго Алатау. Съ внѣшной стороны этотъ полукругъ огибается съ сѣвера, востока и юга кольцомъ русскаго населенія, которое мѣстами глубоко вклинивается въ предѣлы инородческаго полукруга. У этого, сосѣдняго съ инородцами русскаго крестьянскаго населенія формы хозяйства немногимъ отличаются отъ формъ хозяйства русскихъ крестьянъ другихъ волостей и уѣздовъ Сибири.

Крестьяне-старожилы Ужурской и Шарыповской волостей, расположенныхъ къ сѣверу отъ Кызыльскаго вѣдомства, имѣютъ запашки на душу около $2\frac{1}{2}$ десятинъ, какъ и крестьяне другихъ районовъ. У сосѣднихъ кызыльцевъ, занимающихъ территоріи, примыкающія къ названнымъ волостямъ, на душу приходится болѣе 1 десятины, но далѣе на югъ площадь запашки быстро уменьшается, въ нижнемъ теченіи Чернаго люса спуска-

ется уже до 0,23 десят., а въ южной таежной части вѣдомства — даже до 0,15 десятины на душу. Эти характерные переходы объясняются тѣмъ, что условія для земледѣльческаго хозяйства улучшаются въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ по направленію съ юга на сѣверъ, и значеніе земледѣлія, соотвѣтственно такому улучшенію, возрастаетъ въ томъ же направленіи съ юга на сѣверъ, независимо отъ племенныхъ особенностей населенія: Шарыповская и Ужурская волости представляютъ собой прямое продолженіе территоріи Кызыльскаго вѣдомства.

Теперь возьмемъ южную часть нашего полукруга. Здѣсь, къ югу отъ Аскыскаго вѣдомства, располагаются крестьянскія селенія Бейской волости. У крестьянъ-старожиловъ этой волости на душу приходится болѣе 2 десятинъ запашки, у инородцевъ сосѣднихъ улусовъ вдвое меньше, а именно 1 десятина съ лишнимъ, и чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ площадь запашки менѣе — въ долинѣ р. Аскыса спускается до $\frac{1}{2}$ десятины, а въ сѣверной части вѣдомства, смежной съ качинскими степями, — даже до 0,03 десятины на душу. Такіе переходы и различія опять-таки вызываються физико-географическими условіями района. Большая часть Бейской волости занимаетъ предгорія Саянскаго хребта, представляющія собой довольно выгодныя условія для земледѣлія, и если кое гдѣ крестьянскія земли и вдаются въ глубь степей, то лишь по такимъ рѣкамъ, которыя могутъ служить для искусственнаго орошенія. Примѣръ — дер. Іудина, образовавшаяся на инородческой территоріи. Въ долинѣ р. Таштыпа условія хозяйствованія болѣе благопріятны, и тамъ инородцы усиленно занимаются земледѣліемъ, а населеніе такъ же скучено, какъ и въ русскихъ крестьянскихъ районахъ. Но далѣе на сѣверъ, съ долины р. Теи, начинаются чисто степныя пространства, населеніе разрѣжается, площадь запашки быстро падаетъ.

Въ Абаканскомъ вѣдомствѣ ни въ одномъ районѣ, за исключеніемъ самаго сѣвернаго Старо-іюскаго рода, число головъ скота не спускается ниже 10 штукъ на душу; только въ названномъ родѣ на душу приходится 8 головъ скота. Площадь же запашки только во 2 половинѣ Шалошина рода (нижнее теченіе р. Абакана) поднимается до 0,35 десятины на душу; во всѣхъ же остальныхъ родахъ значительно ниже. Такъ однообразны хозяйственныя формы въ предѣлахъ Абаканскаго вѣдомства.

Въ средину Абаканскаго вѣдомства вклиниваются селенія Знаменской волости; съ сѣверо-восточной части вѣдомства вдоль минусинско-ачинскаго тракта тянется рядъ селеній Новоселовской вол.; на сѣверѣ, между Бѣло-іюсскимъ и Старо-іюсскимъ родами, располагается другая группа селеній той же волости. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ на душу приходится около $1\frac{1}{2}$ десятинъ запашки, слѣдовательно, значительно ниже, чѣмъ у крестьянъ другихъ волостей, но все же во много разъ выше, чѣмъ у сосѣднихъ инородцевъ. Скота на душу населенія въ указанныхъ селеніяхъ приходится около 5 головъ, т. е. выше, чѣмъ у крестьянъ-старожиловъ другихъ районовъ, но значительно ниже, чѣмъ у инородцевъ. Эти въ высшей степени характерныя различія находятъ себѣ простое и естественное объясненіе въ томъ, что указанные группы селеній располагаются какъ разъ въ тѣхъ, сѣверномъ и южномъ, отрогахъ Кузнецкаго Алатау, которые, понижаясь въ значительной степени, пересѣкаютъ Енисей въ районѣ указанныхъ селеній.

Горныя складки названныхъ отроговъ располагаются поперекъ направленію господствующихъ вѣтровъ въ долинахъ Енисея и Іюса—Чулыма. Такимъ образомъ, весь мелкоземъ, выдуваемый съ окрестныхъ степей, осаждается въ этихъ горныхъ складкахъ и даетъ благородный матеріалъ для почвообразованія. Соотвѣтственно этому, пашни упомянутыхъ русскихъ селеній, большею частью, ютятся въ горныхъ складкахъ, по склонамъ горъ, посреди бугровъ и падей. Вперемежку съ пашнями встрѣчаются довольно высокіе хребты, бугры и перелѣски, которые охраняютъ почву въ логахъ и падахъ отъ выдуванія. Всѣ же сосѣднія инородческія степи представляютъ собой ровную, слегка всхолмленную возвышенность, съ мягкими очертаніями рельефа и, большею частью, совершенно лишенную древесной растительности.

Такимъ образомъ, упомянутыя выше группы крестьянскихъ селеній Знаменской и Новоселовской волостей занимаютъ территоріи, которыя являются, съ одной стороны, продолженіемъ окрестныхъ инородческихъ степей, а съ другой стороны, благодаря проходящимъ по нимъ горнымъ складкамъ, пріобрѣтаютъ особенности, сдѣлавшія ихъ годными для земледѣльческой колонизаціи. Поэтому хозяйство, складывающееся въ указанныхъ условіяхъ, занимаетъ переходную ступень отъ чисто скотовод-

ческаго хозяйства къ земледѣльческому хозяйству другихъ крестьянскихъ районовъ.

Совершенно своеобразное мѣсто среди русскихъ селеній занимаетъ казачья Соленоозерская станица на Бѣломъ Юсѣ. Она расположена среди улусовъ Бѣло-юсскаго рода и по характеру своихъ земель ничѣмъ не отличается отъ улусовъ названнаго рода. И въ этихъ условіяхъ русское казачье хозяйство въ Соленоозерской станицѣ совершенно совпадаетъ по формѣ съ инородческимъ хозяйствомъ Бѣло-юсскаго рода: скота на душу какъ у казаковъ, такъ и у инородцевъ, приходится 11 головъ, въ переводѣ на крупный; площадь запашки на душу населенія обоего пола у казаковъ составляетъ $\frac{1}{2}$ десятины, у инородцевъ— 0,1 десятины; но и эта разница вызвана тѣмъ, что казакамъ былъ отведенъ отхожій пахотный участокъ въ горныхъ складкахъ въ изгибѣ Стараго и Бѣлаго Юса (гдѣ располагается одна изъ упомянутыхъ выше группъ селеній Новоселовской вол.); инородцамъ же такого уголка не отводилось.

Примѣръ Соленоозерской станицы является чрезвычайно характернымъ: онъ показываетъ, что одинаковыя физико-географическія условія вызываютъ къ жизни и одинаковыя формы хозяйства, независимо отъ племенныхъ особенностей населенія.

Предыдущій обзоръ хозяйственныхъ формъ въ предѣлахъ интересующаго насъ района показываетъ, что русское населеніе, плотнымъ кольцомъ огибающее полукругъ инородческихъ степей, стремится использовать для себя всѣ горно-лѣсныя или холмистыя и лѣсостепныя пространства съ болѣе богатыми почвами и болѣе обильнымъ естественнымъ орошеніемъ, врѣзываясь иногда клиномъ въ предѣлы инородческаго полукруга и оставляя инородцамъ въ общемъ непригодныя для земледѣлія, сухія, скудно орошенныя степныя пространства.

Инородцы юга Енисейской губерніи, разбросанные прежде на громадной территоріи, въ теченіе какихъ нибудь ста лѣтъ стали стягиваться, въ сравненіи съ прежнимъ просторомъ, въ весьма ограниченный районъ нынѣшней инородческой территоріи. Всюду, гдѣ было возможно земледѣльческое хозяйство, русское населеніе успѣло вытѣснить инородцевъ въ теченіе одного только прошлаго столѣтія, и есть основанія предполагать, что приостановка дальнѣйшаго движенія русскихъ въ глубь инородче-

ской территории объясняется, какъ говоритъ одинъ изъ изслѣдователей мѣстнаго хозяйства, характеромъ инородческой территории, «благодаря которому она пригоднѣе для скотоводческаго хозяйства, нежели для земледѣлія»*).

Между тѣмъ численность инородцевъ растетъ, несмотря на обрусѣніе и переходъ въ крестьянское сословіе окраинныхъ улусовъ. Вслѣдствіе этого роста численности, а также вслѣдствіе отчужденій и захватовъ инородческихъ земель на окраинахъ сгущается инородческое населеніе, уменьшается прежній земельный просторъ. Соотвѣтственно этому уплотненію населенія, формы инородческаго хозяйства претерпѣваютъ чрезвычайно характерныя измѣненія.

Въ прежнія времена инородческое скотоводство базировалось, главнымъ образомъ, на использованіи пастбищнаго пространства. Въ зависимости отъ этого, какъ вообще у всѣхъ кочевниковъ чистаго типа, въ составѣ скота южноенисейскихъ инородцевъ главное и самое видное мѣсто занимали гулевыя лошади которыя круглый годъ могли кормиться на подножномъ корму, лѣтомъ на пастбищахъ вблизи водопоя, а зимою въ безводныхъ степныхъ пространствахъ, гдѣ утоляли свою жажду снѣгомъ.

Но съ увеличеніемъ населенія и съ относительнымъ сокращеніемъ прежняго земельного простора, инородцы Минусинскаго края стали сокращать размахъ своихъ кочевьевъ и постепенно осѣдаты; въ составѣ скота у нихъ видное мѣсто теперь занимаетъ уже рогатый скотъ, который не можетъ, подобно лошадямъ, легко и быстро передвигаться и зимою не въ состояніи добывать себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Такимъ образомъ, появляется и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе растетъ потребность въ сѣнѣ и сѣнокошеніи. Это—первый шагъ въ эволюціи кочевого хозяйства въ сторону его большей интенсификаціи.

Для иллюстраціи указанной эволюціи инородческаго скотоводства я приведу нѣсколько цифръ.

Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ процентъ гулевыхъ лошадей въ составѣ всего скота въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ уменьшился съ 34% до 21,6%, въ Абаканскомъ—съ 42% до 31% и въ Аскысскомъ—съ 19% до 12%. Съ другой стороны процентъ

*) В. Ю. Григорьевъ.—Къ вопросу о поземельн. устр. инородцевъ Минусинскаго края. Стр. 98.

рогатаго скота увеличился рѣшительно во всѣхъ трехъ вѣдомствахъ: въ казыльскомъ—съ 39⁰/₀ до 52,5⁹/₀, въ Абаканскомъ—съ 34⁰/₀ до 45⁰/₀, и въ Аскысскомъ—съ 51⁰/₀ до 64⁰/₀. Такъ же во всѣхъ вѣдомствахъ увеличился процентъ овецъ: въ Кызыльскомъ—съ 4⁰/₀ до 7⁰/₀, въ Абаканскомъ—съ 14⁰/₀ до 18⁰/₀ и Аскысскомъ—съ 11⁰/₀ до 13⁰/₀.

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что даже въ теченіе такого, въ сущности незначительнаго, промежутка времени, инородческое хозяйство успѣло пережить довольно значительныя измѣненія въ сторону интенсификаціи. Ясно, что эти измѣненія начались не 20 лѣтъ тому назадъ, а гораздо раньше, какъ и потребность въ сѣнѣ и сѣнокошеніи.

Второй шагъ въ сторону интенсификаціи инородческаго хозяйства, это—земледѣліе.

Запашки завелись у минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ давно; еще въ XVIII вѣкѣ путешественники указывали на зачатки земледѣлія у койбаловъ на правой сторонѣ Абакана, у сагаевъ на югѣ Аскыскаго вѣдомства, въ долинѣ Таштыпа, а также у кызыльцевъ по р. Ужуру. Но пашни болѣе или менѣе систематически и планомѣрно стали появляться лишь съ половины XIX вѣка, т. е. приблизительно съ того времени, когда инородцы были введены уже въ рамки нынѣ занимаемой ими территоріи, хотя развитіе земледѣлія и встрѣчаетъ на своемъ пути почти непреодолимыя препятствія въ физико-географическихъ условіяхъ инородческой территоріи.

На обширномъ пространствѣ трехъ инородческихъ вѣдомствъ площадь запашки опредѣляется лишь въ 14¹/₂ тысячъ десятинъ. Это—менѣе ¹/₁₀₀ части всей инородческой территоріи. И мы имѣемъ основаніе говорить, что земледѣліе здѣсь находится въ зачаточномъ состояніи.

За послѣднія 20 лѣтъ площадь земледѣлія увеличилась ровно вдвое. Такой быстрый ростъ запашки, при ничтожной абсолютной цифрѣ ея площади, тоже является признакомъ, характеризующимъ развитіе земледѣлія.

Изъ указанныхъ мной 14¹/₂ тысячъ десятинъ запашки большая часть, а именно болѣе 8¹/₂ тысячъ десятинъ приходится на долю Аскыскаго вѣдомства, а остальные 6 тысячъ десятинъ распредѣляются между двумя другими вѣдомствами около

3650 десятинъ—въ Кызыльскомъ и болѣе $2\frac{1}{4}$ тысячъ—въ Абаканскомъ. Такимъ образомъ, наименьшая абсолютная площадь запашки приходится на долю наиболѣе многоземельнаго Абаканскаго вѣдомства, территорія котораго составляетъ болѣе 1 милліона десятинъ; слѣдовательно, площадь запашки здѣсь составляетъ менѣе $\frac{1}{400}$ части всей территоріи.

Съ постепенной интенсификаціей хозяйства, съ расширеніемъ площади сѣнокосенія и хлѣбопашества, неизмѣримо увеличивается у инородцевъ потребность въ удобныхъ земляхъ. Но кругъ послѣднихъ весьма ограниченъ. Этотъ относительный недостатокъ удобныхъ земель поставилъ инородцевъ въ необходимость увеличивать культурную площадь своей территоріи путемъ примѣненія искусственнаго орошенія. Послѣднее подсказывалось существованіемъ въ степяхъ слѣдовъ древнихъ „чудскихъ“ оросительныхъ канавъ. По приблизительнымъ даннымъ, въ настоящее время въ трехъ интересующихъ насъ инородческихъ вѣдомствахъ подвергается искусственному орошенію болѣе 16 тыс. десятинъ. Первоначальная затраты на устройство нынѣ дѣйствующихъ оросительныхъ сооружений составляютъ приблизительно 100—130 тысячъ рублей, а ежегодный ремонтъ сооружений, очистка канавъ и поливка угодій стоитъ населенію около 50 тыс. рублей.

Мы видимъ отсюда, какъ велика нужда инородцевъ въ удобныхъ земляхъ и какіе громадныя для 30-тысячнаго населенія расходы несутъ они для улучшенія и интенсификаціи своего хозяйства. Въ настоящее время въ Аскысскомъ вѣдомствѣ изъ 100 десятинъ запашки подвергаются искусственному орошенію 42 десятины. Въ Абаканскомъ вѣдомствѣ около тысячи десятинъ т. е. чуть не половина всей площади запашки по вѣдомству, находится на мочагахъ обѣихъ половинъ Шалошина рода.

Родъ запашки за послѣднія десятилѣтія во многихъ районахъ вызванъ исключительно развитіемъ и расширеніемъ сѣти искусственнаго орошенія.

Но искусственное орошеніе при тѣхъ средствахъ и техникахъ, которыми располагаютъ инородцы, возможно далеко не вездѣ. Поэтому имъ приходится выискивать всюду ничтожныя клочки удобныхъ земель, разбросанныя по горнымъ ложкамъ и падямъ. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно любопытны характеристики и расположеніе пахотныхъ угодій въ отдѣльныхъ районахъ.

Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ пашни имѣются въ 39 улусахъ. Остальные 6 улусовъ вовсе не имѣютъ ихъ. Пашни разбросаны небольшими клочками, на разстояніи отъ 1½ до 10 верстъ отъ улусовъ, по логамъ, по склонамъ горъ, и очень рѣдко по лѣсо-степи. Поля поэтому всѣ горныя, большею частью волнистыя и покатыя въ разныя стороны, кромѣ сѣвера. Предпочитаются южные и юго-восточные склоны. Приходится считаться и съ направленіями вѣтровъ: послѣдніе не только сдуваютъ снѣгъ, оголяютъ пашни и подвергаютъ ихъ вымораживанію, но часто уносятъ и землю, и зерно. Почвы въ нижнихъ мѣстахъ лучше, жирнѣе и плодороднѣе. Выше располагаются красныя глинистыя почвы, которыя гораздо слабѣе черныхъ почвъ низинъ и, кромѣ того, содержатъ много мелкихъ и крупныхъ камней, затрудняющихъ обработку. Но такъ какъ на низинахъ хлѣбъ отъ тумановъ сырѣетъ, запаздываетъ и въ концѣ лѣта побивается инеемъ, то пашни располагаются выше полосы черныхъ почвъ, на суглинистыхъ и глинистыхъ почвахъ. Съ другой стороны, слишкомъ крутыя и высокія пашни плохи тѣмъ, что въ дождливыя годы онѣ смываются, и хлѣбъ пропадаетъ.

Таковы условія, съ которыми приходится считаться земледѣльцу при выборѣ себѣ пашни. Главной причиной этихъ неблагопріятныхъ условій инородцы считаютъ близость тайги—„Бѣлогорья“. Вѣтры изъ тайги настолько вредны, по словамъ инородцевъ, что даже лѣтомъ задерживаютъ ростъ хлѣбовъ. Весенніе заморозки продолжаются до 26 мая и даже иногда до 15 іюня; осенніе начинаются уже съ 1 августа. Въ среднемъ, по наблюденіямъ инородцевъ, въ теченіе 10-лѣтія бываетъ только 3—4 благопріятныхъ лѣта; въ остальные же 6—7 лѣтъ хлѣба гибнутъ отъ инеевъ, тумановъ и морозовъ. Каждый годъ то тотъ, то другой хозяинъ выкашиваетъ свой хлѣбъ на кормъ скоту, благодаря чему многіе и „побросали сѣять“, а другіе продолжаютъ сѣять въ небольшомъ лишь количествѣ: „много сѣять боязно“, говорятъ инородцы.

Въ Абаканскомъ вѣдомствѣ въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія хлѣбопашества находится Бирскій родъ. Пашни имѣются всего лишь въ пяти улусахъ. Изъ нихъ степной Бей-бузукскій улусъ располагаетъ пашнями въ горахъ вблизи крестьянскихъ дачъ Знаменской волости; остальные четыре улуса расположены въ тайгѣ, по смежности съ той же волостью.

Всѣ остальные улусы Бирскаго рода, расположенные частью въ тайгѣ, частью въ степи, вдали отъ русскихъ селеній, пашень не имѣютъ.

Въ Бѣло-юсскомъ родѣ улусы, расположенные ниже Соленоозерской станицы, заводятъ распахку вблизи границъ крестьянскихъ дачъ д. Сютиной и Кугунекъ, гдѣ находится и пахотный участокъ казаковъ названной станицы. Улусы, расположенные выше этой станицы, пашутъ въ горныхъ логахъ по небольшимъ рѣчкамъ—Комчжулу, Ториму и др. Въ этомъ районѣ хлѣба страдаютъ отъ инеевъ, начинающихся иногда въ срединѣ іюля, когда гора Кушь-Кулахъ, дающая начало многимъ рѣчкамъ района, покрывается снѣгомъ.

Въ Старо-юсскомъ родѣ, на лѣвой сторонѣ Стараго Юса, (Чулыма) пашни тяготѣютъ къ границѣ Ачинскаго уѣзда, гдѣ начинаются крестьянскія земли (д. Париловой и др.); на правой же сторонѣ Стараго Юса пашни всѣхъ улусовъ располагаются либо вблизи крестьянскихъ дачъ с. Ново-Марьясова и д. Кугунукъ, либо ниже по Чулыму, вблизи границъ крестьянъ дер. Карелиной

Въ Тинскомъ родѣ пашни расположены въ горныхъ ложкахъ Оглахты, съ одной стороны, и въ ложкахъ верховьевъ рѣчекъ Коксы, Толчень и Биджи—съ другой. Въ этомъ второмъ районѣ хлѣба часто страдаютъ отъ инеевъ; весенніе заморозки продолжаются здѣсь до середины, а иногда до конца мая; осенніе начинаются съ первыхъ чиселъ августа. Осенніе вѣтры выдуваютъ озими.

Въ Тубинскомъ и обѣихъ половинахъ Шалошина рода почти всѣ пашни расположены на мочагахъ; только часть приенисейскихъ улусовъ Тубинскаго рода имѣетъ пашни по островамъ Енисея и на горѣ Оглахты; с. Усть-Абаканское и сосѣдніе съ нимъ улусы располагаютъ пашнями по горѣ Самохвалу, по лугамъ прибрежной полосы Абакана и по берегу Енисея, выше Подсининскаго перевоза; наконецъ, Бѣлоярскій и Норилковскій улусы имѣютъ небольшое количество распахки въ складкахъ горы Изыхъ.

Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ, въ сѣверной его части, почти всѣ пашни находятся на мочагахъ. Въ верхнихъ частяхъ долинъ Аскыса, Еси и Теи располагаются въ горныхъ логахъ не-

орошаемая пашни; ниже и особенно въ приабаканской степной полосѣ—начинаются сплошныя мочажныя пашни. Далѣе на югъ, въ долину Таштыпа, а также на правой сторонѣ Абакана, вблизи крестьянскихъ и казачьихъ дачъ Бейской волости прежняго состава, пашни располагаются болѣе или менѣе правильной сплошной массой.

Такимъ образомъ, если бы мы имѣли въ большомъ масштабѣ сельско-хозяйственную карту всего интересующаго насъ района, съ нанесеніемъ на нее всѣхъ отдѣльныхъ клочковъ пашень,—то мы увидѣли бы, что пахотныя угодыя всюду тяготеютъ къ периферіямъ инородческой территоріи, къ границамъ крестьянскихъ дачъ, внутри же ея болѣе или менѣе замѣтные контуры располагались бы лишь на искусственно орошаемыхъ земляхъ. Въ связи съ этимъ фактомъ находится и большая заселенность периферическихъ частей инородческихъ вѣдомствъ, пограничныхъ съ русскими волостями, а также большая площадь запашки на душу населенія въ этихъ частяхъ. Такъ, въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ, какъ я говорилъ уже выше, площадь запашки на душу населенія растетъ въ направленіи съ юга на сѣверъ, къ границамъ Ужурской и Шарыповской волостей; въ Аскысскомъ—съ сѣвера на югъ, къ границамъ Бейской волости прежняго состава. Этотъ фактъ нѣкоторые писатели склонны объяснять тѣмъ, что земледѣліе зарождается и развивается на окраинахъ инородческой территоріи, благодаря примѣру русскихъ крестьянъ*). Но такъ можно утверждать только при непониманіи характера и хода русской земледѣльческой колонизаціи и при полномъ незнакомствѣ съ особенностями инородческой территоріи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. При знакомствѣ же съ этими условіями указанный фактъ получаетъ простое и естественное объясненіе: окраины инородческой территоріи представляютъ собой продолженіе крестьянскихъ земель, которыя потому и заселились русскими крестьянами, что онѣ болѣе удобны для земледѣльческаго хозяйства. Я уже приводилъ цифровыя данныя, характеризующія строй инородческаго и крестьянскаго хозяйства во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ соприкасаются крестьянскія и инородческія земли, и мы видѣли, что всюду существуютъ постепенные переходы отъ скотоводческаго типа

*) См. П. Е. Кулаковъ и А. А. Кузнецова.—Минусинскіе и Ачинскіе инородцы. Стр. 78, 70, 30 и др.

хозяйства къ земледѣльческому, въ зависимости отъ физико-географическихъ условій того или иного района, но внѣ всякой зависимости отъ племенныхъ особенностей населенія. Я указывалъ также на казачью Солено-озерскую станицу, расположенную среди инородческихъ степей и являющую собой примѣръ русскаго селенія съ чисто-скотоводческимъ типомъ хозяйства.

Инородцы дѣлали и дѣлаютъ не мало попытокъ расширить площадь своей запашки во *внутреннихъ частяхъ* своихъ вѣдомствъ. Съ этой цѣлью они устроили мѣстами весьма сложныя сѣти искусственнаго орошенія, о которыхъ я уже говорилъ. Теперь я укажу на неудачные опыты по распашкѣ земель безъ искусственнаго орошенія, гдѣ оно невозможно.

На наличность неудавшихся опытовъ въ этомъ направленіи указываютъ цифровыя данныя. Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ, несмотря на то, что площадь запашки за послѣднія десятилѣтія и абсолютно и въ отношеніи къ населенію увеличилась, процентъ пашущихъ хозяйствъ за то же время понизился съ 41% до 35%. Въ Тинскомъ родѣ процентъ пашущихъ хозяйствъ тоже понизился. Въ Бирскомъ родѣ число пашущихъ хозяйствъ сократилось почти въ 6 разъ, а площадь запашки—уменьшилась втрое.

Эти цифровыя данныя вполне соотвѣтствуютъ и отдѣльнымъ показаніямъ самихъ инородцевъ. Такъ, въ южномъ районѣ Кызыльскаго вѣдомства инородцы заявляли, что за послѣдніе годы заброшено много пашень, вслѣдствіе ряда неурожайныхъ лѣтъ, и что многіе инородцы, имѣвшіе прежде пашни, въ настоящее время вовсе перестали сѣять. Въ Абаканскомъ вѣдомствѣ наибольшее число показаній о неудачныхъ опытахъ распашки падаетъ на районъ Бирскаго рода. Здѣсь во многихъ районахъ въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ не разъ заводили пашни, сѣяли на нихъ по три года подрядъ, но хлѣба не вызрѣвали и погибали отъ раннихъ инеевъ. Въ предѣлахъ Старо-юсскаго рода хлѣба не вызрѣваютъ въ прибрежной полосѣ Чулыма. Въ предѣлахъ Тубинскаго рода пробовали сѣять хлѣбъ въ горахъ по лѣвую сторону Уйбата, но тоже неудачно: посѣвы уничтожались инеемъ. Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ такіе же неудачные опыты производились въ долину Уйбата и даже Уленя. На Уленѣ, по словамъ инородцевъ, «выростаетъ много соломы, большой колось, но зерно не вызрѣваетъ».

Съ другой стороны, въ степныхъ мѣстахъ опыты съ посѣвами не удаются вслѣдствіе частой засухи. Поэтому въ открытыхъ горныхъ ложбинахъ пашни періодически то появляются, то исчезаютъ. Такъ, инородцы Бѣлоярскаго и Норилковскаго улусовъ лѣтъ 5—7 тому назадъ забросили всѣ свои пашни въ горныхъ логахъ Изыка, а въ послѣдніе два года снова принимаютъ за нихъ. То же самое нужно сказать и относительно сухихъ ложковъ по Оглахтѣ въ Тинскомъ родѣ и въ Сарояхъ на лѣвой сторонѣ Абакана въ Аскысскомъ вѣдомствѣ.

Такимъ образомъ, стремленія инородцевъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ эксплуатаціи своихъ земель встрѣчается, въ силу особенностей ихъ территоріи, съ чрезвычайными затрудненіями и препятствіями. Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ главнымъ препятствіемъ для развитія земледѣлія являются слишкомъ суровыя климатическія условія. Послѣднія вліяютъ также въ предѣлахъ Бирскаго, Бѣло-іюсскаго, Тинскаго и Тубинскаго родовъ и сѣвернаго района Аскыскаго вѣдомства,—т. е., именно, во всѣхъ тѣхъ районахъ, которые непосредственно примыкаютъ съ сѣвера, востока и юга къ глухому таежному пространству Кузнецкаго Алатау. Что же касается степныхъ районовъ, то ростъ запашки здѣсь задерживается сухостью климата и скудостью почвы; вліяніе этихъ условій лишь отчасти устраняется искусственнымъ орошеніемъ.

Складывающіяся въ этихъ условіяхъ системы полеводства, естественно, должны отличаться разнообразіемъ и неустойчивостью.

Въ нѣкоторыхъ районахъ мы до сихъ поръ сталкиваемся въ наиболѣе первобытными формами эксплуатаціи земли. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнаго района Кызыльскаго вѣдомства съ поднятыхъ новинъ или залоговъ снимаютъ подрядъ 5—6 и даже 10 хлѣбовъ, и потомъ пашня бросается навсегда. Въ районѣ горы Оглахты, въ предѣлахъ Тинскаго рода, съ пашни снимаютъ иногда 7—10 хлѣбовъ подрядъ и потомъ бросаютъ ее въ залежь, также большею частью навсегда. Въ улусахъ 2-й половины Шалошина рода «сѣютъ подрядъ, пока земля родить, а потомъ бросаютъ».

Такой порядокъ эксплуатаціи пашни, хотя и напоминаетъ залежную систему, но значительно отличается отъ нея, такъ

какъ въ указанныхъ мной случаяхъ брошенная пашня большею частью навсегда выходитъ изъ сѣвооборота. Въ связи съ этимъ способомъ хозяйствованія находятся спорадически появляющіяся запашки на Оглахтахъ, на Изыкѣ, въ Сарояхъ, о чемъ уже имѣлъ случай упомянуть раньше: если удастся рядъ благоприятныхъ годовъ, и земля не теряетъ влаги—то во всѣхъ этихъ районахъ заводятъ небольшія распашки, успѣваютъ собрать одинъ или нѣсколько урожаевъ, а какъ только начинается засуха—сейчасъ же всѣ эти пашни бросаютъ. Поэтому въ этихъ районахъ и хозяйскихъ правъ на залежи не существуетъ: пашетъ кто гдѣ находитъ возможнымъ и удобнымъ, не разбирая, залежь это, или цѣлина.

Болѣе распространеннымъ является слѣдующій порядокъ эксплуатаціи пашень: съ новинъ снимаютъ два-три урожая подрядъ, а потомъ оставляютъ на годъ подъ паромъ, и далѣе начинается чередованіе пара съ посѣвомъ. При такомъ порядкѣ срокъ эксплуатаціи пашни продолжительнѣе, хотя колебанія по отдѣльнымъ районамъ весьма велики. Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ, въ южномъ его районѣ, срокъ эксплуатаціи пашни и при такомъ способѣ опредѣляется въ 5—6 хлѣбовъ, т. е. 7—10 лѣтъ, въ сѣверныхъ же частяхъ вѣдомства срокъ эксплуатаціи длится 20 лѣтъ и болѣе.

Въ предѣлахъ Абаканскаго вѣдомства установить какой-нибудь опредѣленный срокъ эксплуатаціи пашни еще труднѣе, если не невозможно, тѣмъ болѣе, что и земледѣліе зародилось здѣсь во многихъ мѣстностяхъ лишь въ послѣдніе годы.

Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ на мочагахъ приабаканскаго побережья, вслѣдствіе слишкомъ тонкаго слоя почвы, срокъ эксплуатаціи длится иногда только 6—10 лѣтъ, а въ горахъ—лѣтъ 15—20 и даже иногда 25. Но и въ этихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ земледѣліе имѣетъ болѣе почтенный возрастъ, чѣмъ въ Абаканскомъ и Кызыльскомъ вѣдомствахъ, невозможно установить одинаковыхъ нормъ не только для всѣхъ районовъ, но даже и въ предѣлахъ одной, напр., рѣчной долины.

Причиной залежности является появленіе сорныхъ травъ, заростаніе пыреемъ, а также выдуваніе вѣтромъ, вслѣдствіе чего на пашнѣ остаются только крупные куски неразрушенныхъ породъ. „Черезъ 5—6 лѣтъ пахоты выступаетъ дресвянникъ“,

говорятъ инородцы Кызыльскаго вѣдомства, и это „выступаніе дресвянника“ является важнымъ моментомъ, опредѣляющимъ строй земледѣльческаго хозяйства. Поэтому залежи и при указанной только что системѣ эксплуатаціи пашни рѣдко распахируются вновь. Въ южномъ районѣ Кызыльскаго вѣдомства инородцы утверждаютъ, что на залежахъ даже послѣ 30 лѣтъ отдыха „ничего не родится“. Въ среднемъ районѣ, по словамъ инородцевъ, „болѣе одного, рѣдко двухъ хлѣбовъ снимать съ залежи не приходилось.“ Только въ сѣверномъ районѣ, въ улусахъ, смежныхъ съ русскими селеніями, залежи подвергаются новой распашкѣ.

О распашкѣ залежей въ Абаканскомъ вѣдомствѣ не приходится говорить вовсе. Въ Аскысскомъ же вѣдомствѣ залежи распахируются сравнительно чаще, но сроки залежности, т. е. отдыха пашни подъ залежами, различны: 5—10 и 20 лѣтъ въ предѣлахъ одного и того же ограниченнаго райсна, напр., долины р. Аскыса и Приабаканскаго побережья.

Такимъ образомъ, въ системѣ полеводства у инородцевъ залежи не играютъ роли постояннаго и необходимаго фактора. Въ залежи забрасываются пашни, пришедшія въ негодность, вслѣдствіе выдуванія или истощенія. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда физико-географическія условія наиболѣе благопріятствуютъ возстановленію производительныхъ силъ почвы, залежи эксплуатируются въ видѣ покосовъ или подвергаются новой распашкѣ.

Сравнительно большее значеніе имѣетъ паровая обработка поля. Обычный, наиболѣе распространенный порядокъ чередованія паровъ и посѣвовъ былъ уже указанъ мной. Это—два три посѣва подрядъ по нови, а затѣмъ почти правильное чередованіе пара и посѣва, лишь изрѣдка перебиваемое посѣвомъ овса или ячменя по жниву. Этотъ порядокъ можно считать главенствующимъ всюду, гдѣ занимаютъ земледѣліемъ съ давняго сравнительно времени или гдѣ не чувствуется острой нужды въ хлѣбопахотныхъ угодіяхъ. „Хорошій хозяинъ спимаетъ три хлѣба, плохой 4 и 5 хлѣбовъ“, а затѣмъ парить“, говорятъ инородцы лѣвого берега Абакана въ Аскысскомъ вѣдомствѣ. Въ районахъ же, гдѣ земледѣліе зародилось лишь въ послѣднее десятилѣтіе, или гдѣ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ удобныхъ земель (оба эти условія почти всегда совпадаютъ), тамъ пашни подвергаются обѣмененію по возможности ежегодно:

„негдѣ паровъ разводитъ“,—говорятъ инородцы въ подобныхъ случаяхъ.

Отношеніе площади пара ко всей площади запашки выражается въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ въ размѣрѣ только 34⁰/₀, въ Аскысскомъ—30⁰/₀, Абаканскомъ—только 16⁰/₀, а въ среднемъ по тремъ вѣдомствамъ—29⁰/₀. Площадь посѣвовъ по жниву, въ отношеніи ко всей площади запашки, меньше всего въ Кызыльскомъ (24⁰/₀) и больше всего въ Абаканскомъ (67⁰/₀); въ Аскысскомъ приближается къ средней по тремъ вѣдомствамъ (42⁰/₀; средняя же—41⁰/₀).

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что въ среднемъ по тремъ вѣдомствамъ $\frac{2}{5}$ площади запашки ежегодно, безъ паровой обработки и отдыха, пускается подъ рядовые посѣвы; подъ паромъ же оставляется лишь около $\frac{3}{10}$ площади запашки. Чтобы оцѣнить въ достаточной степени этотъ фактъ, намъ необходимо припомнить, что у русскихъ крестьянъ Иркутской и Енисейской губерній ежегодно подъ паромъ оставляется отъ 40⁰/₀ до 50⁰/₀ общей площади запашки, т. е., другими словами, у крестьянъ примѣняется почти правильная двупольно-паровая обработка пашни, лишь съ рѣдкими уклоненіями въ сторону посѣвовъ по жниву, являющихся либо пережиткомъ прежней залежной системы, либо симптомомъ зарождающагося трехполя.

Широкая распространенность посѣвовъ на жнивѣ и сравнительно малое значеніе, а мѣстами и полное отсутствіе въ практикѣ инородческаго хозяйства паровой обработки поля, находится въ несомнѣнной зависимости отъ физико-географическихъ условій въ инородческихъ районахъ. По свидѣтельству Н. Н. Волкова, завѣдывающаго почвенно-ботанической экспедиціей мѣстнаго переселенческаго управленія,—„вспаханныя поля, особенно въ засушливую осень, подвергаются очень сильному выносу мелкозема. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что поля осенью очень рѣдко подвергаются вспашкѣ, несмотря на кажущуюся необходимость въ смыслѣ обогащенія ихъ влагой зимнихъ осадковъ. Иногда поля, вспаханныя осенью, не имѣютъ не только снѣга, но вмѣсто почвеннаго слоя на нихъ, подъ вліяніемъ вѣтровъ, остается только грубый щебень или хрящъ. Поэтому здѣсь считается наиболѣе выгоднымъ оставленіе полей подъ жнивьемъ, которое задерживаетъ снѣгъ,

а вспашка производится уже весной, и въ ту же весну данная площадь идетъ подъ посѣвъ.

Эти наблюденія даютъ намъ ключъ для объясненія распространенности посѣвовъ по жниву и сравнительно низкаго $0/0$ пара въ инородческомъ полеводствѣ. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить и то, что наиболее открытое для дѣйствія вѣтровъ Абаканское вѣдомство даетъ наиболее низкій $0/0$ пара и наиболее высокій $0/0$ посѣвовъ на жнивѣ. Внутри Абаканскаго вѣдомства районы съ пашнями по смежности съ пашнями крестьянъ Новоселовской волости (часть Бѣло-юсскаго и Старо-юсскаго родъ) даютъ и наиболее высокій $0/0$ паровъ, приближающійся къ $0/0$ пара у крестьянъ, тогда какъ Тубинскій и оба Шалошина рода со степными пашнями даютъ совершенно ничтожные $0/0$ $0/0$ пара и почти до $100/0$ посѣва по жниву.

Вслѣдствіе распространенности рядовыхъ посѣвовъ, вопросъ о поддержаніи или увеличеніи производительныхъ силъ почвы путемъ удобренія имѣетъ громадное значеніе для будущности степного земледѣлія. Но инородцы въ виду новизны дѣла нерѣшительно и робко пока только нащупываютъ почву въ этой новой для нихъ области.

Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ пашни нигдѣ не унаваживаются. Но нельзя сказать, чтобы вовсе не производилось здѣсь опытовъ по унаваживанію. Въ нѣкоторыхъ, напр., районахъ инородцы увѣряютъ, что „пробовали удобрять, но хлѣбъ не родится: растетъ одна солома выше роста человѣка, а колосъ пустой“.

Въ Абаканскомъ вѣдомствѣ тоже нигдѣ пашни не унаваживаются. Но въ наличности опытовъ сомнѣваться также не приходится въ виду, на примѣръ, такихъ точныхъ отзывовъ: „пробовали удобрять, но соломы получается много, а зерна нѣтъ“.

Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ въ нѣкоторыхъ районахъ уже съ давнихъ поръ стали возить навозъ на мочажные покосы. За послѣдніе годы стали удобрять и пашни, но далеко не повсемѣстно. Такъ, въ долинѣ рч. Базы „второй и третій годъ“ стали унаваживать мочажныя пашни. На удобренной пашнѣ, по словамъ инородцевъ, „родится хорошо овесъ, ячмень и ярица, но пшеница удобренной земли не любитъ“. Въ приабаканскомъ

побережьѣ тоже за послѣдніе годы стали вывозить навозъ на пашни, и то только единичные хозяева.

Болѣе или менѣе правильное чередованіе посѣвовъ встрѣчается довольно рѣдко. Въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ по пару или нови сѣютъ озимую рожь, а по жнивю—овесъ, ярицу или ячмень. Правильной смѣны послѣднихъ въ большинствѣ случаевъ не наблюдается. Въ Абаканскомъ и Аскысскомъ вѣдомствахъ приблизительно наблюдается тотъ же сѣвооборотъ, съ замѣной ржи пшеницей: по цѣлинѣ или пару—пшеница, прочіе хлѣба по жнивю. Въ иныхъ мѣстахъ все поле дѣлится на яровое и озимое; первое располагается на высокихъ мѣстахъ, и тамъ сѣются только яровые хлѣба, чередуясь съ паромъ; озимое поле располагается на низинахъ и засѣвается только озимой рожью, также чередуясь съ паромъ. Такое распредѣленіе полей на яровыя и озимыя является тоже своеобразнымъ приспособленіемъ къ особенностямъ мѣстныхъ условій хозяйствованія: на низинахъ яровые хлѣба не вызрѣваютъ и побиваются инеемъ. Въ Аскысскомъ вѣдомствѣ въ горахъ сѣютъ преимущественно рожь, которая не удается на мочажныхъ пашняхъ. Пшеница же высѣвается, главнымъ образомъ, на мочагахъ.

Разсмотрѣвъ условія возникновенія и развитія земледѣлія въ предѣлахъ инородческой территоріи, а такъ же складывающіяся въ этихъ условіяхъ системы полеводства, мы остановимся теперь на характеристикѣ общаго значенія земледѣлія въ системѣ инородческаго хозяйства.

Въ началѣ статьи я уже приводилъ цифры, характеризующія положеніе земледѣлія въ строѣ инородческаго хозяйства. Эти цифры уже диктовали совершенно опредѣленные выводы и заключенія. Теперь мы нѣсколько продолжимъ сравненіе цифръ инородческаго и крестьянскаго хозяйства.

У крестьянъ-старожиловъ не имѣютъ запашки только $\frac{1}{10}$ часть наличныхъ хозяйствъ, въ частности, по Минусинскому уѣзду даже $\frac{1}{14}$ часть, тогда какъ у инородцевъ Абаканскаго вѣдомства не имѣютъ запашки болѣе $\frac{7}{10}$, Кызыльскаго вѣдомства—около $\frac{2}{3}$, Аскыскаго— $\frac{1}{4}$, а въ среднемъ по тремъ вѣдомствамъ не имѣютъ запашки болѣе половины наличныхъ хозяйствъ.

Средній типъ земледѣльческаго хозяйства у крестьянъ-старожиловъ располагаетъ 15—16 десятинами запашки, тогда

какъ у инородцевъ средній типъ хозяйства изъ числа имѣющихъ запашку, располагаетъ всего лишь 5 десят. пашни, причемъ эта цифра въ Абаканскомъ вѣд. спускается до 3 десятинъ и только въ Кызыльскомъ вѣд. поднимается до 8 десят., а въ Аскысскомъ совпадаетъ съ средней площадью запашки по тремъ вѣдомствамъ, т. е. равняется 5 дес. на 1 хозяйство изъ числа имѣющихъ запашку. Это послѣднее обстоятельство я особенно подчеркиваю, потому что средняя площадь запашки на 1 наличное хозяйство, въ виду громаднаго процента непашущихъ хозяйствъ во всѣхъ вѣдомствахъ, спускается до ничтожныхъ размѣровъ: 1 десятина—въ Абаканскомъ, около 3 десятинъ—въ Кызыльскомъ, 4 десятины въ Аскысскомъ и 2, 3 десятины—въ среднемъ по тремъ вѣдомствамъ, тогда какъ у мѣстныхъ крестьянъ средняя площадь запашки на 1 наличное хозяйство равняется $14\frac{1}{2}$ десятинамъ.

Приведенныя данныя и сопоставленія свидѣтельствуютъ о совершенно иной роли земледѣлія въ инородческомъ быту, чѣмъ какое оно имѣетъ у мѣстнаго крестьянскаго населенія: земледѣліе является для крестьянскаго населенія основнымъ источникомъ его жизни и благосостоянія, тогда какъ у инородцевъ оно привлекаетъ къ себѣ далеко не все населеніе, а потому носитъ характеръ какъ бы случайнаго источника благосостоянія.

Чтобы провѣрить это заключеніе, намъ необходимо ближе присмотрѣться къ взаимному отношенію земледѣлія и скотоводства въ крестьянскомъ и инородческомъ хозяйствахъ.

Крестьянское хозяйство четырехъ сибирскихъ губерній представляетъ собой, какъ говоритъ А. А. Кауфманъ*), гармоническую комбинацію земледѣлія и скотоводства, въ которой, однако, первенствующее значеніе принадлежитъ, въ видѣ правила, земледѣлію, скотоводство же стоитъ, хотя и на весьма видномъ, но все-таки на второмъ мѣстѣ. Размѣры скотоводства опредѣляются у крестьянъ степенью благосостоянія населенія, которая опредѣляется въ свою очередь, главнымъ образомъ, размѣрами и производительностью хлѣбопашества: улучшение качества почвы и увеличеніе размѣра запашекъ идетъ всегда параллельно съ увеличеніемъ количества скота, и, наоборотъ, пониженіе производительности пашень и уменьшеніе запашекъ со-

*) А. А. Кауфманъ.—Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. М. 1908. Стр. 232.

проводится уменьшением размеров скотоводства. Этого, очевидно, не было бы, если бы скотоводство являлось первенствующим или хотя бы равным земледелию, по своему значению, источником благосостояния крестьян.

Этот вывод основывается на статистических данных, относящихся к четырем сибирским губерниям, одной из которых является наша губерния.

Теперь посмотрим на взаимоотношение земледелия и скотоводства у интересующих нас енисейских тюрков. Для наглядности привожу тут в грубом схематическом виде диаграмму, изображающую взаимоотношение основных факторов инородческого хозяйства (См. диаграмму в конце статьи).

Все число наличных хозяйств всех трех ведомств разбито на 9 групп, по степени обеспеченности лошадьми. В первую группу, слева входят хозяйства *безлошадные*, во 2-ю группу—хозяйства с 1—2 лошадьми, в 3-ю группу—хозяйства с 3—5 лошадьми, в 4-ю группу—хозяйства с 6—10 лошадьми, в 5-ю группу—хозяйства с 11—25 лошадьми, в 6-ю группу—хозяйства с 26—50 лошадьми, в 7-ю группу—хозяйства с 51—100 лошадьми, в 8-ю группу—хозяйства с 101—200 лошадьми, и, наконец, в 9-ю группу—хозяйства с 201 и более лошадьми.

На ординатах, идущих вверх от абсциссы, показано значение основных хозяйственных признаков: 1) обеспеченность скотом вообще, причем высшая степень обеспеченности скотом—78 голов скота на душу населения обоего пола—принята за 100; 2) процент хозяйств, отпускающих наемных работников муж. пола; 3) процент хозяйств, нанимающих работников муж. пола; 4) процент хозяйств, имеющих *внеземледельческие промыслы*; 5) процент хозяйств имеющих запашку, и, наконец, 6) площадь запашки на 100 жителей обоего пола, причем эта площадь взята в процентах к 250 десят., как средней нормы обеспеченности запашкой в крестьянских, т. е. чисто земледельческих районах Енисейской губернии.

Приступая к анализу этой диаграммы, я должен заметить, что основанием указанной группировки хозяйств по степени обеспеченности лошадьми является тот факт, что

этотъ признакъ, т. е. обеспеченность лошадьми, служитъ главнымъ и основнымъ признакомъ благосостоянія во всѣхъ скотоводческихъ районахъ. Діаграмма, приведенная здѣсь, служитъ оправданіемъ принятой мной группировки и для интересующаго насъ инородческаго района юга Енисейской губерніи. Мы видимъ, что вмѣстѣ съ повышеніемъ обеспеченности лошадьми правильно повышается и общая обеспеченность всѣми видами скота. Отсюда можно заключить, что уровень благосостоянія инородческаго населенія опредѣляется степенью обеспеченности скотомъ. Что это дѣйствительно такъ, показываютъ линіи отпуска и найма рабочихъ: процентъ хозяйствъ, отпускающихъ работниковъ, правильно и быстро понижается по мѣрѣ повышенія обеспеченности скотомъ; съ другой стороны, процентъ хозяйствъ, нанимающихъ рабочихъ, правильно и быстро повышается параллельно степени обеспеченности скотомъ. Чрезвычайно правильное расположеніе этихъ трехъ линій, несмотря на то, что въ основу этой діаграммы положены очень незначительныя абсолютныя величины, доказываетъ, что основнымъ факторомъ, создающимъ благосостояніе инородческаго населенія, является скотоводство.

Средній, по степени благосостоянія, типъ хозяйства нужно искать въ 4 и 5 группахъ: эти группы наименѣе заинтересованы въ явленіяхъ наемнаго труда; выше этихъ группъ располагаются хозяйства съ перевѣсомъ наемнаго труда, а ниже ихъ— хозяйства, пополняющія свой бюджетъ отпускомъ въ наемъ рабочихъ силъ своей семьи.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію другихъ линій нашей діаграммы. Значеніе земледѣлія изображается двумя линіями: одна изъ нихъ показываетъ $\%$ хозяйствъ съ запашкой, другая — площадь запашки на душу населенія въ $\% \%$ къ средней обеспеченности запашкой у крестьянъ-старожиловъ. Мы видимъ, что значеніе земледѣлія быстро возрастаетъ до 4-ой группы хозяйствъ нашей діаграммы; въ пятой группѣ значеніе его остается почти то же, выказывая замѣтную тенденцію къ повышенію, а далѣе съ небольшими колебаніями, но неуклонно и въ общемъ правильно падаетъ. При этомъ, считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя на то, что даже у наиболее обеспеченныхъ запашкой 4 и 5 группъ хозяйствъ, площадь запашки далеко не достигаетъ обычной крестьянской нормы.

Для полноты картины, мы остановимся теперь на значеніи промысловъ въ отдѣльныхъ группахъ хозяйствъ нашей діаграммы. Процентъ промысловыхъ хозяйствъ въ 1 ой группѣ составляетъ довольно значительную величину: это—приблизительно $\frac{1}{4}$ наличныхъ хозяйствъ. Въ послѣдующихъ двухъ группахъ значеніе промысловъ возрастаетъ, и это, конечно, понятно: для занятія промыслами требуется извѣстная хозяйственная самостоятельность, каковой у лицъ, живущихъ въ сроковой работѣ, не можетъ быть. Съ 4-ой группы значеніе промысловъ падаетъ.

Такимъ образомъ, повторяю, основнымъ факторомъ, создающимъ благосостояніе инородческаго населенія, является скотоводство; земледѣліе же имѣетъ второстепенное значеніе, развиваясь лишь тамъ, гдѣ оно возможно по физико-географическимъ условіямъ. Тамъ же, гдѣ эти условія не благопріятны для хлѣбопашества, и нѣтъ въ то же время достаточнаго простора для веденія скотоводческаго хозяйства, болѣе существенную роль играютъ промыслы, и это—наиболѣе бѣдные районы, съ громаднымъ отпускомъ рабочихъ.

Разсмотрѣнная нами діаграмма построена на основаніи итоговыхъ цифръ по тремъ вѣдомствамъ. Цифры по отдѣльнымъ вѣдомствамъ даютъ, въ общемъ, столь же правильные ряды и приводятъ къ тѣмъ же выводамъ, какіе мы только что сдѣлали на основаніи обобщенныхъ данныхъ. Только слѣдуетъ замѣтить, что физико-географическія условія наиболѣе благопріятны въ Аскысскомъ и сѣверной части Кызыльскаго вѣдомства и наименѣе—въ Абаканскомъ. Соотвѣтственно этому, въ Абаканскомъ вѣдомствѣ площадь запашки на душу населенія значительно ниже, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ, и находится въ весьма слабой связи съ уровнемъ благосостоянія отдѣльныхъ группъ хозяйствъ. Въ Кызыльскомъ же и Аскысскомъ вѣдомствахъ значеніе земледѣлія возрастаетъ, какъ и въ общемъ итогѣ по всѣмъ вѣдомствамъ, до 4 и 5 группъ, а далѣе, правильно понижаясь, сводится на нѣтъ. При этомъ даже въ наиболѣе земледѣльческихъ группахъ хозяйствъ площадь запашки на душу населенія далеко не достигаетъ обычной крестьянской нормы, а именно ниже ея въ 2 и $2\frac{1}{2}$ раза.

Обобщая въ нѣсколькихъ словахъ результаты нашего обзора цифрового матеріала, мы можемъ повторить еще разъ, что въ то время, какъ въ строѣ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства

первенствующее мѣсто занимаетъ земледѣліе, а скотоводство является второстепеннымъ, сопутствующимъ факторомъ, у инородческаго населенія юга Енисейской губерніи основой его хозяйства является скотоводство, а земледѣліе имѣетъ ограниченный предѣлъ распространенія, и въ нѣкоторыхъ районахъ или, по крайней мѣрѣ, группахъ хозяйствъ значеніе его сводится къ нулю (въ послѣднихъ группахъ Кызыльскаго и Аскыскаго вѣдомствъ).

Если количество производимаго инородцами хлѣба перевести на рожь, то на душу въ Кызыльскомъ вѣд. приходится 15 пудовъ, въ Абаканскомъ 6 пудовъ и Аскысскомъ—22 пуда. Такъ какъ годовое потребленіе хлѣба, приблизительно, равняется 20 пудамъ на душу, то на сторону хлѣбъ сбывается только инородцами Аскыскаго вѣдомства; кызыльцы же и особенно качинцы въ значительномъ количествѣ прикупаютъ себѣ хлѣбъ. Всѣ усилія инородцевъ, направленные къ расширенію площади запашки, слѣдовательно, имѣютъ цѣлью потребленіе, а не сбытъ хлѣба на рынокъ.

Приспосаблиясь къ особенностямъ своей территоріи, инородцы создали, такимъ образомъ, опредѣленную систему хозяйства, въ которой земледѣліе имѣетъ чисто потребительное значеніе.

Изложеннымъ, я считаю, можно закончить характеристику главнѣйшихъ моментовъ, опредѣляющихъ значеніе и систему инородческаго земледѣлія, и позволю себѣ вкратцѣ резюмировать основныя положенія и выводы моего очерка.

Ходомъ при процессѣ русской земледѣльческой колонизаціи инородческое населеніе было замкнуто кольцомъ русскаго населенія въ своихъ сухихъ, слабо орошенныхъ и скудныхъ почвою степяхъ, полукругомъ огибающихъ дикіе массивы Кузнецкаго Алатау. Уплотненіе населенія этого полукруга, отчасти влѣдствіе собственнаго роста его, отчасти вслѣдствіе напора на этотъ районъ крестьянскихъ и казачьихъ селеній, создало настоятельную потребность въ интенсификаціи инородческаго хозяйства. Интенсификація эта шла, прежде всего, въ направленіи сокращенія гулевого скота и относительнаго увеличенія въ составѣ стадъ количества рогатаго скота, требующаго сѣна для зимняго кормленія его, а затѣмъ уже въ сторону расширенія площади хлѣбопашества.

Для объясненія эволюціи мѣстнаго хозяйства, такимъ образомъ, намъ не приходится прибѣгать ни къ нравственной характеристикѣ инородцевъ, ни къ вліянію русскихъ сосѣдей, ни къ политикѣ мѣстныхъ властей. Ни административное воздѣйствіе, ни личныя качества лицъ, стоявшихъ во главѣ общественнаго управленія, ни простое подражаніе примѣру русскихъ сосѣдей, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ изслѣдователей инородческаго быта, не могли играть въ этой области активно-творческой роли. Все дѣло—въ экономической необходимости возникновенія, роста и развитія новой отрасли хозяйства.

Но развитіе земледѣлія въ инородческихъ стѣпяхъ встрѣчаетъ на своемъ пути чрезвычайныя затрудненія и препятствія. Въ борьбѣ съ послѣдними инородцы проявили и проявляютъ столько энергіи, что о лѣни и безпечности ихъ не можетъ быть рѣчи. Не нужно забывать, что та эволюція хозяйственныхъ формъ, которую пережили инородцы въ теченіе какого-нибудь полустолѣтія или столѣтія, при другихъ условіяхъ была бы растянута на нѣсколько вѣковъ: переходъ отъ чисто кочевого хозяйства и быта къ полуосѣдлому быту минусинскихъ инородцевъ несравненно сложнѣе и рѣзче, чѣмъ переходъ отъ одной системы полеводства къ другой, болѣе интенсивной; между тѣмъ, едва ли нужно напоминать здѣсь, съ какими препятствіями и затрудненіями встрѣчается этотъ переходъ у русскаго крестьянства. Ростъ запашки у инородцевъ быстро и радикально пересоздаетъ весь укладъ и всѣ привычки ихъ прежней жизни, начиная съ пищевого режима и кончая соціальной структурой общества. Инородцы переживаютъ трудный и тяжелый переломъ въ своей жизни. Особенности физико-географическихъ условій занимаемой ими территоріи дѣлаютъ еще болѣе тягостнымъ этотъ переломъ. Въ стремленіи къ интенсификаціи своего хозяйства инородцы очень часто, въ силу отсутствія у нихъ вѣкового опыта и знаній, оказываются совершенно безпомощными. Поэтому люди, обладающіе опытомъ и знаніями, должны притти къ нимъ на помощь. Говоря это, я не предусматриваю ни способовъ, ни путей, ни организаціи помощи, все это выходитъ за рамки моей работы. Но я настаиваю на необходимости дѣятельной и всесторонней поддержки инородцевъ въ ихъ борьбѣ съ суровыми условіями природы. Чтобы эта помощь была дѣйствительна и не напоминала собой прежнія, далекія отъ

жизни административныя предписанія о посѣвѣ картофеля, нужно, не вдаваясь въ обличительный тонъ по отношенію къ инородцамъ, внимательно и детально изучать мѣстную жизнь и всѣ ея особенности. Мы видѣли или, по крайней мѣрѣ, я пытался показать, какъ своеобразно инородцы приспособляются къ особенностямъ своего края, и какъ послѣднія часто до мелочей опредѣляютъ порядокъ и формы эксплуатаціи отдѣльныхъ клочковъ пахотныхъ угодій. При организаціи агрономической и всякой иной помощи населенію, нужно исходить именно отъ этихъ мѣстныхъ особенностей, нужно понять и детально выяснить эту внутреннюю закономерность хозяйственнаго строя каждой мѣстности. Такая работа, конечно, непосильна для отдѣльныхъ лицъ и временно дѣйствующихъ учрежденій: такая работа подъ силу только постоянно дѣйствующей и близкой къ населенію организаціи, т. е. земству.

М. Богдановъ.

Рабочіе ленскихъ золотопромышленныхъ приисковъ.

(Районы выхода, возрастной составъ и грамотность.)

Сравнительно-статистическій очеркъ по даннымъ
1912 года.

Ленская забастовка закончилась почти поголовнымъ уходомъ съ приисковъ всѣхъ рабочихъ. Движеніемъ такой огромной массы рабочихъ отъ Бодайбо до Иркутска по мѣстности, сравнительно, малообеспеченной, какъ перевозочными средствами, такъ и припасами для ихъ продовольствія, руководила губернская администрація. Въ Иркутскѣ рабочіе передавались на переселенческой пунктъ и тутъ уже поступали какъ бы въ специальную машину, приспособленную къ большимъ перевозкамъ, для которой толпа въ 6¹/₂ тысячъ была малозамѣтнымъ явленіемъ. Такъ какъ въ Иркутскѣ съ марта 1912 года была организована регистрація рабочихъ, ѣдущихъ на Дальній Востокъ, то рѣшено было использовать этотъ механизмъ и по отношенію къ ленскимъ рабочимъ. По предложенію завѣдывающаго райономъ С. В. Рѣзниченко на пишущаго эти строки была возложена обязанность—составить регистраціонную карточку, при чемъ карточка должна была быть согласованной съ существовавшими уже для регистраціи дальневосточныхъ рабочихъ.

Срокъ для составленія карточки былъ очень незначителенъ. Со дня, когда стало извѣстно, что переселенческая организація приметъ участіе въ эвакуаціи рабочихъ, и до дня прихода первыхъ рабочихъ должно быть пройти всего около 2 недѣль; въ это время надо было и ознакомиться съ характеромъ будущаго матеріала, составить карточку, и отпечатать ее. Карточку приходилось составлять на-спѣхъ. А потому естественно, что она страдаетъ многими замѣтными недостатками. При постановкѣ

регистраціи приходилось считаться и еще съ однимъ привходящимъ обстоятельствомъ. Особыхъ средствъ на постановку обслѣдованія не имѣлось. Работать надо было съ наличнымъ составомъ регистраторовъ, у которыхъ въ періодъ перевозки были еще и свои текущія обязанности. Этотъ моментъ сильно вліялъ и заставлялъ по возможности сокращать регистраціонную карточку. А, самое главное, необходимо учесть и еще одно обстоятельство, нѣсколько понижающее качества добытаго матеріала. Текущая регистрація въ такомъ видѣ, какъ она существуетъ въ Иркутскѣ, рѣзко отличается отъ способа производства земскихъ подворныхъ обслѣдованій. Надъ регистраторами все время стоитъ: „Скорѣе, скорѣе.—нельзя задерживать людей“. Необходимо бываетъ въ опредѣленный промежутокъ времени—отъ момента прибытія партіи и до момента ея отъѣзда—зарегистрировать всѣхъ. Поэтому, и вопросы задаются быстро одинъ за другимъ, и во всякаго рода сомнительныхъ и спорныхъ случаяхъ на выясненіе ихъ тратится, по возможности, минимальное количество времени. Регистраторъ, особенно при приходѣ большихъ партій, постоянно чувствуетъ на себѣ это давленіе. И вотъ это обстоятельство,—связанность во времени, особенно рѣзко чувствовалось при регистраціи ленскихъ рабочихъ.

Двигались они крайне неравномѣрно. Нѣсколькими большими партіями выѣхали они съ приисковъ по Ленѣ. Отъ Жигалова до Иркутска двигались по тракту—нѣкоторые ѣхали скорѣе, нѣкоторые тише большинства. За день, за два до прихода всей партіи появлялись передовые рабочіе, и дня три-четыре послѣ прохода всей массы шли отставшіе. Такое неравномѣрное движеніе заставляло работать регистраторовъ въ иные дни по 18 часовъ подрядъ.

Въ результатѣ, конечно, естественно и неизбежно должны были получаться ошибки. Передъ разработкой cadaго пункта, карточки просматривались,—и тѣ, въ которыхъ были противорѣчія и неясности—относились къ невыясненнымъ; тамъ, гдѣ можно было по логическому смыслу всей карточки возстановить и исправить ошибку или пропускъ,—производились поправки. Передъ разработкой всѣ матеріалы подверглись нѣкоторому просмотру.

Всего было опрошено больше 3.700 рабочихъ, не считая женщинъ и дѣтей. Въ таблицы вошли свѣдѣнія о 3.704 рабо-

чихъ. Часть карточекъ (около 10) въ сводку не поступила, такъ какъ опрошенные по нимъ рабочіе прошли, когда часть таблицъ уже была сдѣлана.

Ленскіе рабочіе вообще относились очень сдержанно и нѣсколько подозрительно ко всему, что исходило „отъ чиновниковъ“. Первая партія (правда, тутъ дѣйствовали и иные мотивы) прожила въ Иркутскѣ 2 дня, и ни одинъ изъ рабочихъ не шелъ „записываться“. Потомъ, когда недоразумѣнія были улажены, рабочіе пошли въ бюро, но все же первое время замѣтно выступала ихъ подозрительность. Пишущему эти строки одинъ изъ ихъ защитниковъ сообщилъ такой приблизительно вопросъ выборныхъ отъ первой партіи: „А какъ надо говорить: правду при регистраціи или врать?“ Адвокатъ объяснилъ имъ смыслъ и значеніе регистраціи, посоветовавъ идти и ничего не скрывать—тѣмъ болѣе, что никакихъ такихъ особенно щекотливыхъ вопросовъ рабочимъ и не предлагалось. Стараніями регистраторовъ, особенно серьезно отнесшихся къ работѣ, были установлены прекрасныя отношенія. Рабочіе нисколько не смущались, много рассказывали и сверхъ тѣхъ вопросовъ, которые имъ предлагались регистраторами, часто раздавались шутки, остроты. Создавалась особенно удобная для опроса атмосфера. Многіе рабочіе послѣ регистраціи приходили въ бюро за разными совѣтами, разспросами и т. п. Все это даетъ основаніе предположить, что съ этой стороны сдѣлано было все возможное, чтобы успѣшнѣе провести работу и достигъ maximum'a результатовъ. Регистраторы понимали, что они собираютъ свѣдѣнія о людяхъ, которыми интересуется вся Россія. Съ ихъ стороны было проявлено особенно вдумчивое и несомнѣнно очень серьезное отношеніе къ дѣлу *).

Глава I. Районы выхода рабочихъ.

Въ регистраціонной карточкѣ имѣлся вопросъ о губерніи, уѣздѣ и волости выхода рабочаго.

---

*) Регистрація ленскихъ рабочихъ производилась подъ руководствомъ старшаго статистика Е. Н. Мерхалевой, регистраторами И. Е. Воробьевымъ, Е. П. Добрыниной, М. И. Бларамбергъ и др.

Въ подсчетъ таблицъ главное участіе принимали Е. П. Добрынина и И. П. Воробьевъ при моемъ непосредственномъ участіи и руководствѣ.

Редакція таблицъ и текстъ первыхъ трехъ главъ написаны мною.

Данныя, полученные по настоящему пункту, позволяют судить, изъ какихъ именно районовъ рекрутировались ленскіе рабочіе, и какія губерніи даютъ главную массу рабочихъ.

Изъ 3704 опрошенныхъ рабочихъ—1506 человекъ принадлежали къ выходцамъ изъ сибирскихъ губерній и 2198 къ выходцамъ губерній Европейской Россіи. Сибиряки, такимъ образомъ, составляли 40,7⁰/₀ или $\frac{2}{5}$ всего выхода, а російскіе—59,3, т. е. $\frac{3}{5}$; иначе изъ каждыхъ 5 человекъ рабочихъ было 2 сибиряка и 3 російскихъ.

Всѣ рабочіе распредѣлялись по 58 губерніямъ (не считая острова Сахалина, откуда былъ 1 рабочій). Выходцы Сибири принадлежали къ 10 губерніямъ (безъ острова Сахалина); въ среднемъ на одну губернію приходилось 150 рабочихъ. Выходцы Европейской Россіи распредѣлялись по 48 губерніямъ, въ среднемъ на 1 губернію падало около 46 человекъ.

Изъ 10 сибирскихъ губерній—2 губерніи (Амурская и Приморская области) дали выходъ по 1 человеку; Якутская область—2, Тургайская область—3, Забайкальская область—7, Акмолинская область—8, Иркутская губернія—181, Енисейская губернія—256, Томская—220 и Тобольская—826.

Изъ 48 губерній Европейской Россіи—10 губерній (Екатеринославская, Ковенская, Кубанская область, Московская, Новгородская, Полтавская, Радомская, Таврическая, Тифлисская, Ярославская) дали выходъ по 1 человеку; 7 губерній (Варшавская, Калужская, Курляндская, Лифляндская, Тверская, Терская область и Харьковская)—по 2 человека; Виленская и Курская—по 3; Волинская, Воронежская и Сѣдлецкая по—4; Гродненская, Минская, Тульская и Херсонская—по 5 чел.; Владимирская и Подольская—по 6 чел.; Витебская—7 чел.; Кіевская—8; Оренбургская и Рязанская—по 11; Вологодская и Черниговская—по 13; Могилевская и Орловская—по 14; Самарская—15; Саратовская и Смоленская—по 18; Уфимская—28; Пензенская—46; Тамбовская—51; Казанская—83; Костромская—168; Пермская—174; Вятская—368; Нижегородская—503 и Симбирская—561 чел.

Губерній, на каждую изъ которыхъ падало не меньше 1⁰/₀ выхода, было всего 12 изъ 58.

На первомъ мѣстѣ стояла Тобольская губернія, давшая 826 человекъ, или 22,3⁰/₀ всего выхода.

Дальше въ нисходящемъ порядкѣ слѣдуютъ:

Симбирская	561 ч. 15,1 ⁰ / ₀	Пермская	174 ч. 4,7 ⁰ / ₀
Нижегородская	503 ч. 13,6 ⁰ / ₀	Костромская	168 ч. 4,5 ⁰ / ₀
Вятская	368 ч. 9,9 ⁰ / ₀	Казанская	83 ч. 2,2 ⁰ / ₀
Енисейская	256 ч. 6,9 ⁰ / ₀	Тамбовская	51 ч. 1,4 ⁰ / ₀
Томская	220 ч. 5,9 ⁰ / ₀	Пензенская	46 ч. 1,3 ⁰ / ₀
Иркутская	181 ч. 4,9 ⁰ / ₀	Всѣ прочія губ.	266 ч. 7,3 ⁰ / ₀

Изъ настоящей таблицы съ несомнѣнной ясностью и очевидностью можно сдѣлать одинъ значительный выводъ: перечисленные 12 губерній и являются поставщиками рабочей силы на ленскіе пріиска. Если мы откинемъ губерніи Казанскую, Тамбовскую и Пензенскую, какъ дающихъ выходъ меньше, чѣмъ по 100 человекъ, то на оставшіяся 9 губерній падетъ 87,7⁰/₀ всего выхода, т. е. почти ⁹/₁₀ всего числа рабочихъ.

Выходъ изъ остальныхъ 46 губерній является чисто случайнымъ. Правда, можетъ быть, выводъ о выдѣленіи и установленіи произведеннымъ обслѣдованіемъ губерній—поставщицъ рабочей силы нѣсколько и преждевремененъ, а потому и скоро сплѣль. Сразу же напрашивается солидное возраженіе: обслѣдованіе производилось въ теченіе 1 года, а тутъ могли дѣйствовать и всякаго рода преходящіе, временные факторы (голодъ, неурожай и т. п.), сильно повышающіе и понижающіе отходъ населенія на заработки. Можетъ быть, и на выходъ ленскихъ рабочихъ повліялъ какой-нибудь такой факторъ, не учтенный обслѣдованіемъ *).

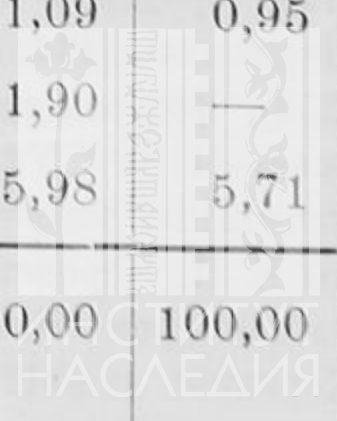
*) Е. Н. Кореневъ, произведшій въ 1898 и 1899 г. г. обслѣдованіе санитарно-экономическаго положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Витимско-Олекминской системы Якутской области, приводитъ въ своемъ трудѣ данныя относительно состава 23.073 рабочихъ этихъ промысловъ. Въ указанные годы, по количеству мѣстъ выхода рабочихъ, на первомъ мѣстѣ стояла Иркутская губернія (7787 рабочихъ), затѣмъ слѣдовали—Тобольская (5697), Нижегородская—(1593), Томская—(1458), Енисейская—(1290), Вятская—(1258), Пермская—(1248), Симбирская—(895), Забайкальская—(312), Казанская—(253), Костромская—208), Якутская—(205), Оренбургская—(196), Пензенская—(118) и Уфимская—(100); остальные губерніи и области имперіи дали ничтожныя количества рабочихъ. (См. диссертацию на степень доктора медицины Е. Н. Коренева. «Очеркъ санитарно-экономическаго положенія рабочихъ на зол. пром. Вит.-Олек. системы Якутск. обл.» С.-П.-Б. 1903 г.) Данныя г. Коренева лишній разъ убѣдительно подчеркиваютъ существованіе губерній—крупныхъ поставщицъ рабочей силы на ленскіе пріиска. *Ред.*

Но такой аргументъ опровергается, и весьма основательно, слѣдующими соображеніями: 1) обслѣдованіе коснулось рабочихъ, скопившихся на пріискахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а не одного года, а 2) въ карточкѣ имѣлся одинъ вопросный пунктъ (о числѣ лѣтъ, проведеннымъ рабочимъ на пріискахъ)—пунктъ и позволившій сдѣлать опредѣленный и несомнѣнный выводъ о губерніяхъ—„поставщицахъ“. Вопросъ этотъ (о числѣ лѣтъ, проведеннымъ рабочимъ на пріискахъ) былъ поставленъ въ карточкѣ такимъ образомъ: „Пробылъ у Лензото: до 1 года,—отъ года до двухъ, —отъ двухъ до трехъ, отъ трехъ до пяти; свыше пяти“. При заполненіи настоящаго пункта регистраторамъ было дано указаніе—отмѣчать цифрой число лѣтъ у тѣхъ рабочихъ, которые пробыли на пріискахъ свыше 5 лѣтъ.

Поставивъ этотъ пунктъ въ связи съ губерніями выхода, мы получили такую таблицу:

ГУБЕРНІИ.	Прибыли на пріиска.				
	Въ 1911 г.	Въ 1910 г.	Въ 1909 и 1908 г.г.	1907—1903 г.г.	Раньше 1903 г.
Костромская . . .	4,90	5,50	4,74	0,81	1,91
Пермская	6,26	3,06	3,31	3,26	3,81
Вятская	10,57	10,02	8,91	10,05	5,71
Нижегородская . .	11,39	15,16	17,39	14,95	6,67
Симбирская	15,58	18,34	15,80	7,61	5,71
Иркутская	4,55	3,55	4,02	7,34	19,05
Томская	5,25	4,89	5,89	11,14	8,57
Енисейская	5,96	7,33	7,90	7,07	10,48
Тобольская	22,61	18,95	21,41	27,71	31,43
Тамбовская	1,36	1,83	1,15	1,09	—
Казанская	3,13	1,71	1,58	1,09	0,95
Пензенская	1,12	1,71	0,86	1,90	—
Остальные губ. . .	7,32	7,95	7,04	5,98	5,71
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Въ приведенной таблицѣ была допущена такая условность: такъ какъ изъ 3704 рабочихъ прошло на прииска въ сезонъ 1912 года всего одинъ-два человѣка, а всѣ остальные прошли раньше, то рабочіе, пробывшіе на приискахъ до 1 года и отъ 1 до 2, считались прошедшими въ 1911 году; пробывшіе отъ 2 до 3—въ 1910 г., пробывшіе отъ 3 до 5, считались прошедшими въ 1909 и 1908; пробывшіе отъ 5 до 10,—считались прошедшими въ 1907, 1906, 1905, 1904 и 1903 г.г.; и, наконецъ, пробывшіе на приискахъ больше 10 лѣтъ,—считались прошедшими на прииска ранѣе 1903 года.

Допущенная условность ни въ коемъ случаѣ не могла повліять на тѣ выводы, которые дѣлаются ниже, и едва ли она измѣнила то соотношеніе выхода изъ различныхъ губерній, которое представлено въ напечатанной выше таблицѣ.

За послѣдніе 4 года (1911, 1910, 1909, 1908) выходъ по всѣмъ 12 губ. распредѣляется довольно равномерно по каждому году. Сильное отклоненіе въ сторону повышенія замѣтно въ Пермской губ. въ 1911 г. сравнительно съ 1910 г.; въ Нижегородской—въ сторону пониженія за тѣ же годы; въ Тобольской и Казанской за тѣ же годы отклоненіе въ сторону повышенія.

Годы 1910 и 1909 съ 1908 даютъ, приблизительно, съ очень незначительными измѣненіями, одинаковую картину по распредѣленію рабочихъ по губерніямъ выхода.

По нисходящему количеству вышедшихъ рабочихъ упомянутыя 12 губ. располагались такъ:

	въ 1911 г.	въ 1910 г.	въ 1909 и 1908 г.г.	1907-1903 г.г.	Раньше 1903 г.
1)	Тобольская	Тобольская	Тобольская	Тобольская	Тобольская
2)	Симбирская	Симбирская	Нижегород.	Нижегород.	Иркутская
3)	Нижегород.	Нижегород.	Симбирская	Томская	Енисейская
4)	Вятская	Вятская	Вятская	Вятская	Томская
5)	Пермская	Енисейская	Енисейская	Симбирская	Нижегород.
6)	Енисейская	Костромская	Томская	Иркутская	Вятская
7)	Томская	Томская	Костромская	Енисейская	Симбирская
8)	Костромская	Иркутская	Иркутская	Пермская	Пермская
9)	Иркутская	Пермская	Пермская	Пензенская	Костромская
10)	Казанская	Тамбовская	Казанская	Тамбовская	Казанская
11)	Тамбовская	Казанская	Тамбовская	Казанская	—
12)	Пензенская	Пензенская	Пензенская	Костромская	—

Изъ приведенныхъ рядовъ видно, что Тобольская губернія весь періодъ времени (свыше 10 лѣтъ) стояла на первомъ мѣстѣ по числу доставляемыхъ ею рабочихъ.

Въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ второе и третье мѣста были у Симбирской и Нижегородской губерній, 4-е мѣсто за послѣднія 10 лѣтъ все время принадлежало Вятской губерніи. Остальныя губерніи за тѣ же 10 лѣтъ мѣнялись мѣстами, сохраняя все же почти одно и то же количество рабочихъ сравнительно съ другими губерніями.

Въ расположеніи губерній (по годамъ и рядамъ) замѣчается слѣдующее явленіе. У сибирскихъ губерній обнаруживается тенденція занимать первыя по выходу мѣста по мѣрѣ отдаленія момента выхода отъ момента обслѣдованія.

Иркутская губернія съ 9-го мѣста передвигается черезъ 8 и 6 ко 2-му; Енисейская отъ 6-го черезъ 5 и 7-е къ 3-му; Томская отъ 7-го черезъ 6-ое и 3-ье къ 4-му.

За періодъ времени раньше 1903 года 4 сибирскихъ губерній занимаютъ и первыя 4 мѣста. Очевидно, да это и естественно, что выходцы сибирскихъ губерній остаются и работаютъ на приискахъ дольше, чѣмъ выходцы губерній Европейской Россіи. Приведенное предположеніе подтверждается до нѣкоторой степени и тѣмъ фактомъ, что отъ выходцевъ раньше 1903 г. тамбовцевъ и пензенцевъ не оказалось ни одного.

Выходцы всѣхъ остальныхъ губерній съ 1911 по 1908 г. г. составляютъ отъ 8 до 7⁰/₀ всего выхода; съ 1907—03 г. — 5,98⁰/₀, а раньше 1903 г. — всего 5,71⁰/₀.

Итакъ, изъ приведенныхъ разсужденій ясно, что 12 губерній (Пензенская, Тамбовская, Казанская, Костромская, Пермская, Иркутская, Томская, Енисейская, Вятская, Нижегородская, Симбирская и Тобольская) и являются главными и почти исключительно поставщиками рабочихъ на прииска Ленскаго товарищества.

Переходя отъ губерній къ уѣздамъ и отыскивая болѣе мелкія единицы и центры, дающіе отходъ на прииска, мы получаемъ весьма любопытныя данныя.

Оказывается, что въ каждой изъ 12 губ. (за исключеніемъ Иркутской губ.,—но Иркутская губ. вообще находилась при обслѣдованіи въ иныхъ, сравнительно съ другими губерніями, условіяхъ; дѣло въ томъ, что чрезъ регистрацію, несомнѣнно, прошли далеко не всѣ иркутяне; часть изъ нихъ, какая неизвѣстно, осталась по пути до Иркутска, часть прошла на Тиреть и Тулунъ; поэтому Иркутская губернія занимаетъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ исключительное положеніе) есть уѣзды, на которые и падаетъ почти весь выходъ губерніи.

Начнемъ нашъ анализъ съ Тобольской губерніи, какъ съ губерніи, давшей наибольшей отходъ.

Ялуторовскій уѣздъ далъ 391 рабочаго изъ 826, т. е. 47,34⁰/₀—иначе почти половина всего выхода Тобольской губерніи падаетъ на Ялуторовскій уѣздъ; Тарскій уѣздъ далъ 212 человѣкъ, т. е. 25,67⁰/₀; Ишимскій—92 человѣка, т. е. 11,26⁰/₀. 3 уѣзда (Ялуторовскій, Тарскій и Ишимскій) дали—84,27⁰/₀ выхода всей губерніи. Всѣ остальные шесть уѣздовъ (Курганскій, Сургутскій, Тобольскій, Туринскій, Тюкалинскій и Тюменскій) вмѣстѣ дали всего 130 рабочихъ, т. е. всего 15,73⁰/₀.

Ялуторовскій уѣздъ одинъ далъ больше рабочихъ, чѣмъ вся Вятская губернія, стоящая на четвертомъ мѣстѣ по выходу. На Ялуторовскій уѣздъ приходится 10,56⁰/₀ всего числа опрошенныхъ рабочихъ, а на Тарскій 5,72⁰/₀. Тарскій уѣздъ одинъ далъ почти столько же рабочихъ, сколько вся Томская губернія.

По Ялуторовскому уѣзду давали выходъ 29 волостей и г. Ялуторовскъ. Волости Бигилинская, Иседская, Кодская, Лыбаевская, Мостовская, Пятковская, Саломатовская, Терсюкская, Томиловская и Упоровская давали больше чѣмъ по 10 рабочихъ каждая.

Изъ слѣдующей таблицы видно распределеніе рабочихъ, выходцевъ Ялуторовскаго уѣзда по волостямъ.

Наименованіе волостей	Всего человѣкъ.	‰ по вы-ходу Ялуторовскаго уѣзда.	‰ къ вы-ходу Тобольск. губ.	‰ ко всему числу рабочихъ.
Лыбаевская . . .	108	27,62	13,08	2,91
Томиловская . . .	38	9,72	4,60	1,03
Кодская	31	7,93	3,75	0,84
Терсюкская	30	7,67	3,63	0,81
Исетская	25	6,39	3,03	0,68
Мостовская	23	5,88	2,78	0,62
Итого по 6 волостямъ	255	65,21	30,87	6,89
По 4 другимъ волостямъ, давшимъ выходъ по 10 и больше чел. каждая	47	12,02	5,69	1,27
Всего	302	77,23	36,56	8,16
По остальнымъ 18 волостямъ и г. Ялуторовску	89	22,77	10,78	2,40
Всего	391	100,00	47,34	10,56

Изъ этой таблицы видно, что въ Ялуторовскомъ уѣздѣ имѣется одна волость, посылающая на Лену больше 100 челов., или 2,91‰ всего числа рабочихъ. Въ томъ же Ялуторовскомъ уѣздѣ имѣется еще 5 волостей, дающихъ каждая отъ 23 до 38 человѣкъ.

И на всѣ эти 6 волостей падаетъ 65,21‰ всего выхода изъ уѣзда, а если прибавить сюда еще и выходцевъ 4 волостей, давшихъ каждая больше 10 рабочихъ, то выходъ этотъ составитъ уже 77,23‰, т. е. больше $\frac{3}{4}$.

Тарскій уѣздъ.	В С Е Г О.	Въ 0/0 къ числу рабоч. Тарскаго уѣзда.	Въ 0/0 къ числу рабоч. Тобольск. г.	Въ 0/0 ко всему чис- лу рабоч.
Воло- { Бергамак.	40	18,87	4,84	1,08
сти: { Корсинск.	39	18,40	4,72	1,05
Итого .	79	37,27	9,56	2,13

На двѣ волости Тарскаго уѣзда, который одинъ далъ 5,72⁰/₀ всего числа рабочихъ,—приходится 79 человекъ, т. е. почти ²/₅ рабочихъ Тарскаго уѣзда (37,27⁰/₀) и почти ¹/₁₀ всего числа рабочихъ Тобольскѣй губ. и 2,13⁰/₀ всего выхода. Вся Казанская губернія дала немногимъ больше, чѣмъ Бергамакская и Корсинская волости Тарскаго уѣзда.

Аевская, Атирская, Логиновская и Такмыкская волости дали 52 рабочихъ (отъ 11 до 15 на каждую), т. е. 24,53⁰/₀ рабочихъ изъ Тарскаго уѣзда.

Эти шесть волостей и являются тѣми гнѣздами, тѣми ячейками, которыя давали рабочихъ на Ленскіе прииска.

Всѣ остальные 17 волостей и г. Тара дали 78 человекъ, т. е. почти столько же, сколько Бергамакская и Корсинская волости вмѣстѣ.

Въ Ишимскомъ уѣздѣ Бердюжская, Локтинская и Малышенская волости дали 39 человекъ, т. е. 41,94⁰/₀ рабочихъ. Остальные же 24 волости дали 54 человека, или 58,06⁰/₀. И въ Ишимскомъ уѣздѣ намѣтились волости—„поставщицы“ рабочихъ.

Во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи, выходъ изъ которыхъ долженъ быть признанъ случайнымъ, есть только одна волость, Дымковская, Туринскаго уѣзда, изъ которой было 11 рабочихъ. Всѣ остальные волости (54) давали по 1—9 человекъ.

Итакъ, центрами Тобольской губерніи, дававшими рабочихъ на пріиска должны быть признаны:

Лыбаевская волость, Ялуторовскаго уѣзда		108 чел.
Бергамакская вол.	} Тарскаго уѣзда	40 чел.
Корсинская вол.		39 чел.
Томиловская	} Ялуторовскаго уѣзда	38 чел.
Кодская		31 чел.
Терсюкская		30 чел.
Исетская		25 чел.
Мостовская		23 чел.
Локтинская, Ишимскаго уѣзда		16 чел.
Аевская, Тарскаго уѣзда		15 чел.
Логиновская, Тарскаго уѣзда		14 чел.
Пятковская,	} Ялуторовскаго уѣзда	13 чел.
Саломатовская		13 чел.
Малышенская, Ишимскаго уѣзда		13 чел.
Такмыкская, Тарскаго уѣзда		12 чел.
Упоровская, Ялуторовскаго уѣзда		11 чел.
Дымковская, Туринскаго уѣзда		11 чел.
Атирская, Тарскаго уѣзда		11 чел.
Бердюжская, Ишимскаго уѣзда		10 чел.
Бигилинская, Ялуторовскаго уѣзда		10 чел.

Всѣ 20 волостей вмѣстѣ дали 483 рабочихъ, 58,47% всего выхода изъ Тобольской губерніи падаетъ на эти 20 волостей. На всѣ остальные мѣста выхода изъ Тобольской губерніи приходится лишь 41,53%.

Вся Тобольская губернія дала 22,3% всего числа рабочихъ; на 20 волостей, давшихъ каждая 10 и выше рабочихъ, приходится 13,04% всѣхъ опрошенныхъ рабочихъ.

Выходцы Симбирской губерніи распредѣляются по 7 уѣздамъ.

Изъ всѣхъ же 7 уѣздовъ—поставщиками рабочихъ являются только два: Алатырскій, давшій 337 рабочихъ и Буинскій 168. Остальные 5 уѣздовъ (Ардатовскій, Корсунскій, Курмышскій, Сенгилейскій и Симбирскій) всѣ вмѣстѣ дали всего 56 человекъ, т. е. только $\frac{1}{10}$ часть выхода всей Симбирской губерніи.

Алатырскій уѣздъ одинъ далъ 337 рабочихъ изъ 561, проходящихся на Симбирскую губернію; при переводѣ на языкъ относительныхъ цифръ мы должны будемъ сказать, что Ала-

тырскій уѣздъ далъ 60,07⁰/₀ выхода всей губерніи, или какъ разъ $\frac{2}{3}$. На Алатырскій уѣздъ приходится рабочихъ немногимъ меньше, чѣмъ на всю Вятскую губернію.

Волостей, давшихъ на Лену рабочихъ, въ Алатырскомъ уѣздѣ было 12 (безъ г. Алатыря.) Шестъ изъ этихъ волостей дали выходъ каждая меньше 10 человѣкъ.

Выходъ изъ остальныхъ шести волостей представленъ въ слѣдующей таблицѣ:

ВОЛОСТИ.	Всего рабочихъ.	‰ къ выходу изъ Алатырскаго уѣзда.	‰ къ выходу изъ Симбирской губ.	‰ по всему выходу.
Кладбищенская	147	43,62	2,2	3,94
Алатырская	56	16,61	9,97	1,50
Гулюшевская	41	12,17	7,31	1,11
Нувакинская	26	7,72	4,64	0,70
Сыресевская	22	6,53	3,92	0,60
Семеновская	15	4,45	2,67	0,41
Всего по 6 волостямъ	307	91,10	54,72	8,26
По остальнымъ 6 волостямъ	25	7,42	4,46	0,68

Кладбищенская волость представляетъ изъ себя самое крупное гнѣздо выхода, давая почти столько рабочихъ, сколько вся Костромская губернія, почти 4 (3,94) процента всего выхода, $\frac{1}{4}$ выхода Симбирской губерніи и больше $\frac{2}{5}$ рабочихъ Алатырскаго уѣзда.

Всѣ же шесть волостей, признанныя нами за центры выхода, дали 91,10⁰/₀ выхода Алатырскаго уѣзда, т. е. $\frac{9}{10}$; 54,72⁰/₀, или больше половины выхода Симбирской губ. и 8,26⁰/₀ всего выхода: шесть волостей дали столько рабочихъ, сколько Костромская, Казанская и Тамбовская губерніи вмѣстѣ.

Буинскій уѣздъ одинъ далъ ровно столько рабочихъ, сколько вся Костромская губернія, стоявшая по выходу на 9 мѣстѣ.

По выходу въ Симбирской губерніи Буинскій уѣздъ занимаетъ второе мѣсто, слѣдуя непосредственно за Алатырскимъ и давая 29,95%, т. е. почти $\frac{3}{10}$ всего выхода Симбирской губерніи.

Самымъ значительнымъ центромъ выхода въ Буинскомъ уѣздѣ является Шихарданская волость, давшая одна 111 рабочихъ, т. е. 66,07% рабочихъ Буинскаго уѣзда.

Другихъ волостей—поставщицъ въ Буинскомъ уѣздѣ, помимо Шихарданской, насчитывается всего двѣ (Дрозжановская и Убеевская) изъ 13.

В О Л О С Т И.	Всего рабочихъ.	% выхода Буинскаго уѣзда.	% выхода Симбирск. губ.	% ко всему числу рабочихъ.
Шихарданская	111	66,07	19,79	3,00
Дрозжановская	21	12,50	3,74	0,56
Убеевская	11	6,55	1,96	0,30
Всего по 3 волостямъ	143	85,12	25,49	3,86
По остальнымъ 10 волостямъ	23	13,69	4,10	0,62

Три волости Буинскаго уѣзда дали 85,12% выхода уѣзда и 25,49% выхода Симбирской губерніи ($\frac{1}{4}$). На всѣ остальные 10 волостей приходится около 14% выхода Буинскаго уѣзда.

Во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ Симбирской губерніи нѣтъ ни одной волости, изъ которой выходъ рабочихъ превышалъ бы 10, т. е. выходъ изъ всѣхъ уѣздовъ Симбирской губерніи, кромѣ Буинскаго и Алатырскаго, является, вѣроятно, случайнымъ.

Буинскій и Алатырскій уѣзды вмѣстѣ дали $\frac{9}{10}$ всего выхода Симбирской губерніи.

Симбирская губернія наиболѣе рѣзко и отчетливо выдѣлила уѣзды—поставщики, а въ уѣздахъ съ ни чуть не меньшей ясностью и волости—поставщицы.

Въ слѣдующей таблицѣ приводятся данныя о всѣхъ волостяхъ Симбирской губерніи, являющихся центрами выхода:

Кладбищенская, Алатырскаго уѣзда . . .	147 чел.
Шихарданская, Буинскаго уѣзда . . .	111 чел.
Алатырская, Алатырскаго уѣзда . . .	56 чел.
Гулюшевская, Алатырскаго уѣзда . . .	41 чел.
Кувакинская „ „ . . .	26 чел.
Сыресеvская „ „ . . .	22 чел.
Дрозжановская, Буинскаго „ . . .	21 чел.
Семеновская, Алатырскаго „ . . .	15 чел.
Убееvская, Буинскаго уѣзда . . .	11 чел.

Всего . 450 чел.

На перечисленныя 9 волостей приходится 80,21⁰/₀, т. е. $\frac{4}{5}$ всего выхода изъ губерніи. При чемъ Кладбищенская и Шихарданская волости дали вмѣстѣ 285 человекъ, или почти половину всего выхода Симбирской губерніи, занимающей по выходу 2-ое мѣсто.

Нижегородская губернія по выходу рабочихъ занимаетъ третье мѣсто, давши 503 рабочихъ, т. е. 13,6⁰/₀ всего выхода.

По уѣздамъ этотъ выходъ распредѣляется такъ:

Арзамасскій уѣздъ . . .	190 чел.	37,77 ⁰ / ₀	Выхода Нижегородской губерніи.	5,13 ⁰ / ₀	Всего выхода.
Васильсурскій у. . . .	70 „	13,92 ⁰ / ₀		1,89 ⁰ / ₀	
Ардатовскій у. . . .	65 „	12,92 ⁰ / ₀		1,76 ⁰ / ₀	
Лукояновскій	59 „	11,73 ⁰ / ₀		1,59 ⁰ / ₀	
Княгининскій у. . . .	48 „	9,54 ⁰ / ₀		1,30 ⁰ / ₀	
Балахнинскій, Горбатовскій, Макарьевскій, Нижегородск., Семеновскій и Сергачскій, всѣ вмѣстѣ	71 „	14,12 ⁰ / ₀		1,92 ⁰ / ₀	

Отсюда видно, что Нижегородская губернія даетъ нѣсколько иную картину выхода. Рѣзко выдѣляется Арзамасскій уѣздъ, давшій 190 человекъ, т. е. почти $\frac{2}{5}$ всего выхода изъ губерніи; уѣзды Васильсурскій, Ардатовскій, Лукояновскій, Княгининскій и Сергачскій дали каждый отъ 36 до 70 человекъ, на всѣ остальные уѣзды пришлось лишь 35 человекъ.

Большимъ опредѣленнымъ центромъ выхода въ Нижегородской губ. долженъ быть признанъ Арзамасскій уѣздъ.

Уѣзды Васильсурскій, Ардатовскій, Лукояновскій, Княгининскій и Сергачскій хотя и даютъ, очевидно, систематическій

отходъ на прииска, но отходъ этотъ сравнительно незначительныхъ размѣровъ.

Прочіе уѣзды даютъ случайныхъ выходцевъ.

Арзамасскій уѣздъ.		Всего.	‰ къ выходу изъ Арзамас. у.	‰ къ выходу изъ Нижегород. губ.	‰ ко всему выходу.
Волости:	Семеновская . . .	61 ч.	32,11	12,13	1,65
	Коваксинская . . .	57	30,00	11,33	1,54
	Слизневская . . .	24	12,63	4,77	0,65
	Ново-Усадская . . .	15	7,90	2,98	0,41
Итого по 4 волостямъ . . .		157	82,64	31,21	4,25
По остальнымъ 11 волостямъ и городу Арзамасу		32	16,84	6,36	0,86

Центрами выхода въ Арзамасскомъ уѣздѣ являются всего 4 волости изъ 15, давшихъ рабочихъ. Волости эти: Семеновская, Коваксинская, Слизневская и Ново-Усадская. При чемъ, Семеновская и Коваксинская дали каждая почти по $\frac{1}{3}$ всего отхода изъ уѣзда, а вмѣстѣ 62,11‰. Вмѣстѣ съ Слизневской и Ново-Усадской по 4 волостямъ было 157 человекъ, т. е. 82,64‰ выхода изъ уѣзда.

По Арзамасскому уѣзду наблюдается то же явленіе, что и по другимъ уѣздамъ съ большимъ выходомъ. Въ каждомъ изъ такихъ уѣздовъ выдѣляется рѣзко одна-двѣ волости съ большимъ выходомъ.

Васильсурскій уѣздъ.		Всего.	‰ къ выходу изъ Васильсурскаго уѣзда.	‰ къ выходу изъ Нижегородской губ.	‰ ко всему выходу.
Волости:	Ургинская . . .	32	45,71	6,36	0,86
	Мигинская . . .	25	35,71	4,97	0,68
Итого по 2 волостямъ . . .		57	81,42	11,33	1,54
По остальнымъ 7 волостямъ		13	18,58	2,58	0,35

Въ Васильсурскомъ уѣздѣ изъ 9 волостей только двѣ являются опредѣленными ячейками выхода—это Ургинская и Мигинская волости, дающія вмѣстѣ $\frac{4}{5}$ всего отхода изъ уѣзда, или точнѣе 81,42%.

Ардатовскій уѣздъ.		Всего	0/0 къ вы- ходу изъ уѣзда.	0/0 къ вы- ходу изъ губерніи.	0/0 ко всему выходу.
Воло- сти:	Орѣховская . . .	12	18,46	2,38	0,32
	Пятницкая . . .	11	16,92	2,19	0,30
	Стексовская . . .	11	16,92	2,19	0,30
Итого по 3 волостямъ .		34	52,30	6,76	0,92
По остальнымъ 12 воло- стямъ		31	47,70	6,16	0,84

Въ Ардатовскомъ уѣздѣ изъ 15 волостей незначительно изъ ряда другихъ выдѣляются три волости (Орѣховская, Пятницкая и Стексовская), дающія немного больше половины всего выхода изъ уѣзда (52,30%). На остальные 12 волостей приходится меньше, чѣмъ на только что перечисленныя три. Значитъ и въ Ардатовскомъ уѣздѣ, хотя и не такъ ясно, какъ въ другихъ мѣстахъ, намѣтились очаги выхода.

Лукояновскій уѣздъ.		Всего	0/0 къ вы- ходу изъ уѣзда.	0/0 къ вы- ходу изъ губерніи.	0/0 ко всему выходу.
Воло- сти:	Байковская . . .	14	23,73	2,78	0,38
	Ичалковская . . .	13	22,03	2,58	0,35
	Лобасковская . . .	12	20,34	2,38	0,32
Итого по 3 волостямъ .		39	66,10	7,74	1,05
По остальнымъ 9 волостямъ		20	33,90	3,99	0,54

И въ Лукояновскомъ уѣздѣ намѣтились три волости (Байковская, Ичалковская и Лобасковская), которыя и должны быть признаны тѣми ячейками въ уѣздѣ, которыя даютъ рабочихъ на прииска, ибо изъ этихъ трехъ волостей вышло 66,10% всего числа рабочихъ Лукояновскаго уѣзда. На остальные 9 волостей приходится только одна треть.

Княгининскій уѣздъ.		Всего.	% къ вы- ходу изъ уѣзда.	% къ вы- ходу изъ губерніи.	% ко всему выходу.
Воло- сти: {	Потаповская . .	22	45,84	4,37	0,60
	Княгининская . .	10	20,83	1,78	0,26
Итого по 2 волостямъ .		32	66,67	6,36	0,86
По остальнымъ 7 волостямъ		16	33,33	3,18	0,43

Въ Княгининскомъ уѣздѣ изъ 9 волостей 2 волости дали $\frac{2}{3}$ всего отхода. Ясно среди другихъ выдѣлилась Потаповская волость, одна давшая почти половину всего отхода изъ уѣзда.

Въ Сергачскомъ уѣздѣ центромъ выхода является Китовская волость, давшая какъ разъ $\frac{1}{2}$ всѣхъ рабочихъ—выходцевъ Сергачскаго уѣзда.

Въ остальныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи нѣтъ ни одной волости, которую можно было бы признать центромъ выхода.

Нижегородская губернія отличается отъ своей сосѣдки Сибирской губ. своеобразиемъ отхода, и въ ней намѣтились очаги выхода, но у всѣхъ ихъ одна особенность: они меньше по размѣрамъ, и естественно, что ихъ больше по числу. Если въ Сибирской губерніи волостей-очаговъ было девять и дали они 80,21% всего выхода губерніи, то въ Нижегородской губ. такихъ волостей уже 15, т. е. на 66,67% больше; дали же они 337 рабочихъ изъ 503, т. е. 67%. Въ Нижегородской губерніи наблюдается значительная распыленность выхода.

Въ слѣдующей таблицѣ приводятся данныя о всѣхъ волостяхъ Нижегородской губерніи, являющихся центрами выхода.

Семеновская, Арзамасскаго у.	61 ч.	Байковская, Лукояновскаго у.	14 „
Коваксинская, Арзамасскаго у.	57 „	Ичалковская, Лукояновскаго у.	13 „
Ургинская, Васильсурскаго у.	32 „	Лобасковская, Лукояновскаго у.	12 „
Мигинская, Васильсурскаго у.	25 „	Орѣховская, Ардатовскаго у.	12 „
Слизневская, Арзамасскаго у.	24 „	Пятницкая, Ардатовскаго у.	11 „
Потаповская, Княгининскаго у.	22 ч.	Стексовская, Ардатовскаго у.	11 „
Китовская, Сергачскаго у.	18 „	Княгининская, Княгининскаго у.	10 „
Ново-Усадская, Арзамасскаго у.	15 „		

Вятская губернія занимаетъ 4-е мѣсто по выходу. По типу распредѣленія выхода она сильно напоминаетъ Нижегородскую губернію, въ которой выходъ сильно распыленъ по волостямъ.

Въ Вятской губерніи Яранскій уѣздъ далъ одинъ 208 чел. рабочихъ, т. е. немногимъ меньше, чѣмъ вся Томская губернія. На этотъ уѣздъ приходится 56,52% всего выхода изъ Вятской губерніи.

Слѣдующимъ уѣздомъ съ замѣтнымъ выходомъ является уѣздъ Котельническій, давшій 81 (22,01% выхода изъ губерніи) рабочаго, т. е. на 2 меньше, чѣмъ вся Казанская губернія. Значить, 2 уѣзда (Яранскій и Котельническій) дали 289 рабочихъ изъ 368, т. е. 78,53% выхода губерніи. На остальные 9 уѣздовъ (Вятскій, Глазовскій, Елабужскій, Малмыжскій, Нолинскій, Орловскій, Сарапульскій, Слободской и Уржумскій) приходится всего 79 человѣкъ (отъ 1 до 16 ч. на уѣздъ), т. е. 21,47% выхода.

Яранскій уѣздъ.	Всего.	0/0 къ вы- ходу изъ уѣзда.	0/0 къ вы- ходу изъ губерніи.	0/0 ко всему выходу.
Кундыжская	34	16,35	9,24	0,92
Пачинская	34	16,35	9,24	0,92
Кикнурская	18	8,65	4,89	0,49
Шарангская	16	7,69	4,35	0,43
Комаровская	16	7,69	4,35	0,43
Мало-Кундыжская	12	5,77	3,26	0,32
Мало-Шалайская	11	5,29	2,96	0,30
Зыковская	11	5,29	2,96	0,30
Итого по 8 волостямъ	152	73,08	41, 3	4,11
По остальнымъ 19 воло- стямъ и г. Яранску	51	24,52	13,86	1,38

8 волостей Яранскаго уѣзда *) дали 152 человекъ, или $\frac{3}{4}$ выхода всего уѣзда (точно, 73,08%). Въ Яранскомъ уѣздѣ замѣтно бросается въ глаза наряду съ значительнымъ числомъ очаговъ выхода вообще и значительное число очаговъ съ большимъ выходомъ. Въ Нижегородской губерніи, по типу выхода, какъ сказано выше, напоминающей Вятскую, — такихъ волостей (дающихъ больше 10 раб. каждая) было на уѣздъ отъ 1 до 4; въ Яранскомъ уѣздѣ ихъ восемь.

Вторымъ уѣздомъ по выходу въ Вятской губерніи былъ уѣздъ Котельническій. Въ немъ волостей-поставщицъ выдѣлилось всего 2 (Пишнурская и Сосновская) изъ 20 волостей этого уѣзда. Данныя о нихъ приводятся въ слѣдующей таблицѣ.

*) Волость Мало-Кундыжская въ справочникѣ, которымъ пользовались при составленіи поволостной таблицы, не указана; но такъ какъ она повторилась въ 12 карточкахъ, то естественно было предположить, что на самомъ дѣлѣ она существуетъ и не попала по какимъ-либо причинамъ въ справочникъ. Возможно, конечно, и другое предположеніе. Мало-Кундыжская волость ничто иное, какъ просто Кундыжская. Авт.

В О Л О С Т И.	Всего.	0/0 къ вы- ходу изъ уѣзда.	0/0 къ вы- ходу изъ губерніи.	0/0 ⁰ /0 къ всему выходу.
Пишнурская	20	24,68	5,44	0,54
Сосновская	12	14,81	3,26	0,32
Итого по 2 волостямъ .	32	39,49	8,70	0,86
По остальнымъ 18 волостямъ и г. Котельничу	49	60,51	13,32	1,32

Итакъ, въ Вятской губерніи мы имѣемъ выходцевъ очень значительнаго числа волостей, т. е. наблюдаемъ, какъ уже было сказано выше, распыленность выхода. Правда, среди этой массы волостей выявляются и очаги выхода. Есть и еще одна особенность выхода Вятской губерніи: волостей съ сильно повышеннымъ отходомъ, какъ это было въ Тобольской, Нижегородской и особенно, Симбирской губерніяхъ, въ Вятской губерніи нѣтъ.

Выходы Вятской губерніи представляются въ такомъ видѣ:

Кундыжская волость, Яранскаго уѣзда . .	34 ч.
Пачинская волость, »	34 »
Пишнурская вол., Котельнич. »	20 »
Кикнурская вол., Яранскаго »	18 »
Шарангская вол., »	16 »
Комаровская вол., »	16 »
Мало-Кундыжская вол., »	12 »
Сосновская вол., Котельнич. »	11 »
Мало-Шалайская вол., Яранск. »	11 »
Зыковская вол., »	11 »

10 волостей Вятской губерніи (волостей-поставщицъ) дали только 192 рабочихъ, или 52,17% всего выхода губерніи, т. е. немного больше половины.

Слѣдующей по количеству выхода губерніей является Енисейская.

Въ ней выдѣляется по выходу Ачинскій уѣздъ, давшій 104 рабочихъ, или 40,62% выхода изъ губерніи, и 2,81% всего выхода. Канскій уѣздъ далъ 61 рабочаго, т. е. 23,82% выхода

губерніи, а уѣздъ Красноярскій 55 рабочихъ, т. е. 21,48% выхода всей губерніи. На эти три уѣзда (Ачинскій, Красноярскій и Канскій) падаетъ 220 рабочихъ, а на два другихъ уѣзда (Енисейскій и Минусинскій) всего 36 человекъ, т. е. 14,06% выхода губерніи.

Выходъ по волостямъ въ Ачинскомъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

ВОЛОСТИ.	Всего выхода.	0/0 къ вы- ходу изъ уѣзда.	0/0 къ вы- ходу изъ губерніи.	0/0 ко всему выходу.
Шарыповская	19	18,27	7,42	0,51
Назаровская	18	17,31	7,03	0,49
Покровская	18	17,31	7,03	0,49
Ужурская	11	10,58	4,30	0,30
Итого по 4 волостямъ и г. Ачинску	66	63,46	25,78	1,78
	38	36,54	14,84	1,03

Намѣтившіеся четыре центра выхода въ Ачинскомъ уѣздѣ незначительны по величинѣ,—тѣмъ не менѣе на нихъ падаетъ 63,46% выхода изъ уѣзда, т. е. чуть-чуть меньше $\frac{2}{3}$.

Красноярскій уѣздъ.	Всего рабочихъ.	0/0 къ вы- ходу изъ уѣзда.	0/0 къ вы- ходу изъ губерніи.	0/0 ко всему выходу.
Воло- } Нахвальская	10	18,18	3,91	0,27
сти: } Частоостровская	10	18,18	3,91	0,27
Итого по 2 волостямъ	20	36,36	7,82	0,54
По другимъ волостямъ и г. Красноярску	35	63,64	13,67	0,94

Въ Красноярскомъ уѣздѣ уже не наблюдается той концен- траціи выхода по отдѣльнымъ волостямъ, какая наблюдалась въ

уѣздахъ, указанныхъ выше,—немногимъ больше $\frac{1}{3}$ выхода (36,36%) падаетъ на такія волости, которыя мы условились считать волостями-поставщиками.

Уѣздъ Канскій, давшій $\frac{1}{4}$ выхода Енисейской губерніи, не выдѣлилъ ни одной волости, изъ которой выходъ достигалъ бы 10 человѣкъ

Въ Енисейскомъ уѣздѣ, дашемъ всего 18 человѣкъ, 10— падаетъ на Пинчугскую волость; значить, Пинчугская волость должна быть признана очагомъ выхода въ этомъ уѣздѣ. Выходъ изъ Енисейской губерніи отличается одной особенностью: замѣтно рѣзкое сосредоточеніе выхода по уѣздамъ и страшно сильное распыленіе его по волостямъ.

Въ слѣдующей таблицѣ приводятся данныя о поволостномъ выходѣ:

Шарыповская, Ачинскаго уѣзда	. . .	19 ч.
Назаровская, »	»	. . . 18 »
Покровская, »	»	. . . 18 »
Ужурская, »	»	. . . 11 »
Нахвальская, Красноярск.	»	. . . 10 »
Частоостровская, »	»	. . . 10 »
Пинчугская, Енисейскаго	»	. . . 10 »

7 волостей-поставщицъ дали всего 96 рабочихъ, или 37,50% выхода губерніи. Сравнительно съ разсмотрѣнными губерніями выходъ изъ Енисейской губерніи очень замѣтно распыленъ по волостямъ. Выдѣлившіеся очаги и невелики, и ихъ немного.

При анализѣ поуѣзднаго выхода и въ Томской губерніи наблюдается та же картина, что и во всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше губерніяхъ. Рѣзко выдѣляется Мариинскій уѣздъ, давшій 109 рабочихъ изъ 220, т. е. почти $\frac{1}{2}$. На остальные 6 уѣздовъ (Барнаульскій, Бійскій, Змѣиногорскій, Каинскій, Кузнецкій и Томскій) приходится остальная половина выхода.

Поволостной выходъ изъ Мариинскаго уѣзда дается въ слѣдующей таблицѣ:

ВОЛОСТИ.	Всего рабочихъ.	°/о къ вы- ходу изъ уѣзда.	°/о къ вы- ходу изъ губерніи.	°/о къ всему выходу.
Дмитріевская	19	17,43	8,64	0,51
Итатская	15	13,76	6,82	0,40
Мало-Песчанская	10	9,17	4,55	0,27
Итого по 3 волостямъ .	44	40,37	20,00	1,19
По остальнымъ волостямъ и г. Маринску	65	59,63	29,55	1,75

Распыленность выхода въ Томской губ. еще больше, чѣмъ въ Енисейской губерніи. Въ Ачинскомъ уѣздѣ волости-поставщицы дали 63,46°/о выхода, въ Маринскомъ только—40,37°/о. Ни въ одномъ изъ остальныхъ шести уѣздовъ Томской губ. нѣтъ волости, выходъ изъ которой достигалъ бы 10 человекъ.

Три волости (Дмитріевская, Итатская и Мало-Песчанская) представляютъ очаги выхода въ Томск. губ., а на нихъ падаетъ всего 44 рабочихъ, или какъ разъ $\frac{1}{5}$ выхода губерніи, т. е. 20°/о.

Слѣдующей за Томской губ. по выходу является губернія Иркутская.

Какъ сказано было уже выше, Иркутская губернія занимала при обслѣдованіи отличное отъ всѣхъ иныхъ губерній положеніе. Поэтому всѣ данныя о рабочихъ этой губерніи должны все время разсматриваться подъ угломъ этого особеннаго положенія. Въ Иркутской губерніи очаговъ выхода (среди волостей) зарегистрировано всего 4. Это—Н.-Удинская волость Балаганскаго уѣзда, давшая 11 рабочихъ; Братская, Тангуйская и Тулуновская волости Нижнеудинскаго уѣзда, давшія соотвѣтственно слѣдующія цифры—11, 10 и 12. Несомнѣнно, что очаговъ выхода въ Иркутск. губ. и больше числомъ, да и выходъ изъ отдѣльныхъ волостей едва-ли выражается такими незначительными величинами. Иныхъ данныхъ, чтобы судить о числѣ рабочихъ—ленцевъ Иркутск. губ. у насъ не было. И въ поуѣздномъ выходѣ Иркутская губернія существенно отличается отъ остальныхъ губерній. Три уѣзда (Нижнеудинскій, Балаганскій и Иркутскій) дали приблизительно по одному числу рабочихъ—60, 48 и 39.

Уѣзды Киренскій и Верхоленскій дали—одинъ 18, другой 16 рабочихъ. А Киренскій и Верхоленскій уѣзды какъ разъ тѣ уѣзды, черезъ которые по пути изъ Бодайбо въ Иркутскъ и шли ленскіе рабочіе.

Естественно предположить, а только что описанная картина даетъ для того достаточно основаній, что по пути въ Иркутскъ выходцы этихъ уѣздовъ задержались у себя дома.

Восьмое мѣсто по выходу принадлежитъ Пермской губерніи. Поуѣздный выходъ Пермской губ. совершенно тождествененъ съ выходомъ другихъ разсматриваемыхъ губерній (кромѣ Иркутской). Шадринскій уѣздъ даетъ 125 рабочихъ изъ 174, приходящихся на всю губернію. Одинъ уѣздъ даетъ 71,83% всего губернскаго выхода. На остальные 8 уѣздовъ (Верхотурскій, Екатеринбургскій, Ирбитскій, Камышловскій, Осинскій, Оханскій, Пермскій и Чердынскій) приходится всего 49 человѣкъ, т. е. 28,17% выхода губерніи. По типу выхода Пермская губернія сильно напоминаетъ Енисейскую. И тамъ, и тутъ рѣзко среди остальныхъ выдѣляется по выходу одинъ уѣздъ, наблюдается огромная распыленность выхода по волостямъ. Нѣтъ ясно очерченныхъ крупныхъ центровъ выхода.

Данныя о поволостномъ отходѣ Пермской губерніи таковы:

В О Л О С Т И.	Всего рабочихъ.	°/о къ выходу изъ уѣзда.	°/о къ выходу изъ губерніи.	°/о ко всему выходу.
Крестовская	21	16,80	12,07	0,57
Мѣхонская	13	10,40	7,47	0,35
Осиповская	13	10,40	7,47	0,35
Итого по 3 волостямъ .	47	37,60	27,01	1,27
По остальнымъ волостямъ и г. Шадринску	78	62,40	44,83	2,11

Во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ данной губерніи нѣтъ ни одной волости, которая могла бы быть отнесена къ замѣтнымъ центрамъ отхода. Во всей Пермской губерніи только и есть три волости, дающія въ совокупности всего 47 человѣкъ,—волости, которыя мы условились относить къ очагамъ выхода. Несом-

мнѣнно, что Пермская губернія принадлежитъ къ числу губерній, въ коихъ выходъ по волостямъ концентрированъ.

По типу поуѣзднаго выхода Костромская губернія ничуть не отстываетъ и ничуть не отличается отъ всѣхъ остальныхъ губерній. Въ ней, какъ и въ другихъ губерніяхъ, центръ тяжести выхода падаетъ на одинъ уѣздъ. Уѣздъ этотъ Варнавинскій, давшій 132 человекъ изъ 168 выходцевъ Костромской губерніи, т. е. Варнавинскій уѣздъ далъ 78,57% выхода губерніи, т. е. почти $\frac{4}{5}$. Остальные 5 уѣздовъ (Ветлужскій, Кологривскій, Макарьевскій, Нерехтскій и Юрьевецкій) дали случайный выходъ; всѣ вмѣстѣ всего 36 рабочихъ, или 21,43%, т. е. немногимъ больше $\frac{1}{5}$ выхода губерніи. При чемъ Ветлужскій уѣздъ далъ 24 чел., а остальные 4 уѣзда только 12 рабочихъ.

Поволостной выходъ изъ Костромской губерніи представленъ ниже:

Наименованіе волостей.	Всего рабочихъ.	% къ выходу изъ уѣзда.	% къ выходу изъ губерніи.	% ко всему выходу.
Тонкинская	43	32,58	25,60	1,16
Черновская	33	25,00	19,64	0,89
Карповская	10	7,58	5,95	0,27
Итого по 3 волостямъ .	86	65,16	51,19	2,32
По остальнымъ волостямъ .	46	34,84	27,38	1,24

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ не только намѣтились опредѣленные центры выхода, но эти центры оказались центрами крупными. Тонкинская волость дала $\frac{1}{3}$ выхода уѣзда, а Черновская $\frac{1}{4}$. Въ Ветлужскомъ уѣздѣ, который всего далъ 24 рабочихъ, намѣтился очагъ выхода въ видѣ Тоншаевской волости, давшей 13 рабочихъ, т. е. больше половины выхода уѣзда.

Поволостная таблица Костромской губерніи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Тонкинская, Варнавинскаго уѣзда	43
Черновская, » »	33
Тоншаевская, Ветлужскаго »	13
Карповская, Варнавинскаго »	10

4 волости дали 99 человекъ, т. е. 58,93% или около $\frac{2}{3}$.

Во всѣхъ остальныхъ 12 губерніяхъ, которыя мы условились считать регулярными поставщиками рабочихъ на ленскіе пріиска, нѣтъ ни одной волости, выходъ изъ которой превышалъ или равнялся бы 10. Единственнымъ исключеніемъ явилась Ладская волость, Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи, давшая 13 рабочихъ или 76,47% выхода уѣзда, 28,26% выхода губерніи и 0,35% всего выхода.

Слѣдующая таблица даетъ представленіе о поуѣздномъ распредѣленіи рабочихъ по 8 губерніямъ, давшимъ наибольшій отходъ.

Иркутская губернія, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, здѣсь не показана.

ГУБЕРНІИ.	Уѣздъ, стоящій по выходу на первомъ мѣстѣ.		Уѣздъ, стоящій по выходу на второмъ мѣстѣ.		Остальные уѣзды.		ВСЕГО.	
	Всего.	въ %	Всего.	въ %	Всего.	въ %	Всего.	въ %
Тобольская . . .	391	47,34	212	25,67	223	26,99	826	100
Симбирская . . .	337	60,07	168	29,93	56	10,00	561	100
Нижегородск.	190	37,77	70	13,92	243	48,51	503	100
Вятская	208	56,52	81	22,01	79	21,47	368	100
Енисейская . . .	104	40,62	61	23,82	91	35,56	256	100
Томская	109	49,55	40	18,18	71	32,27	220	100
Пермская	125	71,83	20	11,49	29	11,68	174	100
Костромская . . .	132	78,57	24	14,29	12	7,14	168	100

Изъ таблицы видно, что въ каждой губерніи есть уѣздъ съ выходомъ, превалирующимъ надъ выходомъ изъ остальныхъ уѣздовъ. При чемъ въ сибирскихъ губерніяхъ выходъ изъ такихъ уѣздовъ колеблется отъ 40 до 50%. Въ губерніяхъ Европейской Россіи онъ, кромѣ Нижегородской губерніи, вездѣ превышаетъ половину выхода губерніи, достигая въ Костромской даже $\frac{4}{5}$. Иначе говоря, концентрированность поуѣзднаго выхода въ предѣлахъ губерніи сильнѣе и замѣтнѣе въ губерніяхъ Европейской Россіи, нежели въ губерніяхъ Сибири.

Столь же рельефно и столь же показательно та же тенденція проявляется и въ поволостномъ выходѣ.

ГУБЕРНІИ.	Волостей, давшихъ каждая больше 10.			Волостей, давшихъ каждая меньше 10.			Всего мѣстъ выхода.	Въ среднемъ на волость.
	Всего.	Въ средн. на волость.	0/0 губ. выхода приходящійся на нихъ.	Всего.	Въ средн. на волость.	0/0 губ. выхода приходящійся на нихъ.		
Тобольская	20	24,15	58,47	121	2,83	41,53	141	5,86
Симбирская	9	50,00	80,21	47	2,36	19,79	56	10,01
Нижегородск.	15	22,41	67,00	73	2,27	33,00	88	5,72
Вятская	10	19, 2	52,17	98	1,80	47,83	108	3,40
Енисейская	7	13,71	37,50	47	3,40	62,50	54	4,74
Томская	3	14,67	20,00	71	2,48	80,00	74	3,00
Иркутская	4	11, 0	24,31	51	2,69	75,69	57	3,18
Пермская	3	16, 0	27,01	60	2,12	72,99	63	2,76
Костромская	4	25, 0	58,93	27	2,59	41,07	31	5,42

ГУБЕРНІИ.	Среднее количество рабочихъ, приходящихся на одну волость изъ числа волостей, давшихъ выходъ по 10 и больше.	Среднее количество рабочихъ, приходящихся на одну волость изъ числа волостей, давшихъ выходъ меньше 10.	Разница между среднимъ выходомъ.
Симбирская	50 ^{0/0}	2,36 ^{0/0}	47,64 ^{0/0}
Костромская	25 ^{0/0}	2,59 ^{0/0}	22,41 ^{0/0}
Нижегородская	22,41 ^{0/0}	2,27 ^{0/0}	20,14 ^{0/0}
Вятская	19 ^{0/0}	1,80 ^{0/0}	17,40 ^{0/0}
Пермская	16 ^{0/0}	2,12 ^{0/0}	13,88 ^{0/0}
Тобольская	24,15 ^{0/0}	2,83 ^{0/0}	21,32 ^{0/0}
Томская	14,67 ^{0/0}	2,48 ^{0/0}	12,19 ^{0/0}
Енисейская	13,71 ^{0/0}	3,40 ^{0/0}	10,31 ^{0/0}
Иркутская	11 ^{0/0}	2,69 ^{0/0}	8,31 ^{0/0}

Располагая отдѣльно губерніи Европейской Россіи и Сибири по средней для волостей, давшихъ каждая больше 10 рабочихъ, мы видимъ, что среднія эти у сибирскихъ губерній ниже среднихъ губерній Европейской Россіи.

Въ губерніяхъ Европейской Россіи средняя колеблется отъ 16⁰/₀ (Пермская губ.) до 50⁰/₀ (Симбирская губ.); въ губерніяхъ Сибири колеблется отъ 11⁰/₀ (Иркутск. губ.) до 24,15 (Тобольск. губ.). Наряду съ этимъ—средняя для волостей, давшихъ каждая выходъ менѣе 10, у сибирскихъ губерній выше, чѣмъ у губерній Европейской Россіи.

Значитъ, въ губерніяхъ Европейской Россіи выходъ рабочихъ сосредоточился въ опредѣленныхъ крупныхъ центрахъ и сравнительно слабо распространился по губернской периферіи.

Совсѣмъ иная картина наблюдается въ сибирскихъ губерніяхъ. Въ нихъ выходъ болѣе равномерно распредѣлился по волостямъ, не дѣлая такихъ рѣзкихъ скачковъ, какъ въ губерніяхъ Европейской Россіи.

Величина скачковъ, т. е. разность между средней для волостей съ выходомъ каждая больше 10 и выходомъ меньше 10,— и является, по нашему мнѣнію, безспорнымъ аргументомъ, въ связи, конечно, съ величиной самихъ среднихъ, въ пользу только что выставленнаго положенія.

«Разность» Пермской губерніи (самая меньшая разность губ. Европ. Россіи) уступаетъ только разности Тобольской губерніи.

Беря сумму выхода по 5 губерніямъ Европейской Россіи и сравнивая ее съ таковой же трехъ губерній Сибири (Енисейск., Томской и Тобольск.), мы получаемъ такую табличку:

ГУБЕРНІИ.	Волостей съ выходомъ отъ 10 ч. и больше.	Въ среднемъ на волость.	Среднее число волостей на губернію.	Волостей съ выходомъ меньше 10.	Въ среднемъ на волость.	Среднее число волостей на губернію.	Всего волостей.	Въ среднемъ на губернію.	Въ среднемъ на волость.
Сибири	30	20,77 ⁰ / ₀	10 ⁰ / ₀	239	2,84 ⁰ / ₀	79,67 ⁰ / ₀	269	89,67 ⁰ / ₀	4,84 ⁰ / ₀
Европейской Россіи	41	27,44 ⁰ / ₀	8,20 ⁰ / ₀	305	2,13 ⁰ / ₀	61 ⁰ / ₀	346	69,20 ⁰ / ₀	5,13 ⁰ / ₀

Средняя выхода изъ одной волости въ сибирскихъ губерніяхъ на 0,33 меньше, чѣмъ средняя для волости губерній Евро-

пейской Россіи. Колебанія среднихъ у волостей съ выходомъ больше 10 и у волостей съ выходомъ меньше 10—значительнѣе въ Европейской Россіи; въ Сибири, они меньше. Средняя для волостей Сибири, дававшихъ больше 10,—20,77 рабочихъ, меньше средней волостей Европейской Россіи почти на 7, или 24,31⁰/₀, т. е. почти на $\frac{1}{4}$.

Средняя у волостей, давшихъ выходъ меньше 10, въ Сибири, наоборотъ, выше, чѣмъ въ Европейской Россіи на 0,71, или на 25,00⁰/₀. Разность между средними у волостей Сибири всего—17,93; тогда какъ эта же разность между средними у волостей Европейской Россіи—25,31. Послѣдняя разность больше предыдущей на 29,16⁰/₀, т. е. почти на $\frac{1}{3}$. На волости—поставщицы въ сибирскихъ губерніяхъ падаетъ 47,85⁰/₀ всего выхода изъ этихъ губерній, тогда какъ въ губерніяхъ Европейской Россіи на такія же волости падаетъ уже 63,42⁰/₀ выхода.

Приведенныя цифры и вычисленія позволяютъ сдѣлать нѣсколько выводовъ:

1) выходъ изъ губерній Сибири распредѣляется по отдѣльнымъ волостямъ равномернѣе, чѣмъ въ волостяхъ Европейской Россіи.

2) выходъ изъ Европейской Россіи концентрированнѣе, чѣмъ выходъ изъ Сибири, такъ какъ а) мѣстъ выхода въ губерніяхъ Европейской Россіи на каждую губернію приходится меньше, чѣмъ въ губерніяхъ Сибири; б) волости Европейской Россіи съ повышеннымъ выходомъ даютъ въ среднемъ рабочихъ больше; в) волости съ пониженнымъ отходомъ даютъ, наоборотъ, въ Европейской Россіи, въ среднемъ, рабочихъ меньше, чѣмъ волости Сибири.

Распредѣленіе ленскихъ рабочихъ по губерніямъ выхода представляетъ изъ себя совсѣмъ иную картину, чѣмъ такое же распредѣленіе у рабочихъ, прослѣдовавшихъ на Дальній Востокъ. Для сравненія нами взято только движеніе вольныхъ, т. е. слѣдовавшихъ безъ предварительнаго найма, на поиски работъ—рабочихъ. Распредѣленіе по губерніямъ выхода контрактованныхъ рабочихъ для цѣлей сравненія служить ни въ коемъ случаѣ не могло, такъ какъ мѣста выхода контрактованныхъ рабочихъ опредѣляются исключительно волею нанимателей. При сравненіи погубернскаго отхода дальневосточныхъ вольныхъ и (далее мы будемъ говорить только о нихъ) рабо-

чихъ съ таковымъ же ленскихъ рабочихъ сразу и рѣзко бросается крупное различіе.

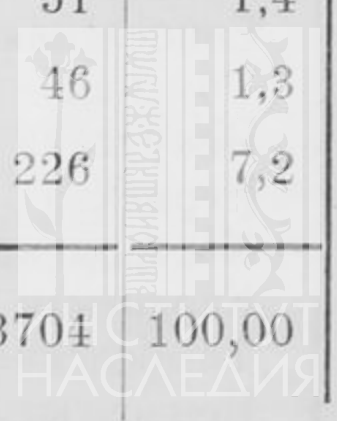
Губерній выхода ленскихъ рабочихъ, давшихъ каждая больше 1% выхода, было только 12 изъ 58.

У дальневосточныхъ рабочихъ такихъ губерній было 20 изъ 68.

Замѣтна и еще одна особенность: упомянутыя губерніи у ленскихъ рабочихъ дали $\frac{9}{10}$ всего отхода, при чемъ—на отдѣльныя губерніи Нижегородскую, Симбирскую и Тобольскую падали 13,6%, 15,1% и 22,3% всего отхода. Такія же губерніи у дальневосточныхъ рабочихъ дали тоже $\frac{9}{10}$ всего отхода, но не было ни одной губерніи, на долю которой приходилось бы такое сравнительно большое количество рабочихъ.

Слѣдующая таблица достаточно ярко иллюстрируетъ только что высказанное положеніе:

Губерніи выхода ленскихъ рабочихъ.					ВСЕГО.	%
1.	Тобольская	-	-	-	826	22,3
2.	Симбирская	-	-	-	561	15,1
3.	Нижегородская	-	-	-	503	13,6
4.	Вятская	-	-	-	368	9,9
5.	Енисейская	-	-	-	256	6,9
6.	Томская	-	-	-	220	5,9
7.	Иркутская	-	-	-	181	4,9
8.	Пермская	-	-	-	174	4,7
9.	Костромская	-	-	-	168	4,5
10.	Казанская	-	-	-	83	2,3
11.	Тамбовская	-	-	-	51	1,4
12.	Пензенская	-	-	-	46	1,3
	Остальныя губерніи	-	-	-	226	7,2
И Т О Г О -					3704	100,00

Губ. выхода дальневосточн. рабочихъ.					ВСЕГО.	0/0
1.	Тамбовская	-	-	-	1079	11,01
2.	Тобольская	-	-	-	914	9,33
3.	Вятская	-	-	-	683	6,97
4.	Нижегородская	-	-	-	597	6,09
5.	Пермская	-	-	-	584	5,96
6.	Акмолинская	-	-	-	547	5,58
7.	Оренбургская	-	-	-	535	5,46
8.	Калужская	-	-	-	523	5,34
9.	Томская	-	-	-	499	5,09
10.	Енисейская	-	-	-	490	5,01
11.	Уфимская	-	-	-	418	4,27
12.	Пензенская	-	-	-	333	3,40
13.	Симбирская	-	-	-	322	3,29
14.	Смоленская	-	-	-	276	2,82
15.	Полтавская	-	-	-	260	2,65
16.	Саратовская	-	-	-	246	2,50
17.	Казанская	-	-	-	245	2,49
18.	Черниговская	-	-	-	160	1,63
19.	Рязанская	-	-	-	136	1,39
20.	Самарская	-	-	-	124	1,27
	По остальнымъ губерніямъ	-	-	-	827	8,45
И Т О Г О					9,798	100,00

Отсюда мы видимъ, что губерніи выхода ленскихъ и дальневосточныхъ рабочихъ далеко не совпадаютъ.

Г У Б Е Р Н І И.	Мѣсто по количеству выхода да ленскихъ рабочихъ.			Число вышедшихъ ленскихъ рабочихъ въ 0/0.	
	1	2	3	Число вышедшихъ дальневосточныхъ рабочихъ въ 0/0.	0/0.
Тобольская - - -	1	2	22,3	9,33	
Симбирская - - -	2	13	15,1	3,29	
Нижегородская - - -	3	4	13,6	6,09	
Вятская - - -	4	3	9,9	6,97	
Енисейская - - -	5	10	6,9	5,01	
Томская - - -	6	9	5,9	5,09	
Иркутская - - -	7	21	4,9	0,98	
Пермская - - -	8	5	4,7	5,96	
Костромская - - -	9	36	4,5	0,17	
Казанская - - -	10	17	2,3	2,49	
Тамбовская - - -	11	1	3,4	11,01	
Пензенская - - -	12	12	1,3	3,40	

Дѣлать, на основаніи приведенной сравнительной таблички выхода, какое-нибудь определенное заключеніе трудно, такъ какъ для ленскихъ рабочихъ мы уже установили определенныя мѣста и губерніи выхода, для дальневосточныхъ же рабочихъ такія мѣста и губерніи еще не установлены. Приведенныя нами данныя касаются только 1912 г., а годъ этотъ, какъ слѣдовавшей непосредственно за сильно неурожайнымъ одиннадцатымъ, — не типиченъ. Неурожай могъ и долженъ былъ измѣнить картину выхода. Единственное заключеніе, по нашему мнѣнію, очень осторожное, все же можно сдѣлать: выходъ дальневосточныхъ рабочихъ очень равномерно распредѣляется по отдѣльнымъ губерніямъ; выходъ ленскихъ рабочихъ распредѣляется иначе.

Сравнительныя поуѣздныя таблицы выхода еще отчетливѣе подтверждаютъ это положеніе.

У Ѣ З Д Ы.	Выходъ левск. раб. въ 0/0 къ выходу изъ губ.		У Ѣ З Д Ы.	Выходъ левск. раб. въ 0/0 къ выходу изъ губ.	
	Выходъ левск. раб. въ 0/0 къ выходу изъ губ.	Выходъ дальневост. раб. въ 0/0 къ вых. изъ губ.		Выходъ левск. раб. въ 0/0 къ выходу изъ губ.	Выходъ дальневост. раб. въ 0/0 къ вых. изъ губ.
Ялуторовскій	47,34	8,76	Арзамасскій	37,77	33,67
Тарскій	25,67	36,87	Васильсурскій	13,92	1,34
Ишимскій	11,26	21,88	Ардатовскій	12,92	35,51
Тюкалинскій	7,02	23,41	Лукояновскій	11,73	10,72
Курганскій	4,24	5,80	Княгининскій	9,54	3,02
Туринскій	2,18	1,09	Сергачскій	7,16	6,18
Тюменскій	1,45	1,97	Макарьевскій	2,78	—
Тобольскій	0,73	0,22	Нижегородскій	2,39	8,38
Сургутскій	0,11	—	Горбатовскій	1,19	0,84
Всего по Тобольск. губерніи	100,00	100,00	Семеновскій	0,40	0,17
Алатырскій	60,07	16,15	Балахнинскій	0,20	0,17
Буинскій	29,95	16,15	Всего по Нижегородской губерніи	100,00	100,00
Ардатовскій	3,74	23,91	Яранскій	56,52	32,94
Сызранскій	—	18,01	Котельническій	22,01	9,81
Симбирскій	2,14	1,24	Орловскій	4,35	7,76
Корсунскій	1,78	12,42	Уржумскій	3,80	10,40
Курмышскій	1,61	4,36	Нолинскій	3,26	9,81
Сенгилейскій	1,71	7,76	Слободской	2,99	3,08
Всего по Симбирской губерніи	100,00	100,00	Глазовскій	2,99	5,15

У ъ з д ы.	Выходъ лѣтск. раб. въ 0/0 къ выходу губ.	Выходъ дальне- вост. раб. въ 0/0 къ выходу губ.	У ъ з д ы.	Выходъ лѣтск. раб. въ 0/0 къ выходу губ.	Выходъ дальне- вост. раб. въ 0/0 къ выходу губ.
Малмыжскій	2,72	5,56	Шадринскій	71,83	51,89
Вятскій	0,82	8,20	Камышловскій	11,49	20,21
Сарапульскій	0,27	5,71	Осинскій	7,47	10,62
Елабужскій	0,27	1,61	Ирбитскій	2,87	0,34
Всего по Вятской губерніи	100,00	100,00	Оханскій	1,73	2,40
Ачинскій	40,62	26,33	Екатеринбургскій	1,73	8,73
Канскій	23,82	22,86	Пермскій	1,15	0,86
Красноярскій	21,48	31,43	Чердынскій	1,15	0,68
Минусинскій	7,04	16,53	Верхотурскій	0,58	1,88
Енисейскій	7,04	2,85	Красноуфимскій	—	1,71
Всего по Енисей- ской губерніи	100,00	100,00	Соликамскій	—	0,68
Маринскій	49,55	38,08	Всего по Пермской губерніи	100,00	100,00
Каинскій	18,18	22,65	Варнавинскій	78,57	11, ?)
Томскій	14,09	15,23	Ветлужскій	14,29	35,5
Барнаулскій	13,64	21,24	Макарьевскій	4,76	23,5
Кузнецкій	2,27	1,40	Нерехтскій	1,20	—
Бійскій	1,82	1,20	Кологривскій	0,60	—
Змѣиногорскій	0,45	0,20	Юрьевецкій	0,60	—
Всего по Томской губерніи	100,00	100,00	Чухломскій	—	5,8
Нижнеудинскій	33,15	29,03	Костромской	—	11,7
Балаганскій	26,52	60,21	Галичскій	—	11,7
Иркутскій	21,55	5,38	Всего по Костром- ской губерніи	100,00	100,00
Киренскій	9,94	4,30			
Верхоленскій	8,84	1,08			
Всего по Иркутск. губерніи	100,00	100,00			

Воспользовавшись схемой дѣленія губерній, употребляемой Челябинской регистраціей при разработкѣ данныхъ о движеніи переселенцевъ (схема дѣленія губерніи предложена Бунге), мы получили такую таблицу (въ таблицѣ показаны одновременно данныя о ленскихъ и дальневосточныхъ рабочихъ):

Районы, полосы, области.	Ленскіе рабочіе.		Дальневост. раб.	
	Всего.	Въ 0/00/0	Всего.	Въ 0/00/0
1) Сѣверный черноземный районъ	143	3,86	1.792	18,29
2) Средній черноземный районъ	7	0,19	359	3,66
3) Юго-Западный черноземный районъ . . .	18	0,49	73	0,75
4) Южныя степныя губ.	7	0,19	44	0,45
5) Восточныя и Юго-Восточныя губерніи . . .	1.219	32,90	2.487	25,39
6) Кавказскія губерніи	4	0,11	10	0,10
7) Промышленныя губ.	30	0,81	846	8,64
8) Западная губерніи	35	0,94	182	1,86
9) Сѣверо-Восточныя заволжск. губерніи . . .	710	19,17	1.284	13,12
10) Сѣверо-Западная губ.	1	0,03	6	0,06
11) Прибалтійскія губ.	4	0,11	3	0,03
12) Сѣверныя губерніи	13	0,35	16	0,16
13) Привислянскія губ.	7	0,19	21	0,21
14) Западная Сибирь	1.046	28,24	1.413	14,42
15) Степной Край	11	0,30	650	6,63
16) Восточная Сибирь	439	11,85	587	5,98
17) Дальневосточн. обл.	10	0,27		
18) Туркестанъ	—	—	5	0,05
19) Не выяснено	—	—	20	0,20
И Т О Г О .	3.704	100,00	9.798	100,00

Изъ приведенной таблицы видно, что районы выхода для ленскихъ и дальневосточныхъ рабочихъ далеко не совпадаютъ, несмотря на то, что отходъ изъ Россіи въ Сибирь на заработки начался уже очень давно, а систематическій и регулярный—съ началомъ постройки Сибирской желѣзной дороги.

Очевидно, что ленскій золотопромышленный районъ черпаетъ для себя своихъ рабочихъ не тамъ, или, вѣрнѣе, не совсѣмъ тамъ, откуда ихъ получаютъ дальневосточныя области. Мы уже точно опредѣлили выше тѣ губерніи и области, которыя даютъ рабочихъ ленскому товариществу.

Заканчивая настоящую главу, мы не можемъ не привести и еще одного важнаго соображенія, внушительно подтверждающаго нашъ анализъ о губерніяхъ-поставщицахъ. Мы говоримъ сейчасъ о данныхъ первой всеобщей переписи 1897 г.

По даннымъ переписи, въ 1897 году рабочихъ и прислуги муж. пола въ Якутской области *) было 19.489 человекъ, изъ нихъ на долю пришлыхъ приходилось 10.176 чел. Эти 19.489 рабочихъ по роду занятій распредѣляются такъ:

1. Сельское хоз., рыбол. и охота	8.612
2. Добыча рудъ и копи	6.182
3. Обрабатывающая промышленность	1.494
4. Почта, телеграфъ и телефонъ	4
5. Пути и средства сообщенія	588
6. Торговля вообще	42
6. Поденщики и чернорабочіе	1.393
8. Прислуга	1.204

Дѣленіе пришлыхъ и мѣстныхъ рабочихъ по роду занятій не проведено. Поэтому намъ при нашихъ дальнѣйшихъ выводахъ придется руководствоваться нѣкоторыми весьма, по нашему мнѣнію, вѣроятными гипотезами.

Пришлые рабочіе, а особенно изъ губерній Западной Сибири и Европейской Россіи, должны были привлекаться въ Якутскую область крупными заработками. Такимъ видомъ труда въ Якутской области была «добыча рудъ и копи».

*) Данные по Якутской области мы беремъ потому, что Бодайбинскій золотопромышленный районъ въ моментъ всеобщей переписи числился по Якутской области. *Авт.*

Поэтому естественно предположить, что на приискахъ-то и работала главная масса пришлыхъ рабочихъ. Рабочіе мѣстные, вѣроятно же всего, должны быть отнесены всей своей главной массой къ группѣ «сельское хозяйство, рыболовство и охота». Извозный промыселъ также долженъ былъ обслуживаться мѣстными силами, а онъ привлекалъ 549 челов. изъ 588 рабочихъ, занятыхъ въ «пути и средства сообщенія». Наличие такихъ условій позволяетъ почти достоверно утверждать, что пришлые рабочіе принадлежали, главнымъ образомъ, къ занятымъ въ «добычѣ рудъ».

Обрабатывающая промышленность обслуживалась 1.464 рабочими, изъ нихъ на «устройство, ремонтъ жилищъ и строительныя работы» приходилось 856 и на обработку металловъ—292. Вѣроятно же всего предположить, что и въ «обрабатывающей промышленности», главнымъ образомъ, были заняты пришлые рабочіе.

Сказать, на основаніи апріорныхъ предположеній, что остальные группы занятій (поденщики и черноработчіе, прислуга и др.) въ главной массѣ обслуживались какой-нибудь опредѣленной категоріей рабочихъ (мѣстной или пришлой) — трудно. Во всякомъ случаѣ, изъ самаго распредѣленія по роду занятій мы дѣлаемъ очень вѣроятное заключеніе, что изъ 9.313 мѣстныхъ рабочихъ около 8.000 было занято въ сельскомъ хозяйствѣ, рыболовствѣ и охотѣ, а около 500 человекъ въ извозномъ промыслѣ. Изъ 10.176 пришлыхъ рабочихъ—около 6.000 было занято при добычѣ рудъ и около 1.000 на строительныхъ работахъ. Значитъ, главная масса пришлыхъ рабочихъ падала на приисковыхъ рабочихъ.

Пользуясь таблицей «распредѣленіе пришлыхъ рабочихъ по губерніямъ», мы можемъ получить данныя о томъ, какія губерніи поставляли рабочихъ на прииска вообще въ 1897 году.

Въ слѣдующей таблицѣ мы приводимъ лишь данныя о губерніяхъ, выходъ изъ которыхъ превышалъ одинъ процентъ всего выхода.

Г У Б Е Р Н І И.	Количество рабочихъ.	‰ отноше- ніе.
1) Тобольская	1.994	19,59‰
2) Иркутская	1.180	11,60 »
3) Пермская	627	6,16 »
4) Вятская	586	5,76 »
5) Томская	565	5,55 »
6) Нижегородская	542	5,33 »
7) Симбирская	435	4,27 »
8) Енисейская	431	4,24 »
9) Уфимская	232	2,28 »
10) Казанская	183	1,80 »
11) Оренбургская	172	1,69 »
12) Костромская	123	1,21 »
13) Кіевская	108	1,06 »
	<hr/> 7.178	70,54 »
Остальныя губерніи . .	2.998	29,46 »
И Т О Г О . .	<hr/> 10.176	100,00 »

При сравненіи только что приведенныхъ данныхъ первой всеобщей переписи съ нашими данными, мы совершенно отбрасываемъ рабочихъ Иркутской губерніи, такъ какъ въ данныхъ переписи они показаны всѣ цѣликомъ, а у насъ зарегистрированы частично.

Г У Б Е Р Н І И.	По даннымъ 1912 года.		По даннымъ пере- писи 1897 г.	
	Всего.	‰	Всего.	‰
Тобольская	826	23,46	1.994	22,17
Симбирская	561	15,92	435	4,84
Нижегородская	503	14,28	542	6,03
Вятская	368	10,45	586	6,51
Енисейская	256	7,27	431	4,79

Г У Б Е Р Н І И.	По даннымъ 1912 года.		По даннымъ переписи 1897 г.	
	Всего.	0/0	Всего.	0/0
Томская	220	6,24	565	6,28
Пермская	174	4,94	627	6,97
Костромская	168	4,77	123	1,38
Казанская	83	2,36	183	2,03
Тамбовская	51	1,45	72	0,80
Пензенская	46	1,31	67	0,74
Кіевская	8	0,23	108	1,20
Оренбургская	11	0,31	172	1,90
Уфимская	28	0,79	232	2,58
Всѣ прочія губерніи	219	6,22	2.859	31,78
Всего безъ Иркутской губерніи	3.523	100,00	8.996	100,00

Изъ таблицы этой видно, что губерніи выхода по даннымъ 1912 и 1897 г.г. въ значительной степени совпадаютъ. Поэтому десять губерній (Тобольская, Иркутская, Пермская, Вятская, Томская, Нижегородская, Симбирская, Енисейская, Казанская, Костромская) должны быть признаны очагами выхода.

Но даже, если наши разсужденія и предположенія по поводу данныхъ всеобщей переписи о пришлыхъ и мѣстныхъ рабочихъ Якутской области въ корнѣ ошибочны и невѣрны, то все же остается безспорнымъ и незыблемымъ одно утвержденіе: губерніи выхода рабочихъ Якутской области (можетъ быть всѣхъ видовъ специальностей и занятій) въ 1897 году и рабочихъ ленскаго золотопромышленнаго товарищества въ 1912 году одни и тѣ же, за малыми исключеніями. Значитъ, можно сдѣлать одинъ несомнѣнный выводъ. Еще съ 1897 года перечисленные 10 губерній давали отходъ рабочихъ на Лену и въ Якутскую область.

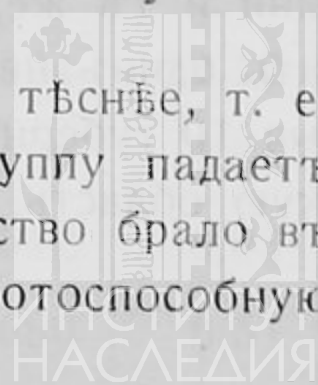
Глава 2. Возрастной составъ рабочихъ.

Возрастной составъ ленскихъ рабочихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

В о з р а с т ъ.	Всего.	Въ 0/00/0
До 18 лѣтъ	23	0,62
Отъ 18 до 20 лѣтъ	204	5,51
„ 21 „ 25 „	590	15,93
„ 26 „ 30 „	1.339	36,15
„ 31 „ 35 „	761	20,54
„ 36 „ 40 „	480	12,96
„ 41 „ 45 „	203	5,48
„ 46 „ 50 „	73	1,97
„ 51 „ 55 „	23	0,62
„ 56 „ 60 „	8	0,22
Свыше 60 лѣтъ	—	—
И Т О Г О .	3.704	100,00

Въ настоящей таблицѣ дается возрастъ рабочихъ, уѣзжающихъ съ присковъ, т. е. рабочихъ, проживающихъ и проработавшихъ нѣкоторое количество времени у ленцевъ. При разсмотрѣннн возрастныхъ группъ и ихъ величинъ ярко выясняется особенность возрастнаго состава ленскихъ рабочихъ. Тамъ не было стариковъ. Рабочимъ возрастомъ для мужчинъ принято считать возрастъ отъ 18 до 60 л. До 18 л. было всего 23 рабочихъ, или 0,62%,—меньше одного процента. Вся масса рабочихъ приходилась на рабочій возрастъ.

Если мы выдѣлимъ рабочій возрастъ еще тѣснѣе, т. е. возьмемъ группу отъ 20 л. до 45, то на эту группу падаетъ 91,06% всего числа рабочихъ. Ленское товарищество брало въ странѣ сокъ рабочей силы, самую здоровую и работоспособную

часть населенія: 36,15% падаетъ на возрастъ отъ 26 до 30 лѣтъ *).

Эта особенность возрастнаго состава особенно замѣтно выступаетъ при сравненіи возрастнаго состава ленскихъ рабочихъ съ рабочими другихъ мѣстъ и видовъ труда.

ВОЗРАСТЪ.	Рабочихъ, занятыхъ при добычѣ золота и платины, по даннымъ всеобщей переписи 1907 г. въ 0/о.	Рабочіе всѣхъ видовъ труда въ Россіи въ 0/о.	Рабочіе всѣхъ видовъ труда въ С.-П.-Б. въ 0/о.
Моложе 15 лѣтъ	1,1	4,9	6,9
15—19 „	11,9	20,0	22,9
20—39 „	57,3	54,7	55,7
40—59 „	27,7	17,8	13,4
60 л. и болѣе	3,8	2,5	0,8
Не выяснено	0,2	0,1	0,3

Изъ таблицы этой видно, что возрастныя группы рабочихъ, занятыхъ при добычѣ золота и платины не совсѣмъ одинаковы съ возрастными группами рабочихъ Имперіи вообще—при добычѣ золота и платины очень мало (сравнительно) рабочихъ до 20 лѣтъ.

Въ слѣдующей табличкѣ разностей эта особенность возрастнаго состава выступаетъ еще отчетливѣе.

ВОЗРАСТЪ.	Разность между занятыми при добычѣ золота и платины и рабочими Имперіи вообще.	Разность между занятыми при добычѣ золота и платины и рабочими С.-Петербурга.
Моложе 15 лѣтъ	—3,8	— 5,8
15—19 „	—8,1	—11,0
20—39 „	+2,6	+ 1,6
40—29 „	+9,9	+14,3
60 л. и болѣе	+1,3	+ 3,0

*) Д-ръ Е. Н. Кореневъ приводитъ въ своей работѣ («Очеркъ санитарно-эконом. положенія рабочихъ на золотопр. Витимско-Олекм. системѣ Якутской обл.», С.-П.-Б. 1903 г., стр. 33) возрастныя данныя для 23.073 ленскихъ рабочихъ за 1898—99 г. г. Изъ его данныхъ видно, что на возрастъ отъ 20 до 45 лѣтъ приходится 93,18% всего количества рабочихъ, на возрастъ ниже 20 лѣтъ—3,59%, на возрастъ выше 45 лѣтъ—3,23%. *Ред.*

Среди занятых при добычѣ золота и платины преобладаютъ рабочіе зрѣлаго возраста.

Возрастной составъ ленскихъ рабочихъ представленъ не совсѣмъ въ такихъ группахъ, какія примѣнялись при разработкѣ данныхъ переписи. Однако, несходство это такъ незначительно, что цѣлямъ сравненія препятствовать особенно не можетъ.

ВОЗРАСТЪ.	Рабочіе при добычѣ золота и платины вообще.	Ленскіе рабочіе.	Разность между ленскими рабочими и занятыми при добычѣ золота и платины.
Моложе 20 лѣтъ	13,0	6,13	— 6,87
20—39 „	57,3	85,59	+28,29
40—59 „	27,7	8,29	—19,41
60 л. и выше	3,8	—	— 3,8

Таблица разностей съ поразительной эффектностью отдѣняетъ особенность возрастнаго состава ленскихъ рабочихъ. Группа зрѣлаго возраста у ленскихъ рабочихъ доминируетъ надъ всѣми остальными.

Въ слѣдующей таблицѣ приводятся сравнительныя данныя о возрастѣ ленскихъ, дальневосточныхъ (всѣхъ, контрактowanych и вольныхъ), рабочихъ Московской и Владимирской губ.

ВОЗРАСТЪ.	Ленскіе рабочіе.	Дальневосточные рабочіе *).	Разница относительно носителей ленцевъ.	Рабоч. Владимирской губерніи **).	Разница относительно носителей ленцевъ.	Рабоч. Московской губерніи ***).	Разница относительно носителей ленцевъ.
Моложе 20 лѣтъ	6,13	18,5	—12,37	21,31	—15,18	17,2	—11,07
20—25 „	15,93	20,1	— 4,17	16,79	— 0,86	15,9	0,0
25—30 „	36,15	23,5	+12,65	16,36	+19,79	17,6	+18,55
30—40 „	33,50	23,8	+ 9,7	25,53	+ 7,97	26,5	+ 7,50
40—50 „	7,45	11,6	— 4,15	13,15	— 5,70	15,2	— 7,75
50—60 „	0,84	2,3	— 1,46	4,84	— 4,00	6,2	— 5,36
Свыше 60 „	—	0,2	— 0,2	2,02	— 2,02	1,4	— 1,4

*) Движеніе рабочихъ на Дальній Востокъ въ 1912 г., изд. восточн. района передв. перес.

**) *Козьминъ-Ланинъ*. Фабрично-заводскій рабочій Владимирской губерніи (1897 г.).

***) *Козьминъ-Ланинъ*: Грамотность и заработки фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. *Авт.*

Изъ приведенной таблицы видно, что у ленскихъ рабочихъ возрастныя группы отъ 25 до 30 и отъ 30 до 40 значительно превышаютъ тѣ же группы у дальневосточныхъ рабочихъ и у рабочихъ Московской и Владимирской губерній. Группы же до 25 лѣтъ и послѣ 40 л. у ленскихъ рабочихъ меньше, чѣмъ у остальныхъ рабочихъ. Ленскіе рабочіе имѣли въ своей средѣ мало молодежи и стариковъ. Главная масса ихъ падала на зрѣлый возрастъ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію и дальнѣйшему анализу возрастнаго состава ленскихъ рабочихъ.

Въ слѣдующей таблицѣ приводятся сравнительныя данныя о возрастѣ рабочихъ-выходцевъ изъ Сибири и Европейской Россіи.

Возрастныя группы.	Выходцы губерн.		Выходцы губерн.		Разность относительно выходцевъ Сибири.
	Сибири.	Европейской Россіи.	Сибири ко всему числу 0/0.	Европейск. Россіи ко всему числу въ 0/0.	
До 18 лѣтъ .	13	10	0,86	0,45	+0,41
Отъ 18 до 20 лѣтъ	72	132	4,78	6,01	-1,23
21—25 „	206	384	13,68	17,47	-3,79
26—30 „	537	802	35,66	36,49	-0,83
31—35 „	306	455	20,32	20,70	-0,38
36—40 „	219	261	14,54	11,87	+2,67
41—45 „	98	105	6,51	4,78	+1,73
46—50 „	30	43	1,99	1,96	+0,03
51—55 „	18	5	1,20	0,23	+0,97
Свыше 55 „	7	1	0,46	0,04	+0,42
Итого .	1.506	2.198	100,00	100,00	—

Возрастныя группы выходцевъ Европейской Россіи до 36 лѣтъ выше, чѣмъ у выходцевъ Сибири. Послѣ 36 лѣтъ преимущество переходитъ на сторону выходцевъ Сибири. Беря распределение по возрастамъ и по губерніямъ, мы видимъ, что возрастной составъ приблизительно во всѣхъ губерніяхъ одинаковъ. Исключеніе представляютъ Иркутская губернія, насчитывающая

сравнительно много стариковъ (10,5%) и Костромская губернія, насчитывающая много молодежи (15,5%). Сказанное иллюстрируется слѣдующей таблицей:

Губерніи выхода.	Возрастныя группы въ процент.				ИТОГО.
	До 18 л.	Отъ 18 до 20 л.	Отъ 21 г. до 45 л.	Свыш. 45 л.	
Казанская	—	3,6	95,2	1,2	100,00
Костромская	—	15,5	82,7	1,8	100,00
Пермская	0,6	1,7	95,4	2,3	100,00
Вятская	—	8,4	89,7	1,9	100,00
Нижегородская	0,4	4,6	92,0	3,0	100,00
Симбирская	0,7	6,0	90,4	2,9	100,00
Иркутская	1,7	4,4	83,4	10,5	100,00
Томская	1,4	5,4	90,9	2,3	100,00
Енисейская	—	3,9	92,2	3,9	100,00
Тобольская	0,9	4,8	91,9	2,4	100,00
Остальныя губерніи	0,8	3,9	94,2	1,1	100,00
В с е г о .	0,6	5,5	91,1	2,8	100,00

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи возрастнаго состава рабочихъ, нами сдѣланы слѣдующія таблицы, показывающія распределеіе рабочихъ по возрастамъ въ связи съ родомъ работы и занятіемъ на пріискахъ.

Классификація занятій заимствована нами изъ книги инженера Кваши «Сравнительно—статистическія данныя о рабочихъ ленскаго товарищества».

Группы по занятіямъ на Лензото.	Возрастн. группы.			Всего зарегистрированных.
	До 21 г.	Отъ 21 до 45 л.	Свыш. 45 л.	
Рабочіе при электрической станціи	3	19	—	22
Рабочіе при механич. мастерск.	4	72	2	78
Мастеровые	8	54	7	69
Плотники	10	217	13	240

Группы по занятіямъ на Лензото.	Возрастн. группы.			Всего зареги-стриров.
	До 21 г.	Отъ 21 до 45 л.	Свыш. 45 л.	
Разночинцы *)	73	291	18	382
Рабоч. при добычѣ песковъ	128	2.683	61	2.872
Рабоч. при промывкѣ песк.	1	24	2	27
Рабоч. при конномъ дворѣ	—	11	1	12
Не выяснено	—	2	—	2
В с е г о .	227	3.373	104	3.704

Группы по занятіямъ на Лензото.	Возрастн. группы въ 0/0.			Средній возр. въ годахъ.
	До 21 г.	Отъ 21 до 45 л.	Свыш. 45 л.	
Рабоч. при электрич. станц.	13,6	86,4	—	28,36
Рабоч. при механич. мастерск. . . .	5,1	92,3	2,6	29,86
Мастеровые	11,6	78,3	10,1	31,35
Плотники	4,2	90,4	5,4	32,71
Разночинцы	19,1	76,2	4,7	29,22
Рабоч. при добычѣ песк.	4,5	93,4	2,1	30,56
Рабочіе при промывкѣ песковъ . . .	3,7	88,9	7,4	34,22
Рабоч. при конномъ дворѣ	—	91,7	8,3	32,50
В с е г о .	6,1	91,1	2,8	30,57

Располагая по среднему возрасту отъ болѣе молодыхъ къ болѣе старымъ, мы получаемъ такой рядъ:

Рабоч. при электр. ст. 28,36	Мастеровые 31,35
Разночинцы 29,22	Рабоч. при кон. дворѣ . 32,50
Рабоч. при механич. маст. 29,86	Плотники 32,71
Рабоч. при добычѣ песк. 30,56	Рабоч. при промыв. песк. 34,22

Средній возрастъ для всѣхъ рабочихъ 30,57

*) Въ группу «разночинцы» вошли поторжные рабочіе, банщики, дровосѣки и т. п. *Авт.*

Самыми молодыми рабочими являются рабочіе при электрическихъ станціяхъ. Самыми старыми—рабочіе при промывкѣ песковъ; разница между этими группами почти въ 6 лѣтъ (5,83).

Средній возрастъ ленскаго рабочаго равняется 30,57 г. Эта средняя только на 0,01 больше средней для рабочихъ, занятыхъ при добычѣ песковъ, т. е. самой большой группы.

Средняя для рабочихъ при добычѣ песковъ и дѣлаетъ среднюю для всѣхъ рабочихъ. Поэтому, вычисленныя среднія для остальныхъ группъ рабочихъ приобрѣтаютъ особенную цѣнность для характеристики возрастнаго состава рабочихъ.

Средній возрастъ ленскаго рабочаго мы имѣемъ возможность условно сравнить со среднимъ возрастомъ дальневосточнаго рабочаго. Мы сказали «условно» и вотъ почему. Средній возрастъ ленскаго рабочаго вычисленъ точно: взята сумма лѣтъ всѣхъ рабочихъ и раздѣлена на число рабочихъ. При выведеніи средней для дальневосточныхъ рабочихъ мы не имѣли возможности примѣнить такой пріемъ, а потому мы поступили такъ: для каждой возрастной группы мы брали произвольно средній возрастъ, множили на число рабочихъ—полученныя такимъ образомъ суммы были сложены и раздѣлены на число рабочихъ. (Такъ для группы отъ 21 до 25 л.—средняя принималась въ 22,5 г.; для группы отъ 26 до 30 л. въ 27,5 и т. д.). Полученный такимъ образомъ средній возрастъ дальневосточнаго рабочаго равнялся 29,01 года. Цифра эта, повидимому, ниже дѣйствительной, такъ какъ средній возрастъ ленскаго рабочаго, вычисленный такимъ же образомъ, равнялся 29,91 года (при точномъ подсчетѣ онъ равнялся 30,57 г.). Но изъ этихъ условныхъ среднихъ мы можемъ сдѣлать несомнѣнно резонное заключеніе: дальневосточный рабочій въ среднемъ моложе ленскаго приблизительно на годъ.

Говоря выше о возрастѣ ленскаго рабочаго, мы все время говорили о возрастѣ рабочаго, возвращавшагося съ приисковъ. Конечно, возрастъ рабочаго при поступленіи былъ ниже возраста при возвращеніи. Точно знать возрастъ ленскаго рабочаго при поступленіи по тѣмъ даннымъ, которыя имѣлись въ нашемъ распоряженіи,—нельзя; о возрастѣ этомъ можно судить лишь приблизительно. Въ карточкѣ имѣется одинъ вопросный пунктъ, который позволяетъ сдѣлать не совсѣмъ точныя вычисленія.

Вопросный пунктъ касался времени пребыванія рабочаго на приискахъ, но средактированъ онъ былъ крайне неудачно (одинъ изъ недостатковъ карточки), а именно: «пробылъ на приискахъ до 1 г. до двухъ, отъ 2 до 3, отъ 3 до 5, свыше 5». вмѣсто того, чтобы прямо поставить вопросъ о количествѣ лѣтъ, проведенныхъ на приискахъ,—былъ введенъ въ карточку осложненный пунктъ.

Для вычисленія возраста поступленія мы допустили слѣдующую условность: поступившихъ до 1 года считали возвращавшимися въ томъ же возрастѣ, отъ 1 г. до 2—на годъ моложе; отъ 2 до 3—моложе на 2; отъ 3 до 5—моложе на 4; свыше 5—время пребыванія обозначалось точно, а потому и возрастъ поступленія обозначался точно.

Возрастныя группы при поступленіи таковы:

В о з р а с т ь .	Всего.	Въ 0/0	В о з р а с т ь	Всего.	Въ 0/0
До 13 лѣтъ .	17	0,5	Отъ 36—40 .	314	8,5
Отъ 14 до 17 л. .	57	1,5	41—45 .	117	3,2
18—20 „ .	331	8,9	46—50 .	29	0,8
21—25 „ .	1018	27,5	51—55 .	8	0,2
26—30 „ .	1177	31,8	55—60 .	1	0,03
31—35 „ .	612	16,5	Не выяснено .	23	0,6

Ниже въ табличкѣ приводятся разности между возрастными группами ленскаго рабочаго при поступленіи и дальневосточнаго рабочаго.

Разности берутся по отношенію къ ленскому рабочему.

Дальне-восточн.

рабочіе.

Моложе 20 л.	—7,6
21—25 „	+7,4
26—30 „	+8,3
31—40 „	+1,2
41—50 „	—7,6
50—60 „	—2,1
Свыше 60 л.	—0,2

Для сравненія мы приводимъ характерныя данныя изъ упоминавшейся выше книги Козьминыхъ-Ланина о возрастѣ при поступленіи рабочихъ Московской губерніи.

По Московской губерніи.	Ленскіе рабочіе.	Разность относитель- но ленскихъ рабочихъ.
6 — 8 л. 0,2	До 13 л. 0,5 „ 14-17 1,5	— 67,7
8—10 „ 2,7		
10—12 „ 5,2		
12—15 „ 25,5		
15—17 „ 36,1		
17—20 „ 14,0	8,9	— 5,1
20 — 25 „ 7,4	27,5	+20,1
25—30 „ 4,8	31,8	+27,0
Старше 30 „ 4,1	29,2	+25,1

Возрастной составъ ленскихъ рабочихъ при поступленіи крайне рѣзко отличается отъ такового же у рабочихъ Московской губерніи.

У рабочихъ Московской губерніи центръ тяжести возраста поступленія падаетъ на возрастъ до 20 лѣтъ; у ленскихъ рабочихъ, наоборотъ, онъ падаетъ на группы свѣше 20 лѣтъ. Объяснить данное явленіе не входитъ въ наши задачи—мы только сравниваемъ и отмѣчаемъ особенности въ составѣ ленскихъ рабочихъ.

Съ помощью упоминавшагося выше приема мы вычисляли возрастной составъ рабочихъ при поступленіи въ связи съ занятіемъ на прискахъ.

Данныя приводятся ниже въ таблицѣ:

Группы по занятіямъ на Лензото.	Возрастныя группы.				Итого.
	До 18 л.	18-20	21-45	Свыш 45 л	
Рабочіе при электр. станц. .	3	2	17	—	22
Рабоч. при механ. мастерск.	1	8	69	—	78
Мастеровые	6	3	57	3	69
Плотники	—	17	216	6	240*)
Разночинцы	22	72	272	12	382**)
Рабоч. при добычѣ песк. .	42	224	2.571	17	2.872***)
Рабоч. при промывкѣ песк. .	—	4	23	—	27
Рабоч. при конномъ дворѣ .	—	1	11	—	12
Не выяснено	—	—	2	—	2
Итого .	74	331	3.238	38	3704****

Группы по занятіямъ на Лензото.	Возрастныя группы.				Итого.
	До 18 л	18-20	21-45	Свыш. 45 л.	
Рабочіе при электр. станц. .	13,64	9,09	77,27	—	100,00
Рабоч. при механ. мастерск.	1,28	10,26	88,46	—	100,00
Мастеровые	8,69	4,35	82,61	4,35	100,00
Плотники	—	7,11	90,38	2,51	100,00
Разночинцы	5,82	19,05	71,96	3,17	100,00
Рабоч. при добычѣ песк. .	1,47	7,85	90,08	0,60	100,00
Рабоч. при промывкѣ песк. .	—	14,81	85,19	—	100,00
Рабоч. при конномъ дворѣ .	—	8,33	91,67	—	100,00
Не выяснено	—	—	100,00	—	100,00
Итого .	2,01	8,99	87,97	1,03	100,00

*) Не выяснено—1.

***) Не выяснено—4.

***) Не выяснено—18.

****) Не выяснено—23. Авт.

Вычисливъ средній возрастъ при поступленіи, а также взявъ данныя о среднемъ возрастѣ при возвращеніи, мы получили данныя о среднемъ числѣ лѣтъ, которыя ленскій рабочій провелъ на работахъ у ленскаго товарищества.

Р О Д Ъ З А Н Я Т І Й.	Возрастъ при поступленіи (въ годахъ).	Возрастъ при возвращеніи (въ годахъ).	Время, проведенное на прииск. (въ год.).
Рабочій при электрич. станціи	25,86	28,36	2, 5
Разночинецъ	28,00	29,22	1,22
Рабочій при механич. мастерск.	28,19	29,86	1,67
Мастеровой	29,61	31,35	1,74
Плотникъ	30,91	32,71	1,80
Рабочій при добычѣ песковъ	28,58	30,56	1,98
Рабочій при промывкѣ песковъ	30,15	34,22	4,07
Рабочій при конномъ дворѣ	29,17	32,50	3,33
<hr/>			
Ленскій рабочій вообще	28,68	30,57	1,89

Самыми молодыми при поступленіи оказываются рабочіе при электрической станціи, самыми старыми—плотники. Дольше всѣхъ работаютъ рабочіе при промывкѣ песковъ, меньше всего «разночинцы». Средній возрастъ ленскаго рабочаго при поступленіи равенъ 28,68 года, т. е. возрастъ этотъ приблизительно уже соотвѣтствуетъ среднему возрасту дальневосточнаго рабочаго. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что у дальневосточнаго рабочаго сильнѣе сравнительно съ ленскимъ представлены группы молодежи до 20 лѣтъ и стариковъ свыше 40 лѣтъ.

Высказанное нами положеніе—«Ленское товарищество брало сокъ и цвѣтъ рабочей силы въ странѣ» подтверждается и таблицей распредѣленія рабочихъ по возрасту поступленія. Только одинъ рабочій изъ 3.704 поступилъ къ ленскому товариществу въ возрастѣ отъ 55 до 60 лѣтъ. Главная масса поступившихъ была въ возрастѣ отъ 20 до 30 л. (на этотъ возрастъ падаетъ 59,3% всѣхъ рабочихъ, т. е. $\frac{3}{5}$).

Глава III. Грамотность рабочихъ.

Вопросъ о грамотности стоялъ въ карточкѣ такимъ образомъ: «Грамотенъ—нѣтъ». Такъ называемые полуграмотные особо не были выдѣлены, а считались за грамотныхъ. Грамотность стояла внѣ всякой зависимости отъ того, на какомъ языкѣ былъ грамотенъ опрашиваемый рабочій*). Грамотныхъ среди ленскихъ рабочихъ было 1822 чел. изъ 3704, т. е. 49,4%. Ленскіе рабочіе были грамотнѣе дальневосточныхъ рабочихъ.

По даннымъ 1911 г., грамотныхъ среди дальневосточныхъ рабочихъ было 46,4%, а по даннымъ 1912 г. процентъ грамотныхъ среди дальневосточныхъ рабочихъ всего 45,2%. Правда, число грамотныхъ у дальневосточныхъ рабочихъ не одинаково у контрактovaných и вольныхъ. Грамотныхъ среди контрактovaných рабочихъ (по даннымъ 1912 г.—для 1911 г. такихъ данныхъ не имѣется) было 42,6%, а среди вольныхъ—59,1%.

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что ленскіе рабочіе въ своей массѣ грамотнѣе дальневосточныхъ рабочихъ.

По даннымъ первой всеобщей переписи 1897 г. процентъ грамотныхъ рабочихъ мужск. пола Имперіи равнялся 59,9%; а процентъ грамотныхъ мужского пола въ С.-Петербургѣ по тѣмъ же даннымъ былъ 74,8%.

По даннымъ 1908 г.**) грамотныхъ рабочихъ м. п. среди фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. было 725 на 1.000, или 72,5%. Грамотность среди текстильщиковъ С.-Петербургской губ.***) была 685 на 1.000, т. е. 68,5%. И, наконецъ, процентъ грамотныхъ среди фабрично-заводскихъ Владимирской губ. въ 1897 г. равнялся 42,0%. (Данныя Козьминыхъ-Ланина).

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что ленскіе рабочіе по своей культурности,—а грамотность безусловно является однимъ изъ показателей культурности,—уступаютъ рабочимъ вообще, превосходя по числу грамотныхъ лишь дальневосточныхъ рабочихъ въ массѣ и фабрично-заводскихъ рабочихъ Владимирской губерніи.

---

*) Грамотный, напримѣръ, только по-татарски, считался все равно за грамотнаго.

**) Грамотность и заработки фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. инж. Козьминыхъ-Ланина.

***) Анкета среди текстильщиковъ, произведенная черезъ посредство фабричной инспекціи въ 1900—02 г. г. Авт.

Правда, всѣ эти приводимыя нами сравненія очень условны, т. к. мы беремъ данныя за разные годы—это во-первыхъ, а во-вторыхъ ленскихъ рабочихъ беремъ всѣхъ вообще, не расчленяя ихъ ни по губерніямъ выхода, ни по занятіямъ.

Комбинируя признакъ грамотности съ губерніями выхода, мы получаемъ такія данныя:

Откуда вышли.	Всего человѣкъ.	% грамот- ныхъ.
Изъ губерній Европейской Россіи .	2.198	57,6
Изъ губерній Сибири	1.506	37,4
Всего	3.704	49,4*)

Отсюда мы видимъ: 1) что выходцы Сибири гораздо неграмотнѣе выходцевъ губерній Европейской Россіи, а 2) что, по нашему мнѣнію, гораздо цѣннѣе,—процентъ грамотныхъ выходцевъ Европейской Россіи очень близокъ къ числу грамотныхъ рабочихъ м. п. Имперіи (по даннымъ 1897 г.).

Слѣдующія данныя еще ярче подтверждаютъ это второе положеніе. Дѣло въ томъ, что среди ленскихъ рабочихъ, а особенно среди выходцевъ Симбирской, Казанской и Уфимской губерній—было много инородцевъ, понизившихъ процентъ грамотности. Вопросъ о національности въ карточку поставленъ не былъ (это тоже одинъ изъ упоминавшихся недостатковъ карточки); поэтому, говоря, что татары и башкиры понизили

*) Д-ръ Е. Н. Кореневъ, относительно грамотности, опросилъ 5.892 рабочихъ. Распределеніе грамотности оказалось такимъ: изъ числа 3 678 рабочихъ-сибиряковъ грамотныхъ было 1.451, т. е. 39,45%, а изъ 2.214 крестьянъ Европ. Россіи—494, т. е. 22,31%. По даннымъ Ленскаго З. Т-ва, за операцію 1894—95 г. г. грамотныхъ рабочихъ было 27%, за операцію 1895—1896 г. г.—31%, и 1896—97—28%. По сравненію съ данными г. Мерхалева, необходимо притти къ заключенію, что общая грамотность ленскихъ рабочихъ за послѣднія 10—15 лѣтъ много повысилась, что, очевидно, нужно всецѣло отнести на счетъ рабочихъ-выходцевъ изъ Евр. Россіи. *Ред.*

процентъ грамотности, мы говоримъ почти голословно. Статистически число инородцевъ учтено не было. Въ пользу нашего утверждениа есть единственный реальный аргументъ. Дѣло въ томъ, что по Симбирской губ. 111 рабочихъ дала Шихарданская волость, почти цѣликомъ населенная татарами. Среди выходцевъ этой волости процентъ грамотныхъ равнялся всего 4,5. И вотъ эта волость, одна давшая 3⁰/₀ всего числа рабочихъ, естественно и понизила ⁰/₀ грамотныхъ среди ленскихъ рабочихъ.

М ъ С Т О В Ы Х О Д А .	Всего рабочихъ.	% грамот- ныхъ.
Земскія губерніи Европейской Россіи съ инородческимъ населеніемъ (Уфимская, Казанская, Симбир- ская)	672	44,1
Прочія земскія губерніи	1.447	63,7
Неземскія губерніи Европейской Рос- сіи	79	60,8
Губерніи Сибири	1.506	37,4

Изъ приведенной таблицы слѣдуетъ: 1) что сибиряки по грамотности стоятъ даже ниже инородческихъ губерній, а 2) что выходцы земскихъ губерній (не съ инородческимъ населеніемъ) по грамотности стоятъ выше, чѣмъ рабочіе м. п. въ Имперіи, по даннымъ 1897 г. Грамотныхъ среди выходцевъ неземскихъ губерній сравнительно много (60,8⁰/₀).

Объяснить данное явленіе какими-нибудь строго продуманными разсужденіями мы не беремъ. Однако. кое-какія правдоподобныя предположенія все же попытаемся сдѣлать. Намъ кажется, что одиночки, т. е. выходцы изъ волостей со случайнымъ отходомъ, должны быть грамотнѣе выходцевъ изъ волостей-поставщицъ. Видѣть это можно изъ слѣдующихъ данныхъ: *)

*) Волости, не указанные въ перечнѣ волостей, имѣвшемся при разработкѣ, не проведены по таблицѣ. *Двт.*

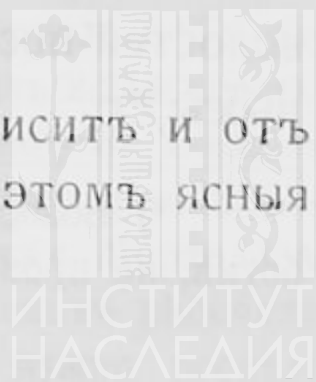

Группы по мѣстамъ выхода.	Всего заре- гистриров.	Грамотныхъ въ %/о/о.
1) Волости и города съ выходомъ по 1 чел. .	509	62,4
2) Волости и города съ выходомъ отъ 2 до 5 человѣкъ	930	52,1
3) Волости и города съ выходомъ отъ 6 до 15 человѣкъ	893	45,4
4) Волости и города съ выходомъ отъ 16 до 50 человѣкъ	777	47,2
5) Волости и города съ выходомъ свыше 50 человѣкъ	538	44,0

Изъ приведенной таблицы можно сдѣлать очень осторожное заключеніе, которое мы уже привели выше.

Дѣйствительно, процентъ грамотныхъ падаетъ, почти правильно, въ зависимости отъ количества рабочихъ, приходящихся на отдѣльную волость. Можетъ быть, одиночки, какъ болѣе предприимчивые люди, какъ рабочіе, попавшіе такъ далеко на заработки не по традиціи, не потому, что изъ года въ годъ ходятъ на Лену вотъ уже, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ ихъ сосѣди и земляки, можетъ быть, такіе рабочіе въ силу только одного этого факта, даютъ такой сравнительно высокій процентъ грамотныхъ. Но, можетъ быть, тутъ дѣло и въ ихъ имущественномъ положеніи, можетъ быть, процентъ грамотныхъ среди нихъ такъ высокъ потому, что они представляютъ изъ себя чистыхъ пролетаріевъ, ничѣмъ, или мало чѣмъ связанныхъ со своею родиной. Все же связь между размѣрами выхода изъ отдѣльныхъ волостей, хотя и съ указанными оговорками, но должна быть признана.

Грамотность, какъ мы видѣли уже выше, зависитъ и отъ губерній выхода. Слѣдующая таблица даетъ объ этомъ ясныя представленія.

ГУБЕРНІИ ВЫХОДА.		Всего заре- гистриров.	Грамотныхъ въ процент.
1) Вятская		368	72,0
2) Костромская		168	68,7
3) Нижегородская		503	58,7
4) Пермская		174	52,0
5) Симбирская		561	45,8
6) Иркутская		181	43,1
7) Енисейская		256	39,1
8) Томская		220	38,6
9) Тобольская		826	35,2
10) Всѣ остальные губерніи		447	56,6
Всего		3.704	49,4

Взявъ данныя о грамотности по тѣмъ же губерніямъ за 1897 г., т. е. данныя всеобщей переписи, мы получаемъ такую таблицу:

ГУБЕРНІИ ВЫХОДА.	0/0 грамотныхъ среди ленскихъ рабочихъ по даннымъ 1912 г.	0/0 грамотныхъ мужчинъ (безъ дѣтей до 9 л.) по дан. 1897 г.
Вятская	72,0	34
Костромская	68,7	53
Нижегородская	58,7	45
Пермская	52,0	36
Симбирская	45,8	34
Иркутская	43,1	27
Енисейская	39,1	25
Томская	38,6	22
Тобольская	35,2	23

Изъ таблицы этой видно, что соотношеніе между грамотными въ отдѣльныхъ губерніяхъ въ 1897 г. было почти такимъ же, какъ и среди ленскихъ рабочихъ въ 1912 году. Рѣзкимъ исключеніемъ является губернія Вятская, выдвинувшаяся по грамотности, по даннымъ о ленскихъ рабочихъ, на первое мѣсто съ четвертаго, которое она занимала среди разбираемыхъ нами губерній въ 1897 году.

Принявъ грамотность въ Костромской губерніи, какъ самой грамотной изъ перечисленныхъ 9 губерній, (по даннымъ 1897 г.),—за 100, мы получимъ такую таблицу:

Г У Б Е Р Н І И.	По даннымъ переписи.	По даннымъ о ленскихъ рабочихъ.
Костромская	100,00	100,00
Нижегородская	84,91	85,44
Пермская	67,92	75,69
Симбирская	64,15	66,67
Вятская	64,15	104,80
Иркутская	50,94	62,74
Енисейская	47,17	56,91
Тобольская	43,40	51,24
Томская	41,51	56,19

Зависимость грамотности отъ возраста можно считать уже установленнымъ фактомъ. По даннымъ переписи 1897 г. связь эта обнаруживается въ такомъ видѣ:

Возрастныя группы.	% грамотн. мужч. по Имперіи.
10—19	45,5
20—29	44,9
30—39	39,5
40—49	33,2
50—59	26,5
60—69	22,4
70—79	18,6
80—89	13,0
Въ среднемъ по Имперіи	29,3

Для ленскихъ рабочихъ связь между возрастными группами и грамотностью представляется такъ.

Возрастныя группы.	Всего заре- гистриров.	Грамотныхъ въ 0/00/0.
До 20 лѣтъ	227	68,3
21—25	590	53,8
26—30	1.339	53,0
31—35	761	48,5
36—40	480	37,2
41—45	203	34,8
46—50	73	27,8
Старше 50 лѣтъ	31	25,8
В с е г о .	3.704	49,4

Чѣмъ моложе группы, тѣмъ процентъ грамотныхъ выше. Зависимость грамотности отъ профессіи обнаруживается въ слѣдующихъ таблицахъ:

Группы по занятіямъ на Лензото.	Всего заре- гистриров.	Грамотныхъ въ 0/00/0.
Рабочіе при электрич. станціи . .	22	86,4
Рабочіе при механич. мастерскихъ	78	85,9
Мастеровые	69	72,5
Разночинцы	382	53,1
Плотники	240	52,9
Рабочіе при промывкѣ песка . .	27	48,1
Рабочіе при добычѣ песка . . .	2.872	46,6
Конюхи	12	41,7

Группы по роду занятій до поступления на Лензото.	Всего зарегистриров.	Грамотныхъ въ 0/00.
Служащіе интеллигент. проф.	20	100,00
Механическ. рабочіе	63	92,1
Торгующіе	36	88,9
Низшіе служащ. и прислуга	19	78,9
Мастеровые	94	73,4
Рабоч по транспорту	36	55,6
Строительн. рабочіе	222	52,7
Хлѣбопашцы	1.613	47,1
Чернорабочіе	1.439	46,0
Горнорабочіе	117	41,0
Всѣ прочіе	43	58,1

Въ первой изъ названныхъ таблицъ мы видимъ, что самыми грамотными рабочими являются рабочіе при электрической станціи и рабочіе при механическихъ мастерскихъ. Процентъ грамотныхъ у рабочихъ при механическихъ мастерскихъ—85,9; процентъ этотъ почти такой же, какъ и у рабочихъ механическихъ заводовъ по Московской губерніи (данныя Козьминыхъ-Ланина), гдѣ онъ равенъ 86,4. Процентъ этотъ нѣсколько ниже, чѣмъ у рабочихъ—металлистовъ С.-П.-Б., гдѣ онъ выражается цифрой 91,8.

Чѣмъ квалифицированнѣе видъ труда, тѣмъ процентъ грамотныхъ выше. То же самое явленіе мы наблюдаемъ и во второй изъ только что приведенныхъ таблицъ.

При составленіи ея нами была взята та же самая классификація занятій, какая была примѣнена при разработкѣ матеріаловъ о рабочемъ движеніи на Дальн. Востокъ въ 1912 году (Сборникъ «Движеніе рабочихъ на Дальн. Востокъ въ 1912 г.» изд. Восточн. района передвиж. перес.). Правильнаго понятія о количествѣ грамотныхъ по отдѣльнымъ профессіямъ вообще настоящая таблица дать и не можетъ. Единственно, что она по-

зволяетъ намъ сдѣлать—это повторить уже сказанное выше положеніе: ленскіе рабочіе по своей культурности вовсе не были той безграмотной, ничего не понимающей толпой, какъ это почему то думало о нихъ русское общество.

Въ дѣйствительности, половина ленскихъ рабочихъ была грамотна. И, какъ мы выяснили выше, процентъ грамотныхъ былъ сильно пониженъ рабочими-сибиряками и рабочими-татарами и башкирами. Несмотря на это, ленскіе рабочіе превосходили по грамотности рабочихъ дальневосточныхъ.

Зависимость грамотности отъ имущественнаго положенія на родинѣ нами проанализирована. При чемъ для сибиряковъ получились совсѣмъ не характерныя данныя: никакой связи установить было нельзя.

Совсѣмъ иное для выходцевъ губерній Европейской Россіи. Для нихъ намъ удалось получить такую таблицу:

Группы рабочихъ по имущественному положенію на родинѣ.	Всего зарегистриров.	Грамотныхъ въ 0/0/0.
Ничего не имѣющіе	450	60,0
Безъ лошадей (съ надѣломъ)	967	51,0
Съ 1 лошадыю	550	61,6
Съ 2 »	156	60,2
Съ 3 и болѣе лошадыми	44	77,3

Среди ничего не имѣющихъ, т. е. среди рабочихъ, не связанныхъ съ землей, процентъ грамотныхъ сравнительно высокъ—60. Въ слѣдующей имущественной группѣ, которую можно назвать группой пролетаризирующихся, грамотность рѣзко падаетъ. При переходѣ къ дальнѣйшимъ группамъ, стоящимъ по имущественному обезпеченію все выше и выше, процентъ грамотныхъ правильно возрастаетъ. Въ качествѣ показателя имущественнаго обезпеченія нами взята наличность и количество лошадей.

Итакъ, въ качествѣ основного вывода настоящей главы, мы считаемъ нужнымъ еще разъ повторить: **грамотность, а слѣдовательно и культурность ленскихъ рабочихъ**, была ниже уровня рабочихъ Имперіи вообще, но настолько незначительно ниже, что говорить о ленскихъ рабочихъ, какъ о какой-то особо некультурной по своему составу массѣ, не представляется **возможнымъ**.

Дм. Мерхалевъ.

Первоначальное заселеніе Иркутской губерніи.

(Матеріалы къ исторіи Иркутской губерніи и г. Иркутска *).

Въ началѣ 50-хъ годовъ XVII столѣтія русскими была окончательно занята территорія нынѣшней Иркутской губерніи. Постройки остроговъ Братскаго въ 1631 г., Верхоленскаго въ 1641 г., Верхнеангарскаго въ 1647 г., Удинскаго въ 1648 г., Иркутскаго (зимовья) въ 1652 г., Балаганскаго въ 1654 г. и Тункинскаго въ 1674 г. указывали на путь постепеннаго распространенія русскаго владычества въ Ангаро-Ленскомъ краю. Съ наибольшими усиліями для русскихъ были заняты Приангарье и Верхоленскій край, въ виду сопротивленія, оказаннаго здѣсь бурятами; безъ особыхъ усилій было подчинено русской власти тунгусское населеніе по р. Ленѣ (въ предѣлахъ нынѣшняго Киренскаго уѣзда) и ея притокахъ Киренгѣ и Витиму, а также по р. р. Н.-Тунгускѣ, Илимѣ и Верхней Ангарѣ. Сообразно сему шло и заселеніе края мирнымъ элементомъ: пашенными крестьянами и посадскими людьми. Сравнительно легко и свободно пошло сразу же заселеніе долины рѣки Лены, отъ устья Куленги и далѣе внизъ, и ея большихъ притоковъ; тоже самое необходимо сказать про долину рѣки Илима и В. Ангары. Болѣе осторожно шло заселеніе Верхоленскаго края и Приангарья, въ особенности въ сторонѣ отъ Лены и Ангары, такъ какъ здѣсь русскимъ поселеніямъ нѣкоторое время все еще приходилось опасаться сосѣдства съ немирными туземцами, долгое время отказывавшимися признавать надъ собою власть русскихъ. Къ концу XVII столѣтія, однако, появился рядъ селеній какъ по рѣкѣ Ленѣ

---

*) Настоящая статья представляетъ изъ себя докладъ прочитанный на общемъ собраніи членовъ Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О-ва въ маѣ мѣсяцѣ 1914 г. И. С.

выше Верхоленскаго острога, такъ и въ сторонѣ отъ этой рѣки; цѣлый рядъ историческихъ документовъ свидѣтельствуетъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ существовали уже селенія: Бирюльское (въ нынѣшней Бирюльской волости), Качиково (с. Качугъ) и с. Анга (въ нынѣшней Качугской волости), село Манзурское и Мало-Манзурское (въ нынѣшней Манзурской волости), Илгинское и Монастырское (въ нынѣшней Илгинской волости Верхоленскаго уѣзда) и др. Во второй половинѣ XVII вѣка стали возникать поселенія и въ долинѣ рѣки Ангары и ея притоковъ: Иды, Оки, Иркуты, Бѣлой и др., когда, съ постройкою Балаганскаго острога, приангарскіе буряты мало-по-малу были усмирены. Разселяясь на берегахъ большихъ рѣкъ, русскіе отодвигали инородческое населеніе въ глубь береговыхъ долинъ и междурѣчныхъ пространствъ; занимались обычно нѣсколько большія пространства береговыхъ полосъ отъ устья притоковъ большихъ рѣкъ, инородцы же въ этомъ случаѣ оттѣснялись по направленію къ верховьямъ этихъ притоковъ. Такъ, несомнѣнно, были отодвинуты отъ р. Ангары буряты, кочевавшіе по р. Иркуту; и русскими было занято сразу же все нижнее теченіе этой рѣки; оттѣснены были отъ р. Лены буряты, обитавшіе по Куленгѣ, и нижнее теченіе послѣдней было также занято русскими, вскорѣ же послѣ постройки Верхоленскаго острога, особенно послѣ перенесенія послѣдняго на новое мѣсто.

Населеніе часто группировалось около остроговъ какъ потому, что послѣдніе представляли изъ себя угрозу для инородцевъ и могли служить защитой отъ нападений послѣднихъ, такъ и потому, что остроги воздвигались обычно на мѣстахъ, удобныхъ для хлѣбопашества и сѣнокошенія. Здѣсь возникали заимка за заимкою, которыя разрослись затѣмъ въ небольшія поселенія, а нѣкоторыя изъ послѣднихъ съ теченіемъ времени, при извѣстныхъ условіяхъ, разрослись въ сравнительно уже большіе населенные пункты—слободы, служившія для группы окрестныхъ селеній административными центрами. Если принять во вниманіе, что русскіе занимали въ окрестныхъ полосахъ наилучшія, именно долинныя мѣста, удобныя для земледѣлія и скотоводства, а таковыхъ мѣстъ въ таежныхъ районахъ встрѣчается немного, то не трудно будетъ предположить, что заселеніе этихъ районовъ, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, шло такъ сказать, *оазисами*, если не считать, конечно, появленія отдѣльныхъ зимовій, воздвигавшихся государствомъ для сбора

ясака, и частными лицами—для пушного промысла и торговли съ инородцами. Такой характеръ заселенія края въ лѣсистыхъ частяхъ Иркутской губерніи можно наблюдать и въ настоящее время, хотя развитіе сухопутныхъ путей сообщенія, нѣкоторыхъ промысловъ и переселенія все время не переставали вліять на процессъ заселенія края въ обратномъ направленіи.

Такъ, если взять долину р. Куленги, то въ настоящее время по ней находятся селенія: Толмачевское въ 2-хъ верстахъ, Челпановское въ 3-хъ, Алексѣевское въ 5-ти, Большедворское въ 6-ти, Хабардинское въ 8-ми, Бѣлоусовское и Усть-Тальминское въ 10-ти, Шеметовское и Тальминское въ 11-ти верстахъ отъ г. Верхоленска, т. е. на протяженіи 11 верстъ здѣсь расположено 9 селеній, почти непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ. Около села Бирюльскаго, Верхол. уѣзда, въ окрестностяхъ его, на разстояніи не свыше 5 верстъ отъ села, расположено 11 селеній. Отъ села Знаменскаго Верхоленскаго же уѣзда, вверхъ по р. Илгѣ и ея притоку Тынть, на разстояніи 11 верстъ расположено 8 селеній. На разстояніи до 10 верстъ отъ села Чечуйскаго Киренскаго уѣзда (бывшаго Чечуйскаго острога) расположено въ настоящее время 6 селеній.

Подобнаго рода скученныя поселенія около бывшихъ остроговъ и слободъ несомнѣнно указываютъ на большую давность этихъ поселеній, что и подтверждается сохранившимися до нашего времени историческими документами XVII вѣка.

Къ концу этого столѣтія на территоріи нынѣшней Иркутской губерніи существовало уже сравнительно много поселеній: во-первыхъ было два воеводскихъ *городовъ*—Иркутскъ (съ 1681 г.) и Илимскъ (съ 1650 г.), и рядъ *остроговъ* и *острожковъ*: Киренскій, Верхоленскій, Братскій, Чечуйскій, Усть-Кутскій, Яндинскій, Удинскій (нын. г. Нижнеудинскъ), Верхнеангарскій, Тункинскій, Индинскій (нынѣшнее село Каменка, или Верхнеострожное, Индинской волости, Балаг. уѣзда), Голуметскій, Балаганскій и Бѣльскій,—послѣдній называется иногда и слободою*; за острогами необходимо указать на рядъ слободъ, каковы, напримѣръ, Бирюльская, Тутурская, Орленгская, Криволицкая, Оекская, Бадайская, Урикская и др., за послѣдними слѣдовали деревни, заимки и зимовья.

*) См. мою статью „Ирк. губ. въ изображеніи чертежной книги С. Ремезова“. „Сибирскій Архивъ“, 1913 г.

Безъ боязни впасть въ грубую ошибку, можно сказать, что большинство изъ современныхъ крупныхъ селеній Иркутской губ., расположенныхъ по берегамъ значительныхъ рѣкъ и оз. Байкала, возникло въ XVII вѣкѣ; позднѣе начали появляться селенія, удаленныя отъ крупныхъ рѣкъ и расположенныя въ полосѣ сибирскаго тракта, каковы, на примѣръ, села Черемхово, Куйтунъ, Кимильтей и др.

Первоначальною формою поселенія являлось обычно *зимовье*, служившее какъ мѣстомъ для зимнихъ стоянокъ проѣзжихъ людей (въ томъ числѣ и казачьихъ отрядовъ), такъ и для сбора ясака и наблюденія за обьясаченными инородцами. Такія зимовья основывались обычно предводителями казачьихъ отрядовъ и имѣли поэтому, если можно такъ выразиться, оффиціальное происхожденіе. Разводились зимовья также и промышленными людьми, всюду рыскавшими по Сибири въ погонѣ за пушнымъ звѣремъ *).

Зимовья, удачно расположенныя, превращались затѣмъ часто въ большія селенія города, остроги, слободы и деревни. Изъ зимовій возникли, на примѣръ, города Иркутскъ и Илимскъ, остроги: Киренскій, Братскій и Устькутскій, село Култукъ на Байкалѣ и др. Не всегда, конечно, зимовья предшествовали острогамъ; такъ, на примѣръ, извѣстно, что Верхоленскій острогъ былъ построенъ сразу же, не превращаясь въ таковой изъ зимовья. *Остроги*, слѣдовательно, также являлись въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначальными поселеніями края; поскольку послѣднія росли и расширялись, выполняя свое назначеніе, поскольку росло затѣмъ мѣстное населеніе, постольку росли и умножались *заимки*. Послѣднія возникали какъ по почину власти, селившей на извѣстныхъ мѣстахъ „для пашни“ крестьянъ и ссыльныхъ, такъ и по почину вольныхъ, „гулящихъ“ людей, выбиравшихъ себѣ для поселенія мѣста, какія считали для себя болѣе удобными; имѣла свое значеніе въ дѣлѣ образованія заимокъ и инициатива отдѣльныхъ служилыхъ людей, занимавшихся пашеннымъ

---

*) „Зимовьями“ въ настоящее время въ лѣсныхъ районахъ Иркут. губ. называются обычно небольшія избышки, служащія крестьянамъ временнымъ пристанищемъ во время полевыхъ работъ, охоты на звѣря и т. д. Казачьи „зимовья“ XVII в. поэтому не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ современныхъ намъ зимовій: подъ ними нужно уже разумѣть солидныя постройки, при томъ иногда и укрѣпленныя.

хозяйствомъ; заимки эти служилыхъ людей возникали вблизи городовъ и остроговъ. Какъ извѣстно, сибирскіе служилые люди служили не за помѣстныя дачи, а за опредѣленное денежное, хлѣбное и соляное жалованіе. Владѣніе землею не было для нихъ обязательнымъ, и, если они владѣли ею, то или въ качествѣ замѣны всего или части хлѣбнаго жалованія, или же на правахъ „жилецкихъ“ людей (посадскихъ и др.), т. е. съ обязательствомъ платить въ казну „оброчный хлѣбъ“, „выдѣльный хлѣбъ“ и т. д. *). Извѣстно, на примѣръ, что видный въ лѣтописяхъ Вост. Сибири служилый человекъ, Максимъ Перфирьевъ, а затѣмъ и выдающійся его сынъ, Иванъ, имѣли недалеко отъ Иркутскаго острога свою заимку (нынѣшняя деревня Максимовщина, по Иркуту); иркутскому казачьему пятидесятнику Онисиму Михалеву принадлежала въ XVII вѣкѣ заимка вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ (нынѣшняя деревня Михалева) и т. д. **).

Въ общемъ, участіе свѣтской власти въ колонизаціи края представляется весьма значительнымъ; и, наоборотъ, въ отличіе отъ сѣверныхъ районовъ Евр. Россіи, монастыри и скиты не играютъ крупной роли въ дѣлѣ первоначальнаго заселенія края. Монастыри здѣсь возникаютъ уже возлѣ населенныхъ пунктовъ: такъ, Вознесенскій мужской и Знаменскій женскій монастыри—въ непосредственной близости отъ Иркутскаго острога, Братскій—возлѣ Братскаго и Киренскій Свято-Троицкій—возлѣ Киренскаго острога (Киренскаго Никольскаго погоста). Къ монастырямъ этимъ приписывались земли, на которыхъ и селились монастырскіе крестьяне: такъ с. Анга (Качугской волости) было когда-то монастырскою заимкою Киренскаго монастыря, с. Монастырское (въ нынѣшней Илгинской волости Верхоленскаго уѣзда)—заимкою Якутскаго монастыря; рядъ селеній въ окрестностяхъ горо-

---

*) См. Н. Н. Оглоблинъ. Обзорѣніе и т. д.

**) Въ дозорной книгѣ новоприбавочныхъ „государевыхъ пашень“ у крестьянъ и пашень „за хлѣбные оклады“ у служилыхъ людей Илимскаго уѣзда 1676 года имѣются, на примѣръ, такія записи о земляхъ служилыхъ людей: „сынъ боирскій Василій Ларионовъ сынъ Куржумовъ. Окладъ 10 чети ржи, и за половину того годового оклада, по челобитью и по данной за 5 чети за рожь выше Верхоленскаго острошку дано пашни пахать по 5 десят. ржанныхъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, да на 50 копенъ сѣна“. Большею частью, земля отводилась „за половину годового оклада“ и рѣже „за годовой окладъ“. См. Н. Н. Оглоблинъ. Обзорѣніе и т. д., часть 1-я, стр. 62.

да Иркутска былъ приписанъ въ XVII в. къ Вознесенскому монастырю и т. д. *).

Чтобы покончить съ вопросомъ о расселеніи русскихъ по территоріи нынѣшней Иркутской губерніи, необходимо упомянуть еще о сравнительномъ распредѣленіи по этой территоріи пришлаго русскаго и мѣстнаго инородческаго населеній. Какъ уже указывалось на это, буряты были отодвинуты отъ большихъ рѣкъ, Лены и Ангары, и остались затѣмъ на степныхъ пространствахъ Приангарья и Верхоленскаго края, и въ общихъ чертахъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ трехъ уѣздовъ: Иркутскаго, Балаганскаго и Верхоленскаго. Распредѣленіе территорій этихъ уѣздовъ между русскими и бурятами въ концѣ XVII вѣка сложилось, за малыми исключеніями, такъ, какъ оно существовало и потомъ, включительно до настоящаго столѣтія; значительное стѣсненіе повидимому, испытали буряты, обитавшіе по территоріи нынѣшняго Нижнеудинскаго уѣзда, по р. р. Удѣ, Іѣ и др.; изъ исторіи края извѣстно, что удинскіе буряты въ 1640-хъ годахъ оказывали здѣсь серьезное сопротивленіе русскимъ, а между тѣмъ въ настоящее время въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ буряты не имѣются, за исключеніемъ небольшого уголка въ восточной части этого уѣзда. Въ XVII вѣкѣ, съ открытіемъ сухопутнаго пути отъ Красноярска къ Иркутску, часть бурятской земельной территоріи, въ полосѣ бывшаго сибирскаго тракта, должна была также отойти въ пользованіе русскихъ. Дальнѣйшее уже огромное сокращеніе этой территоріи совершается въ наше время, въ связи съ землеустроительными и землеотводными работами чиновъ переселенія и землеустройства **).

Обращаясь къ составу населенія Ангаро-Ленскаго края въ XVII вѣкѣ, придется прежде всего раздѣлить это населеніе на двѣ большихъ группы: служилыхъ и не служилыхъ, „жилецкихъ“ людей. Служилые люди, сосредоточиваясь, какъ это и понятно, въ городахъ и острогахъ, служили цѣлямъ обороны края, дальнѣйшаго укрѣпленія русской власти на новыхъ окраинахъ, и

---

*) Какъ свидѣтельствуеть объ этомъ лѣтопись Пежемскаго, Иркутскій Вознесенскій монастырь былъ основанъ въ 1672 г., т. е. черезъ 20 лѣтъ послѣ постройки Иркутскаго зимовья. „Пустынь“ старца Герасима существовала здѣсь и ранѣе 1672 г. (См. писцовую книгу г. Иркутска 1686 года).

**) Южное Прибайкалье и Тункинскій край въ XVII вѣкѣ населялись также и тунгусами, какъ объ этомъ свидѣтельствуеть „Чертежная книга Сибири“ С. Ремезова.

управленія этимъ краемъ. Ядро этого служилаго населенія составляли казаки, конные и пѣшіе (рѣдко стрѣльцы), верставшіеся на службу, по присмотру начальства, изъ различнаго рода гулящихъ людей, изъ годового денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованія; надъ ними начальствовали десятники, пятидесятники и сотники и пр.; за особыя заслуги и выдающуюся службу получали иногда званія „боярскихъ дѣтей“. Боярскимъ дѣтямъ поручались болѣе важныя и отвѣтственныя дѣла: предводительство казачьими отрядами во время походовъ, управленіе острогами и т. д.; къ служилымъ же людямъ принадлежали, помимо воеводъ, письменныхъ головъ и дѣтей боярскихъ, подъячіе приказныхъ избъ, затѣмъ „ружники“, т. е. духовенство; рядомъ съ названными служилыми людьми необходимо поставить другихъ выборныхъ, по преимуществу служилыхъ людей: таможенныхъ головъ, цѣловальниковъ и пр. *); „на государевомъ жалованьи“ находились иногда и различнаго рода мастера („бронные мастера“ „прядильщики“ и т. д.), въ томъ числѣ и „заплечные“, т. е. палачи.

*) До 1681 года Иркутскимъ острогомъ управляли „приказчики“ (прикащики) по преимуществу изъ „боярскихъ дѣтей“; трудно установить, кто именно изъ приказныхъ людей управлялъ Иркутскомъ до 1661 года, т. е. до момента переноса поселенія на правую сторону р. Ангары: изъ лѣтописи Пежемскаго узнаемъ только о томъ, что въ 1656 году опредѣленный воеводою въ Нерчинскѣ Афанасій Пашковъ, проѣзжая въ Забайкалье, оставилъ правителемъ Иркутска прикащика Самойлова Первого. Съ 1661 года правители Иркутскаго острога намъ извѣстны, благодаря работѣ К. Б. Газенвинкеля. (См. „Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подъячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVII вѣка“, Тобольскъ, 1692 г.). Въ 1662 году прикащ. ирк. острога былъ пятидесятникъ Дружина Даурской, въ 1663 г. — боярскій сынъ Иванъ Перфильевъ (Перфирьевъ); въ 1664 г. — боярскій сынъ Никита Фирсовъ; въ 1665 г. — пятидес. Дружина Даурской; въ 1666—67 г.г. — боярск. сынъ Иванъ Перфирьевъ; въ 1668—69 г.г. — боярскій сынъ Петръ Самойловъ; въ 1670—71 г.г. — боярскій сынъ Андрей Барнешлевъ; въ 1672—73 г.г. — боярскій сынъ Андрей Строгановъ; въ 1674—75 г.г. — боярскій сынъ Первой Самойловъ; въ 1676—77 г.г. — боярскій сынъ Иванъ Перфильевъ; въ 1678—79 г.г. боярскій сынъ Первой Самойловъ; въ 1680—боярскій сынъ Иванъ Перфильевъ. Съ 1681 года Иркутскомъ управляютъ воеводы. Первымъ воеводою Иркутска былъ съ 1681 по 1683 годъ Иванъ Евстафьевъ Власовъ (по другимъ свѣдѣніямъ, первымъ воеводою былъ Алексѣй Ларионовъ Толбузинъ, а Власовъ воеводствовалъ на Селенгѣ; по лѣтописи Пежемскаго подъ 1682 годомъ значится: „Опредѣленъ въ Иркутскъ первый воевода Ив. Евст. Власовъ, вскорѣ пожалованный въ чинъ думнаго дворянина“); подъ 1683 г. читаемъ: „Сибирскій приказъ, указомъ отъ 17 февраля этого года, воеводу

О численности казачьяго населенія въ Иркутскѣ XVII-го вѣка можно составить себѣ представленіе на основаніи слѣдующихъ данныхъ: въ 1673 г. въ Иркутскѣ было 25 казаковъ, въ 1681 г.—44; въ 1699 г. служилое населеніе Иркутска составляли, кромѣ двухъ московскихъ дворянъ (Бейтаны) 11 боярскихъ дѣтей, 4 подъячихъ приказной избы, 143 конныхъ и 150 пѣшихъ казаковъ и соотвѣтствующее число десятниковъ и пятидесятниковъ. Кромѣ того, къ этому времени были поселены въ Иркутскѣ „въ вѣчное житье“ присланные туда служилые люди: по 15 человекъ изъ Сургута и Туринска, 26 изъ Верхотурья и 9 изъ Березова. Число „ружниковъ“ здѣсь также увеличилось: кромѣ

Власова перевелъ въ с. Нерчинскъ, а на мѣсто его опредѣлилъ письменнаго голову Леонтія Кислянскаго; подъ 1684 г.: „въ первый разъ иркутяне построили для ходу по Байкалу карбазъ, и на немъ первый переѣхалъ черезъ Байкаль нерчинскій воевода Иванъ Власовъ“, въ 1684—85 г.г. правилъ Иркутскомъ боярскій сынъ Иванъ Перфильевъ; въ 1686—87 г.г.—письменный голова Алексѣй Львовъ Горчаковъ; въ 1688 г.—Алексѣй Сибировъ (Сидоровъ) Синявинъ; въ 1689—90 г.г.—Леонтій Константиновъ Кислянскій; въ 1691—94 г. стольникъ князь Иванъ Петровичъ Гагаринъ, переведенный въ 1692 г. въ Нерчинскъ; въ 1695—96 г.г.—Афанасій Тимофеевъ Савеловъ; въ 1697 г. воеводою Иркутска былъ назначенъ Семень Тимофеевъ Полтевъ, но послѣдній, не доѣхавъ до Иркутска, скончался по дорогѣ, и воеводскую должность правилъ его трехлѣтній сынъ Николай, вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Иваномъ Перфильевымъ; въ 1698—1700 г.г.—Иванъ Ѳедоровъ Николевъ. Городъ Илимскъ до 1650 года управлялся прикащиками, а съ этого года—воеводами, которые были подчинены якутскому воеводѣ. Изъ прикащиковъ Илимскаго острога извѣстны: въ 1641 г.—боярскій сынъ Иванъ Пильниковъ; въ 1642—43 г.г.—пятидесятникъ Василій Горемыкинъ; въ 1644—45 г.г.—казакъ Григорій Ивановъ; въ 1646—47 г.г.—боярскій сынъ Григорій Демьяновъ; въ 1648—49 г.г.—боярскій сынъ Иванъ Пильниковъ; въ 1650 г. Илимскомъ правилъ первый присланный изъ Москвы воевода Тимофей Васильевъ Шушеринъ; въ 1651—55 г.г.—Андрей Яковлевъ Львовъ, за его отказомъ Богданъ Денисовъ Аладьинъ; въ 1656—59 г.г.—Петръ Андреевъ Бунаковъ; въ 1659—61 г.г.—Тихонъ Андреевъ Вындомской; въ 1662—64 г.г.—Лаврентій Авдѣевъ Обуховъ (убитъ въ 1665 г.); въ 1665—66 г.г. до пріѣзда новаго воеводы должность правилъ присланный изъ Тобольска боярскій сынъ Расторгуевъ-Синдаловъ; въ 1667—75 г.г.—Сила Осиповъ Аничковъ; въ 1676—78 г.г.—Сила Осиповъ Аничковъ; 1676—78 г.г.—стольникъ Иванъ Дмитріевъ Зубовъ; въ 1679—82 г.г.—стольникъ князь Иванъ Петровъ Гагаринъ; въ 1683—85 г.г.—Илья Андреевъ Змѣевъ (по Миллеру, И. А. Пименовъ); въ 1686—88 г.г.—Федоръ Михайловъ Павловъ; въ 1689—91 г.г.—Еремѣй Ларіоновъ Пятово; въ 1692—94 г.г.—стольникъ Григорій Ѳедоровъ Грибоѣдовъ; въ 1695 г.—стольникъ Богданъ Анфиногеновъ Челищевъ (былъ устраненъ жителями отъ воеводства); въ 1696 г.—боярскій сынъ Иванъ Казинъ; въ 1697 г.—иркутскій сынъ боярскій Евстафій Ивановъ Перфильевъ; въ 1698—1700 г.г.—Федоръ Родіоновъ Качановъ.

священника и діакона, въ Иркутскѣ къ указанному времени было 2 дьячка, пономарь и просвирница *).

Вторую большую группу населенія городовъ и крупныхъ остроговъ составляли посадскіе люди, которые занимались различными промыслами, торговлею и платили за это оброкъ въ казну. Посадскіе люди такъ же, какъ и казаки, верстались „въ посадъ“ по преимуществу изъ вольныхъ, гулящихъ людей на мѣстѣ, въ Сибири, иногда же присылались съ такимъ назначеніемъ изъ Россіи. Едва ли не съ самаго основанія Иркутскаго острога подлѣ него стали уже селиться посадскіе люди. Россійскій посолъ, Николай Спафарій, проѣхавшій въ 1675 г. черезъ Иркутскъ въ Китай, упоминаетъ въ описаніи своего путешествія про посадскихъ людей Иркутскаго острога; въ 1681 году здѣсь было 27 посадскихъ дворовъ, въ 1686 г.—32 и въ 1698—110. Общая численность служилаго и посадскаго населенія г. Иркутска въ концѣ XVII вѣка достигала, по предположенію сибирскаго историка П. М. Головачева, до тысячи человекъ **).

Вторую обширную группу неслужилаго населенія края составляли пашенные крестьяне. Въ исторіи первоначальнаго заселенія края „пашенное строеніе“ было также дѣломъ государевой власти; Московское правительство нуждалось въ такомъ цѣнномъ товарѣ, какъ богатая пушнина; этотъ товаръ собирался съ объясаченныхъ инородцевъ Сибири, для этого же воеводамъ большихъ городовъ и остроговъ предписывалось подыскивать новыя „неясачныя земли“. Сборъ ясака и объясачиваніе новыхъ инородцевъ производились служилыми людьми, которымъ, помимо денежнаго, полагалось хлѣбное и соляное жалованіе***). Для того, чтобы продовольствовать служилое населеніе, необходимо было мѣстной власти сразу же принимать энергичныя мѣры къ насажденію въ краѣ хлѣбопашества. Если въ первое время во вновь приобрѣтенный Ангаро-Ленскій край доставлялся хлѣбъ изъ Ени-

---

*) См. ст. П. М. Головачева: „Составъ населенія и экономическій бытъ Иркутска до 40-хъ годовъ XVII вѣка“. Первое столѣтіе г. Иркутска. С.-П.-Б. 1902 годъ

***) П. М. Головачевъ. Составъ населенія и т. д. Въ г. Илимскѣ въ 1703 году насчитывалось 103 жилыхъ двора, 4 пустыхъ двора и 14 „дворовыхъ порозжихъ мѣсть“ (см. Н. Н. Оглоблинъ. Обзоръ и т. д., часть 1-я). Интересно отмѣтить, что Илимскъ и до сихъ поръ остается почти при такомъ же числѣ дворовъ.

***) А коннымъ казакамъ и прокормъ для лошадей.

сейскаго острога, то, съ развитіемъ въ краѣ пашеннаго хозяйства, Иркутскій острогъ могъ уже въ свою очередь отправлять излишки мѣстнаго хлѣба въ забайкальскіе остроги для продовольствія тамошнихъ служилыхъ людей, и т. д.

Правительство садило на пашню ссыльныхъ и гулящихъ людей и переводило сюда пахарей изъ Россіи (это были, такъ называемые, „переведенцы“).

Пашенные государевы крестьяне находились въ главномъ и непосредственномъ вѣдѣніи мѣстныхъ воеводъ. „Мы-то пашенное дѣло“,—говорятъ царскіе указы воеводамъ,—„положили на васъ“. Досмотръ пашенныхъ мѣстъ, постройка слободъ, призывъ крестьянъ, общій надзоръ, назначеніе непосредственной власти сельской—приказчика, смѣна его и надзоръ за нимъ,—таковы функціи воеводской власти на государевой пашнѣ *).

Конечно, фактически воевода не имѣлъ возможности выполнить всѣ эти обязанности; ближайшее, непосредственное вѣдѣніе государевою десятинною пашнею принадлежало приказчику, назначаемому обычно въ приказъ „для строенія и досмотру великаго государя десятинной пашни и для крестьянской расправы“ **).

Заботы о пашнѣ вообще занимали видное мѣсто въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Какъ указывалось на это выше, уже при построеніи остроговъ обращалось вниманіе на то, насколько мѣсто, предназначенное для постройки острога, пригодно для сельскаго хозяйства. Обращалось на это вниманіе и при проѣздахъ казачьихъ отрядовъ по новымъ мѣстамъ. „А на усть Тутуры рѣки—вверхъ по Тутурѣ и отъ Тутуры внизъ по Ленѣ рѣкѣ, по обѣ стороны Лены рѣки, пашенныхъ мѣстъ *смѣчено* на 1¹/₂ тысячи десятинъ, сѣнныхъ покосовъ на 10.000 копень, и можно на томъ (мѣстѣ) посадить пашенныхъ крестьянъ 50 человекъ“, (полагая по 30 десятинъ и по 200 копень сѣна на человека) и т. д.—говоритъ въ своемъ отчетѣ по военной поѣздкѣ въ Верхоленскій край въ 1646 г. Курбатъ Ивановъ ***).

---

*) См. Н. Н. Козьминъ. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. С.-И.-Б. 1910 г. „Администрація государевой пашни въ Сибири XVII вѣка“, стр. 17.

***) Таковъ, на примѣръ, наказъ Илимскаго воеводы Качанова приказчику Верхнекиренской и Криволуцкой волостей Илимскаго уѣзда, боярскому сыну Ивану Качину. См. Н. Н. Оглобинъ. Обзорніе и т. д.

***) См. Н. Н. Оглобинъ. Обзорніе и т. д., часть 1-я, стр. 351

Государева десятинная пашня была хозяйствомъ государя, имѣвшимъ цѣлью обезпечить необходимое продовольствіе служилымъ людямъ. Пашенные государевы крестьяне были рабочіе, получавшіе плату натурою, необходимымъ для пропитанія хлѣбомъ, или же въ видѣ „собины“, т. е. участка земли, съ правомъ пахать на себя, при чемъ соблюдалось опредѣленное соотношеніе между государевою и собинною пашнями. Въ первые годы поселенія пашенные крестьяне пользовались со стороны власти льготами и даже пособіями. Крестьяне, не пахавшіе совсѣмъ государственной пашни и имѣвшіе свою пашню, платили въ казну оброкъ, въ видѣ „выдѣльного“, пятымъ, или 10-мъ снопомъ, или— „отсыпного“ хлѣба; для контроля надъ взиманіемъ хлѣба и учетомъ пашни созданъ къ концу XVII вѣка цѣлый рядъ должностей: выдѣльщиковъ, дозорщиковъ, пріемщиковъ, отдаточныхъ цѣловальниковъ, замолотчиковъ и т. д. За оброчный же хлѣбъ владѣли землею посадскіе и другіе жилецкіе люди. Въ первое время большинство пахарей составляли государевы пашенные, меньшинство же—оброчные крестьяне. Размѣръ государева тягла и оброка, какъ и вообще все устройство пашни, опредѣлялся усмотрѣніемъ воеводъ.

Цѣлый рядъ историческихъ документовъ XVII вѣка говоритъ о существованіи пашни въ мѣстномъ краѣ и даже въ такихъ его суровыхъ районахъ, какъ нынѣшій Киренскій уѣздъ; при чемъ эти документы даютъ достаточно подробное представленіе о тогдашнемъ пашенномъ хозяйствѣ.

Въ крестьянской книгѣ Илимскаго уѣзда за 1656 г. опредѣляется даже мѣстонахожденіе пашень *каждаго* крестьянина; идутъ, на примѣръ, такія записи: „на лѣвой сторонѣ вверхъ по Илимѣ, пониже рѣчки Коршенихи“, пашеть столько-то такой-то крестьянинъ; имѣется затѣмъ и перечень новыхъ пашень „построенныхъ“ воеводою Багданомъ Оладьинымъ изъ „вольныхъ охочихъ людей“—промышленныхъ, дѣтей служилыхъ, крестьянъ и т. д., приводятся записи о старыхъ крестьянахъ, „построенныхъ“ до 160 (1652 г.) года, большая часть коихъ умерла или сбѣжала „въ Даурскую землю“, (т. е. на Амуръ), а ихъ заимки перешли къ другимъ лицамъ—родственникамъ или сторонникамъ. (См. Н. Н. Оглобинъ. Обзорѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, часть 1-я, стр. 142).

Проѣзжавшіе въ 1653 году черезъ Илимскъ въ Якутскъ, воевода Лодыженскій и дьякъ Тонково „дозрили“ по дорогѣ отъ

Устькута до Чечуйскаго волока 40 заимокъ, на которыхъ сидѣло 69 крестьянъ, и на которыхъ, по предположенію воеводы, слѣдовало еще „устроить“ 151 пашеннаго крестьянина. На этихъ заимкахъ воевода нашелъ 3 мельницы большихъ и 5 мельницъ „колотовокъ“ (ibidem, стр. 147 *).

„Верхоилимская волость, а въ ней великаго государя десятинной пашни стараго тягла пашенные крестьяне пахали по десятинѣ ржаной да по полудесятинѣ яровой, а нынѣ по указу великаго государя и по грамотѣ къ той старой государевой десятинной пашнѣ къ яровой полудесятинѣ прибавлено полдесятины яровые: деревня, а въ ней пашенный крестьянинъ Шестачко Филипповъ сынъ Кузницынъ, стараго тягла $1\frac{1}{2}$ десятины ржи и яри, да вново тягла наложено полдесятины яровые пахать“ и т. д.— читаемъ мы въ Илимской „дозорной“ книгѣ 1676 года**).

О соотношеніи между государевою и собинною пашнями въ томъ же Илимскомъ краю даютъ представленіе „выдѣльныя книги“ Илимскаго уѣзда, составленныя въ 1672 году тобольскимъ боярскимъ сыномъ Афанасіемъ Ушаковымъ. Въ этихъ книгахъ имѣются такія, напримѣръ, записи: пашенный крестьянинъ Нижней Илимской волости „Гаврилко Дмитріевъ сынъ Оглоблинъ пашетъ великихъ государей десятину ржи, полдесятины ярового. И въ прошломъво 179 году (1671 г.) къ нынѣшнему ко 180-му спяхано и посѣяно у него собинной пашни 12 десятинъ съ полудесятиною ржи. И въ нынѣшнемъ во 180 г. спяхано и посѣяно ярового хлѣба 8 десятинъ. И впредь ко 181 году спяхано и посѣяно 12 десятинъ съ полудесятиною ржи***)“ и т. д. Въ самыхъ записяхъ нѣтъ свѣдѣній о „выдѣлѣ“ (излишней собинной землѣ), но онѣ встрѣчаются въ концѣ книги—въ общихъ замѣчаніяхъ ея составителя (на основаніи „скасокъ“ крестьянъ) объ условіяхъ крестьянскаго хозяйства въ Илимскомъ уѣздѣ. Часть крестьянъ не давала „выдѣла“, такъ какъ въ качествѣ новоприборныхъ эти крестьяне были еще „на льготѣ“, изъ которой должны были „выйти“ въ 182—184 г. (1674—76 г. г.). Другіе же съ „лишнихъ земель“ (указною мѣрою собинныхъ пашенъ у илимскихъ крестьянъ было по 4 десятины въ 3-хъ поляхъ) „выдѣлѣ платили 10 мѣ снопомъ“. „За яровые десятины“ крестьяне платили об-

*) Нужно замѣтить, что и въ данное время по р. Ленѣ между с. с. Устькутомъ и Чечуйскомъ находится не болѣе 80 населенныхъ пунктовъ.

**) См. Н. Н. Оглоблинъ. Обзоръніе и т. д., часть 1-я, стр. 62.

***) idibem., стр. 307.

рокъ „отсыпнымъ хлѣбомъ“—съ полудесятины по 10 пудовъ ржи. Здѣсь, такимъ образомъ, существовали хозяйства, державшія одновременно государеву, собинную и оброчную пашню.

Въ указанныхъ же „скаскахъ“ находятся и разныя сельско-хозяйственныя замѣчанія, напримѣръ: „на государевы десятины сѣютъ ржи по 5 пудъ (на десятину), овса и ячменю на десятину сѣютъ по 10 пудъ, а на выпаханныя земли на десятину ржи сѣютъ по 6, а овса и ячменю по 12 пудъ“. „Въ умолотѣ“ бываетъ ржи, овса и ячменю на доброй землѣ по 50—70 пудовъ съ десятины, а на „выпаханой“ по 15—20 пудовъ. На пашняхъ подлѣ р. Лены бываетъ постоянный недородъ, по 5—6 пудовъ съ десятины—такъ какъ „запорными льдами хлѣбъ выдираетъ, а вешнею водою топить, и отъ морозовъ позябаетъ“. Также любопытна „скаска“ служилыхъ людей объ ихъ „хлѣбныхъ нуждахъ“: они жалуются, что Илимскій „выдѣльной хлѣбъ“ отсылается въ Якутскъ, а Илимскіе служилые люди должны ежегодно совершать трудное путешествіе въ Енисейскъ за полученіемъ своихъ „хлѣбныхъ окладовъ“; вслѣдствіе этого хлѣбъ въ Илимскѣ очень дорогъ: въ 180 г. (1672 г.) пудъ ржи стоилъ двѣ гривны, а пудъ овса и ячменя по 5 алтынъ *).

Нужно думать, что крестьяне не особенно радѣли къ государевой десятинной пашнѣ, и съ теченіемъ времени представлялось болѣе выгоднымъ переводить ихъ постепенно на оброкъ.

Тотъ же Афанасій Ушаковъ доносилъ въ 1672 году якутскимъ воеводамъ: „и буде укажутъ великіе государи“ въ Якутскомъ уѣздѣ „вмѣсто десятинные пашни съ пашенныхъ крестьянъ въ казну имать оброкъ—рожь и яровое—отсыпнымъ хлѣбомъ, и въ Якутскомъ острогѣ великихъ государей оброчному хлѣбу никогда изроку не будетъ“. (Выдѣльная книга Якутскаго уѣзда). Указанные выше историческіе документы говорятъ о существованіи въ XVII вѣкѣ пашеннаго хозяйства въ Илимскомъ краю. Эти же хозяйства существовали и въ мѣстности около Чечуйскаго острога, какъ и въ другихъ районахъ Приленскаго края.

Въ „Книгахъ письма и мѣры“ Чечуйскаго „волока“, составленныхъ въ 1653 году якутскими казачьимъ пятидесятни-

*) Въ «раздаточной книгѣ» г. Илимска за 1681 г. имѣется, наприм., такая запись о казакѣ Иванѣ Екимовѣ Балашѣ: „женатъ“, во 178 году (въ 1672 г.) и во 179 годѣхъ посланъ былъ подъ хлѣбныя запасы во Енисейскій острогъ», туда же ходилъ въ 181, 183, 184, 187 и 188 (1682) годахъ. См. Н. Н. Оглобинъ. Обзорніе и т. д., часть 1-я, стр. 130.

комъ Иваномъ Щукинымъ и подъячимъ Михаиломъ Синицинымъ даны описанія семи заимокъ, расположенныхъ по р. Ленѣ около Чечуйска. Записи эти идутъ въ такомъ видѣ: заимка пашеннаго крестьянина Ѳедора Яковлева, который поселенъ здѣсь при воеводахъ Петрѣ Головинѣ „съ товарищи“ (т. е. въ 1640—46 г. г.); къ 161 г. (1653 году) у этого крестьянина было посѣяно „на государя“ 1 десятина, а „на себя“ 9 десятинъ съ четью, „да у него жъ паханые земли 18 десятинъ, да перелогу 16 десятинъ добрые земли, да лѣсомъ поросло 12 десятинъ середніе земли,— всего 56 десят. съ четью, да сѣнныхъ покосовъ внизъ по рѣкѣ Ленѣ на 600 копень“ и пр. Слѣдующая заимка описана такъ: „прозвище Гребени“ внизъ по р. Ленѣ; здѣсь поселены 4 крестьянина „изъ ссыльныхъ черкасъ“, при воеводѣ Василии Пушкинѣ (т. е. въ 1646—49 г. г.). „На государя“ посѣяно у нихъ 4 десятины, „на себя“—12 десятинъ. „Паханая“, „переложная“ и остальные ихъ земли не мѣрены, потому что въ 161 году они били челомъ о переселеніи ихъ на другое мѣсто—для „водяного потоку“ (т. е. вслѣдствіе затопленія ихъ полей р. Леною); переселеніе имъ разрѣшено. Относительно слѣдующей заимки приводятся такія главнѣйшія данныя: „заимка ниже Чолбанова камня“, съ крестьянами, кои „посажены“ при воеводѣ Василии Пушкинѣ; государевой пашни у нихъ 3 десятины, „собинной“— у одного 4 десятины съ четью, у другого 4 дес. безъ чети, у третьяго—3 дес. безъ чети же; далѣе приводятся свѣдѣнія о количествѣ у каждаго отдѣльно земли „пахатной“, „перелогу“ и „лѣсомъ поросшей“. Въ 1653 г. на эту заимку былъ посаженъ воеводою Михаиломъ Ладыженскимъ еще одинъ крестьянинъ, которому было „отмѣрено обложные добрые земли 16 десятинъ, да лѣсомъ поросло середніе земли 5 десят. съ четью; сѣнныхъ покосовъ у этихъ 4-хъ крестьянъ было „вопче“ внизъ по рѣкѣ Ленѣ, на 700 копень и т. д. *).

Въ „дозорной книгѣ“ крестьянскихъ пашенъ Илимскаго уѣзда 1699—1700 г. приводятся описанія ряда крестьянскихъ селеній въ Лено-Илимскомъ краю по 10 ти слободамъ этого уѣзда **).

Въ этой книгѣ сообщаются названія деревень (Чючуевская, Банщикова, Балаханская и др.), разстоянія ихъ, перечни дво-

*) *ibidem*, стр. 300.

**) *ibidem*, стр. 306.

ровъ, людей, пашень, сѣнокосовъ и пр., росписи „присыльныхъ людей“, кои „сысканы“ въ слободахъ и изоброчены вновь хлѣбнымъ оброкомъ, итоги лишнихъ пашень, найденныхъ въ описанныхъ деревняхъ и т. д.

„Первая деревня Чючуевская; идучи вверхъ по Ленѣ, стоитъ по лѣвой сторонѣ, а въ ней живутъ дворами пашенные крестьяне: дворъ Стеньки Иванова сына Плеханова, пашеть онъ Стенька четверть съ осмухою десятины ржаные, ярового тожъ“ и т. д. Названная дозорная книга, составленная „по высмотру“ на мѣстѣ воеводою Ѳедор. Родіон. Качановымъ, была составлена въ цѣляхъ обложенія оброчнымъ хлѣбомъ лишнихъ пашень и сѣнныхъ покосовъ у старыхъ крестьянъ и всѣхъ вообще земель у новыхъ крестьянъ изъ „бобылей“ и „захребетниковъ“, еще не подвергшихся обложенію; въ это же время шла переобработка старыхъ пашень и сѣнокосовъ, въ цѣляхъ увеличенія оброка; производилась также отдача „выморныхъ запустѣлыхъ“ пашень, оставшихся безъ обработки послѣ умершихъ, бѣжавшихъ или переселившихся на новое мѣсто крестьянъ *).

Весьма рано возникли пашенныя хозяйства и въ Верхоленскомъ краю: около Верхоленскаго острога пашенные крестьяне поселились уже въ 1648 г., т. е. на другой годъ по переселеніи острога на новое мѣсто, къ устью р. Куленги.

Какъ видно изъ „ужинной“ книги Бирюльской и Тутурской волостей 1692 года, въ этихъ волостяхъ въ указанномъ году только съ 42 крестьянъ было собрано казеннаго хлѣба свыше 15.000 сноповъ ржи и ярового (т. е. около 4.000 пудовъ); изъ этихъ крестьянъ пахали на государя 31—по полдесятинѣ, 6—по чети десятины и 5—по цѣлой десятинѣ; наивысшій урожай достигалъ 700, наименьшій—200 сноповъ съ десятины **).

Относительно Приангарья и Тункинскаго края мы имѣемъ также рядъ свидѣтельствъ, говорящихъ о существованіи здѣсь пашни и пашенныхъ крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ „Чертежной книгѣ Сибири“ С. Ремезова, составленной въ 1698 г., мѣст-

*) *ibidem*, стр. 59. Деревни: Чючуевская и Банщиковская существуютъ и въ настоящее время въ Подкаменской волости Киренскаго уѣзда, въ нихъ не болѣе 30—40 дворовъ.

**) См. А. А. Юнинъ. Новыя данныя къ исторіи В. Сибири XVII в.: г. Иркутскъ, 1895 года. Относительно Илгинскаго края Верхоленскаго уѣзда имѣется помѣтка въ «Чертежной книгѣ Сибири» С. Ремезова: «пахотные мѣста, живутъ пашенные многіе крестьяне», то же и по р. Манзуркѣ.

ность около „слободы Байдайской“ (нынѣшняго села Бадайскаго Мальтинской вол. Ирк. уѣзда) по р. Бѣлой обозначена помѣткою Ремезова: „мѣста пашенныя“; около ангарскаго Усолья стоит помѣтка „пашни Ивана Ушакова“.

„Отъ Яндинскаго острога, вверхъ по Ангаре до Балаганской межи, верхней Еловки речки 25 верстъ, живутъ илимскіе пашенные крестьяне“, по тункинской дорогѣ—„пашни по горамъ и по степямъ споваль“— читаемъ въ той же чертежной книгѣ*).

*) Съ легкой руки сибирскихъ историковъ Словцова и Щеглова, въ сибирской литературѣ укрѣпилось мнѣніе, что Тункинскій острогъ былъ основанъ въ 1709 году. У Словцова въ его «Историческомъ обзорѣни Сибири» мы читаемъ о томъ, что русская граница въ 1709 г. укрѣпилась на долину, въ виду Саянской отрасли, острогомъ и селеніемъ изъ 21 двора, съ гарнизономъ въ 150 казаковъ, «это былъ первоначальный острогъ Тункинской»; въ хронологическомъ перечнѣ событій Сибири Щеглова подъ 1709 годомъ напечатано: «заложенъ Тункинскій острогъ при устьѣ р. Тунки, а вслѣдъ затѣмъ кругомъ него образовалось селеніе».

Эти утвержденія позволяютъ намъ думать, что и само присоединеніе Тункинскаго края къ русскимъ владѣніямъ совершилось около этого же времени, т. е. въ 1709 году.

Такъ, объ этомъ, на примѣръ, и повѣствуетъ авторъ статьи «Иркутская губернія», помѣщенной въ словарь Брокгауза и Ефрона, такъ иногда трактуется этотъ вопросъ и въ текущихъ краевыхъ газетныхъ статьяхъ. Между тѣмъ, указанныя выше утвержденія сибирскихъ историковъ совершенно не отвѣчаютъ истинѣ; цѣлый рядъ историческихъ документовъ, сохранившихся отъ XVII вѣка, доказываетъ намъ, что Тункинскій острогъ возникъ, по крайней мѣрѣ, на цѣлую треть столѣтія ранѣе 1709 года.

Такъ, въ Иркутской книгѣ расхода хлѣбнымъ запасамъ за 1675 годъ мы встрѣчаемъ уже упоминаніе о Тункинскомъ острогѣ.

«Наняты бѣломѣстные казаки Якунка Оборинъ, Осонко Могиль, вспахать подъ рожь и подъ яровое въ новомъ Тункинскомъ острогѣ на великихъ государей двѣ десятины Дано имъ за ту работу 3 р. 19 алтынъ 4 деньги»— повѣствуетъ намъ эта книга.

Здѣсь Тункинскій острогъ называется новымъ, одно это, а также и то обстоятельство, что для обезпеченія здѣсь пашеннаго хозяйства мѣстная власть должна была обратиться къ рѣдкому въ тѣ времена способу, найму казаковъ, указываютъ, что Тункинскій острогъ былъ основанъ именно около 1675 г., быть можетъ, даже въ 1674 году.

Объ этихъ двухъ десятинахъ государевой пашни мѣстная власть проявляетъ свои заботы и въ слѣдующемъ, 1676 году. «Послано въ верхній Ново-Тункинской острогъ на сѣмена 1½ чети ржи, 3 чети ячменя на государевы пашни на двѣ десятины», говорится въ хлѣбной книгѣ г. Иркутска за 1676 г.

Въ «смѣтной книгѣ» г. Иркутска за 1681 г. упоминается о расходѣ на прядѣніе нитокъ: «а тѣ нити вышли на мѣшечную и на парусную починку для отпусковъ за Байкаль съ хлѣбными запасы Тункинскимъ служилымъ людемъ на жалованье». Эта замѣтка указываетъ на то, что хлѣбные запасы въ Тунку отправлялись иногда изъ Иркутска по Байкалу, очевидно, черезъ Култучное зимовье. О томъ, что Тункинскій острогъ, наравнѣ со многими забайкальскими, входилъ въ составъ иркутскаго воеводства, говорятъ намъ «смѣта хлѣбныхъ и соляныхъ доходовъ и расходовъ» г. Иркутска за 1682 г. и наказъ иркутскому воеводѣ Синявину за 1688 г. Извѣстенъ затѣмъ намъ и фактъ осады Тункинскаго острога въ 1685 года «мунгальскими людемъ», т. е. монголами. Объ этой осадѣ свидѣтельствуетъ указъ «отъ царей и великихъ

„Въ 1682 г. Нерчинскій воевода Ѳедоръ Воейковъ писагь царю Ѳедору Алексѣевичу, что для „десятинной пашни въ Дурскіе остроги мошно послать изъ Илимскаго и изъ Братцкаго остроговъ пашенныхъ крестьянъ, для того, что въ тѣхъ острогахъ пашенныхъ крестьянъ многолюдство“ (Доп. къ акт. истор., томъ 8).

Въ историческомъ матеріалѣ, касающемся территоріи Иркутской губерніи, можно найти много указаній на то, что, по-

князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ» окольничему и воеводѣ Головину.

«Въ нынѣшнемъ во 194 г.» (т. е. въ 1686 году)—говорится въ этомъ указѣ—«ноября въ 5 день, писалъ къ намъ, великимъ государямъ, изъ Енисейска бояринъ нашъ и воевода князь Костянтинъ Осиповичъ Щербатовъ: въ прошломъ де во 193 году пришло подъ Тункинской острогъ мунгальскихъ людей таиши Цеценъ Ноенъ да Шиптатуръ Батуръ съ воинскими людьми съ десять тысячъ человекъ, и около Тункинскаго изгономъ взяли въ полонъ девять человекъ, и Тункинской осадили, и къ острогу приступали по три дни жестокимъ приступомъ; и на тѣхъ приступахъ и вылазкахъ они, Иркутскіе служилые люди, ихъ, Мунгальскихъ людей измѣнниковъ, бывшихъ Иркутскихъ ясашныхъ, многихъ побили; а въ осадѣ де въ Тункинскомъ Иркутскихъ служилыхъ людей сидѣло тридцать четыре человекъ, и Тункинской острогъ отъ Мунгальскихъ людей отсидѣли; а которыхъ Иркутскихъ служилыхъ людей подъ Тункинскомъ острогомъ полонили, тѣхъ служилыхъ людей, собравъ въ Мунгальской землѣ, Гегенъ Кутухта прислалъ со своими людьми въ Селенгинской, а изъ Селенгинска приказчикъ Иванъ Поршенниковъ отпустилъ ихъ въ Иркутской; и тѣ де полоняники Иркутскіе служилые люди въ полону всякое мученіе терпѣли. И мы, великіе государи, тѣхъ служилыхъ людей, которые сидѣли въ Тункинскомъ въ осадѣ отъ Мунгальскихъ людей и на приступѣ и на вылазкахъ съ ними бились, тридцати четырехъ человекъ, и которые были въ полону, шти человекъ, пожаловали за ту ихъ службу, велѣли имъ дать нашего, великихъ государей, жалованія по кумачю человекъ; и тѣ всѣ кумачи посланы съ Москвы съ челобитчикомъ, съ Сидоромъ Васильевымъ. И какъ къ тебѣ ся наша великихъ государей грамота будетъ, а челобитчикъ Сидоръ Васильевъ съ кумачами пріѣдетъ, и ты бы велѣлъ у него тѣ кумачи принять и въ приходъ записать и раздать тѣмъ служилымъ людямъ, Тункинскимъ осаднымъ сидѣльцамъ и полоненникомъ; да ихъ же, служилыхъ людей, велѣтъ нашею великихъ государей милостью обнадеживать и сказать имъ наше государское милостивое слово, чтобы они и впредь намъ, великимъ государямъ, со всякимъ усердіемъ служили и работали»...

Наконецъ, мы должны упомянуть, что Тункинскій острогъ помѣщенъ и въ «Чертежной книгѣ» Сибири, составленной въ 1698 году боярскимъ сыномъ Семеномъ Ремезовымъ. Интересно, что около Тункинскаго острога, какъ и у «Култушнаго зимовья», Ремезовымъ были сдѣланы помѣтки, что здѣсь «ясакъ берутъ съ тунгусовъ».

Такимъ образомъ, въ XVII вѣкѣ южное Прибайкалье населяли и тунгусы; послѣдніе въ слѣдующемъ столѣтіи были отодвинуты русскими къ юго-востоку отъ Байкала, въ предѣлы Селенгинскаго уѣзда нынѣшней Забайкальской области, къ русско-монгольской границѣ, здѣсь эти тунгусы обурятались и въ настоящее время составляютъ ядро населенія Армакской и Закаменской волостей области.

Всѣ приведенныя выше историческія справки съ достаточною убѣдительною доказываютъ, насколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности обращающіяся въ литературѣ свѣдѣнія о первоначальной исторіи Тункинскаго края.

мимо строенья" на пашню разных гулящих людей—одиночекъ, правительство предпринимало иногда и групповыя переселенія какъ вольныхъ, такъ и ссыльныхъ людей для устройства ихъ на пашню.

Въ крестьянской книгѣ „новаго Брацкаго Балаганскаго острога“ за 1654 годъ содержится перечень пашенныхъ крестьянъ (повидимому, изъ ссыльныхъ людей), поселенныхъ здѣсь въ 1653 году, затѣмъ перечисляются 35 семей „московскихъ ссыльныхъ разныхъ чиновъ людей“, присланныхъ сюда же въ 1654 году. Эти подневольные пашенные крестьяне сейчасъ же обратились къ мѣстной власти съ челобитной о переводѣ къ нимъ ихъ женъ и дѣтей, и это ихъ челобитное было уважено*), (см. Н. Н. Оглоблинъ, Обзорѣніе и т. д.). Въ 1691 г. было прислано въ Иркутскъ на государеву десятинную пашню 160 человекъ, въ томъ числѣ 106 женатыхъ и 54 холостыхъ. Изъ этихъ „новопришлыхъ пашенныхъ крестьянъ“, доносилъ воевода Кислянскій великимъ государямъ, „поселено въ 1691 г. въ Иркутскомъ уѣздѣ: по Бѣлой рѣкѣ 40 семей дворами, на Кудѣ рѣкѣ по по посторонней рѣчкѣ Оѣкѣ 61 семей, да въ Иркутскомъ же уѣздѣ въ Уритцкой и въ Разводной деревняхъ поселено трое человекъ. Всего поселено въ Иркутскомъ уѣздѣ тѣхъ новопришлыхъ пашенныхъ крестьянъ 104 человека, а посѣяно у всѣхъ тѣхъ пашенныхъ крестьянъ на себя въ поляхъ въ прошломъ во 198 (1690) году ко нынѣшнему ко 199 году 21 десятина три чети ржи, да въ нынѣшнемъ же во 199 году посѣяно ярового всякаго хлѣба 88 десятинь 2 чети, да впредь ко 200 г. спахано земли подъ ржаной сѣвъ 123 десятины. Да по челобитью иркутскихъ посадскихъ людей изъ тѣхъ же новопришлыхъ пашенныхъ крестьянъ, женатыхъ и холостыхъ, поверстаны въ посадъ, для малолюдства посадскихъ людей, 10 человекъ мастеровыхъ всякаго рукодѣля. А не поселилось дворами изъ

---

*) Въ 1682 г. иркутскій воевода Иванъ Власовъ поселилъ на пашню семь ссыльныхъ крестьянъ, въ томъ числѣ шести изъ нихъ велѣно было пахать на первое время по чети десятины, а одному—полудесятину. «А твоего государева жалованія», писалъ по этому случаю воевода царю: «дано имъ въ подмогъ на десятинную пашню, на лошадинную покупку и на всякой деревенской заводъ, на четь десятины, по два рубля съ полтиною; всего имъ дано изъ твоей великаго государя казны на двѣ десятины двадцать рублей денегъ. А какъ, государь, тѣ пашенные крестьяне дворами поселятца и землю распашутъ, и въ то время на нихъ десятинные пашни прибавлено будетъ». Доп. къ акт. истор., т. 8.

вышеписаннаго числа 160 человекъ новопришлыхъ пашенныхъ крестьянъ, 46 человекъ и никакого заводу у нихъ нѣтъ, потому что многіе изъ нихъ стары и дряхлы, а иные увѣчны, слѣпы и безноги, кормятца, скитаючись межъ дворовъ Христовымъ именемъ, и впредь за старостью и за увѣчьемъ въ вашу великихъ государей десятинную пашню и ни въ какое тягло не годны“ *).

Въ Иркутской лѣтописи Пежемскаго, подъ 1697 годомъ, читаемъ: „сего года высшимъ правительствомъ предписано было Верхотурскому воеводѣ послать къ Иркутску, для заселенія, пятьсотъ семей хлѣбопашцевъ“. Въ началѣ второй половины XVII вѣка, въ предѣлахъ Илимскаго уѣзда, по Илимю и Ленѣ, были поселены группы „ссылныхъ черкасъ“ (т. е. малороссовъ); эти „черкасы“ составляли, на примѣръ, первоначальное населеніе нынѣшней Подкаменской волости Киренскаго уѣзда, но, повидимому, это былъ мало надежный въ колонизаціонномъ отношеніи элементъ.

Въ общемъ, какъ въ этомъ убѣждаютъ насъ всѣ цитированные выше историческіе документы, пашенное хозяйство насаждалось въ Ангаро-Ленскомъ краю весьма усердно, да это и необходимо было дѣлать, такъ какъ названный край служилъ опорною базою для дальнѣйшихъ дѣйствій русскихъ за Байкаломъ и по всему сѣверовостоку Сибири: хлѣбъ былъ нуженъ въ первое время для продовольствія служилыхъ людей не только мѣстнаго края, но и Забайкалья, а, главнымъ образомъ, Якутской окраины.

Документы, относящіеся къ 1678—1680 г. г., говорятъ, что въ то время Якутскъ уже нуждался въ значительномъ количествѣ хлѣбныхъ припасовъ; и сюда на баркахъ, дощаникахъ и лодкахъ усиленно доставлялся хлѣбъ Бирюльской, Тутурской, Илгинской и Орленгской, а также Илимской и Киренской пахоты (см. Дополненіе къ актамъ историческимъ, томъ 8, стр. 69).

„А для той нашей государевой службы и осадного времени далъ ты наше великаго государя денежное жалованіе сполна, а хлѣбнаго жалованія дать нечего, хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, и ты де далъ за хлѣбное жалованіе товаромъ, потому что изъ Енисейска и Илимска хлѣбныхъ запасовъ прислано мало, и служилые де люди отъ того въ Якутскомъ помирають голодомъ, ѣдятъ всякую скверность и кору сосновую; а въ торгу де пудъ

*) См. А. А. Юнинъ. Новѣйшія данныя и т. д., стр. 156.

муки ржаной купятъ по 8 гривенъ и по 30 алтынъ и по рублю, и, покупая хлѣбъ, дворы и женъ и дѣтей своихъ иззакладывали и одолжали некупными долги, и отъ голоду и отъ долговъ иные разбѣжались“ — читаемъ мы въ царской грамотѣ отъ 1679 г. на имя якутскаго воеводы Ѳомы Бибикова (*ibidem*). Въ вѣдѣніи Якутскаго воеводства находилось къ этому времени до 700 служилыхъ людей, на продовольствіе которыхъ и лошадей при нихъ ежегодно требовалось до 40000 пудовъ хлѣба, крупъ и овса, и до 2000 пудовъ соли.

Остается затѣмъ выяснить, принимало ли участіе въ этомъ пашенномъ дѣлѣ туземное, инородческое населеніе. О мѣстныхъ тунгусахъ не приходится и говорить, такъ какъ они и до сихъ поръ остаются преимущественно звѣроловами. Въ данномъ случаѣ можетъ итти рѣчь только о бурятахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе, къ моменту появленія ихъ на новыхъ мѣстахъ, застали бурятъ въ стадіи звѣроловческо-скотоводческаго хозяйства; о томъ что они были звѣроловами, свидѣтельствуемъ факты успѣшнаго внесенія ими въ русскую казну ясака богатою пушниною; о томъ, что буряты вели и скотоводческое хозяйство, говорятъ исторіи военныхъ стычекъ казаковъ съ ними, когда казаки отбивали у бурятъ большіе табуны скота. Невыясненнымъ представляется вопросъ о томъ, существовало ли у бурятъ, къ приходу въ ихъ кочевья русскихъ, земледѣльческое хозяйство, хотя бы въ зачаточномъ видѣ. Сохранившіяся въ нѣкоторыхъ историческихъ документахъ указанія позволяютъ намъ рѣшить данный вопросъ скорѣе въ положительномъ, чѣмъ отрицательномъ смыслѣ.

Совершившій въ 1627 году походъ противъ ангарскихъ бурятъ Максимъ Перфирьевъ, сообщалъ въ своемъ отчетѣ о походѣ между прочимъ и объ урожайности „Братской земли“, и о томъ, что буряты „хлѣбъ пашутъ—ячмень и гречю“.

Въ расписаніи рѣкъ „отъ Енисейска до Ленской переволоки и впадающихъ въ Лену отъ рѣки Кута до Ленскихъ верховьевъ“ и пр. отъ 1640—41 г. г. можно прочесть слѣдующее: „А по Ламѣ и по Байкалу живутъ неясачные тунгусы, кумкагири и чилкагири, и иныхъ родовъ много, и числа имъ тунгусы не знаютъ, сколько ихъ въ роду; а на Ламѣ островъ именованъ Ойхонь, а ходу черезъ Ламу до острова Ойхона судового день; а люди на томъ острову живутъ Брацкіе многіе, лошадей и вся-

каго скота много, а хлѣбъ у нихъ родится просо“...*) „А оксло Ламы (т. е. Байкала) живутъ Брацкіе люди и Тунгусы, и просо сѣяли Брацкіе люди по Ангарѣ, и соляные ключи поверхъ Тунгуски, сказываютъ, есть, и соль варятъ въ котлахъ“—говорится въ другомъ историческомъ документѣ**).

Наконецъ и сохранившіяся у бурятъ древнія сказанія и преданія говорятъ о томъ, что они сѣяли въ старину какой-то хлѣбъ („буда“).

Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ XVII в. буряты занимались уже земледѣліемъ, хотя бы и въ небольшихъ размѣрахъ: существовали у нихъ посѣвы ячменя, гречи и проса. Впрочемъ, окончательное разрѣшеніе этого вопроса еще подлежитъ компетенціи сибирскихъ историковъ. Можно только утверждать, что, если у бурятъ и были начатки земледѣлія, то правительство не предпринимало со свсей стороны попытокъ къ дальнѣйшему развитію земледѣльческаго хозяйства у туземцевъ и, можетъ быть, только изъ за того, чтобы не ослабить ихъ ясачной платежеспособности и не отвлечь ихъ отъ пушного промысла. Мы знаемъ, на примѣръ, что съ этой же точки зрѣнія правительство проявляло иногда и заботы о сохраненіи мѣстнаго лѣса.

Въ наказныхъ статьяхъ иркутскимъ воеводамъ отъ 1696 г. говорится: „Которые ссыльные люди, присланные въ Иркутскъ и въ иные остроги до нево, воеводы, а на пашню непоселенные и впредь которые присланы будутъ въ пашню и тѣхъ всѣхъ ссыльныхъ устроить на пашню, гдѣ пристойно, и подмога имъ давать по указу великаго государя на десятину по 4 рубля, и которые крестьяне построены будутъ великаго государя на пашню, гдѣ пристойно изъ гулящихъ и изъ иныхъ пришлыхъ людей, и тѣмъ денежные ссуды подмоги не давать, а селить крестьянъ и земли имъ великаго государя подъ десятинную и подъ ихъ крестьянскіе собинные пашни давать на степныхъ мѣстахъ, а не лѣсныхъ, для того, чтобы они, крестьяне, лѣсовъ не высѣкали и не жгли, и оттого звѣрь не выводился и вдаль не бѣжалъ и великаго государя ясачномъ въ сбору недоборъ не былъ, а буде въ ко-

---

*) Дополн. къ актамъ историческимъ, т. II, № 89. Подъ «Ойхономъ» здѣсь разумѣется Байкальскій островъ Ольхонъ.

***) См. Н. Н. Козьминъ. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири; ст. «Хлѣбъ за ясакъ».

торыхъ острогахъ на деревняхъ степныхъ мѣстъ нѣтъ, oprичь лѣсныхъ мѣстъ селить негдѣ, и въ тѣхъ острогахъ и деревняхъ отнюдь крестьянъ и никого русскихъ людей не селить и подъ пашню лѣсныхъ мѣстъ никому не давать и заказъ учинить крѣпко, чтобы никто лѣсовъ не сѣкли и не жгли, чтобы однолично оттого великаго государя ясачному сбору недоборъ не былъ“ *).

Нужно предположить, что въ XVIII вѣкѣ, по мѣрѣ того, какъ мѣстный хлѣбъ становился товаромъ и сталъ поступать на рынки, земледѣліе среди бурятъ стало уже развиваться, такъ какъ въ началѣ слѣдующаго XIX-го столѣтія, у мѣстныхъ бурятъ было уже, сравнительно, значительное количество пашни.

О томъ, какъ и на что, помимо хлѣбнаго жалованія, расходовались хлѣбные запасы въ мѣстныхъ острогахъ, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе на основаніи ряда историческихъ документовъ, относящихся къ г. Иркутску. Такъ, изъ книгъ расхода хлѣбнымъ запасамъ за 1673 и 1676 годы, видно, что Иркутскій острогъ расходовалъ свои хлѣбные запасы на кормъ ссыльнымъ людямъ, пока послѣдніе не обзаводились еще собственнымъ хозяйствомъ; на посылку его въ „даурскіе“ (т. е. забайкальскіе) остроги; на кормъ „аманатамъ“ (т. е. инородческимъ заложникамъ) и различнымъ проѣзжавшимъ черезъ Иркутскъ служилымъ людямъ; на выдачу „на сѣмена“ для новыхъ государевыхъ пашень и т. д. **). Что же касается расходовъ на хлѣбное жалованіе, то въ 1699 г. Иркутскій острогъ израсходовалъ, на примѣръ, на выдачу 428 служилымъ людямъ до 2430 четей хлѣба и до 1455 чегей овса (т. е. до 20.000 пудовъ того и другаго вмѣстѣ); въ это же время 30 человѣкъ служили „съ пашни“ за 213 четей ржи и 169 четей овса ***).

Въ это же время служилые люди Иркутскаго острога получили жалованія—деньгами 2452 рубля (т. е. до 40.000 р. на наши деньги) и солью 750 пудовъ.

„Дѣти боярскіе“, смотря по ихъ заслугамъ, получали различное жалованіе: деньгами отъ 18 до 9 р., хлѣбомъ отъ 18 до 7 пудовъ ржи и столько же овса, если не служили съ пашни, и солью отъ 4 до 2 пудовъ въ годъ; подъячіе приказной избы—

*) Матеріалы по изслѣдованію землевладѣнія и землепользованія Забайкальской области. С.-П.-Б. 1898 г. выпускъ 5-й.

**) См. сборникъ «Первое столѣтіе г. Иркутска».

***) *ibidem*, стр. 25.

деньгами 12—5 р., хлѣбомъ $7\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{8}$ пудовъ, солью 2—1 пудъ; духовенство (начиная эть протопопа и кончая просвирницею)—деньгами 10— $2\frac{1}{2}$ р., хлѣбомъ 10—3 пуда, солью 5—2 пудовъ; конные казаки—деньгами 7 р., хлѣбомъ 7 пуд., овсомъ 4 пуда и солью 2 пуда; пѣшіе казаки—деньгами $5\frac{1}{2}$ —5 р., хлѣбомъ— $5\frac{1}{8}$ пуд., овсомъ—2 пуда; такое же жалованіе получалъ и „заплечный мастеръ“.

Нужно замѣтить, что жалованье это было болѣе или менѣе устойчиво, и мало разнилось по острогамъ. Такъ, наприм., изъ жалованной книги Илимскаго острога за 1663 годъ мы узнаемъ, что въ Илимскѣ въ названномъ году были слѣдующіе оклады денежнаго жалованія: бывший попъ (соборный) получалъ 7 р. въ годъ, дьячекъ 3 р., пономарь столько же, просвирня—2 р. 16 алтынъ 4 деньги (т. е. 2 руб. 50 к.), подъячіе съѣзжей избы—по 15, 12, 6, 5 и по 3 рубля въ годъ; дѣти боярскіе по по 13, 12 (напр. знаменитый Ероѳей Хабаровъ), 10 и 7 руб. въ годъ; пятидесятники пѣшихъ казаковъ—5 р. 50 к., десятники—5 р. 25 к., рядовые казаки—по 5 р. въ годъ, сотникъ „стрѣleckой“—12 р. въ годъ, атаманъ конныхъ казаковъ—9 руб., пѣшихъ казаковъ—8 руб., конные казаки по 7 руб. въ годъ, „литовскому списку“ казаки—по 6 р. и т. д.; въ это же время въ предѣлахъ Илимскаго уѣзда по р. р. Ленѣ и Ангарѣ несли государеву службу рядовые плотники съ „качевымъ уставщикомъ“ во главѣ. Эти плотники должны были строить казенныя суда для плаванія по р. р. Ленѣ и Ангарѣ и для перевозки казаковъ съ военными и съѣстными припасами. Плотники получали по 5 р. годового жалованья, кочевой уставщикъ—6 руб. въ годъ*).

Нужно замѣтить, что московское правительство, вслѣдствіе весьма слабаго состоянія его финансовъ во второй половинѣ XVII в., не всегда посылало денежное жалованіе полностью; въ этомъ случаѣ недостающее жалованіе досылало товаромъ, но и при всемъ этомъ иногда происходили „большія недодачи“, что вызывало рядъ жалобъ служилыхъ людей, которые заявляли, что они совсѣмъ „оскудали и одолжали великими долгами**“).

Въ смѣтныхъ книгахъ г. Иркутска за послѣднюю четверть XVII вѣка можно часто встрѣтить указанія на товары „московскія присылки“ для выдачи служилымъ людямъ: присылались

*) А. А. Юнинъ. Новыя данныя и т. д., стр. 64.

**) Денежнаго жалованія служилымъ людямъ всей Сибири было не дано за 1673—1691 г. г. до 143.000 руб. См. Н. Н. Оглобинъ. Обзорніе столбцовъ и т. д., часть 4-я, стр. 113.

„сукна аглинскія“, кумачи и т. д., на эту же цѣль расходовался иногда и собранный натурою таможенный сборъ съ разныхъ китайскихъ товаровъ. Изъ товарной же казны городовъ и остроговъ брались товары и для подарковъ знатнымъ ясачнымъ людямъ, „мунгальскимъ паланцамо“ и т. д.

Изъ „счетной перечневой выписки“ Илимской приказной избы за 1687 г. мы узнаемъ даже, что въ Илимскѣ, начиная съ 1671 г. не додавалось служилымъ людямъ даже хлѣбное жалованіе, и правительство въ этомъ случаѣ не могло найти другого исхода, какъ посылать изъ Москвы „мягкую рухлядь“, т. е. пушнину, которая здѣсь продавалась для полученія денегъ, кои требовались на раздачу служилымъ людямъ за недоданное имъ хлѣбное жалованіе. Тяжелое положеніе, обостряемое, помимо трудностей тогдашней сибирской службы вообще, и злоупотребленіями воеводъ, вызывало среди сибирскаго служащаго люда недовольство порядкомъ вещей, и это недовольство къ концу XVII вѣка приняло острия формы, проявившись въ рядѣ бунтовъ служилыхъ людей въ большихъ сибирскихъ городахъ и острогахъ (въ томъ числѣ въ Красноярскѣ и Иркутскѣ) противъ воеводъ.

Въ настоящее время весьма трудно установить, въ какой мѣрѣ было достаточно то жалованіе, которое служилые люди получали въ XVII вѣкѣ за свою тяжелую сибирскую службу, такъ какъ цѣны на товаръ и припасы того времени являются до сихъ поръ неизученными *).

---

*) Изъ переписной книги «постоялыхъ дворовъ» г. Енисейска за 1704 годъ, составленной боярскимъ сыномъ Борисомъ Серебренниковымъ, видно, что въ этомъ году одному человѣку можно было имѣть квартиру (комнату, уголь) со столомъ, (крупы, капуста, квасъ и соль), отопленіемъ и освѣщеніемъ (лучина) за алтынъ въ недѣлю, т. е. приблизительно 1 руб. 60 коп въ годъ; при чемъ при этихъ условіяхъ хозяева извлекали отъ постояльцевъ еще нѣкоторую выгоду для себя. Нужно думать, что такова же была дороговизна жизни и въ Иркутскѣ, такъ какъ послѣдній во всякомъ случаѣ находился не въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ г. Енисейскъ (см. Н. Н. Оглобинъ. Обзоръ столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, часть I-я, стр. 312—315). Историческіе документы, относящіеся къ послѣдней четверти XVII-го столѣтія, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ г. Иркутскѣ къ этому времени можно было за 5 коп. купить хорошее строевое бревно, за 6 р. нанять плотниковъ строить богатая и большія хоромы; на алтынъ можно было купить серпъ и косу; за 2—4 р. хорошую лошадь, за 1—3 р. рогатую скотину, 35 к. козу; за алтынъ—безмѣнъ (т. е. 2¹/₂ фунтз) мяса, за 2 р.—цѣлую бочку омулей, или 100 сиговъ; 5—10 к. пудъ ржи, 15—20 к. пудъ пшеницы; 35 коп — возъ сѣна; за алтынъ—аршинъ крашенины или безмѣнъ желѣза; 25 коп.—топоръ или фунтъ слюды и т. д. Сравнительно высоки были цѣны на хлѣбъ, въ особенности пшеницу, такъ какъ послѣдняя, повидимому, была еще рѣдкимъ товаромъ; сравнительно дороги были слюда и желѣзо. (См. сборникъ «Первое столѣтіе г. Иркутска»). При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ рубль равнялся 12, а въ концѣ XVII вѣка—17 нынѣшнимъ рублямъ (ibidem).

Наряду со служилыми людьми, население городовъ и остро- говъ затѣмъ составляли посадскіе люди, имѣвшіе свое постоян- ное мѣстопробываніе въ посадѣ города и занимавшіеся торгов- лею, ремеслами, промыслами, сѣнокошеніемъ, иногда и земледѣ- ліемъ, уплачивая въ этомъ случаѣ пятинный хлѣбъ. Посадскіе люди облагались казною оброкомъ различнаго размѣра: какъ это видно изъ „именной оброчной книги“ Иркутскаго острога за 1681 годъ, посадскіе платили здѣсь оброку отъ 23 алтынъ 2 денегъ до 10 алтынъ на человѣка въ годъ, т. е. отъ 70 до 30 к. на душу; въ 1699 г. 2 руб. оброку платилъ одинъ по- садскій человѣкъ, по рублю—6, по 20 алтынъ—5, по 17 алт — 23, по 13 алтынъ 2 деньги—7, по 12 алт. 4 деньги—5, по 10 алт.—56, по 8 алт. 2 деньги—5 человѣкъ... Фамиліи нѣкоторыхъ посадскихъ людей Иркутскаго острога этого времени говорятъ за то, что они были ремесленники—такъ въ 1699 г. въ числѣ посадскихъ людей были здѣсь Дмитрій Каменщиковъ, Семень Котельникъ. Евсевій, Митя, Филиппъ и Борейко Кузнецы, Афа- насій Токаръ, Василій Котельщикъ, Иванъ Квасникъ, Иванъ Кирпишникъ, Иванъ Колокольникъ, Семень Скорнякъ, Любимъ Выжигальщикъ, Тихонъ Шорникъ и др. Въ историческихъ до- кументахъ XVII вѣка, относящихся къ г. Иркутску, мы встрѣ- чаемся съ упоминаніями о покупкѣ у мѣстныхъ кузнецовъ косъ и серповъ, о литьѣ пицалей (т. е. ружей), производствѣ кирпи- чей, изготовленіи издѣлій изъ кожъ (юфти и сыромяти), писаніи иконъ и пр. *). Значительное распространеніе имѣлъ и банный промыселъ, т. е. содержаніе бань, что имѣло свое значеніе въ въ эту эпоху значительнаго движенія по Сибири различнаго рода торговыхъ, промышленныхъ и гулящихъ людей. „Перепис- ная банная книга“ г. Иркутска и его уѣзда за 1705 г. свидѣ- тельствуетъ намъ о сборѣ казною баннаго оброка по 5 алтынъ съ крестьянскихъ бань и по 1 р. въ годъ съ городскихъ; всего къ этому времени въ Иркутскѣ и его уѣздѣ были изоброчены 942 бани **); не упускала мѣстная власть обложенія и мельницъ, старалась извлечь доходъ съ откупа „площаднаго письма“, пролубнаго промысла и рыбныхъ ловель и пр., какъ, постоянно нуждаясь въ средствахъ, извлекала она свои выгоды и отъ мѣст- наго квасоваренья и винокуренья и т. д. Облагая чуть ли не

*) См. «Первое столѣтіе г. Иркутска».

***) См. Н. Н. Оглобинъ. Обзоръніе и т. д.

каждый шагъ посадскихъ людей, власть создавала иногда для послѣднихъ весьма тяжелое положеніе, и они снимались съ насиженныхъ мѣстъ и бѣжали, и правительство вынуждаемо было уменьшать налоговое бремя мѣстнаго населенія.

Интересно отмѣтить, что въ XVII вѣкѣ существовалъ уже омулевый промыселъ, какъ и нерпичій, на Байкалѣ, и Иркутскъ былъ уже виднымъ пунктомъ торговли омулемъ; отсюда онъ развозился для продажи по окрестнымъ острогамъ и селеніямъ, не минуя, конечно, таможеннаго сбора. Этотъ промыселъ, какъ и соболинъ, создалъ „покрутничество“: покручниками назывались промышленники, закабалавшіе себя въ извѣстную работу за то, что предприниматели вносили за нихъ подати, кормили ихъ во время промысла и давали имъ небольшое вознагражденіе. Эти покручники, какъ и другіе „работные“ бездомовые люди, бобыли, а затѣмъ дворовые люди и „ясыри“ (т. е. рабы изъ инородцевъ) составляли низшій экономическій слой мѣстнаго населенія.

Къ концу XVII-го вѣка стала замѣтнѣе обнаруживаться въ мѣстномъ населеніи группа промышленныхъ и торговыхъ людей. Тѣхъ и другихъ влекла сюда жажда пріобрѣтенія и наживы. Промышленные люди, соединяясь въ ватаги, отправлялись на соболинъ и вообще пушной промыслы, выбирая въ мѣстныхъ таможнякъ проѣзжія грамоты, отыскивали полезныя ископаемыя, добывали слюду, заводили соляныя варницы, соединяя иногда все это и съ пашнею или съ торговлею, когда осѣдали на мѣстѣ. Изъ рядовъ этихъ промышленныхъ вышелъ знаменитый Ерофей Хабаровъ, открывшій солеваренъе возлѣ Усть-Кута и имѣвшій большое пашенное хозяйство по р. Ленѣ, подъ Киренскомъ. Изъ видныхъ торговопромышленныхъ дѣятелей г. Иркутска XVII вѣка необходимо отмѣтить енисейскаго посадскаго человѣка, торговаго гостя Ивана Ушакова, заведшаго въ Иркутскъ по р. Ушаковкѣ мельницу, имѣвшаго здѣсь же кожевенный заводъ, открывшаго, повидимому, солеваренъе въ нынѣшнемъ Усольѣ, такъ какъ здѣсь были расположены его пашни, и бравшаго разнаго рода подряды отъ казны*). Насколько богаты были иногда мѣстные крупные промышленники, видно уже, на примѣръ, изъ одного того, что Хабаровъ снарядилъ большую экспедицію отъ Усть-Кута на Амуръ на собственные средства, уподобясь въ

*) На примѣръ, по доставкѣ хлѣба въ Илимскъ (1684 г.).

этомъ отношеніи предъуральскимъ Строгановымъ; одинъ „подъемъ“ этой экспедиціи обошелся Хабарову въ 3.500 р., т. е. приблизительно въ 45.000 р. на наши деньги. (См. Н. Н. Оглоблинъ). Хабаровъ пришелъ въ Сибирь изъ Устюга гулящимъ человѣкомъ, перешелъ здѣсь въ ряды промышленныхъ людей, совершилъ походъ на Амуръ въ качествѣ „охочаго служилаго чело-вѣка“, за этотъ походъ былъ обласканъ царскою милостью, получилъ званіе Илимскаго боярскаго сына и кончилъ свою жизнь приказнымъ человѣкомъ надъ рядомъ ленскихъ волостей. Такова была жизненная карьера этого замѣчательнаго дѣятеля.

Въ заключеніе представляется намъ необходимымъ упомянуть еще, хотя бы и вкратцѣ, о состояніи горныхъ промысловъ и положеніи торговли въ разсматриваемую нами эпоху въ Ангаро-Ленско-Прибайкальскомъ краю. Изъ полезныхъ ископаемыхъ добывалась прежде всего соль въ двухъ „Усоляхъ“— Устькутскомъ и Иркутскомъ, а также по рѣчкѣ Ичерѣ (въ предѣлахъ нынѣшняго Киренскаго уѣзда), гдѣ были соляныя варницы Якутскаго монастыря. Затѣмъ добывалась слюда въ районахъ южнаго (по р. Слюдянкѣ) и сѣверо-восточнаго Прибайкалья, добывалась и обрабатывалась и, очевидно, кустарнымъ образомъ желѣзная руда гдѣ-то въ окрестностяхъ Балаганскаго острога, по лѣвую сторону р. Ангары, но въ настоящее время не представляется возможнымъ точно установить мѣста добычи этой руды *).

Что же касается торговли, то нужно замѣтить, что такая къ концу XVII в. получила здѣсь сравнительно уже широкое развитіе, что и будетъ понятно, если принять во вниманіе спросъ на товары со стороны вновь устраиваемаго здѣсь русскаго, туземнаго, инородческаго населенія, а также открывшіяся торговыя сношенія съ Китаемъ. Торговля носила преимущественно мѣновой и караванный характеръ, сосредоточиваясь иногда и на ярмаркахъ.

Большинство первыхъ поселниковъ Ангаро-Ленскаго края, какъ и всей Сибири вообще, были выходцами съ сѣвера Европейской Россіи, нынѣшнихъ великорусскихъ губерній: Архангельской и Вологодской и смежныхъ съ ними. Уроженцы другихъ районовъ тонули въ общей массѣ сѣверянъ, уроженцевъ

---

*) См. мою статью «Иркутская губернія въ изображеніи Чертежной книги Сибири Семена Ремозова»; «Сибирскій Архивъ» 1913 г.

Устюга, Яренска, Пинеги, Соли Вычегодской, Мезени, Усть-Цыльмы и другихъ мѣстечекъ Сѣверной Руси XVII-го вѣка. Сѣверяне несли сюда съ собою свои привычки, навыки, свои преданія, и пѣсни, и свой говоръ. Они строили здѣсь свои шатровыя церкви, рубили остроги и города такъ же, какъ привыкли строить ихъ и у себя на родинѣ; любили украшать церкви, какъ и дома, „бочками“, занося сюда излюбленные мотивы сѣверно-русскаго архитектурнаго творчества. Несмотря на постоянное общеніе съ инородцами, русскіе насельники сохранили здѣсь въ чистотѣ свой великорусскій говоръ, наиболѣе близкій къ русскому литературному языку.

И. Серебрянниковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый монгольскій рассказъ «Бадарчинъ» взятъ изъ книги Ц. Ж. Жамцарано и А. Руднева «Образцы монгольской народной литературы халхаскаго нарѣчія», вып. I.

Этотъ народный рассказъ въ литературной формѣ, на монгольскомъ языкѣ, изложенъ былъ студентомъ восточнаго института К. Ловцовымъ совместно съ ламой Балданомъ въ г. Ургѣ въ 1909 г.

При нашемъ ограниченномъ знакомствѣ съ монголами, — народомъ пастушеской культуры, который скованъ вдобавокъ крѣпкими цѣпями буддизма и все замѣчательное въ людяхъ и предметахъ объясняетъ причинами сверхъестественными, мистическими, — предлагаемый вниманію читателя рассказъ представляетъ извѣстный интересъ и значеніе.

Переводъ сдѣланъ, конечно, не дословно, да это едва-ли было бы желательно и удобно для читателя. Онъ можетъ оказаться небезполезнымъ для занимающихся монгольскимъ языкомъ, — въ трудныхъ для передачи по оригиналу мѣстахъ можетъ служить надежною канвою для непереводаемыхъ словъ и выраженій.

Въ заключеніе выражаю свою глубокую признательность ориенталисту К. В. Ловцову за любезное предоставленіе пользоваться монгольскимъ текстомъ.

Ө. Боржимскій.

БАДАРЧИНЪ.

(О томъ, что значитъ искренне вѣрить)

ГЛАВА I.

Нѣкогда одинъ бадарчинъ¹⁾ отправился изъ Монголіи въ Тибетъ на богомолье. Пришелъ онъ въ одно кочевье, голодный и усталый, и просить жителей: «окажите милость, дайте чего-нибудь поѣсть,—я иду поклониться Далай-ламѣ²⁾ и Банчиню-Богдо»³⁾. Его приютили и накормили. Въ этомъ же кочевьѣ тогда проживалъ 85-лѣтній старикъ, который сталъ просить путника поднести отъ него Банчиню-Богдо нѣсколько четокъ, которыя уже износились отъ постоянного употребленія и, передавая ихъ, добавилъ: «вотъ свидѣтели того, сколько разъ прочитаны мною «мани»⁴⁾. Бадарчинъ согласился исполнить просьбу и, взявъ четки, продолжалъ свой путь.

¹⁾ «Бадарчи», отъ слова «бадар» (санскритск. «патра») чаша, нынѣ имѣетъ значеніе «сборъ милостыни», поэтому «бадарчи» значитъ собирающій милостыню (на храмы, монастыри или ради пропитанія). Такими сборщиками въ Монголіи являются духовныя лица, взявшія на себя обѣты нищенства.

²⁾ Далай-лама—первый іерархъ буддійскаго міра пребываетъ въ столицѣ Тибета, Лхассѣ. Онъ считается земнымъ перерожденіемъ или воплощеніемъ Авалокитешивари, «Будды Милосердія» (или великаго клада неизмѣримаго милосердія), главнаго ученика и проповѣдника Будды Гаутамы (Сакья-муни); этотъ послѣдній, какъ извѣстно, считается основателемъ буддизма, родился около 560 года до Р. Хр.

³⁾ Банчинъ Богдо, въ переводѣ—«Святой Банчинъ». Монголы называютъ его еще «Банчинъ Эрдэни», т. е. Драгоценный Банчинъ (тиб. Панченъ-ринпочэ)—второй іерархъ буддійскаго міра, считается земнымъ воплощеніемъ будды Абиды (Аминтабы) Палзана. Онъ жилъ въ началѣ XV вѣка.

Банчинъ Эрдэни имѣютъ пребываніе въ Тибетѣ, въ монастырѣ «Тайшій лхунпо», въ 250 верстахъ отъ Лхассы.

⁴⁾ «Мани» въ переводѣ означаетъ: драгоценность, талисманъ,—общепринятая у буддистовъ молитва (мистическая формула) «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ», которую, по каноническимъ правиламъ, благочестивый монголъ долженъ произносить постоянно. Напримѣръ, принявшій на себя обѣты «убаши» (первая ламская степенъ, въ которую могутъ быть посвящаемы свѣтскіе во всякомъ возрастѣ), долженъ повторить ее 10.000 разъ за день. Для облегченія счета или ускоренія повторенія молитвы служатъ четки, равнымъ образомъ, вращающіеся на оси ручные цилиндры (хурцэ), внутренняя и наружная стороны которыхъ исписаны «мани»; имѣются и другія механическія приспособленія.

Въ другомъ мѣстѣ онъ встрѣтилъ убогій «обугай»⁵⁾, въ которомъ жили старикъ и старуха съ единственной дочерью; все ихъ состояніе заключалось въ томъ, что они имѣли около десятка козъ. Въ этомъ «обугаѣ» бадарчину пришлось заночевать. Хозяева, подоивъ своихъ козъ, предложили путнику пищу и, поѣвши вмѣстѣ, улеглись спать.

Странствующій монахъ (снимокъ съ натуры).

Утромъ, когда бадарчинъ сталъ собираться въ путь, старики поднесли ему бѣлый хадакъ⁶⁾ и сказали: «Оба мы достигли уже преклоннаго возраста, сдѣлай милость, попроси Банчиня-Богдо указать предопредѣленнаго судьбою друга нашей единственной дочери и на обратномъ пути извѣсти насъ о томъ». Бадарчинъ согласился исполнить ихъ просьбу и отправился дальше.

⁵⁾ Юрта безъ рѣшетокъ; шалашъ, палатка.

⁶⁾ «Хадакъ»—длинный и узкій, чаще шелковый, платокъ бѣлаго или голубого цвѣта. Монголы дарятъ хадаки другъ другу, гостямъ или старшему въ знакъ почтенія, дружбы и благопожеланія; ихъ употребляютъ въ храмахъ при богослуженіи, кромѣ того они часто играютъ роль денегъ.

Долго шелъ онъ среди открытыхъ степей; едва уже двигалъ ногами, чувствовалъ страшную усталость и жажду, и, наконецъ, кое-какъ добрелъ до одной юрты, въ которой встрѣтилъ монахиню, очень преклоннаго возраста. Старуха была настолько сгорблена, что едва не доставала подбородкомъ до земли. Войдя въ юрту, бадарчинъ привѣтствовалъ старуху, попросилъ пріюта и рассказалъ, что идетъ изъ далекой мѣстности помолиться въ Тибетъ.

Монахиня проворно приготовила пищу, сварила хорошаго чаю и подала бадарчину; тотъ поѣлъ, утолилъ свою жажду и быстро заснулъ. Черезъ нѣкоторое время монахиня стала будить его со словами: «Вставай, уже солнце закатилось, и ты пораньше уходи отсюда; въ моемъ домѣ нельзя ночевать хорошему человѣку,—у меня сынъ—людоедъ, онъ вернется ночью, убьетъ тебя и съѣстъ. Скорѣе же уходи». Старуха торопила бадарчина.

«Нѣтъ,—сказалъ бадарчинъ,—если твой сынъ захочетъ схватить меня и убить, пусть убиваетъ, но я не уйду отсюда, ибо я искренно вѣрующій человѣкъ и уповаю на заступничество святыхъ Далай-ламы и Банчиня, которымъ иду поклониться». Пока они такимъ образомъ разговаривали, вошелъ небольшого роста, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, хуваракъ⁷⁾; его большіе глаза, величиной съ чашку, были налиты кровью, въ рукахъ онъ держалъ желѣзный мечъ.

«Ну, мать, ты приготовила мнѣ поѣсть?»—спросилъ вошедшій.

«Приготовила, сынокъ». И, открывъ шканъ, она вынула изъ него корыто, въ которомъ была наложена куча мяса. Бадарчинъ обратилъ вниманіе, что это мясо было сплошь человѣческое.

Замѣтивъ пришельца, людоедъ спросилъ у матери: «А это что за человѣкъ, откуда онъ взялся, куда направляется?». «Онъ говоритъ, что идетъ изъ Монголіи въ Тибетъ на поклоненіе»,—отвѣтила мать.

«А я то думалъ, какъ быть съ обѣдомъ на завтрашній день, и столько проходилъ безъ пользы!.. Оказывается, моя мать все приготовила»...

⁷⁾ «Хуваракъ»—духовное лицо, вообще, духовенство

Затѣмъ людоѣдъ наточилъ мечъ, поднесъ къ его острію волосъ, подулъ,—волосъ разсѣлся пополамъ. Людоѣдъ приготовился убивать бадарчина... Видя это, бадарчинъ сказалъ ему: «вы убить меня можете во всякое время, съѣсть также успѣете, такъ какъ убѣжать отсюда уже нельзя; но прежде того позвольте мнѣ помолиться богу и прочитатъ «дуншикъ»⁸⁾, а послѣ уже исполните свои намѣренія».

«Хорошо,—сказалъ людоѣдъ,—молись своему богу».

Бадарчинъ сталъ молиться. А когда окончилъ свою молитву, то сказалъ, о томъ людоѣду. Послѣдній замѣтно смягчился и попросилъ путника сотворить еще разъ молитву. Бадарчинъ исполнилъ просьбу людоѣда и сталъ снова молиться...

«Ну, я окончилъ молитву, убивай меня»,—сказалъ бадарчинъ.

«По истинѣ говоря, убить тебя я не могу,—отвѣтилъ людоѣдъ.—Банчинъ-Богдо повелѣлъ мнѣ отдать ему легкія и сердце, когда я убью и съѣмъ 99 человѣкъ. Видимо это время теперь настало, такъ какъ я сегодня проходилъ весь день и не столкнулся ни съ однимъ человѣкомъ, ни съ однимъ живымъ существомъ, которое могъ бы убить; наконецъ, и тебя, хотя ты и находишься въ моемъ домѣ, я убить также не въ состояніи: знать окончилось время моего людоѣдства. Поэтому возьми этотъ мой мечъ, вонзи его подъ мое сердце, разрѣжь одну сторону груди, вынь оттуда легкія и сердце и поднеси Банчиню-Богдо».

Бадарчинъ оробѣлъ и не могъ исполнить этого. Тогда людоѣдъ сказалъ ему: «какой же ты нерѣшительный человѣкъ». Съ этими словами онъ самъ вонзилъ себѣ подъ сердце мечъ, разрѣзалъ грудь, вынулъ оттуда легкія и сердце и передалъ ихъ бадарчину, говоря: «Возьми это съ собою и поднеси Банчиню-Богдо».

Бадарчинъ взялъ съ собою это страшное подношеніе и пустился въ путь. Долго еще странствовалъ онъ и, наконецъ, благополучно добрался до Лхассы⁹⁾. Когда онъ подошелъ къ го-

⁸⁾ «Дуншикъ», слово тибетское,—значитъ поклонная молитва. У монголовъ она извѣстна подъ названіемъ «цэкту цзадіану мургул», т. е. поклоненіе съ пламеннымъ откровеніемъ души.

⁹⁾ «Лхасса» такъ транскрибируется у насъ главный—религіозный центръ Тибета. Правильное его названіе и транскрипція «Ласа».

роду и завидѣль монастыри, то подумалъ: «какъ я внесу въ такія святыя мѣста эти вонючія легкія и сердце людоѣда»? И съ такими мыслями онъ привязалъ ихъ къ дереву въ тѣнистомъ мѣстѣ и вошелъ въ Лхассу...

Когда бадарчинъ прибылъ къ Банчиню-Богдо и поклонился тотъ спросилъ: «что съ тобой прислали мнѣ изъ Монголіи»?

«Одинъ старикъ прислалъ вамъ эти износившіяся четки, какъ доказательство произнесеннаго имъ количества «мани».

— «А другіе ничего не передавали»?—спросилъ Банчинь-Богдо.

— «Нѣтъ, ничего не передавали»,—растерянно отвѣтилъ бадарчинъ.

— «Развѣ ничего не давали»?—переспросилъ нѣсколько разъ Банчинь-Богдо.

— «Нѣтъ,—вспомнилъ бадарчинъ,—одинъ людоѣдъ разрѣзалъ себѣ грудь, вынулъ оттуда легкія и сердце и прислалъ ихъ, но они теперь настолько вонючи, что я не рѣшился принести ихъ и повѣсилъ возлѣ Лхассы въ тѣни подъ деревомъ».

— «Хотя бы они сдѣлались и вонючими, и гнилыми, это не важно, ступай скорѣе и принеси ихъ сюда»,—сказалъ Банчинь-Богдо.

Бадарчинъ исполнилъ приказаніе и принесъ легкія и сердце Банчиню-Богдо; тотъ положилъ ихъ въ божницу, позвалъ одного изъ учениковъ своихъ и сказалъ ему:

— «Возьми этого человѣка,—онъ пришелъ изъ Монголіи,—и своди по всѣмъ здѣшнимъ святымъ мѣстамъ, чтобы онъ помолился, а затѣмъ приведи его обратно».

Этотъ тибетецъ сопровождалъ бадарчину въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, водилъ его безъ исключенія по всѣмъ мѣстамъ и заставлялъ молиться. Когда затѣмъ бадарчинъ снова пришелъ поклониться Банчиню-Богдо, то послѣдній спросилъ его:

— «Во всѣхъ ли мѣстахъ помолился?»

«Вездѣ молился»,—отвѣтилъ бадарчинъ.

— «Есть-ли у насъ бурханы¹⁰⁾, одинаковые, съ вашими, монгольскими?»

— «Есть похожіе,—отвѣтилъ бадарчинъ,—есть и иные; въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ бурхана, который очень походитъ на

---

¹⁰⁾ «Бурханъ»—металлическое, каменное или деревянное изображеніе того или иного божества; слово означаетъ и вообще божество, мудреца, прозрѣвшаго и достигшаго совершенства.

того людодѣда, который разрѣзалъ свою грудь и преподнесъ вамъ свои легкія и сердце».

— «Это, дѣствительно; тотъ самый»,—сказалъ Банчинь-Богдо.

— «Онъ пришелъ раньше тебя и, кромѣ того, съ искренней вѣрой, почему и превратился въ бурхана. Твой же людодѣдъ и сообщилъ мнѣ, что съ тобой онъ отправилъ свои легкія и сердце».

— «Теперь ты посмотри на нихъ»,—сказалъ Банчинь-Богдо.

Бадарчинъ увидѣлъ, что легкія и сердце во всѣ стороны распространяють сильный свѣтъ...

Когда же были показаны принесенныя имъ отъ старика потертыя четки, то оказалось, что всѣ онѣ превратились въ безголовыхъ червей.

— «Какимъ образомъ,—спросилъ бадарчинъ,—легкія и сердце этого людодѣда, такъ много грѣшившаго и загубившаго на своемъ вѣку столько жизней, стали распространять свѣтъ, самъ онъ сдѣлался бурханомъ, а четки старика, прочитавшаго за свою жизнь столько молитвъ, превратились въ безголовыхъ червей?»

Тогда Банчинь-Богдо отвѣтилъ ему:

— «Хотя этотъ людодѣдъ съѣлъ много людей и натворилъ много грѣховъ, но въ этомъ онъ искренне раскаялся и умеръ истинно вѣрующимъ, вслѣдствіе чего и сдѣлался бурханомъ. Тотъ же старикъ, хотя и много на своемъ вѣку молился, но молитва его не была искренней; вмѣсто молитвы «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» онъ произносилъ только: «ма-ни-пад-мэ-хумъ», выбрасывая каждый разъ главный слогъ «Омъ»; поэтому-то и четки его превратились въ безголовыхъ червей.

Поклонившись святымъ мѣстамъ, бадарчинъ вышелъ изъ Тибета къ себѣ на родину.

На обратномъ пути онъ зашелъ къ старику, пославшему четки Банчиню-Богдо. Старикъ спросилъ у бадарчина, исполнилъ ли онъ его просьбу, и что соизволилъ сказать Банчинь-Богдо.

Бадарчинъ, не желая огорчить старика, солгалъ ему и сказалъ, что Банчинь-Богдо одобрилъ его подношеніе и труды въ чтеніи такого количества молитвъ.

Слѣдуя дальше, бадарчинъ достигъ жилища старика и старухи съ дочерью. Такъ какъ время приближалось къ вечеру, то здѣсь ему и пришлось остановиться на ночлегъ. И теперь только бадарчинъ вспомнилъ, что забылъ исполнить ихъ пору-

ченіе. Желая какъ-нибудь исправить свою оплошность, онъ под-
нялъ попавшуюся недалекѣ собачью голову, обвернулъ ее хода-
ками пяти цвѣтовъ и, положивъ за пазуху, всшелъ въ шалашъ.
Старикъ со старухой не замедлили справиться,—спросилъ ли
онъ на счетъ жениха ихъ дочери. Да,—отвѣтилъ бадарчинъ,—
и, подавая имъ собачью голову, сказалъ: «Что въ этомъ сверт-
кѣ находится—не показывайте людямъ и сами не смотрите, а
положите въ закрытый со всѣхъ сторонъ сосудъ и храните бла-
гоговѣнно, тогда другъ вашей дочери, предопредѣленный судьбою,
самъ найдется». А затѣмъ онъ пояснилъ, что такое повелѣніе
послѣдовало отъ Банчиня-Богдо.

Послѣ этого старики стали усердно молиться мнимой свя-
тынѣ, не отрываясь отъ молитвы круглыя сутки:

— «Нашъ святой покровитель,—взывали они, дарованіе Банчи-
ня-Богдо, принесенное изъ Тибета, сотвори милость и пошли
предопредѣленнаго судьбой жениха нашей дочери»...

Незадолго до того, къ западу отъ шалаша стариковъ оста-
новился богатый купецъ-китаецъ. Однажды поваръ купца, идя
мимо шалаша за водой, подслушалъ моленіе стариковъ, понялъ
суть ихъ молитвы, всталъ сзади бурхана и сказалъ имъ: «От-
дайте вашу дочь за повара того купца, который поселился на
западъ отъ васъ: это и есть предопредѣленный судьбой женихъ».

— «Наконецъ-то святой нашъ кумиръ услышалъ нашу мо-
литву», говорили съ благодарностью о бурханѣ старики.

На другой день, когда поваръ шелъ за водой, старики
позвали его къ себѣ и отдали ему свою дочь, давъ въ прида-
ное нѣсколько козъ.

Китаецъ ушелъ изъ лавки своего хозяина и на тѣ маленькія
средства, которыя онъ успѣлъ скопить изъ ничтожной платы
за свои услуги, купилъ юрту и поселился по сосѣдству съ
одной семьей.

Но вскорѣ ему надоѣла новая жизнь, и онъ подумалъ:
«убью я эту дѣвицу, а изъ ея козъ извлеку выгоду; а то ка-
кая польза въ томъ, что я обзавелся женой? Я долженъ одѣвать
ее, давать ей пропитаніе, но долженъ заботиться и о себѣ... Не
могу я долѣе переносить это». Взялъ свою жену, положилъ ее
въ ящикъ, обвязалъ его веревкой и вынесъ въ степь, а тамъ
зарылъ его въ песокъ.

Г Л А В А II.

Жиль-быль богатый ханъ, а съ нимъ единственный сынъ. Однажды молодой ханъ въ сопровожденіи большой свиты поѣхалъ въ степь позабавиться, тамъ онъ увидѣлъ кучу песку, которая показалась ему хорошей мишенью. Но когда онъ сталъ стрѣлять въ нее изъ лука, то стрѣлы вонзались во что-то твердое и издавали глухой звукъ. «Постой,—сказалъ ханъ,—вѣдь я стрѣляю въ песокъ, а стрѣлы попадаютъ во что то твердое. Навѣрное тамъ что-нибудь есть». И приказалъ разрыть кучу. Слуги начали копать и обнаружили сперва уголь ящика, а затѣмъ и весь ящикъ, обвязанный веревками.

— «Развяжите веревки и откройте ящикъ,—я посмотрю, что въ немъ находится»,—сказалъ ханъ. Когда слуги раскрыли ящикъ, то изъ него вышла очень красивая дѣвушка.

— «Кто ты такая, и что ты сдѣлала, если тебя положили въ ящикъ и зарыли въ песокъ?»—спросилъ молодой ханъ.

Дѣвица начала такъ:

— «Я жила въ юртѣ съ родителями. Они получили изъ Тибета бурханъ и долго умоляли его указать для меня предназначеннаго судьбой друга. Въ то время на западъ отъ нашей юрты остановился въ большой палаткѣ китайскій купецъ, а у него былъ въ услуженіи поваръ, китаецъ-же. Нашъ бурханъ повелѣлъ моимъ родителямъ выдать меня замужъ за этого повара; они такъ и сдѣлали, дали въ приданое нѣсколько козъ и заставили меня идти къ китайцу. Потомъ мой мужъ расчитался съ хозяиномъ, купилъ худую юрту, и мы поселились по сосѣдству съ одной семьей. Черезъ нѣкоторое время китаецъ положилъ меня въ этотъ ящикъ, обвязалъ веревками, принесъ сюда и зарылъ въ песокъ».

Молодой ханъ, выслушавъ рассказъ дѣвицы, приказалъ двумъ своимъ «хя» *) поймать тигренка и принести къ нему.

Когда тигренка принесли, то его заколотили въ ящикъ, обвязали веревками и зарыли на томъ же мѣстѣ.

А потомъ молодой ханъ взялъ дѣвицу съ собой и вернулся въ свое кочевье.

Между тѣмъ, глупый китаецъ, въ этотъ день объявилъ своимъ сосѣдямъ, что вечеромъ, когда стемнѣетъ и люди лягутъ спать, онъ будетъ приносить жертву богу.

*) Хя—адъютантъ, тѣлохранитель.

— «Можетъ быть, я буду плакать,—говорилъ китаецъ,—можетъ быть, буду кричать и звать на помощь, или призывать словами: «бьютъ, рѣжутъ»,—никто на помощь не ходите».

Когда стемнѣло, китаецъ отрылъ ящикъ и потихоньку отъ людей перенесъ его въ свою юрту. Когда сосѣди уснули, онъ закрылъ дымникъ¹¹⁾, заперъ дверь и сталъ развязывать веревки ящика. Какъ только онъ открылъ крышку, изъ ящика выскочилъ тигренокъ и схватилъ китайца.

«Помогите, убиваютъ»,—закричалъ китаецъ, но сосѣди, предупрежденные имъ заранѣе, подумали, что онъ совершаетъ свои жертвоприношенія, и не пошли на зовъ.

Тигренокъ загрызъ китайца, продралъ худую юрту, выскочилъ оттуда и убѣжалъ.

На другой день сосѣди обратили вниманіе на то, что дымникъ китайской юрты закрытъ, и хозяинъ ея долго не показывается. Заподозривъ что-то неладное, они пошли, осторожно заглянули въ юрту и увидѣли ужасную смерть китайца. Этотъ фактъ монголы сочли за дурное предзнаменованіе и немедленно откочевали прочь.

Пока протекали описываемыя событія, на страну, въ которую попала дѣвица, увезенная молодымъ ханомъ, неожиданно обрушились великія бѣдствія: земля не родила травы, источники изсякли, люди умирали отъ разныхъ болѣзней, и скотъ валила чума; такъ продолжалось три года.

Среди подданныхъ хана, безъ различія ихъ положенія, поднялся ропотъ, и виновницей несчастій, постигшихъ страну, всѣ называли ту самую дѣвицу, которую привезъ ханъ,—она будто бы занесла ихъ съ собой.

Дѣвица въ отчаяніи начала молиться:

— «Что ты надѣлалъ мой Банчинь-Богдо! Что сдѣлалъ бурханъ, принесенный изъ Тибета! Вы заставили меня жить съ презрѣннымъ китайцемъ... И я жила до тѣхъ поръ, пока онъ не пожелалъ лишить меня жизни, и закопалъ на перевалѣ. И лишь сынъ хана спасъ мою жизнь. Теперь вы послали великія бѣдствія на ханскія владѣнія: родники изсякли, на землѣ ничего не произрастаетъ, люди умираютъ, скотъ падаетъ, и всѣ живыя суще-

¹¹⁾ Дымникъ—верхнее отверстіе юрты, черезъ которое проходитъ дымъ.

ства гибнуть... Все, все произошло изъ за меня, и объ этомъ не перестаютъ говорить подданные хана».

Однажды утромъ, когда дѣвица молилась и приносила жертву бурхану, брызгая чаемъ¹²⁾ въ сторону восходящаго солнца, подѣхалъ лама на золотисто-желтой лошади и въ такого же цвѣта одеждѣ.

— «Какой красавецъ лама, откуда онъ взялся?»—подумала дѣвушка и ушла въ юрту.

Лама подѣхалъ къ юртѣ молодого хана, попросилъ убрать собаку и, сойдя съ лошади, вошелъ въ юрту. Ханъ положилъ для ламы новый войлокъ и олбокъ¹³⁾ на правой сторонѣ юрты¹⁴⁾, попросилъ пріѣзжаго присѣсть, привѣтствуя его обычнымъ «мэнду» и спрашивая о здоровьѣ¹⁵⁾. Завязался разговоръ.

Въ это время въ сосѣдней юртѣ проснулся старый ханъ и вышелъ «за нуждой». Увидѣлъ онъ золотисто-желтую лошадь у коновязи, что была у юрты сына, и говоритъ своему «хя»: «кто бы это могъ пріѣхать къ сыну на такой красивой лошади?—пойди-ка тихонько, да узнай!» «Хя» отправился къ юртѣ и отворилъ дверь. Юрта была залита такимъ ослѣпительнымъ желтымъ свѣтомъ, что нельзя было смотрѣть; на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ красивый лама. «Хя» вернулся и доложилъ объ

---

12) Т. е. поднося часть напитка Всевышнему. Это—обычное жертвоприношеніе монголовъ, которое они дѣлаютъ передъ принятіемъ пищи, утромъ, совершая свою утреннюю молитву.

13) «Олбокъ»—войлочная, большей частью квадратная подушка, служащая монголу подстилкой во время сидѣнія и лежанія. Олбокъ до 1-го аршина въ квадратѣ составляетъ необходимую принадлежность каждой юрты. Когда заходитъ въ юрту гость, хозяинъ, дабы выразить ему свое вниманіе, сейчасъ же подстилаетъ олбокъ и проситъ садиться. Чѣмъ знатнѣе гость, чѣмъ большее почтеніе желаетъ ему выразить хозяинъ, тѣмъ большее количество олбоковъ онъ старается подать ему, складывая ихъ одинъ на другой. Посадить гостя въ креслѣ или на землѣ безъ олбока считается неприличнымъ и оскорбительнымъ. Олбоки жалуются правительствомъ князьямъ и ламамъ въ видѣ награды, въ зависимости отъ ихъ ранга или сана, причемъ въ грамотѣ точно указывается, на сколькихъ олбокахъ данное лицо имѣетъ право сидѣть. Нѣкоторымъ сановникамъ жалуются до десяти олбоковъ.

14) Правая сторона въ юртѣ считается почетной.

15) Привѣтствія у монголовъ выражаются: мѣчду, сайн'у, амур'у и др., что можно перевести нашимъ «здравствуйте». Послѣ этого монголы обыкновенно спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ скота, о цѣли пріѣзда и т. д.

этомъ хану. Ханъ немедленно одѣлся въ присвоенныя его рангу одѣянiя и отправился къ сыну; войдя въ юрту, онъ преклонилъ колѣни, сказалъ привѣтствiе ламѣ и сѣлъ. И лама разсказалъ имъ слѣдующее:

— «У меня была единственная сестра, которая три года тому назадъ потерялась. Молясь за нее Безсмертному, я узналъ, что она жива, и что вы оказали милость и прiютили ее здѣсь; и вотъ, чтобы освѣдомиться о сестрѣ и оказать ей поддержку, я и прiѣхалъ сюда».

Въ это время вошла въ юрту спасенная молодымъ ханомъ дѣвушка. Тогда лама, указывая на нее, сказалъ: «Это вотъ и есть моя сестра!» А потомъ велѣлъ ей выйти посмотришь, не приближается ли съ юга караванъ съ его вещами. Дѣвушка вышла и увидѣла, что вдали изъ горнаго ущелья приближается большой караванъ верблюдовъ съ вьюками, накрытыми красными покрывалами. Подойдя къ ставкѣ хана, караванъ у западной стороны ея остановился лагеремъ, затѣмъ раскинулъ множество юртъ и палатокъ, а среди нихъ большую желтую палатку, которую обнесли желтой же оградой. Людей и скота было такъ много, что ихъ едва земля держала. Въ этой ставкѣ и поселился прiѣзжiй лама и пробылъ семь сутокъ. Въ первый же день его пребыванiя здѣсь поверхность земли покрылась травой, забили ключи изъ подъ земли, пѣнясь и выходя изъ береговъ своихъ, появились деревья и ивовыя рощи, въ ханствѣ прекратились болѣзни, и не слышно стало даже о насморкѣ...

Устроившись въ раскинутой ставкѣ, лама послалъ двухъ привратниковъ пригласить къ себѣ хана съ семьей и со всѣмъ его народомъ, включая женщинъ и дѣтей. Привратники ушли и доложили о томъ хану, на что онъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: «Всѣ мы, какъ и высшiе, такъ низшiе, сочтемъ долгомъ представиться ламѣ»; и приказалъ ударить въ большой и малый барабаны; а это означало всеобщiй призывъ подданныхъ къ ставкѣ хана. Въ ставкѣ ламы было поставлено лучшее и обильное угощенiе для всѣхъ, безъ различiя ранга, возраста и пола, и подданные хана пировали здѣсь трое сутокъ.

Во время пира лама выразилъ желанiе выдѣлить часть своего имущества сестрѣ и отдалъ ей полностью всѣ драгоценности, привезенныя караваномъ, все золото, серебро, кораллы, жемчугъ, бирюзу, лазурь, красную и желтую мѣдь и проч.

Когда пиршество было окончено, и ханъ со своими людьми вернулся въ ставку, лама задержалъ свою сестру, помолвленную уже съ ханскимъ сыномъ, и сказалъ ей нѣсколько словъ.

— «Ты вѣдь знаешь,—сказалъ лама,—что ты была единственной дочерью своихъ родителей, и что у тебя нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни другихъ родственниковъ? Но ты постоянно призывала меня въ своихъ молитвахъ, говоря: Что ты со мной сдѣлалъ, мой Банчинъ-Богдо, съ кумиромъ подареннымъ тобою?.. Тотъ, котораго ты призывала въ своихъ молитвахъ, это я, Банчинъ-Богдо; вотъ почему я и пришелъ сюда. Знай же, что Банчинъ-Богдо таковъ и есть по отношенію къ истинно вѣрующимъ въ него и пришелъ на зовъ твой, чтобы исполнить всѣ твои желанія и просьбы. Но послѣ этого тебѣ все же не слѣдуетъ думать и говорить другимъ, что у тебя есть старшій братъ, великій лама: ты оставайся прежнею, и тогда не увидишь на землѣ ни мукъ, ни тяжкихъ испытаній, лишь одно блаженство. Все это видимое тобою, матеріальное, на самомъ дѣлѣ не существуетъ»... И какъ только лама произнесъ это, всѣ юрты и палатки исчезли, не стало ни людей, ни скота, прибывшаго съ ними, и все опустѣло. Остались лишь гнилые, разодранные лоскутья ветхаго войлока и нѣсколько подгнившихъ палокъ юрты.

— «Этотъ сгнившій войлокъ и палки представляютъ не что иное, какъ остатки убогаго шалаша твоихъ родителей, которые давно уже умерли... Итакъ, ты не должна говорить никому о моемъ явленіи тебѣ въ образѣ твоего брата, можешь только сказать объ этомъ своему другу, человѣку, съ которымъ ты соединишь свою жизнь.» Шествуя рядомъ съ дѣвушкой, лама съ послѣдними словами вдругъ сталъ невидимъ...

Вскорѣ послѣ этого старый ханъ умеръ. Ему наслѣдовалъ его сынъ, который женился на спасенной имъ дѣвушкѣ, и она теперь стала великой ханшей, и послѣдующая ихъ жизнь потекла въ мирѣ и благоденствіи.

Университетъ въ Иркутскѣ.

(Историческая справка*).

На присяжномъ листѣ архива томскаго Алексѣевского монастыря за 1732 г. большая часть духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ и протоіерей соборной Троицкой церкви, не подписались собственноручно, отзываясь болѣзнию очей, а объ іеромонахѣ Алексѣевского монастыря и священникѣ томской городской

*) Настоящая статья представляет собою докладъ, прочитанный мною на общемъ собраніи членовъ Вост.-Сибир. Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 27 октября 1912 г.

Лѣтомъ 1912 года, какъ извѣстно, появилось газетно: сообщеніе, что главное управленіе землеустройства и земледѣлія рѣшило открыть въ будущемъ (1913) году въ Сибири высшій сельско-хозяйственный институтъ. И такъ какъ мѣсто для предполагаемаго высшаго учебнаго заведенія не было указано еще центральнымъ учрежденіемъ, объ открытіи же такого заведенія мечтаютъ давно многіе сибирскіе города, то и Иркутскъ, въ лицѣ своихъ общественныхъ и образовательныхъ учрежденій, принялъ живое участіе въ дебатированіи этого вопроса. Иркутскъ, какъ и всякій другой городъ, рѣшилъ, что всего полезнѣе открыть высшій разсадникъ просвѣщенія именно здѣсь; Распорядительный Комитетъ Отдѣла, кромѣ того, выдвинулъ другую сторону въ этомъ дѣлѣ, какого типа наиболѣе желательно здѣсь высшее учебное заведеніе. Выказавшись принципиально за открытіе университета, Комитетъ однако, не принимая окончательнаго рѣшенія этого вопроса, постановилъ передать его на разсмотрѣніе общаго собранія членовъ Отдѣла; для того же, чтобы послѣднее имѣло достаточный матеріаль для сужденія, мнѣ поручено было составить докладъ для собранія, заключающій, по возможности, полную историческую картину университетскаго вопроса въ Иркутскѣ. Принявъ лестное порученіе Комитета, я проштудировалъ весь, повидимому, печатный матеріаль, который можно было добыть въ городѣ. Въ результатѣ ознакомленія съ прессой минувшаго вѣка, можно было говорить только о желательности и справедливости открытія въ Иркутскѣ именно университета. Позднѣе, нашими современниками этотъ вопросъ, какъ извѣстно, рѣшенъ былъ нѣскольکو иначе.

Воскресенской церкви Большининѣ прямо уже сказано, что они писать не умѣютъ *).

Вотъ какими штрихами зарисовала исторія состояніе народнаго образованія въ Сибири во времена, наиболѣе удаленныя отъ насъ, и въ сферѣ, наиболѣе нуждавшейся въ этомъ образованіи.

Неудивительно, поэтому, что въ то время ближайшею заботою правительства по отношенію къ Сибири было распространеніе образованія вообще и высшаго—въ частности. И мысль объ открытіи въ Сибири университета, оказывается,—очень старая мысль, имѣющая болѣе чѣмъ столѣтній возрастъ. Она родилась въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и сразу же встрѣтила поддержку со стороны мѣстнаго общества и частной благотворительности.

Въ пунктѣ 14 „Предварит. правилъ народнаго просвѣщенія“, Высоч. утв. 24 января 1803 г., между городами, въ коихъ тогда предполагалось открыть университеты, указанъ и Тобольскъ, сибирскій городъ. Въ томъ же году извѣстнымъ жертвователемъ на пользу просвѣщенія д. с. с. Павломъ Демидовымъ былъ пожертвованъ на учрежденіе сибирскаго университета капиталъ въ 50.000 руб., который потомъ съ накопившимися процентами былъ переданъ въ пользу Тобольской гимназіи **).

Но потребовалось двадцать лѣтъ, чтобы эта идея докатилась, такъ сказать, до сознанія сибирскаго населенія, или, по крайней мѣрѣ, представителей его, которыми въ данномъ случаѣ явились генералъ-губернаторъ Запад. Сибири Концевичъ и попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій; они одновременно (въ 1823 г.) ходатайствуютъ объ открытіи въ Сибири университета. Первый ходатайствуетъ объ открытіи здѣсь университета, хотя бы только изъ двухъ факультетовъ—юридическаго и медицинскаго, чтобы имѣть на мѣстѣ образованныхъ чиновниковъ и врачей; во всеподданѣйшемъ рапортѣ 20 марта 1823 г. онъ указывалъ на недостатокъ нравственныхъ началъ въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ краѣ просвѣщенныхъ чиновниковъ и на невозможность сибирякамъ, по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ Европейской Россіи. Изъ

*) См. «Сибирскій Сборникъ». Кн. III, стр. 130.

***) См. Щегловъ И. В. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Стр. 353.

этого онъ выводилъ необходимость учредить въ Сибири университетъ и кромѣ того гимназію въ Томскѣ, при чемъ въ обоихъ заведеніяхъ воспитанники должны содержаться на казенный счетъ. Университетъ онъ предполагалъ учредить въ центрѣ края, въ южной его части. Сибирскій Комитетъ сочувственно принялъ мысль о сибирскомъ университетѣ *).

И нисколько не удивительно, что въ то глухое, сравнительно, время общія предположенія центральныхъ учреждений имперіи о необходимости для Сибири высшаго учебнаго заведенія нашли сочувствіе въ мѣстной администраціи.

Въ ту пору, дѣйствительно, можно было базироваться при ходатайствѣ объ устройствѣ университета на недостаткахъ нравственныхъ началъ въ населеніи. Мих. Мих. Сперанскій, изъ Вост. Сибири, почти одновременно съ ходатайствомъ Концевича, писалъ изъ Иркутска своей дочери: „Сибирь есть просто Сибирь, т. е. прекрасное мѣсто для ссыльныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія. Худое управленіе сдѣлало изъ Сибири сущій вертепъ разбойниковъ“ **). И, перелистывая страницы исторіи той эпохи, мы встрѣчаемъ потрясающія душу явленія общественной жизни.

Такъ, напр. въ 1814 г. крещеный якутъ Налтановъ, удавивъ своихъ двухъ дочерей, 12 и 8 лѣтъ, изрубилъ ихъ тѣла и варенія съѣлъ, при чемъ въ употребленіи человѣческаго мяса участвовала и крещеная якутка Сотникова съ дочерью... Въ дневникѣ Тюменцева, домашняго секретаря Трескина, а впослѣдствіи члена совѣта главнаго управленія, слѣдовательно, самой интеллигентной личности по положенію, подъ 1819 годомъ записано: „мая 21 докладывано губернатору, что лѣшій въ старомъ генераль-губернаторскомъ домѣ давилъ часового. Происшествіе случилось пополудни въ 6 часовъ. Солдатъ сказывалъ, что сначала приходили къ нему военный офицеръ, потомъ старикъ, который, попотчивавъ его табакомъ, просилъ сдѣлать на-карауль, что часовой исполнилъ, но старикъ не былъ этимъ доволенъ и ударилъ его по щекѣ. Затѣмъ полѣзли изъ-за старика маленькіе, безобразные чертенята. Они напали на бѣднаго старика и издавили его, и онъ къ вечеру отправленъ въ лазаретъ“. Преданіе гово-

*) Ibid., стр. 449—451.

**) Ядринцевъ Н. М. Сибирь, какъ колонія. Стр. 372.

рить, что въ намѣстническомъ домѣ давно показывались разныя привидѣнія: то старикъ съ тремя глазами, то волкъ съ пламенною пастью, то криворотый паперецъ и т. п. Въ полночь отворялись двери, подъ поломъ брэнчали кандалы, выходилъ Леццано и проч. Въ маѣ же часовой отъ казначейства видѣлъ въ старомъ намѣстническомъ домѣ носимую большую свѣчу съ огнемъ, а другой, стоявшій на противной сторонѣ, былъ осыпанъ камнями и видѣлъ человѣка въ бѣлой рубахѣ“ *). Велики были суевѣрія, и нравы были жестоки, а при отсутствіи образовательныхъ учрежденій даже гораздо позднѣе, во второй половинѣ XIX в., наблюдались явленія, мыслимыя лишь въ обстановкѣ каменнаго вѣка. Такъ въ 1861 г. въ Туруханскомъ краѣ принѣсена была человѣческая жертва однимъ русскимъ крестьяниномъ, который во время шаманства удостовѣрился, что для спасенія себя и своего семейства отъ существующей повальной болѣзни и самой смерти остается лишь одно средство—принести въ жертву одну изъ своихъ родственницъ. И, наконецъ, въ 1883 году здѣсь же былъ случай людоедства, офиціально засвидѣтельствованный въ „Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ **).

Возвращаясь къ прерванному повѣствованію о ходатайствѣ генераль-губернатора объ открытіи университета, я долженъ отмѣтить, что оно уважено не было. Но можно думать, что въ связи именно съ этимъ ходатайствомъ Высочайше утверждено было 27 августа 1825 г. положеніе Сибирскаго Комитета о высылкѣ на казенный счетъ ежегодно въ С.-Петербургское и Московское отдѣленія медико-хирургической академіи изъ существующихъ въ Сибири духовныхъ семинарій воспитанниковъ для опредѣленія ихъ, по окончаніи курса наукъ, на службу *въ одномъ (только) Сибирскомъ краѣ*. Въ этотъ же день учреждено и положеніе о пенсіяхъ медикамъ Восточной Сибири. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1836 г., было опредѣлено, что если мѣстные уроженцы не согласятся поступать въ университеты и академіи на этихъ основаніяхъ, то принимать уроженцевъ изъ другихъ губерній на тѣхъ же условіяхъ ***).

Конечно, новое мѣропріятіе не могло удовлетворить потребностей огромнаго края въ людяхъ, получившихъ высшее обра-

*) Ядринцевъ Н. М. *ibid.*, стр. 370.

***) Щегловъ, Стр. 602, 603.

***) Щегловъ. Стр. 461, 462.

зование. Это признано было и правительствомъ, которое прибѣгло къ новой мѣрѣ, которая, всетаки, не была принята сразу и полностью, несмотря на ея скромныя задачи и слишкомъ спеціальныя задачи характера предпріятія.

Въ 1828 г. повелѣно было учредить при гимназіяхъ по всѣмъ сибирскимъ губерніямъ ветеринарный классъ. Но окончательное вырѣшеніе этого вопроса послѣдовало уже въ 1830 г., по обсужденіи его въ Госуд. Совѣтѣ *).

Но неудачные и неосуществляемые притомъ проекты ничуть не смягчали остроты положенія дѣла въ Сибири, требовались практическія мѣропріятія. И вотъ въ 1835 г., 9 декабря, повелѣно, вслѣдствіе недостатка учителей въ Сибири, воспитывать на казенномъ коштѣ при тамошнихъ гимназіяхъ и Казанскомъ университетѣ определенное число молодыхъ людей, которые, по окончаніи образованія, обязывались служить въ качествѣ учителей въ сибирскихъ учебн. заведеніяхъ, при чемъ избирать таковыхъ дѣтей изъ сибирскихъ уроженцевъ (и даже преимущественно изъ отдаленныхъ городовъ),—такъ какъ, по мнѣнію министра народ. просв., согласно выраженному по этому предмету и сибирскими губернаторами, „для пользы“, ожидаемой правительствомъ отъ сибирскихъ училищъ, и для отвращенія существующаго нынѣ затрудненія въ замѣщеніи оныхъ учительскихъ мѣстъ, необходимо замѣщать тамъ таковыя мѣста чиновниками, не только хорошей нравственности съ достаточными свѣдѣніями, но людьми, родившимися въ Сибири, привыкшими къ тамошнему климату, не ожидающими съ нетерпѣніемъ окончанія положеннаго для казеннокоштныхъ воспитанниковъ срока, чтобы оставить столь отдаленный край и возвратиться въ Европейскую Россію, но любящими Сибирь, какъ свою родину, гдѣ они—въ кругу семейномъ и гдѣ служба для нихъ пріятна **).

Такимъ образомъ правительство поставило въ первую очередь образованіе кадра преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній Сибири, и только черезъ 14 лѣтъ приняты были мѣры къ осуществленію второй задачи, подготовки врачей, столь необходимыхъ для безпомощнаго въ медицинскомъ отношеніи края. Такъ въ запискѣ министра внутрен. дѣлъ, представленной при ходатайствѣ объ этомъ, между прочимъ, констатировано

*) Щегловъ. Стр. 489, 490.

**) Щегловъ. Стр. 512, 513.

слѣдующее: „Во всѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи, и преимущественно въ Сибири, недостатокъ во врачахъ гражданскаго вѣдомства ощущается на каждомъ шагу. Не говоря уже, что больные не только въ спорадическихъ болѣзняхъ и при случающихся нерѣдко эпидеміяхъ, но даже и въ содержимыхъ правительствомъ больницахъ остаются большею частію безъ должной врачебной помощи и должны довольствоваться пособіями мало-свѣдущихъ лекарскихъ учениковъ,—судебно медицинскія изслѣдованія отсрочиваются иногда на неопредѣленное время, черезъ это теряются горячіе слѣды преступленія, а вмѣстѣ и самая возможность обнаружить оное съ полною достовѣрностью; случается даже, что, за неимѣніемъ врача, изслѣдованія сего рода представляются лекарскимъ ученикамъ, или же вовсе не производятся. Главная причина недостатка во врачахъ, особенно въ Сибири, состоитъ, безъ сомнѣнія, въ отдаленности и чуждыхъ нашему быту особенностяхъ края, при сравнительно ограниченномъ содержаніи. При такихъ обстоятельствахъ большая часть вакансій по необходимости замѣщается молодыми неопытными врачами изъ казенныхъ воспитанниковъ, которые вслѣдъ за истеченіемъ срока ихъ обязанностей (sic!) службы, или даже до истеченія его, за разстройствомъ здоровья, выходятъ въ отставку или поступаютъ на службу въ другія вѣдомства, пользуясь большими преимуществами. Кромѣ того, *число врачей изъ казенныхъ воспитанниковъ, назначавшихся въ гражданское вѣдомство, никогда не соответствовало дѣйствительной потребности*, и въ послѣднее время уменьшалось съ каждымъ годомъ. Въ гражданское вѣдомство поступали преимущественно неспособные, по разстройству здоровья, къ военной службѣ молодые врачи, которые по той же причинѣ не могли быть употреблены и на службу въ отдаленныхъ мѣстахъ“ *). И въ 1849 г., въ соотвѣтствіи съ указанными представленіями, утверждено было положеніе комитета министровъ объ учрежденіи при Казанскомъ университетѣ 20 стипендій для образованія врачей гражданскаго вѣдомства въ Сибири, по преимуществу мѣстныхъ уроженцевъ, и 6 стипендій съ тою же цѣлью—собственно для горныхъ заводовъ въ Сибири,—съ обязаніемъ стипендіатовъ выслужить здѣсь не менѣе 10 лѣтъ.

---

*) Щегловъ. Стр. 551, 552.

Вопросъ такимъ образомъ, все нарасталъ, все болѣе привлекая вниманіе общества. Но при отсутствіи въ то время широкой гласности и представительныхъ учреждений выразителями общественныхъ настроеній могли быть только администраторы. Обращаясь къ исторіи Восточной Сибири того времени, мы видимъ только двухъ представителей интересовъ общества: графа М. М. Сперанскаго, который самъ называлъ себя „другомъ колодниковъ и черни“ и первые же шаги своего служенія въ Иркутскѣ ознаменовалъ открытіемъ ланкастерской школы; но онъ за двухлѣтнее пребываніе свое въ Сибири, при полномъ отсутствіи дѣльныхъ помощниковъ, или только понимающихъ его людей, конечно, не могъ дать осязательныхъ для общества результатовъ въ стремленіи къ просвѣщенію. Другой крупный дѣятель данной эпохи графъ Муравьевъ-Амурскій (съ 1846 г. по 1861 годъ) относился, въ общемъ, сочувственно къ дѣлу народнаго образованія и людямъ науки, но онъ все свое время и вниманіе отдалъ вопросу о присоединеніи Амура къ Россіи, и вопросы образованія для него не были вопросами первой важности. О немъ покойный М. В. Загоскинъ рассказывалъ слѣдующее: „Въ одномъ заграничномъ изданіи, съ датами мѣсяца и года и за № была напечатана отдѣльная бумага генераль-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго на возбужденный министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ вопросъ въ 1856 году о сибирскомъ университетѣ. Муравьевъ-Амурскій въ 50-хъ годахъ велъ упорную борьбу съ иркутскимъ купечествомъ, которое онъ всегда трактовалъ, какъ эксплуататоровъ и упрямыхъ кулаковъ. И вотъ онъ пишетъ въ бумагѣ министру, что при наклонности сибиряковъ къ кляузамъ, сутяжничеству и неповиновенію основаніе въ Сибири университета поведетъ только къ усиленію этихъ пороковъ въ сибирскомъ обществѣ и еще болѣе разведетъ въ странѣ ябеду и упрямство. Впослѣдствіи покойный Муравьевъ сталъ смотрѣть на вещи гораздо трезвѣе, а когда Иркутская городская дума въ 1878 году обратилась къ нему съ просьбой поддержать ходатайство объ университетѣ въ государственномъ совѣтѣ, Муравьевъ нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Франціи, чтобы участвовать въ засѣданіи совѣта^{*)}. Такъ было въ 80-хъ годахъ, но въ концѣ сороковыхъ годовъ графъ Муравьевъ-Амурскій писалъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ,

^{*)} «Вост. Обзорніе», № 29, 1888 г.

что ему не разъ случалось слышать въ Петербургѣ опасеніе, что Сибирь рано или поздно можетъ отложиться отъ Россіи,... здѣсь (въ Сибири) онъ убѣдился, что опасеніе это весьма естественно. Объясняя это обстоятельство властью золота и плутократіи въ Сибири, онъ далѣе говоритъ: „онъ (богатый классъ) ко всему равнодушенъ, кромѣ своихъ выгодъ, и, за немногими только исключеніями, нѣтъ почти и надежды возбудить въ нихъ тѣ высокія чувства, которыми гордится и славится всякій русскій“. Но представляя Государю эту картину,—пишетъ Б. В. Струве,—въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Сибири“,—Муравьевъ-Амурскій, понятно, самъ не допускалъ и мысли о возможности отложенія Сибири когда-либо отъ Россіи, но имѣлъ цѣлью, во-первыхъ, объяснить изъ какихъ соображеній и сопоставленій естественно могла возникнуть въ извѣстномъ кругѣ эта идея, а, во-вторыхъ, онъ имѣлъ, такъ сказать, осязательно изобразить необходимость безотлагательнаго занятія устьевъ Амура, въ подкрѣпленіе всѣхъ предпринимаемыхъ имъ для этого подготовительныхъ мѣръ“ *).

Конечно, ссылка на сепаратизмъ сибиряковъ была неосновательна, продиктована совершенно посторонними соображеніями, но являлась опасной для осуществленія давнишней мечты нашего Востока объ университетѣ. Неудивительно, поэтому, что краевая печать позже нашла необходимымъ высказаться по этому спорному вопросу. Такъ, напр., въ № 11 „Восточ. Обозрѣнія“ за 1886 г. мы встрѣчаемъ слѣдующія строки.

„Если говорить о сепаратизмѣ сибиряка, то необходимо будетъ признать, что чувство недовольства, разлада, тайной вражды живетъ и плодится только тамъ, гдѣ населеніе обездолено, обижено, неполноправно и исключено изъ общихъ благъ, доступныхъ другимъ, но нигдѣ и никогда населеніе не будетъ выражать отчужденія и ненависти за блага милости и гражданскія права... Намъ кажется, что университетъ можетъ сдѣлать даже гораздо болѣе къ объединенію окраинъ, чѣмъ желѣзная дорога, создающая обмѣнъ матеріальный, тогда какъ при помощи образовательныхъ учрежденій является обмѣнъ нравственный и духовный. Въ университетѣ на окраинѣ будетъ преподаваться та же русская государственная наука; онъ самъ собою является разсадникомъ и проводникомъ русской гражданственности, куль-

*) Барсуковъ И. Графъ Муравьевъ-Амурскій. Кн. I я, стр. 205—207.

туры, русской славы въ Азіи,—умѣстно ли приписывать ему другое назначеніе“?

Извиняясь за невольное отступленіе отъ нити историческаго очерка, я возвращаюсь вновь къ концу 50-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Нужда въ образованныхъ людяхъ нарастала, и въ 1858 г. количество стипендіатовъ въ университетѣ было увеличено до 28 человѣкъ. Повелѣніе объ этомъ увеличеніи состоялось вслѣдствіе того, что Сибирскій Комитетъ обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: „правительство давно уже постановило содержать въ этомъ университетѣ 28 казенныхъ стипендіатовъ изъ воспитанниковъ сибирскихъ гимназій, но, между тѣмъ, не взирая на много лицъ, ежегодно желающихъ поступить въ это число, дѣйствительно содержится только 14 стипендіатовъ, почему Комитетъ нашелъ существенно необходимымъ содержать все то число казенныхъ стипендіатовъ, которое опредѣлено по закону“ *)

Но открывая стипендіи въ университетахъ для сибиряковъ, укомплектовывая эти стипендіи даже „россійскими“ абитуриентами, министерство народнаго просвѣщенія все-таки считало эту мѣру палліативомъ и признавало необходимость учрежденія сибирскаго университета.

Такъ 5 марта 1856 г. министръ народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ высказался такъ: „ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Высочайше благоугодно было признать полезнымъ учрежденіе университета въ Сибири. Эта благодѣтельная мѣра, если признана будетъ возможною, обѣщаетъ великія послѣдствія для края, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ только животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды. Министерство займется начертаніемъ плана сего высшаго учебнаго заведенія, которое, не теряя своего университетскаго характера, должно быть числомъ, составомъ и направленіемъ своихъ факультетовъ приспособлено къ потребностямъ страны“ (**). Это представленіе министра практическихъ результатовъ не имѣло, но все же попытки рѣшенія этого вопроса администраціей не увѣренныя, не доводимыя до конца, встрѣчали живой

*) Щегловъ. Стр. 588.

**) Щегловъ. Стр. 577.

откликъ среди сибирскаго населенія. Достаточно отмѣтить, что вокругъ вопроса о сибирскомъ университетѣ возникла цѣлая литература, былъ прочитанъ рядъ лекцій лучшими людьми того времени. Таковы были лекціи покойнаго С. С. Шашкова въ Томскѣ и Красноярскѣ въ 1863—64 г. г., заслуживаетъ особаго упоминанія блестящая лекція Н. М. Ядринцева въ Омскѣ, съ призывомъ жертвовать на университетъ (напечатана въ „Омскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1864 г.). Что касается печати, то наиболѣе часто въ ней стали появляться статьи съ начала 70-хъ годовъ.

Въ 1873 г. „Казанская и Камско-Волжская Газета“ помѣстила рядъ статей: „Походъ науки на востокъ“. Въ „Mitteilungen“ Петермана была замѣтка о сибирскомъ университетѣ и пожертвованіи Демидова. Въ 1875 г. „Дѣло“ помѣщаетъ специальную статью „Потребность знанія на востокъ“. Съ 1875 г. по университетскому вопросу много пишетъ „Сибирь“. Въ 1879 году въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщена большая статья „Сибирскій университетъ“. Съ 1880 г. „Сибирская Газета“ въ теченіи 8 лѣтъ помѣщаетъ статьи объ университетѣ, наконецъ, много писало объ университетѣ и „Восточное Обозрѣніе“ *).

И горячее слово призыва къ открытію университета, къ пожертвованіямъ, встрѣтило радушный пріемъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ,—стали поступать пожертвованія, достигшія широкихъ размѣровъ въ особенности, конечно, къ моменту открытія университета. Интересна, между прочимъ, по неожиданнымъ послѣдствіямъ, судьба перваго крупнаго пожертвованія. Въ 1863 году покойный профессоръ Эйхвальдъ вошелъ въ переписку съ М. И. Сидоровымъ, который желалъ пожертвовать на учрежденіе въ Западной Сибири университета золотые пріиски и причитающіеся ему долги. Онъ предложилъ 20 площадей пріисковъ, а также 10.000 рублей въ годъ на разработку этихъ площадей, но пожертвованіе это, о которомъ говорилось уже въ печати, не достигло своего назначенія **). Обстоятельства сложились для жертвователя такъ неблагопріятно, что его, какъ сообщалось въ современной печати ***), за это пожертвованіе въ миллионъ рублей предали суду.

*) О библиографіи вопроса о Сибирскомъ университетѣ см. «Вост. Обозрѣніе» за 1888 г., № 29.

**) Ядринцевъ. Стр. 405. Щегловъ. Стр. 609.

***) См. передовую статью въ газ. «Сибирь» за 1877 г., № 27.

Болѣе жизненною мѣрою оказалось расширеніе возможности получать образованіе въ російскихъ университетахъ. Съ 1864 г. было дозволено сибирскимъ университетскимъ казеннымъ стипендіатамъ поступать сверхъ казанскаго и во всѣ другіе университеты, преимущественно же въ столичные *).

Прошло еще 16 лѣтъ, и 14 ноября 1872 г. учреждены при С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ 4 стипендіи, по 400 рублей въ годъ каждая, для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія Сибири, за счетъ суммы отпускаемой казанскому университету на содержаніе въ ономъ 8 сибирскихъ стипендій, по 200 рублей въ годъ каждая. Это было вызвано тѣмъ, что генераль-губернаторъ Западной Сибири сообщилъ министру народнаго просвѣщенія о крайне ощущаемомъ сибирскими гимназіями недостаткѣ въ учителяхъ, особенно по греческому, латинскому и русскому языкамъ, по коимъ въ сихъ гимназіяхъ *въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не было преподавателей*, и при этомъ упомянулъ, что— „молодые люди находящіеся въ казанскомъ университетѣ на учительскихъ сибирскихъ стипендіяхъ хотя первоначально и поступаютъ въ историко-филологическій факультетъ сего университета, но эти учительскія стипендіи въ теченіи курса переходятъ безъ вѣдома сибирскаго начальства въ другіе факультеты и, окончивъ курсъ, оказывались приготовленными ко всякаго рода службѣ, только не для педагогической“ **).

Если же теперь отъ общихъ мѣропріятій правительства перейти къ проявленіямъ частной, общественной инициативы въ рѣшеніи университетскаго вопроса, то, по отношенію къ Иркутску мы находимъ въ воспоминаніяхъ М. В. Загоскина слѣдующія строки.

„Въ нашей памяти сохранились слѣдующіе факты изъ времени 1856—1878 г. г. За время генераль-губернаторства покойнаго Корсакова, въ кружкѣ образовавшемся около Б. А. Милютина, не безъ вѣдома начальника края, разрабатывался вопросъ о сибирскомъ университетѣ. Въ этомъ кружкѣ, не имѣвшемъ официальнаго характера, вовсе не участвовало учебное вѣдомство. Это были большею частью члены предполагавшагося „юридическаго общества“, къ которому главы тогдашняго учебнаго вѣ-

*) Щегловъ. Стр. 613.

**) Ibid. Стр. 665.

домства (директоръ Бабановскій) относились, напротивъ, враждебно... Курьезно то, что большинство членовъ кружка остановилось при разсужденіяхъ о средствахъ для содержанія будущаго университета на 10⁰/о сборѣ съ ведра выкуриваемой въ Сибири водки и на извѣстномъ налогѣ на золотопромышленниковъ. Приближенные къ генераль-губернатору не хотѣли уступить кружку частныхъ лицъ чести разсуждать объ университетѣ,—и вотъ въ канцеляріи главнаго управленія составила своя компанія, которая послѣ долгихъ совѣщаній пришла къ заключенію, что Сибири нуженъ не университетъ, а лицей для приготовленія въ Сибири образованныхъ чиновниковъ^{*)}). Какъ видно отсюда, Иркутское высшее общество не достигло единенія въ такомъ важномъ дѣлѣ, и работа, быть можетъ, серьезная, отдѣльныхъ лицъ и группъ не дала осязательныхъ послѣдствій.

А время, между тѣмъ, шло, и въ результатѣ „сибиряки привыкли смотрѣть на свои гимназіи, какъ на ворота, черезъ которыя уплываютъ ихъ лучшія силы... Бывшій директоръ Томской гимназіи въ одномъ изъ своихъ годовыхъ отчетовъ министру народнаго просвѣщенія говоритъ, что за 30-лѣтнее существованіе гимназіи только трое изъ ея бывшихъ учениковъ, по возвращеніи изъ университетовъ посвятили Сибири свои труды^{**}).

Но вотъ въ 1874 году генераль-губернаторомъ Западной Сибири былъ назначенъ генераль-адъютантъ Кознаковъ. Н. М. Ядринцевъ говоритъ, что онъ сохранилъ прекрасную память объ этомъ человѣкѣ доброй души, человѣкѣ очень образованномъ, живого ума и желавшемъ обновить Сибирь. „Кабинетъ его былъ заваленъ книгами о Сибири. Дѣло о сибирскомъ университетѣ онъ взялъ изъ министерства къ себѣ для ознакомленія^{***}). А затѣмъ представилъ на ВЫСОЧАЙШЕЕ воззрѣніе слѣдующій докладъ: „Прошло болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества пріѣзжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни судьи, ни народное здравіе, ни учебное дѣло въ этомъ краѣ не обеспечены достаточнымъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу лицъ. Независимо отъ сего, Сибирь и внѣ

*) «Восточное Обозрѣніе» № 29, 1888.

***) «Сибирь», № 16, 1875 г.

***) «Вост. Обозр.», № 29, 1888 г., статья «Свѣтлыя минуты».

служебнаго поприща нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ ея производительныя средства, связанныя съ естественными богатствами, остаются мало изслѣдованными. Причина такого явленія очевидна: не имѣя университета, *Сибирь* изъ своихъ уроженцевъ *не могла воспитать ни одного* вполне образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвятило ей, какъ родному мѣсту, свои полезныя силы. Мало того, въ ней постоянно повторяется слѣдующее неутѣшительное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники гимназій, по поступленіи въ университетъ и по окончаніи въ ономъ курса наукъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь, и, будучи увлекаемы либо служебными выгодами, либо удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденныя въ ней среднеобразовательныя учебныя заведенія, вмѣсто обогащенія ея достаточно образованными людьми, служатъ, какъ бы средствами для отлива изъ нея съѣжихъ умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой, взамѣнъ ихъ нерѣдко являются на службу, не безъ значительныхъ для государства затратъ, искатели счастья, не успѣвшіе въ ней пристроиться по недостатку свѣдѣній, а иногда и сомнительной нравственности, и въ большинствѣ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію“. По этимъ соображеніямъ Кознаковъ и ходатайствовалъ объ открытіи въ Сибири университета съ четырьмя факультетами, съ нѣкоторымъ лишь сокращеніемъ числа кафедръ, въ сравненіи съ другими университетами, для уменьшенія расходовъ казны.

Вопросъ объ открытіи университета вставалъ предъ глазами правительства, какъ неотложный вопросъ, какъ вопросъ жизни и смерти для общаго образованія Сибири, которая силою обстоятельствъ втягивалась въ эпоху великихъ реформъ. И онѣ коснулись ея.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II благоугодно было въ 25 день апрѣля 1875 года повелѣть: „поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность Сибирскимъ уроженцамъ готовить изъ своей среды людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣст-

наго населенія, и, по ближайшему и всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть черезъ министерство народнаго просвѣщенія на ВЫСОЧАЙШЕЕ воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета“. Ровно почти черезъ годъ послѣ этого, 24 апрѣля 1876 года уже послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе на учрежденіе въ Омскѣ университета, съ наименованіемъ онаго Императорскимъ Сибирскимъ университетомъ и повелѣно внести представленіе въ Государственный Совѣтъ съ проектомъ штата этого университета.

Но здѣсь будетъ полезно еще разъ отмѣтить, что еще „въ 60-хъ годахъ Иркутскъ принялъ подъ свое покровительство и дѣятельно разрабатывалъ идею объ университетѣ. Въ Иркутскѣ объ этомъ шли учебные совѣты и были дѣлаемы неоднократно представленія. Въ это время вся Сибирь была убѣждена, что университетъ долженъ быть основанъ въ Иркутскѣ“ *).

Но когда правящія сферы склонились въ сторону Омска, то явилась возможность и другимъ городамъ возбудить соответствующія ходатайства. Общественные дѣятели этой эпохи вѣрно и высоко расцѣнивали значеніе университета въ жизни города. Объ этомъ писалъ М. В. Загоскинъ на страницахъ своей „Сибири“, писалъ **) о „могущественномъ нравственномъ значеніи, которое имѣетъ уже одно имя университета, одно присутствіе его въ извѣстномъ городѣ, значеніе вполнѣ независимой, самостоятельной корпораціи, стоящей выше провинціальныхъ дразгъ и интригъ и невольно внушающей къ себѣ уваженіе и научающей общество заслуживать и самому такое же уваженіе къ себѣ, къ своимъ человѣческимъ правамъ и достоинствамъ. Не даромъ у насъ названіе „университетскій городъ“ служитъ почетнымъ названіемъ“. Высокое культурное значеніе университета тѣмъ болѣе расцѣнивалось, что мракъ невѣжества былъ слишкомъ глубокъ; о немъ выразительно свидѣтельствуютъ слѣдующія строки А. П. Щапова,—по его словамъ, въ 70-хъ годахъ въ столицѣ Сибири, въ самомъ Иркутскѣ, „горничныя стыдились открыто нести по улицѣ книги и газеты, боясь осуда людскаго, и тщательно прикрывали ихъ, а домохозяева обнаруживали предубѣжденіе противъ квартирантовъ, у которыхъ было много книгъ“***).

*) Ядринцевъ. Стр. 405.

**) См. № 10, 1875.

***) «Сибирь» № 3, 1875 г.

Но вслѣдъ за Иркутскомъ начали ходатайствовать объ открытіи университета Омскъ, Томскъ и Барнаулъ. Барнаульцы, между прочимъ, мотивировали свое ходатайство тѣмъ, что у нихъ „въ городѣ имѣется библіотека въ 20.000 томовъ, музей, образованное общество инженеровъ и тѣмъ, что для учебныхъ экскурсій, геологическихъ, напр., Алтай очень близокъ, и что въ Барнаулѣ... до сихъ поръ не было никакого общеобразовательнаго учебнаго заведенія“ *).

Въ Томскѣ, въ частности, потребность въ университетѣ была сформулирована въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Потребность высшаго учебнаго заведенія обусловливается отдаленностью страны и затрудненіемъ для туземцевъ отправляться за 3—6 тысячъ верстъ для обученія въ русскихъ университетахъ.

2) Необходимость высшаго образованія для пріобрѣтенія техническихъ и естественно-историческихъ знаній, безъ которыхъ богатства страны оставались и остаются мертвымъ капиталомъ, а уровень матеріальнаго благосостоянія населенія былъ крайне низокъ.

3) Необходимость высшаго образованія вслѣдствіе недостатка медиковъ и учителей.

4) Въ видахъ доставленія лучшихъ силъ администраціи.

5) Въ видахъ учрежденія и поддержанія такихъ учебныхъ и общественныхъ учрежденій, которыя теперь падаютъ за недостаткомъ образованныхъ людей.

6) Въ видахъ вообще воспитанія общества, созданія въ немъ образованнаго класса и лучшихъ умственныхъ силъ, поднятія уровня нравственности и созданія гражданской честности.

7) Въ видахъ разработки науки на востокѣ и открытіи въ области знаній географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во вниманіе обширность непечатаго для науки азіатскаго материка.

8) Въ видахъ общечеловѣческихъ цѣлей цивилизаціи и распространенія ея въ Азіи.

9) Въ виду воспитанія инородцевъ и дипломатическихъ сношеній нашихъ съ сосѣдними странами Востока.

*) «Сибирь» № 10, 1876 г

10) Для усиленія и сохраненія русской національности въ виду новыхъ приобрѣтеній и присоединеній на Востокъ.

11) Въ виду ожидаемыхъ реформъ въ Сибири, которыя безъ этого являются невысказанными *).

Дѣло объ открытіи университета въ Сибири оставалось еще предметомъ обсужденія въ мѣстной и столичной прессѣ, при чемъ лучшей изъ тогдашнихъ журналовъ, „Отечественныя Записки“, — сказать кстати, — отнесся вообще неблагоклонно къ этой мысли. Наконецъ въ 1877 году ВЫСОЧАЙШЕ учреждена была подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича особая „Комиссія для изученія вопроса объ избраніи города для Сибирскаго университета“. Первое засѣданіе Комиссіи состоялось 22 ноября (всего было 7, послѣднее 19 декабря, труды Комиссіи изданы въ С.-П.-Б. въ 1878 году). Она пришла къ заключенію, что учреждаемый Сибирскій университетъ цѣлесообразнѣе и полезнѣе для края открыть въ городѣ Томскѣ **).

Въ Иркутскѣ же къ этому времени университетскій вопросъ изъ канцелярій и салоновъ былъ вынесенъ на обсужденіе широкихъ слоевъ населенія. Онъ уже дебатировался въ городской думѣ, которая послѣ продолжительнаго и тщательнаго обсужденія вопроса пришла къ великодушному отреченію отъ своихъ правъ на университетъ и ходатайствовала объ открытіи его въ Томскѣ. Въ историческомъ, съ тѣхъ поръ, полномъ собраніи она сдѣлала открытое заявленіе и представила министру народнаго просвѣщенія въ адресѣ своемъ слѣдующее: учрежденіе университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, признано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны... Университетъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, былъ завѣтнымъ желаніемъ Сибири, и городъ Иркутскъ можетъ съ увѣренностью сказать, что въ немъ и зародилась, и долгое время зрѣла мысль объ университетѣ. Но когда эта мысль вполне созрѣла и стала близка къ осуществленію, когда возникъ практическій вопросъ: гдѣ быть университету? городъ Иркутскъ, движимый чувствомъ справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступилъ свое право Томску ***). Къ мнѣнію думы присоединился и генераль-губернаторъ, который отправилъ въ Петербургъ со-

*) Ядринцевъ. Стр. 407.

**) См. «Труды Комиссіи и т. д.», стр. 157.

***) Ядринцевъ. Стр. 423.

отвѣтствующее представленіе. Послѣднее было доложено въ за-сѣданіи Комиссіи 24 ноября. Генераль-губернаторъ, между прочимъ, находилъ, согласно съ постановленіемъ Иркутской городской думы, что необходимо учредить въ Томскѣ университетъ. Если же почему-либо признано будетъ нужнымъ открыть университетъ въ другомъ пунктѣ, то таковымъ по всей справедливости слѣдуетъ избрать г. Иркутскъ, который по географическому положенію своему и будущему развитію Восточной Сибири будетъ имѣть въ этомъ случаѣ гораздо большее значеніе для Сибири, чѣмъ какой-либо другой пунктъ... ибо онъ будетъ совершенно доступенъ для юношества всей Восточной Сибири *).

Это ходатайство было послѣднимъ, за нимъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи въ Томскѣ университета.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ долгожданномъ сибиряками событіи я хочу, въ цѣляхъ полноты исторической перспективы, отмѣтить, хотя бы бѣглыми штрихами, и то отрицательное отношеніе къ мысли объ открытіи сибирскаго университета, о которомъ выше было упомянуто лишь вскользь. Такъ, по словамъ, Н. М. Ядринцева, „нѣкоторые находили, что университетъ для Сибири преждевремененъ... но въ этихъ мнѣніяхъ сквозила та грустная черта нашего характера, которая дѣлаетъ насъ непростительно невѣжественными въ разрѣшеніи нашихъ народныхъ и внутреннихъ вопросовъ. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать нашихъ окраинъ, и въ провинціяхъ, связанныхъ тѣсными узами съ остальною Россією, не хотѣли признать правъ на человѣческое развитіе и образованіе, доступное каждому человѣческому обществу“ **). Протестующіе противъ открытія университета голоса не умолкали вплоть до момента самаго открытія; по крайней мѣрѣ, профессору В. М. Флоринскому при закладкѣ университета пришлось говорить вещи, ставшія въ наше время трюизмами. Такъ, между прочимъ, онъ высказался, что „не время, не приростъ населенія даютъ народу умственный и культурный ростъ, а наука, разливающая животворные лучи свои во всѣ слои и сферы народной жизни. Неоживленное образованіемъ населеніе сотни лѣтъ можетъ оставаться на одномъ уровнѣ культуры, не совершенствуя своего духовнаго облика, не улучшая своего гражданскаго быта... Въ

*) «Труды Комиссіи и т. д.», стр. 11—12.

**) Ядринцевъ. Стр. 427.

наукѣ свѣтъ разума неразлученъ съ нравственной чистотой—съ смягченіемъ нравовъ и поднятіемъ народнаго благосостоянія. А кромѣ того,—говорилъ профессоръ,—подробное изученіе края немыслимо для путешественника, стѣсненнаго временемъ и средствами... Необходима постоянная ученая станція, снабженная *полнымъ числомъ* спеціалистовъ по всѣмъ наукамъ и всѣми средствами научнаго изслѣдованія“.

Раздавались голоса, протестовавшіе противъ созданія университета, раздавались въ то самое время какъ „Очерки санитарнаго состоянія Запад. Сибири“ указывали, что въ Тобольской губ. было шесть больницъ, въ Томской три, а въ областяхъ—*ни одной*. При населеніи въ 3.145.373 чел. въ Зап. Сибири на одно врачебное заведеніе пришлось бы около 200.000 чел. и на одну больничную кровать 8.000 чел., а въ 1886 году въ одной половинѣ Сибири пало до 500.000 головъ скота, убытокъ этотъ можно оцѣнить въ 10.000 000 руб. потери самага цѣннаго хозяйственнаго имущества*).

При желаніи можно бы нарисовать широкую картину полной безпомощности Сибири той эпохи по части образованія. Но рамки доклада не позволяютъ мнѣ углубляться въ детали, хотя литература того времени и предлагаетъ богатый и разнообразный матеріаль.

Нельзя не отмѣтить нѣкоторые аргументы противниковъ университета. Указывали, напримѣръ, что при незначительномъ количествѣ среднихъ учебныхъ заведеній Сибири, будетъ чувствоваться недостатокъ въ абитуриентахъ для высшей школы. По этому поводу извѣстный публицистъ 80-хъ годовъ А. И. Ефимовъ писалъ, что въ 1882—3 г. въ Корнелевскомъ университетѣ (Соед. Шт.) слушателей было лишь 400 чел.; за зимній семестръ 1884—5: въ Кильскомъ—445, Бернскомъ—426, Базельскомъ—345, Мюнстерскомъ—340, Ростокскомъ—250 слушателей. Конечно, и по бюджету, и по числу профессоровъ, и по научнымъ средствамъ университеты эти уступаютъ университетамъ первокласснымъ, но это не мѣшаетъ быть и тамъ весьма почтеннымъ научнымъ силамъ, а отсутствіе чрезмѣрнаго многолюдства даже благопріятствуетъ болѣе близкому вліянію профессоровъ на научныя занятія студентовъ“**). Затѣмъ указывалось,

*) См. «Вост. Обозр.» № 8 за 1887. г.

***) «Сибирскій Сборникъ», кн. III, стр. 149.

что лекціи Петербургскаго университета открылись при наличіи лишь 90 слушателей и 20 профессоровъ. М. В. Загоскинъ по поводу выше отмѣченнаго мною взгляда „Отеч. Записокъ“, что Сибирскій университетъ излишенъ, писалъ въ своей газетѣ такъ: „По нашему, сибирскому мнѣнію, для успѣшнаго развитія края и, въ частности, для успѣшнѣйшаго примѣненія къ Сибири новыхъ учрежденій, прежде всего и нуженъ университетъ... Говорятъ, для Сибирскаго университета не наберется достаточно студентовъ и не найдется профессоровъ? Но недостатокъ учащихся и преподавателей не остановилъ же Великаго Петра и его преемниковъ, не помѣшалъ основанію ни академіи, ни перваго университета; вѣдь гимназіи-то основались послѣ нихъ?

Забываете еще, что значитъ для юноши въ 16 или 17 лѣтъ удаленіе на долгіе годы отъ вліянія семьи“ *).

Рядомъ съ этимъ А. Щаповъ въ передовой статьѣ говоритъ: „По нашему глубокому убѣжденію въ Сибири необходимъ такой университетъ, который бы не только распространялъ въ ней непосредственно утилитарныя, практическія знанія—медицинскія и юридическія, но въ то же время усиленно содѣйствовалъ бы возможно наибольшей соціальной гуманизации разноплеменнаго сибирскаго населенія и возбуждалъ бы энергическое развитіе лучшей, высшей, гуманно-соціальной жизни въ неустановившейся еще органически, въ хаотически-разносоставномъ сибирскомъ обществѣ“ **).

Такова, въ общихъ контурахъ, картина мнѣній по поводу Сибирскаго университета ко времени его открытія.

16 мая 1878 г. повелѣно открыть ИМПЕРАТОРСКІЙ Сибирскій университетъ въ Томскѣ, съ четырьмя факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ ***).

И затѣмъ 14 мая 1880 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи строительнаго комитета для возведенія университетскихъ зданій въ Томскѣ. Въ іюнѣ этого же года комитетъ открылъ свои дѣйствія, а черезъ два мѣсяца, 26 августа, происходила торжественная закладка Сибирскаго университета. Торжество это было дѣйствительно „безпримѣрнымъ, чисто общественнымъ, народнымъ“... Частныя пожертвованія тогда до-

*) «Сибирь», № 10, 1875 г.

**) «Сибирь», № 3, 1875 г.

***) Щегловъ. Стр. 702.

стигали 354.000 руб., на учебныя пособія для него—100.000 руб., на стицендіи 31.000 руб., а всего 485 000 руб. и кромѣ того скопилось 35.000 томовъ пожертвованныхъ и купленныхъ книгъ. Крупнѣйшія пожертвованія на это дѣло составляютъ: Демидовскій капиталъ съ 0/00/0—150.000 руб., отъ З. М. Цибульскаго—140.000 руб., отъ А. М. Сибирякова—110.000 руб., отъ томскихъ жителей и общества—30.000 руб., Трапезникова—10.000 руб. и др. Томское городское общество, кромѣ отведеннаго имъ для постройки университетскихъ зданій самаго лучшаго въ городѣ мѣста, по близости двухъ больницъ, гдѣ студенты медицинскаго факультета могли бы имѣть практическія занятія, уступило еще, для устройства обсерваторіи и ботаническаго сада, въ полную собственность будущаго университета два участка земли, мѣрою въ $89.427\frac{2}{3}$ саж., сдѣнные въ 107.307 руб. Вообще Томскъ очень горячо отнесся къ этому дѣлу еще съ самаго начала возникновенія характерныхъ борьбы и соперничества между сибирскими городами изъ-за мѣста учрежденія университета, составляющихъ по истинѣ „яркій эпизодъ и живую страницу общественной сибирской жизни“; и тогда еще при всякомъ благопріятномъ извѣстіи объ университетѣ телеграфныя депеши въ Томскѣ печатались золотымъ шрифтомъ, выставлялись въ лавкахъ и расходились по рукамъ. Повидимому, дѣйствительно чувствовалось вѣяніе приближающейся новой эпохи въ исторіи Сибири,—какъ объ этомъ указывалось, между прочимъ, въ адресѣ министру народнаго просвѣщенія Иркутской думы: „учрежденіе университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, признано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны“ *).

Наконецъ послѣ долгихъ ожиданій, споровъ и опасеній университетъ былъ открытъ. Оставляя въ сторонѣ описаніе декоративной стороны этого событія, говоря по правдѣ, очень торжественнаго и трогательнаго, я нахожу необходимымъ, воспроизвести текстъ адреса, доставленнаго въ этотъ день Томскому университету Вост.-Сиб. Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

„Въ знаменательный день открытія Томскаго Университета, сего 22 іюля 1888 г., В.-С. Отдѣлъ И. Р. Г. О-ва, какъ старѣйшее ученое учрежденіе въ краѣ, имѣющее своей цѣлью изслѣ-

*) Щегловъ Стр. 714—716.

дованіе отдаленной Сибири, позволяет себѣ привѣтствовать университетъ и пожелать ему стать на высоту тѣхъ научныхъ задачъ, которыя намѣчены ему самой исторіей на русскомъ Востокѣ. Просвѣтительное и культурное значеніе новаго университета при дальнѣйшемъ его развитіи будетъ, безъ сомнѣнія, обширно, такъ какъ удовлетворитъ многимъ духовнымъ потребностямъ и подниметъ умственный уровень русскаго населенія на окраинѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что это событіе должно быть отмѣчено, какъ выдающееся явленіе въ исторіи края. Сдѣлавшись источникомъ общественнаго развитія, университетъ въ то же время долженъ оказать огромныя услуги отечественной наукѣ. Восточно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. О-ва въ теченіе своего почти 40-лѣтняго существованія болѣе другихъ сознавалъ бѣдность научныхъ средствъ и силъ при всей обширности научныхъ задачъ въ новомъ краѣ. Мы твердо уповаемъ, что университетская наука увеличитъ число ученыхъ дѣятелей и направитъ ихъ призванія. Естественныя произведенія и богатая природа края съ ея флорой и фауной пробудили любознательность русскаго ума съ первыхъ шаговъ открытія Сибири. Начиная съ прошлаго (18-го) столѣтія, знаменитые ученые и путешественники какъ русскіе, такъ и иностранные, въ лицѣ Мессершмита, Гмелина, Беринга, Георги, Крашенинникова, Лепехина и др. совершали экспедиціи въ пустыни Сибири и дѣлали здѣсь открытія; великіе авторитеты европейской науки, какъ Александръ Гумбольдъ, Ледебуръ, знаменитый Клапротъ посѣтили нашу окраину для изученія ея физической природы и обитающихъ въ ней племенъ. Можно себѣ представить, какое обширное поле изслѣдованій откроется для мѣстныхъ ученыхъ въ настоящую минуту, когда жизненныя условія измѣнились къ лучшему. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что открытіе университета, перваго на сѣверѣ Азіи, облегчитъ изученіе азіатскихъ странъ, которыя и теперь посѣщаются русскими путешественниками, пролагающими пути къ Тибету и Памиру. Азія, какъ колыбель древнѣйшихъ племенъ и религій, всегда возбуждала ученую любознательность. Въ настоящую минуту азіатскіе государства и народы начинаютъ выходить изъ своей вѣковой замкнутости и воспринимаютъ европейскую образованность, какъ показала уже Японія. Въ виду этого новому университету можетъ предстоять завидная доля сдѣлаться главнымъ обсерваціоннымъ пунктомъ, посредникомъ и проводникомъ европейской цивилизаціи въ Азіи;

вмѣстѣ съ тѣмъ сама отдаленная окраина примкнетъ къ цивилизованному міру. Сознвая эти великія историческія задачи, мы увѣрены, что новый университетъ пробудитъ духовныя силы, способности и геній русскаго народа, укрѣпившагося на окраинѣ. Пусть же этотъ университетъ, значеніе котораго будетъ расти по мѣрѣ смѣны поколѣній, осуществитъ свое великое призваніе, пусть въ мирѣ и тишинѣ развивается наука въ странѣ новой и дѣвственной, гдѣ много предстоитъ работы, и да хранитъ учащихъ и учащихся святое Провидѣніе на счастье родины. Да будетъ это учрежденіе красою, гордостью и славою великой русской земли“ *).

Университетъ въ Томскѣ открытъ и работаетъ уже 25 лѣтъ съ лишкомъ. И эти 25 лѣтъ его дѣятельности говорятъ, и очень убѣдительно, что *однимъ* университетомъ духовный голодъ Сибири не могъ быть удовлетворенъ.

Достаточно вспомнить, что Томскѣ владѣетъ Технологическимъ Институтомъ, положеніе о которомъ Высочайше утверждено 12 іюня 1900 года; что въ Томскѣ же 26 октября 1910 г. открыты Высшіе Женскіе Курсы. Наконецъ университетскій вопросъ, какъ фениксъ изъ пепла, родился вновь въ наши дни, когда, по инициативѣ правительства, начались совѣщанія о мѣстѣ высшаго сельско-хозяйственнаго училища для Сибири.

Распорядительный Комитетъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла, какъ научная корпорація, конечно, не могъ игнорировать вопросовъ этого порядка, и приглашая сегодня насъ, м. м. г. г., на общее собраніе, считаетъ излишнимъ и съ достоинствомъ ученаго общества несомвѣстимымъ дебатировать вопросъ—нужно ли вообще въ Иркутскѣ высшее учебное заведеніе, и я убѣжденъ, что каждый изъ насъ вопросъ этотъ признаетъ безспорнымъ, такъ какъ обстоятельства, вызвавшія возникновеніе Томскаго университета, остаются неизмѣнившимися для Восточной Сибири и до настоящаго времени.

По всеобщей переписи 1897 года и даннымъ относительно переселенцевъ общее количество населенія въ Сибири опредѣлялось въ 1900 г. въ 6 съ лишнимъ милліоновъ. Переселенческая волна въ послѣднее десятилѣтіе достигла необычайной высоты. Съ увеличеніемъ населенія неизбежно возрастаетъ и спросъ на всѣ культурныя учрежденія, какъ общеобразовательныя, такъ и

*) Напечатанъ въ № 29 «Восточ. Обозрѣнія» за 1888 г.

спеціальныя. За минуше столѣтіе число среднихъ учебныхъ заведеній въ Восточной Сибири болѣе чѣмъ удесятилось. По свѣдѣніямъ, любезно доставленнымъ Отдѣлу Главнымъ Инспекторомъ училищъ Восточной Сибири, оказывается, что въ настоящее время здѣсь насчитывается:

Мужскихъ гимназій правительственныхъ	4
» » частныхъ	3
Реальныхъ училищъ правительственныхъ	6
» » частныхъ	1
Женскихъ гимназій правительственныхъ	13
» » частныхъ	2
» прогимн. правительствен.	2
» » частныхъ	1
Промышленныхъ училищъ	1
Учительскихъ институтовъ	1
» семинарій	3
Ремесленныхъ училищъ	2
Итого	39

Учащихся состояло.	Къ 1-му января 1912 года.	Окончило курсъ въ 1911 году.
Въ мужскихъ гимназіяхъ	2237	100
» реальныхъ училищахъ	978	28
» промышленномъ училищѣ	337	6
» учительскомъ институтѣ	54	—
» учительскихъ семинаріяхъ	255	44
» ремесленныхъ училищахъ	369	11
» женскихъ гимназіяхъ	5687	338
» » прогимназіяхъ	395	23
Итого	10312	550

И если открытіе Томскаго университета считалось возможнымъ при наличіи 70 человѣкъ, оканчивающихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній всей Сибири, то 500 человѣкъ для открытія университета болѣе чѣмъ достаточно. Кромѣ того на одномъ изъ засѣданій Распорядительнаго Комитета была высказана

мысль, что съ уничтоженіемъ 0/0 нормы для евреевъ, количество учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сразу же увеличилось бы на 30—40⁰/0, т. е. минимумъ человекъ на 200, среди оканчивающихъ курсъ.

Огромная волна переселенцевъ, о которой я только что упоминалъ, потребовала со стороны государства огромныхъ затратъ, исчисляемыхъ нынѣ десятками милліоновъ рублей. Для упорядоченія колонизаціи вообще и по части землеустройства въ частности, потребовалось мобилизовать цѣлые кадры образованныхъ людей, и всетаки, не смотря на увеличенный окладъ жалованья, на преимущества по службѣ для прїѣзжающихъ въ Сибирь изъ Россіи чиновниковъ, многія мѣста пустуютъ, а занятія отданы часто не спеціалистамъ въ данной области, и людямъ съ среднимъ образованіемъ, тогда какъ здѣсь требуются люди съ высшимъ образованіемъ.

Доказывать ненормальность такого „порядка“, его неудобства для мѣстнаго населенія, я полагаю, излишне: такъ много объ этомъ говорилось въ прошломъ еще столѣтіи.

Обращаясь къ другому наболѣвшему вопросу современной жизни въ Сибири—къ вымиранію инородцевъ, мы должны отмѣтить напр. такіе факты. „Въ Туруханскомъ краѣ въ зиму 1907—1908 г., по официальнымъ свѣдѣніямъ, умерло отъ эпидеміи оспы не менѣе 500 человекъ, въ 1909 г. вымеръ береговой родъ юраковъ. Осенью 1910 года въ сѣверо-восточной половинѣ края умерло до 100 человекъ. Въ зиму 1911 г. вымирали приенисейскіе инородцы отъ голода. Въ настоящее время, на глазахъ, исчезаетъ турыжская орда тунгусовъ, въ которой насчитывается только 14.000 ясачныхъ душъ“ *).

Отсутствіе надлежащимъ образомъ поставленной ветеринарной помощи и доннынѣ влечетъ за собою многомилліонные убытки для всего сибирскаго населенія.

Наконецъ, какъ ни обезпечена Восточная Сибирь образованными людьми, какою дорогою цѣною ни оплачивается ихъ трудъ здѣсь, на мѣстахъ,—они, всетаки, временные у насъ гости, случайные посѣтители, которыхъ тянетъ обратно, на милую родину... И они, познакомясь съ оригинальною и капризною природою Сибири, уѣзжаютъ отсюда обратно, увозя съ собою свой опытъ и свои наблюденія, предоставляя новой генераци

*) См. журналъ «Сибирскіе Вопросы» за 1912 г., № 24, стр. 37.

пришлаго люда тяжелую и непроизводительную работу открыванія второй Америки.

Таковы общія соображенія Распорядительнаго Комитета относительно мѣстныхъ нуждъ въ образованіи. Переходя къ вопросу, какого же типа требуется въ Иркутскѣ высшее учебное заведеніе, Распорядительный Комитетъ большинствомъ голосовъ высказался за университетъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ, которыя, кстати сказать, изложены были въ печати еще въ 80-хъ годахъ *).

Говорятъ, Сибирь нуждается въ прикладныхъ знаніяхъ, въ техникахъ, необходимыхъ для разработки ея естественныхъ богатствъ, для развитія ея слабой промышленности, вслѣдствіе чего здѣсь была бы болѣе умѣстна какая-нибудь высшая техническая школа... Никто не станетъ отрицать ни необходимости прикладныхъ знаній для сибирскаго населенія, ни слабаго пока развитія обрабатывающей промышленности, но объяснять послѣднее это обстоятельство приходится не недостаткомъ въ Сибири техникувъ, которыхъ сколько-нибудь крупныя предпріятія всегда умѣли доставать, а другими, болѣе общими и медленно устранимыми причинами: географическимъ положеніемъ Сибири, затруднительностью и дороговизною ея внѣшнихъ и внутреннихъ сообщеній, наконецъ, незначительнымъ, въ сравненіи съ размѣрами территоріи, населеніемъ. Никакая высшая техническая школа не вызоветъ того, что сдѣлаютъ со временемъ развитіе желѣзнодорожныхъ и водныхъ сообщеній, постоянный притокъ земледѣльческаго и промышленнаго населенія и оживленіе торговыхъ сношеній Сибири съ остальнымъ міромъ. Немного можетъ сдѣлать высшая техническая школа и для распространенія прикладныхъ знаній въ массѣ населенія; этого можно ожидать скорѣе отъ низшихъ ремесленныхъ и техническихъ училищъ. Наконецъ, основаніе, вмѣсто университета, технической школы врядъ ли оказало бы существенную помощь сибирской промышленности, оно несомнѣнно ограничило бы значительно сферу той дѣятельности, какая могла бы предстоять высшей школѣ въ Сибири, какъ въ дѣлѣ научнаго образованія, такъ и въ дѣлѣ всесторонняго изслѣдованія края въ отношеніяхъ физическомъ, экономическомъ и культурномъ. По разнообразію составляющихъ его наукъ, университетъ болѣе всякой другой школы

*) См. «Вост. Обозр.» № 20, 1886 г.

съ спеціально-техническими задачами могъ бы, съ одной стороны, удовлетворять разнообразнымъ образовательнымъ потребностямъ сибирскаго юношества, а съ другой, вести постоянно и систематически вышеупомянутое изслѣдованіе, которое иначе осталось бы, какъ и прежде, на рукахъ болѣе или менѣе случайныхъ и рѣдкихъ ученыхъ экспедицій...

Университетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣстнымъ условіямъ, могъ бы, продолжая быть и оставаться университетомъ, стать и проводникомъ необходимыхъ прикладныхъ знаній, которыя могло бы почерпнуть въ немъ не только юношество среднихъ учебныхъ заведеній, но и всякій человѣкъ, желающій получить полезныя свѣдѣнія. Идеѣ университета подобное направленіе нисколько не противорѣчитъ, и сосѣдство въ одной и той же школѣ науки чистой и прикладной есть дѣло, вполне возможное. Въ примѣръ этого можно привести корнелевскій университетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которомъ, наряду съ науками политическими и юридическими, филологіей и математикой, преподается сельское хозяйство, горное и инженерное искусства и, вмѣстѣ съ обычными университетскими лабораторіями, существуетъ собственная ферма и механическія мастерскія. Со стороны нашего университетскаго устава этому тоже не встрѣчается препятствій по существу, такъ какъ въ списокъ наукъ, которыя могутъ преподаваться на физико-математическихъ факультетахъ, мы найдемъ и сельское хозяйство, и практическую механику, и технологію. Такимъ образомъ, при этомъ факультетѣ, въ видѣ его отдѣльныхъ спеціальностей, могли бы въ иркутскомъ университетѣ быть открыты или постепенно открываемы различные прикладные курсы. Прежде всего, сельское хозяйство, которое нуждается въ Сибири во многихъ улучшеніяхъ, признаваемыхъ уже и самимъ населеніемъ. Не встрѣтилъ бы, вѣроятно, препятствій со стороны правительства и отводъ участка земли для агрономическихъ опытовъ и образцоваго хозяйства, и даже устройство нѣсколькихъ подобныхъ станцій въ уѣздахъ Курганскомъ, Бійскомъ, Барнаульскомъ, Минусинскомъ и Балаганскомъ, находящихся подъ руководствомъ и наблюденіемъ сельско-хозяйственнаго отдѣла при университетѣ. Горная промышленность также могла бы готовить при университетѣ необходимыхъ для себя работниковъ: занимаясь зимой химіей, минералогіей и геологіей, учащіеся могли бы быть посылаемы лѣтомъ въ практическія экскурсіи. Технологія наиболѣе важныхъ въ сибирской про-

мышленности продуктовъ настолько тѣсно связана съ химіей, что введеніе нѣкоторыхъ ея отдѣловъ означало бы лишь расширеніе и безъ того нужныхъ химическихъ лабораторій. При включеніи подобныхъ задачъ въ кругъ университетской дѣятельности и при сравнительно небольшомъ числѣ слушателей, не было бы, полагаемъ, основаній преграждать доступъ на физико-математическій факультетъ ученикамъ сибирскихъ реальныхъ и коммерческихъ училищъ, на что сильно надѣялись въ Сибири въ эпоху основанія университета, точно такъ же, какъ слѣдовало бы поощрить и облегчить и доступъ вольнослушателей, особенно на упомянутые практическіе курсы, не исключая безусловно изъ ихъ числа людей и безъ установленнаго образовательнаго ценза. Можетъ быть, образовавшіеся при университетѣ техники не будутъ такими энциклопедистами въ своемъ дѣлѣ, какъ техники спеціальныхъ школъ, но они могутъ быть, во всякомъ случаѣ, дѣльными работниками, знающими состояніе и запросы промышленности края, способными работать въ тѣхъ рамкахъ, какія она представляетъ, и на дѣлѣ искать различныхъ въ ней улучшеній и усовершенствованій. Можно возразить на это, что подобная постановка дѣла потребуетъ сразу большихъ затратъ и хлопотъ въ безъ того уже сложномъ и большомъ дѣлѣ устройства университета по общему образцу. Но вѣдь и нѣтъ надобности устраивать все сразу и на широкую ногу: различныя спеціальности, о которыхъ было говорено выше, могли бы быть открываемы постепенно и вылиться въ законченную форму со временемъ, по мѣрѣ выясненія размѣровъ и свойствъ потребностей края и такъ, какъ позволяютъ средства. Нѣкоторые лишніе расходы при этомъ будутъ, во всякомъ случаѣ, расходами производительными. Важно только, чтобы съ самаго начала была признана возможность извѣстнаго приспособленія университета къ мѣстнымъ условіямъ, и чтобы новый университетъ съ первыхъ шаговъ запечатлѣлъ свою дѣятельность желаніемъ, наравнѣ съ различными научными изслѣдованіями и работами, помочь, насколько возможно, нуждамъ сибирской промышленности и народнаго хозяйства. Тогда можно будетъ надѣяться, что и частныя средства не откажутся придти на помощь университету для расширенія его лабораторій и мастерскихъ, какъ они уже

приняли и ранѣе крупное участіе въ самомъ дѣлѣ его основанія, и что въ такомъ университетѣ Сибирь получитъ одновременно и высшую научную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикладную школу, какими надолго можетъ удовлетвориться.

Ө. Ширяевъ.

Замѣченныя опечатки.

Страницы:	Строки:		Напечатано:	Слѣдуетъ:
	сверху	снизу		
48	9	—	волости числи-	волости въ 1768 г. числи-
199	—	7	Индинской	Идинской
202	11	—	Верхоленскаго. Распредѣленіе.	Верхоленскаго, распредѣленіе
202	6	—	сотники и пр., за	сотники и пр., ка- ковые
—	—	16	1692 г.	1892 г
210	5	—	Головинѣ	Головинѣ
220	5	—	паланцамо	посланцамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
А. П. Дѣтищевъ и П. И. Долгополовъ. †	1.
Ө. Боржимскій. Краткое историко-географическое и статистическое описаніе Хулунбуирской области	1
Н. А. Рожковъ. Къ исторіи народнаго хозяйства въ Сибири	39
И. А. Подгорбунскій, прот. Сказанія и пѣсни буряты	91
М. Богдановъ. Иностранческое земледѣліе на югѣ Енисейской губ.	109
Дм. Мерхалевъ. Рабочіе ленскихъ золотопромышленныхъ приисковъ	137
И. И. Серебренниковъ Первоначальное заселеніе Иркутской губерніи	197
Ө. Боржимскій. Бадарчинъ	225
Ө. Г. Ширяевъ. Университетъ въ Иркутскѣ	239